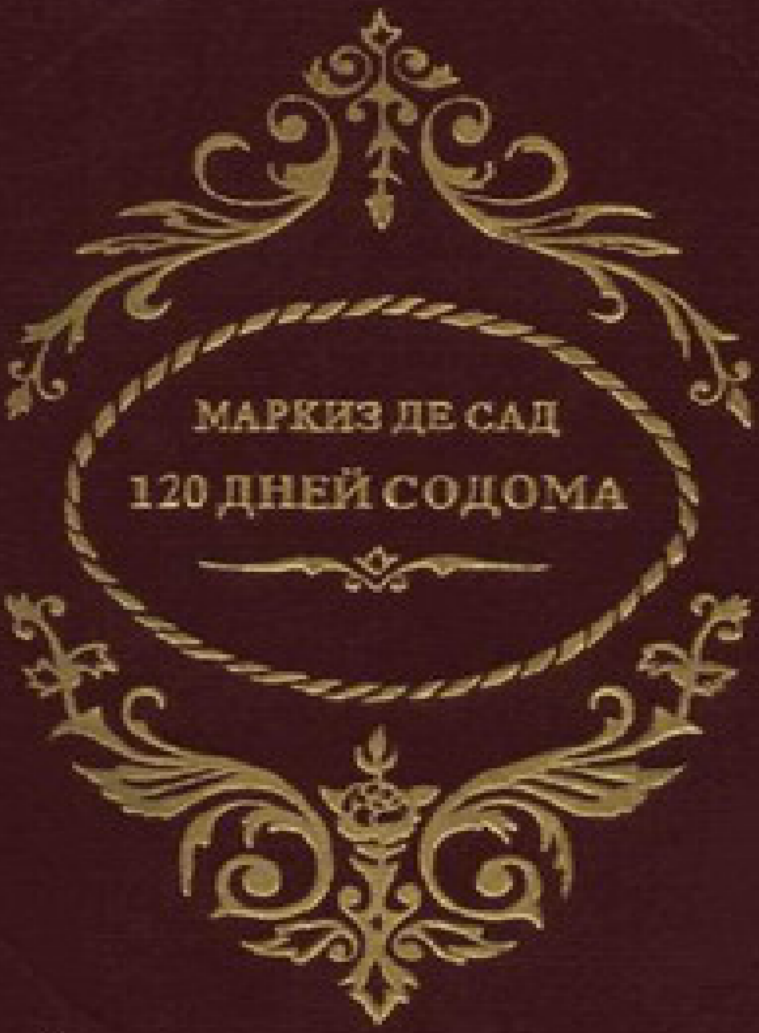
МАРКИЗ ДЕ САД
120 ДНЕЙ СОДОМА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Донатьен-Альфонс-Франсуа де Сад (маркиз де Сад) принадлежит к писателям, называемым «проклятыми». Трагичны и достойны самостоятельных романов судьбы его произведений. Судьба самого известного произведения писателя «Сто двадцать дней Содома» была неизвестной. Ныне роман стоит в таком хрестоматийном ряду, как «Сатирикон», «Золотой осел», «Декамерон», «Опасные связи», «Тропик Рака», «Крылья»… Лишь, в год двухсотлетнего юбилея маркиза де Сада его творчество было признано национальным достоянием Франции, а лучшие его романы вышли в самой престижной французской серии «Библиотека Плеяды». Перед Вами – текст первого издания романа маркиза де Сада на русском языке, опубликованного без купюр.

Перевод выполнен с издания: «Les cent vingt journees de Sodome». Oluvres ompletes du Marquis de Sade, tome premier. 1986, Paris. Pauvert.

- Маркиз де Сад
- Часть первая
- Часть вторая
- Часть третья
- Четвертая часть
- Вместо послесловия

Маркиз де Сад
120 дней Содома

Многочисленные войны, которые вел Людовик XIV в период своего царствования, опустошили казну Франции и высосали из народа последние соки. К казне, однако, сумели присосаться пиявки, всегда появляющиеся в моменты социальных бедствий, которые быстро открыли секрет обогащения за счет других. Особенно много сомнительных состояний, поражающих роскошью и отмеченных пороками, скрываемыми столь же тщательно, как и тайны обогащения хозяев, возникло в конце правления Людовика XIV, впрочем, на редкость помпезного, быть может, даже одной из вершин величия Франции.

Незадолго до этого Регент попытался с помощью знаменитого трибунала, известного под именем Палаты правосудия, задушить всех этих откупщиков, четверо из которых мнили себя единственной в своем роде элитой порока, о чем будет рассказано ниже.

Было бы ошибкой думать, что незаконным взиманием налогов занимались люди низшего звания. Отнюдь нет – к этому была причастна самая верхушка общества. Герцог Бланжи и его брат Епископ из…, оба баснословно разбогатевшие на налогах, являются неоспоримым доказательством того, что благородное происхождение подчас совсем не мешает обогащению подобными средствами. Оба этих знаменитых персонажа, тесно связанные деловыми отношениями и погоней за удовольствиями с неким Дюрсе и Председателем Кюрвалем, стали актерами одной пьесы с ужасными оргиями, занавес которой мы здесь и приоткроем.

В течение шести лет четыре распутника, объединенные богатством, знатностью и высоким положением в обществе, укрепляли свои связи браками, целью которых был прежде всего порок. Именно он был основой этих союзов. И вот как это происходило.

Герцог Бланжи, вдовец трех жен, от одной из которых у него осталось две дочери, узнав о том, что Председатель Кюрваль хочет жениться на старшей из них, несмотря на вольности, которые, как он знал, ее отец допускал по отношению к ней, Герцог, повторяю, сразу же согласился на этот тройной союз. «Вы хотите жениться на Юлии, – сказал он Кюрвалю. – Я вам отдаю ее без колебаний, но с одним условием: вы не будете ревновать ее, если она уже будучи вашей женой, будет поддерживать со мной те же отношения, что и до вашего брака. Кроме того, вы поможете

мне убедить нашего общего друга Дюрсе выдать за меня его дочь Констанс, к которой я питаю чувства, весьма похожие на те, которые вы испытываете к Юлии.

– Но, – заметил Кюрваль, – вы, конечно, не можете не знать, что Дюрсе не меньший распутник, чем вы…

– Я знаю все, что нужно знать, – отрезал Герцог. – Да разве в нашем возрасте и с нашими взглядами на вещи подобная деталь может меня остановить? Вы думаете, я ищу в жене только любовницу? Она нужна мне для удовлетворения моих капризов, моих тайных желаний и пороков, которые покров Гименея окутает самым надежным образом. Короче, я желаю ее, как вы желаете мою дочь. Вы думаете, я не знаю о ваших целях и желаниях? Мы, сластолюбцы, порабощаем женщину. Статус жены обязывает ее быть покорной нашим желаниям, а уж вам ли не знать, какую роль в наслаждении играет деспотизм!»

Между тем появился Дюрсе. Друзья поведали ему о содержании их беседы и были рады услышать, что и он питает нежные чувства к Аделаиде, дочери Председателя. Дюрсе согласился принять Герцога в качестве своего зятя при условии, что сам он станет зятем Кюрваля.

Три свадьбы последовали одна за другой – с огромными придаными и с одинаковыми условиями договора. Председатель признался в тайных отношениях с собственной дочерью, в результате чего все три отца, желая сохранить свои права и в целях еще большего их расширения, признали, что три молодые особы, связанные имуществом и именем со своими мужьями, принадлежат телом в одинаковой мере всем трем мужчинам, а если они этому воспрепятствуют, то будут наказаны самым жестоким образом в соответствии с договором, который подпишут.

Уже был составлен текст договора, когда появился Епископ из… хорошо знакомый с двумя друзьями своего брата по общему времяпровождению, который предложил добавить в договоре еще один пункт, поскольку он тоже хотел бы в нем принять участие. Речь зашла о второй дочери Герцога и племяннице Епископа из…. У которого была связь с ее матерью, причем оба брата знали, что именно Епископу из… обязана была своим появлением на свет юная Алина. С колыбели Епископ из… заботился об Алине и не мог упустить случая сорвать бутон как раз в тот момент, когда ему пришло время раскрыться. Как видим, предложение Епископа из… ни в чем не противоречило намерениям трех его собратьев. И ими тоже двигали корысть и похоть. Что же касается красоты и молодости особы, о которой зашла речь, то именно по этой причине никто не усомнился в выгодности предложения Епископа

из… Он, как и трое других, тоже пошел на определенные уступки, чтобы сохранить некоторые права; таким образом, каждый из четырех мужчин оказался мужем всех четырех женщин.

Итак, чтобы помочь читателю разобраться, посмотрим, какая сложилась картина: Герцог, отец Юлии, стал супругом Констанс, дочери Дюрсе; Дюрсе, отец Констанс, стал мужем Аделаиды, дочери Председателя; Председатель, отец Аделаиды, женился на Юлии, старшей дочери Герцога; и Епископ из…, дядя и отец Алины, стал супругом трех других женщин, уступив в свою очередь Алину своим друзьям, но сохранив на нее определенные права.

Счастливые свадьбы состоялись в Бурбоннэ, великолепном имении Герцога, и я оставлю читателям возможность вообразить себе все те оргии, которые происходили там. Необходимость описать другие не позволяет нам сосредоточить внимание на первых. После них союз наших друзей еще более укрепился. И так как в наши намерения входит описать всю эту разнузданную торговлю, мне кажется, важно упомянуть еще об одной детали в ожидании того момента, когда о каждом из участников будет рассказано подробно.

Общество создало общественную стипендию, которую в течение шести месяцев получал каждый из четырех. Фонды этой стипендии, которая служила лишь удовольствиям, были безграничны. Огромные суммы расходовались на самые сомнительные вещи, и читатель совсем не должен удивляться, когда ему скажут, что два миллиона франков в год было израсходовано только на удовольствия и услаждения похоти четырех развратников.

Четыре владелицы публичных домов и четыре сводника, вербующие мужчин, не знали иных забот в Париже и провинции кроме удовлетворения потребностей их плоти. В четырех загородных домах под Парижем регулярно организовывались четыре ужина в неделю.

На первых из них, целью которого были удовольствия в духе Содома, приглашались только мужчины. Туда постоянно приезжали шестнадцать молодых людей в возрасте от двадцати до тридцати лет для совокупления с нашими четырьмя героями, которые играли роли женщин. Молодых людей подбирали по размеру полового члена. Было необходимо, чтобы член достигал такого великолепия, что не мог войти ни в одну женщину. Это был важный пункт договора, и поскольку деньги текли рекой, и за ценой не стояли, условия редко не выполнялись. Чтобы испить все удовольствия разом, к шестнадцати молодым мужчинам добавлялось такое же число более молодых юношей, которые

выполняли роль женщин, в возрасте от двенадцати до восемнадцати лет.

Чтобы быть принятыми, они должны были обладать свежестью, грацией, красотой лица, невинностью и душевной чистотой – и всем этим в наивысшей степени. Ни одна женщина не допускалась на мужские оргии, где претворялось на практике все, что только Содом и Гоморра изобрели наиболее утонченного.

Второй ужин был посвящен девушкам из хороших семей, которые из-за больших денег вынуждены были согласиться выставить себя напоказ и позволять обращаться с собой самым недостойным образом, отдаваться причудливым капризам развратников и даже терпеть от них оскорбления. Девушек обычно приглашали по двенадцать, и так как Париж не всегда мог поставить нужное число благородных жертв, на вечера иногда приглашались дамы из другого сословия, жены прокуроров и офицеров. В Париже насчитывается от четырех до пяти тысяч женщин из этих двух сословий, которых нужда или страсть к роскоши заставляют предаваться подобным занятиям. Их только надо было найти; наши развратники в своем деле толк знали, и на этом пути их ожидали иногда настоящие открытия. Больше всего им нравилось подчинять своим капризам девушек из высшего общества; здесь разврат, незнающий границ, подогревался жестокостью и грязными ругательствами, хотя, казалось бы, благородное происхождение и условности света должны были избавить девушек от подобных испытаний. Но их туда привозили, и они обязаны были подчиняться и выполнять все самые гадкие и недостойные прихоти распутников; именно это согласие на любые капризы было главным условием договора.

Третий ужин был посвящен созданиям с самого дна общества, наиболее низким и непристойным, каких только можно встретить. Тем, кто знаком *с* прихотями разврата, эта утонченность покажется естественной. Порок обожает валяние в грязи, погружение в нечистоты с самыми грязными шлюхами. В этом находят полное падение, и эти удовольствия, сравнимые с теми, которые испытали накануне с самыми утонченными девушками из общества, придают особую остроту наслаждению и в том, и в другом случаях. Ничего не было забыто, чтобы сделать разврат всеобъемлющим и пикантным. В течение шести часов на вечере появлялось до ста проституток; не все они возвращались обратно. Но не будем спешить. Эта особая «утонченность» относится к деталям, о которых еще не настало время говорить.

Четвертый вечер касался девственниц. Их отбирали в возрасте от семи до пятнадцати лет. Условия были те же. Обязательным было очаровательное личико и гарантия

девственности. Она должна была быть подлинной. В этом заключалась невероятная утонченность разврата. Впрочем, они не стремились сорвать все цветы, да и как бы они это сделали, если девочек всегда было двадцать? Из четырех развратников только два участвовали в этом акте, один из двух оставшихся не испытывал никакой эрекции, а Епископу его сан не позволял обесчестить девственницу. Тем не менее число всегда оставалось двадцать, и те девочки, которых не смогли лишить невинности наши герои, становились добычей слуг, таких же развратных, как их господа.

Помимо этих четырех вечеров по пятницам устраивались тайные и обособленные встречи, менее многочисленные, чем четыре вышеописанных, хотя, может быть, еще более расточительные. На эти вечера приглашались только четыре молодые особы из состоятельных семей, вырванные у их родителем силой или с помощью денег. Жены наших развратников почти всегда разделяли их орган, и полное послушание, заботы, а главное, само их участие делало эти вечера еще более пикантными.

Что касается кухни на этих вечерах, то нет надобности говорить, что еда была самая изысканная. Ни одно блюдо на этих вечерах не стоило меньше десяти тысяч франков; привозилось все то, что Франция и заграница могли предложить наиболее редкого и экзотического. Вина и ликеры были в изобилии и большом разнообразии. Фрукты всех сезонов подавались даже зимой. Можно предположить, что стол первого монарха земли не обслуживался с такой роскошью и великолепием. Теперь вернемся к началу нашего повествования и постараемся со всей тщательностью нарисовать читателю портрет каждого из четырех героев, ничего не скрывая и не приукрашивая, с помощью кистей самой природы, которая несмотря на беспорядок, иногда отличается удивительной тонкостью, что часто работает против нее самой. Потому что, – осмелимся, между прочим, высказать одну рискованную мысль, – если преступление обладает утонченностью, присущей добродетели, то не выглядит ли оно порой даже высоким и, в какой-то степени, величественным, превосходя в привлекательности изнеженную и унылую добродетель?

Вы скажете, что в жизни для равновесия необходимо и то, и другое? И нам ли проникать в законы природы, нам ли решать, что более необходимо: порок или добродетель? Чтобы склониться в этом споре в ту или иную сторону, надо обладать особыми, высшими полномочиями, которыми она нас не наделила. Но продолжим наше повествование.

ГЕРЦОГ БЛАНЖИ уже в возрасте восемнадцати лет стал обладателем огромного состояния, которое он значительно округлил с помощью махинаций по незаконному взиманию налогов. Он рано испытал на себе отношение толпы, взирающей на очень богатого молодого человека, который ни в чем себе не отказывает. Почти всегда в таких случаях мерилом собственной силы становятся пороки; причем чем меньше себе отказываешь, тем легче привыкаешь желать всего. От природы Герцог получил примитивные качества, которые, быть может, как раз уравновешивали опасности его пути. Странная мать-природа иногда как будто бы договаривается с богатством: кому-то добавить пороков, а у кого-то их отнять – наверное, для равновесия, ей нужны и те, и другие. Итак, природа, повторяю я, сделав Бланжи обладателем огромного состояния, в то же время вложила в него все влечения и способности к порокам. Наделив его коварным и очень злым умом, она вложила в него душу негодяя, дала вульгарные вкусы и капризы, из чего и родилась свойственная ему склонность к ужасному разврату. Он рано стал лживым и жестоким, грубым эгоистом, жадным до удовольствий, обманщиком, гурманом, пьяницей, трусом, развратником, кровосмесителем, убийцей, вором, словом, средоточием всех пороков. Ни одна добродетель не была ему свойственна. Да что я говорю? Он был убежден и часто повторял, что мужчина, чтобы стать полностью счастливым, должен пройти через все возможные пороки и никогда не позволять себе никаких добродетелей. То есть вершить только зло и никому никогда не делать добра. «Есть немало людей, которые совершают зло только в порыве страсти, – говорил Герцог. – Справившись с заблуждением, их душа возвращается на путь добродетели. Вот так в ошибках и угрызениях совести проходит их жизнь, и в конце ее они уже не знают, какова же была их роль на земле.

– Эти люди, – продолжал Герцог, – должны быть несчастны: всегда колеблющиеся, всегда нерешительные, они проходят по жизни» ненавидя утром то, что было ими сделано накануне. Познавая удовольствия, они дрожат, позволяя их себе, и таким образом становятся порочными в добродетели и добродетельными в пороке. Мой характер другой. Я не испытываю подобных колебаний и не балансирую на острие в своем выборе. И так как я всегда уверен, что найду удовольствие в том, что делаю, раскаяние не ослабляет влечения. Твердый в своих принципах, которые сформировались у меня еще в молодые годы, я всегда поступаю в соответствии с ними. Они помогли мне понять пустоту и ничтожество добродетели. Я ее ненавижу и никогда к ней не вернусь. Я убедился, что порок – это

единственный способ заставить мужчину испытать сладострастие, эту головокружительную вибрацию, моральную и физическую, источник самых восхитительных вожделений. С детства я отказался от химер религии, убедившись, что существование Бога – это возмутительный абсурд, в который ныне не верят даже дети. И я не собираюсь сдерживать свои инстинкты, чтобы ему понравиться. Ими меня наделила природа, и если бы я им воспротивился, это вывело бы ее из себя. Если она дала мне плохие наклонности, значит, считала таковые необходимыми для меня. Я – лишь инструмент в ее руках, и она вертит мною, как хочет, и каждое из совершенных мною преступлений служит ей. Чем больше она мне их нашептывает, тем, значит, более они ей нужны. Я был бы глупцом, если бы сопротивлялся ей! Таким образом, против меня только законы, но их я не боюсь: мое золото в мой кредит ставят меня над этими вульгарными засовами, в которые стучатся плебеи.»

Если бы Герцогу сказали, что у людей тем не менее существуют идеи справедливости и несправедливости, являющиеся творением той же природы, поскольку их находят у всех народов и даже у тех, кто вообще не приобщен к цивилизации, он бы ответил, что эти идеи относительны, что сильнейший всегда находит справедливым то, что слабый считает несправедливым, и если бы их поменяли местами, то соответственно изменились бы и их мысли, из чего он делает вывод, что то, что доставляет удовольствие – справедливо, а что неприятности – несправедливо. Что в тот момент, когда он вытаскивает его луидоров из кармана прохожего, он совершает поступок, справедливый для себя, хотя обкраденный им человек должен на это смотреть по-другому. Что оценку этим мыслям может дать только третейский судья. С помощью подобной философии Герцог оправдывал все свои поступки, и его аргументы казались ему убедительными.

Моделируя таким образом свое поведение с помощью своей философии, Герцог с юности пустился в самые постыдные и поразительные авантюры. Его отец, рано умерший, оставил ему, как я уже говорил, огромное состояние, но поставил условие, чтобы при жизни его матери значительная часть состояния принадлежала ей. Это условие очень скоро перестало нравиться Бланжи; негодяй увидел свое спасение в яде, который решил использовать. Но так как тогда он только начинал путь порока, он не осмелился действовать сам и привлек к осуществлению замысла одну из своих сестер, с которой сожительствовал, пообещав ей за это часть полученного таким образом наследства. Девушка побоялась совершить преступление, и Герцог,

испугавшись, в свою очередь, ни минуты не поколебавшись, присоединил к избранной жертве и ту, что еще недавно была его сообщницей. Он отвез обеих в одно из своих загородных имений, откуда они уже не вернулись.

Ничто так не воодушевляет, как первое безнаказанное преступление. Отныне он отпустил все тормоза. Едва кто-нибудь оказывал ему малейшее сопротивление, как он тотчас же пускал в ход яд. От убийств по необходимости он вскоре перешел к убийствам из сладострастия. Он узнал состояние удовольствия от страданий другого. Постиг могучее потрясение и радость удовлетворенной похоти, когда нервы напряжены до предела, вызывая эрекцию, и, наконец, – освобождение, как обвал.

Как следствие этого он начал совершать кражи и убийства, исходя из философии и имея целью порок как таковой, в то время как любой другой человек в той же ситуации действовал бы во имя страсти, из-за любви к женщине. В двадцать три года вместе с тремя единомышленниками, которым он сумел внушить свою философию, он остановил на дороге общественную карету. Женщин и мужчин они изнасиловали и убили, забрав у жертв все деньги, в которых у них совсем не было нужды; в тот же вечер все четверо отправились на бал в Оперу, чтобы обеспечить себе алиби. Добавьте к этому убийство двух очаровательных девушек, которые были ими обесчещены на глазах их матери. Потом было бессчетное число других преступлений, но Герцога никто не мог даже заподозрить.

Охладев к прелестной супруге, которую ее отец вручил ему перед своей смертью, молодой Бланжи не замедлил отправить ее туда же, где уже пребывали его мать, сестра и все другие жертвы, и все это для того, чтобы жениться на другой девушке, достаточно богатой, но уже с испорченной в свете репутацией, про которую он знал, что она – любовница его брата. Это как раз и была мать Алины, одной из участниц нашего спектакля, о которой уже шла речь выше. Эта вторая супруга вскоре разделила участь первой, а наш герой женился на третьей, которой, впрочем, была уготована та же судьба. В свете говорили, что жены Герцога умирали из-за его могучего сложения и, так как он и вправду был гигантом, это помогало ему скрывать истину. Этот зловещий колосс, похоже, унаследовал что-то от Геракла или Кентавра: в нем было росту пять ступней и одиннадцать пальцев, его руки и ноги обладали невероятной силой и энергией, голос был подобен трубе, а нервы из железа… Добавьте к этому мужественное и надменное лицо с большими черными глазами и красивыми темными бровями, ослепительные зубы, общий вид, излучающий здоровье и свежесть, широкие плечи, превосходную фигуру с узкими

бедрами и стройными ногами, равных которым не было во всей Франции, железный темперамент, лошадиную силу, красивые ягодицы и мужской член как у мула, удивительно обросший волосами, обладающий способностью терять сперму столько раз в день, сколько он этого хотел, – даже в возрасте пятидесяти лет он обладал почти постоянной эрекцией. Величина его члена была восемь дюймов по окружности и двенадцать дюймов в длину. Таков был Герцог; вот перед вами его портрет, как если бы его сами нарисовали.

Но если этот шедевр природы был свиреп в своих обычных желаниях, вы можете вообразить, каким он становился, когда им овладевала похоть? Это был уже не человек, а бешеный зверь. Страсти извергали из его груди ужасные крики и богохульства, казалось, из глаз его вырывалось пламя, он хрипел, исходил слюной и ржал как лошадь. Это был демон порока. В состоянии высшего возбуждения в момент истечения спермы он душил женщин.

Вслед за совершенным преступлением приходило состояние полного равнодушия к жертве и к тому, что только что произошло, даже апатия; затем – новая вспышка сладострастия.

В пору своей молодости Герцог способен был извергать сперму по восемнадцать раз в день, не выдыхаясь и оставаясь в конце таким же полным сил и свежим, как в начале. Несмотря на то, что к началу нашего рассказа им уже было прожито полвека, он все еще был способен совершить за вечер по семь или восемь половых актов. В течение двадцати пяти лет он занимался, в основном, пассивной содомией, но если возникало желание, переходил к активной роли в мужском совокуплении. Однажды на пари он совершил пятьдесят пять таких «атак» за день. Обладая, как мы знаем, нечеловеческой силой, он одной рукой мог задушить девушку – и делал это не раз. В другой раз он на пари задушил лошадь, зажав ее голову между коленями.

Но его чревоугодие превосходило, если только это возможно, его альковные подвиги. Трудно было сосчитать то количество пищи, которое он заглатывал. Он садился за стол два раза в день регулярно и ел долго и обильно, обычной его нормой было десять бутылок бургундского. Он был способен на пари выпить и тридцать, а то и пятьдесят. Выпитое вино ударяло ему в голову, взгляд становился бешеным, его приходилось связывать.

И в то же время – кто бы мог подумать? – недаром говорят, что душа не всегда соответствует телу, – этого колосса мог привести в трепет отважный ребенок, не дрогнувший перед ним, а в тех случаях, когда его козни с адом и хитростями не получались, он бледнел и дрожал, поскольку сама мысль о

честной борьбе на равных способна была заставить его бежать на край света. Тем не менее, ему пришлось участвовать в одной или даже двух военных кампаниях, но он показал себя там абсолютно бесполезным и вынужден был оставить службу. Поддерживая свой престиж наглостью и хитростью, он оправдывал свою трусость свойственным ему чувством самосохранения, а уж не один здравомыслящий человек не сочтет это качество недостатком.

ЕПИСКОП из…, брат Герцога Бланжи, обладал такими же моральными качествами, что и его брат, но его физические данные не шли с ним ни в какое сравнение. Та же чернота души и предрасположенность к преступлению, то же презрение к религии и атеизм, то же коварство, но ум более гибкий и проворный, большее искусство в играх с жертвами; сложенья он был хрупкого и хилого, роста невысокого, здоровья слабого, нервы повышенной чувствительности; проявлял более высокую ступень изысканности в поисках удовольствий; способности имел посредственные; половой член обычный, даже маленький, но он пользовался им с большим искусством и при половом акте расходовал себя экономно, что при его богатом без конца воспламеняющемся воображении, делало его потенцию не менее высокой, чем у брата; впрочем, экзальтация и нервное возбуждение достигали у него такой силы, что он нередко терял сознание в момент извержения спермы.

Ему было сорок пять лет. Лицо с тонкими чертами, довольно красивые глаза, но отвратительный рот и зубы; тело белое, без растительности, зад маленький, но стройный; половой член пять дюймов в толщину и десять в длину. Обожая в равной степени активную и пассивную содомию, все же большее пристрастие имел к пассивной, и это удовольствие, которое не требует большого расхода сил, вполне соответствовало его физическим данным. Позже мы поговорим о других его пристрастиях.

Что касается еды, то здесь он не отставал от брата, но при этом проявлял больше тонкости. Ничуть не меньший негодяй, он обладал некоторыми чертами характера, которые, без сомнения, приравнивали его к известным поступкам только что описанного героя. Достаточно рассказать об одном из них, и читатель, познакомившись с тем, что следует ниже, сам будет судить, на что способен подобный человек.

Один из его друзей, очень богатый человек, имел связь с одной знатной девушкой, от которой имел двух детей, девочку и мальчика. Любовник девушки рано умер, оставив огромное состояние. Так как у него не было других наследников, он решил оставить все состояние своим внебрачным детям. На пороге смерти он поведал о своем проекте Епископу и, поручив ему

заниматься наследством и воспитанием детей, передал два одинаковых кошелька», которые он должен будет вручить детям, когда они достигнут возраста, предусмотренного законом. Переданные деньги он просил вложить в банк, чтобы за это время состояние детей удвоилось. Он также просил Епископа не сообщать их матери о том, что он сделал для детей и вообще никогда не упоминать при ней его имени. Приняв все эти предосторожности, монсиньор закрыл глаза, а Епископ оказался обладателем миллиона в банковских чеках и попечителем двух детей. Ни минуты не колеблясь, негодяй присвоил себе деньги детей: ведь умирающий никому кроме него не говорил о своих намерениях, их мать ничего не знала, а детям было четыре или пять лет. Он объявил, что его друг завещал свое состояние бедным, и немедленно все прикарманил себе. Но ему было мало разорить двух несчастных детей. Одно преступление вдохновило его на второе. Воспользовавшись пожеланием своего друга, он взял детей из пансиона, где они содержались, и перевез их в свои владения. Там, под присмотром его людей, дети содержались до тринадцати лет.

Мальчику тринадцать исполнилось первому. Епископ силой подчинил его своим порочным наклонностям; так как мальчик был очень красив, он наслаждался им восемь дней.

Девочка к указанному возрасту оказалась дурнушкой, но это не остановило Епископа. Удовлетворив свои желания, он рассудил, что, если он оставит детей в живых, может раскрыться правда об их наследстве. И он отправил их в имение своего брата, где жестокими половыми злоупотреблениями довел обоих до смерти. Это произошло в тайне от всех. А нет такого развратника, погрязшего в грехе, который не испытывал бы сладострастия, убивая жертву в момент извержения спермы.

Надеюсь, эта мысль послужит предостережением читателю, которому еще предстоит прочитать весь роман, где об этом будет рассказано подробно.

Итак, успокоившись по поводу изложенных событий, монсиньор возвратился в Париж без малейших угрызений совести, чтобы продолжать жизнь распутника.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КЮРВАЛЬ был старейшина общества. Ему было под шестьдесят. Пристрастие к пороку превратило его почти в полный скелет. Он был высок ростом, сухощав и тонок в кости. На лице выделялись впалые потухшие глаза, рот был зловещего синеватого цвета, нос длинный, подбородок выступал торчком. Покрытый шерстью как сатир, он имел плоскую спину и дряблые ягодицы, похожие на две грязные тряпки, которые болтались на бедрах; кожа на них была такой иссушенной и бесчувственной,

как будто бы его всю жизнь стегали кнутом. Посреди ягодиц зияла дыра огромного размера, цветом и запахом напоминающая стульчак в уборной. Чтобы завершить описание прелестей этого сластолюбца из Содома, скажем, что эта часть его тела всегда находилась в таком неопрятном виде, что по кромке были видны нечистоты толщиной в два дюйма. Под животом, тоже дряблом и мертвенно бледном, в зарослях волос висел инструмент любви, который в момент эрекции достигал восьми дюймов в длину и семи в толщину. Но это с ним случалось крайне редко, и требовался целый спектакль, чтобы привести его в состояние возбуждения. Тем не менее, раза два или три в неделю он еще мог. И Председатель без всякого разбора втыкал свой член во все отверстия, хотя задний проход юноши был для него всего предпочтительнее. Председатель сделал себе обрезание таким образом, что головка его члена никогда не была закрытой, – процедура, облегчающая и усиливающая восторги плоти (все специалисты по сладострастию должны взять это на вооружение).

Но и эту часть тела следовало бы содержать в большей чистоте, а у Кюрваля головка, как и заднее отверстие, была вымазана толстым слоем кала.

Столь же нечистоплотен Председатель был в своих вкусах. От него исходило зловоние, что не могло понравиться никому, но его приятели не придавали большого значения таким мелочам и об этом просто не говорили.

Нечасто встретишь такого ловкого и порочного человека как Председатель. К моменту нашего повествования он уже пресытился и отупел до такой степени, что ему для пробуждения сексуальности требовалось по три часа самых грязных и жестоких возбуждений. Что касается извержения спермы, то оно происходило у него чаше, чем эрекция и не больше одного раза за весь вечер, но было незначительно и совершалось после долгих спектаклей, настолько омерзительных, что сами участники отказывались их исполнять, что вызывало у Председателя истеричный гнев, который иногда приводил к желаемому результату лучше, чем все усилия. Кюрваль настолько увяз в трясине разврата, что уже не мог существовать ни в каком ином мире. С его уст без конца срывались самые скверные ругательства, которые он энергично перемешивал с бесчисленными проклятиями и богохульством. Этот беспорядок в мыслях, усиленный постоянным пьянством, превратил его с годами в человека опустившегося и полубезумного.

Рожденный гурманом в такой же степени, что и пьяницей, он был достойным сотрапезником Герцогу; мы еще увидим, на какие подвиги были способны эти обжоры.

В течение последних десяти лет Кюрваль не выполнял своих обязанностей Председателя суда не только потому, что был уже неспособен; я думаю, если бы он и мог еще что-то делать, то его бы упросили никогда больше не утруждать себя. Кюрваль вел жизнь распутника, любые извращения были ему по душе; те, кто его близко знал, подозревали, что в основе его огромного состояния лежат два или три отвратительных убийства. Как бы то ни было, судя по тому, что произойдет в дальнейшем, именно этот вид извращений в высшей степени его возбуждал; за это преступление, сведений о котором почти нет, он и был удален от Верховного Суда.

Теперь мы поведаем читателю об одной истории, которая даст ему представление о характере Кюрваля.

Рядом *с* домом председателя проживал бедный носильщик, отец прелестной девочки, который имел несчастье обладать возвышенными чувствами. Уже раз двадцать к нему и его жене приходили посыльные с предложениями за большие деньги уступить девочку, но родители упорно отказывались. Тогда Кюрваль, от которого исходили эти предложения и которого эти отказы только возбуждали, не зная как заполучить девочку в свою постель, решил попросту колесовать носильщика. План был хорошо продуман и точно выполнен. Два или три мошенника, нанятых Председателем, уже в конце месяца обвинили несчастного в преступлении, которого тот никогда не совершал, что вскоре привело его в парижскую тюрьму Консьержери. Председатель, как вы понимаете, сразу завладел этим делом и, так как он не был заинтересован в его долгом разбирательстве, то, благодаря подлогу и деньгам несчастный в три дня получил приговор: «колесование», хотя ни одного преступления он в своей жизни не совершил и только хотел уберечь честь дочери. Вскоре последовали ходатайства. Вызвали в суд мать девочки и так представили ей дело: мол, она – единственная, кто может спасти мужа, если согласится на предложение Председателя. Она посоветовалась – к кому она обратилась, вы догадываетесь, – и ответ ей был: медлить нельзя. Несчастная, плача, сама привела дочку к ногам судьи; он обещал все, но на самом деле не собирался держать свои обещания. Он не только опасался, что в случае освобождения муж узнает, какая цена заплачена за его жизнь, но тут был и особый садизм: получить обещанное, не выполнив обещания. Этому преступлению Кюрваль придал особую окраску порочности и жестокости, что в высшей степени возбуждало его сладострастие.

Его дом находился напротив того места в Париже, где совершались казни. Казнь несчастного должна была происходить

как раз там. В назначенное время к нему привели жену и дочь носильщика. Окна со стороны площади были занавешены, так что жертвы не знали, что там происходит. Негодяй, хорошо осведомленный о часе казни, выбрал этот момент, чтобы обесчестить дочь, причем он заставил мать держать девочку в объятиях и так все устроил, что выпустил сперму в задний проход дочери в тот момент, когда отца колесовали на площади. Как только дело было сделано, он закричал: «А теперь идите смотреть, как я сдержал свое обещание!» И открыл окно. Когда несчастные увидели своего мужа и отца истекающим кровью под ножом палача, обе потеряли сознание. Но Кюрваль все предвидел; обморок стал их агонией: обе были отравлены и никогда больше не открыли глаз.

Несмотря на предпринятые меры предосторожности, чтобы навсегда скрыть эту историю, кое-что все же просочилось наружу. О смерти женщин не узнал никто, но в деле мужа заподозрили служебную недобросовестность. Мотив преступления был наполовину известен, и результатом стала отставка Председателя.

С этого момента Кюрваль, которому не надо было больше соблюдать внешние приличия, пустился очертя голову во все пороки и преступления. Свои будущие жертвы он искал повсюду, убивая их в соответствии с извращенностью жестоких вкусов. Так, для удовлетворения своих желаний он использовал класс неимущих. Днем и ночью он отыскивал бедных женщин, ютящихся по чердакам и сараям, под предлогом помощи, заманивал их к себе, насиловал и отравлял собственноручно; это было его любимым развлечением. Мужчины, женщины, дети – ему было безразлично, кто это был, – лишь бы испытать сладострастие. За эти преступления он мог тысячи раз оказаться на эшафоте, если бы не его кредиты и золото, которое тысячи раз его спасало. Можно не сомневаться в том, что он, как его приятели, был далек от религии; более того, он ее страстно ненавидел, и в этом у него были особенные заслуги, поскольку в свое время им было написано несколько антирелигиозных произведений; они даже имели успех, о котором он без конца вспоминал, и который был еще одним излюбленным источником его наслаждения.

Итак, мы увеличили число любителей сладострастия еще на одного. А теперь прибавьте туда Дюрсе.

ДЮРСЕ было пятьдесят три года, он был мал ростом, толст и коренаст, лицо имел миловидное и свежее, кожу очень белую; все тело, особенно бедра и ягодицы, у него было как у женщины; задница свежая, крепкая и пухленькая, но с ярко выраженной

привычкой к содомии; его инструмент любви был удивительно маленьким, с трудом достигал двух дюймов в толщину и четырех в длину; извержения семени были у него редки, мучительны и малообильны, им предшествовали спазмы, которые приводили его в бешенство и толкали на преступления; грудь у него тоже походила на женскую, голос был нежный и приятный. В обществе он слыл порядочным человеком, хотя душа его была не менее черна, чем у его приятелей. Дюрсе был школьным товарищем Герцога, в юности они ежедневно вместе забавлялись, и одним из любимых занятий Дюрсе было щекотать свой задний проход огромным членом Герцога.

* * *

Таковы, читатель мой, все четыре развратника, вместе с которыми ты, с моей помощью, проведешь несколько месяцев. Я тебе их описал как мог, чтобы ты их немного узнал и тебя не удивило то, о чем ты дальше прочитаешь. Естественно, я опустил некоторые детали, так как, обнародовав их, нанес бы ущерб основному сюжету повествования. Но по мере того, как мой рассказ будет разворачиваться, ты будешь следить за ними со вниманием, разберешься в больших и малых грехах, узнаешь о могучем тяготении ваших героев к пороку. Что можно сказать о них вместе и о каждом в отдельности, так это то, что все четверо были удивительно восприимчивы к содомии и, регулярно ею занимаясь, получали от этого наивысшее удовольствие. Герцог, тем не менее, в силу своего могучего сложения, скорее из жестокости, чем из пристрастия, развлекался с женщинами и иным способом. Председатель иногда тоже, но редко; что же касается Епископа, то он этот способ просто ненавидел и, вообще, женщины как таковые его совершенно не интересовали. Лишь один раз в жизни он имел сношения со своей двоюродной сестрой, да и то ради рождения ребенка, который позже доставил ему удовольствие в кровосмесительной связи, – и в этом, как мы уже видели, он преуспел. Что касается Дюрсе, то он обожал утехи с задним проходом с такой же страстью, как Епископ, но пользовался этим более умеренно. Любимые его «атаки» были в третий храм. В дальнейшем мы приоткроем и эту тайну. Мы закончили портреты мужчин и теперь дадим читателям представление о супругах этих респектабельных мужей.

* * *

Какой контраст!

КОНСТАНС, жена Герцога и дочь Дюрсе, была высокой и стройной женщиной, словно созданной для кисти художника. Элегантность ее облика ничуть не умаляла ее свежести, формы ее были округлы и женственны, кожа белее лилии, и казалось, что сама Любовь создала ее с особым старанием, ее лицо было несколько продолговатым, черты лица удивительно благородны, все в ней дышало величием и достоинством, ее глаза были большими, черными и полными огня; рот маленький: в нем можно было увидеть великолепные зубы и маленький узкий язык алого цвета; дыхание было нежнее, чем запах розы. Груди ее были округлы, высоки, белоснежны и крепки, как алебастр; бедра изумительно изогнуты, а задняя часть создана природой с изяществом и артистизмом. Ягодицы были белые, крепкие и нежные, задний проход маленький, восхитительно чистый, милый и деликатный, он него исходил тонкий аромат розы. Какой очаровательный приют для самых нежных ласк! Но боже мой, как не долго он хранил эту привлекательность! Четыре или пять «атак» Герцога совершенно разрушили эту грацию, и Констанс после замужества уже напоминала прекрасную лилию, сорванную бурей со своего стебелька. Два бедра, округлых и великолепно отлитых, обрамляли другой храм, настолько привлекательный, что мое перо тщетно ищет слова, чтобы его воспеть. Констанс была почти девственницей, когда Герцог женился на ней; отец, как мы об этот говорили, был единственным мужчиной, которого она узнала до мужа. Прекрасные длинные волосы волнами падали ей на спину, струились по ее телу, закрывая ее всю, вплоть до влекущего женского органа, прикрытого сверху волосами того же цвета – еще одного украшения, завершающего этот ангельский облик.

Ей было двадцать два года, и она обладала всем очарованием, каким только природа могла наделить женщину. Ко всем достоинствам Констанс еще присоединяла высокий и приятный ум, что было просто удивительно в той ситуации, в которую бросила ее судьба, весь ужас она сознавала. Она, конечно, была бы счастливее если бы была менее тонкой и чувствительной. Дюрсе, воспитавший ее скорее как куртизанку, чем как свою дочь, и который отнюдь не стремился внушить ей моральные устои, все же не мог разрушить в ее душе приверженность к порядочности и добродетели. Она не получила религиозного образования; о религии с ней никогда не говорили,

но в ней подсознательно всегда жили чистота я скромность, которую невозможно вытравить из души честной и чувствительной. Она никогда не покидала дома отца, а тот уже в двенадцать лет заставил ее служить удовлетворению его порочных инстинктов. Но в том, как повел себя с ней Герцог, она обнаружила разительное отличие. Уже на другой день после первого общения с мужем через задний проход она тяжело заболела. Думали, что у нее совсем разорвалась прямая кишка. Молодость, здоровье и лечение тропическими средствами вернули ее к жизни, а герцог вскоре принуждением приучил несчастную Констанс к этой ежедневной пытке, впрочем, не единственной; она постепенно привыкла ко всему.

* * *

АДЕЛАИДА, жена Дюрсе и дочь Председателя, была красавицей, может быть, еще более совершенной, чем Констанс, но совсем в другом роде. Ей было двадцать лет. Маленького роста, хрупкая, нежная и деликатная, с великолепными золотистыми волосами, она тоже была создана для полотен художника. Лицо ее выражало живую заинтересованность и чувствительность, что делало ее похожей на героиню романа. У нее были огромные голубые глаза, излучающие нежность и кротость. Высокие тонкие брови, причудливо очерченные, окаймляли невысокий, но благородный лоб, казавшийся храмом целомудрия; нос с горбинкой, немного напоминающий орлиный, тонкие яркие губы, рот был немного великоват: это, пожалуй, единственный недостаток ее божественной внешности. Когда рот приоткрывался, можно было видеть тридцать две жемчужины зубов, которые природа, казалось, поместила среди роз. Шея у нее была удлиненной, что делало ее еще привлекательней; она имела привычку чуть наклонять голову к правому плечу, особенно когда слушала кого-нибудь. И сколько же грации было в этом заинтересованном внимании ее груди были маленькими и округлыми, очень крепкими и упругими, и умещались в одной ладони. Они были похожи на два яблочка, которые Амур, играя, принес из сада своей матери. Грудь была очень деликатной, живот гладкий, как атлас; маленький пригорок внизу живота вел в храм, которому почести, должно быть, оказала сама Венера. Этот храм был таким тесным, что туда и палец прошел бы с трудом, причинив боль; тем не менее, десять лет назад, благодаря

Председателю, бедняжка потеряла девственность, и в этом храме, и в том, к описанию которого мы приступаем. Сколько же привлекательности было в этом втором храме, какие красивые линии бедер и низа спины, какие восхитительные нежно розовые ягодицы! Все здесь было на редкость миниатюрно. Во всех своих очертаниях Аделаида была скорее эскизом, чем моделью красоты. Природа, столь величественно проявившаяся в Констанс, здесь лишь проступила нежными контурами ее задок, подобный бутону розы, свежий, розовый, казался нежнейшим созданием природы. Но какая деликатность и узость прохода! Председателю потребовалось немало усилий, чтобы войти в этот проход, и он повторил свои попытки два или три раза. Дюрсе, менее требовательный, надоедал ей гораздо чаще, и с тех пор, как она стала его женой, скольким жестоким и опасным для здоровья экзекуциям подвергался этот маленький проход! Впрочем, даже если Дюрсе ее щадил, она, предоставленная по договору в полное распоряжение всех четырех развратников, должна была подчиниться многим свирепым атакам.

По своему характеру Аделаида была очень романтична, что отразилось на ее внешности. Она любила находить для прогулок уединенные уголки и там в одиночестве проливать слезы, о которых никто не знал и которые разорвали бы сердце любого. Недавно она потеряла любимую подругу, и эта утрата являлась без конца ее воображению. Хорошо зная своего отца и его порочные наклонности, она была уверена по многим признакам, что ее подруга стала жертвой насилия Председателя.

Что касается религии, то здесь Председатель не принял мер по примеру Дюрсе в отношении Констанс, поскольку был совершенно уверен, что его речи и книги, которые он написал, навсегда отвратили дочь от религии. И ошибся: религия стала неотъемлемой частью души Аделаиды. Председатель мог сколько угодно поучать ее и заставлять читать его книги, – она оставалась набожной; все извращения, которые она всей душой ненавидела и жертвой которых была, не могли отвратить ее от религии, составляющей всю радость ее жизни. Она пряталась, чтобы молиться и совершать религиозные обряды, за что бывала сурово наказана как отцом, так и мужем, когда они ее заставали. Аделаида стоически переносила свои страдания, глубоко убежденная, что будет вознаграждена в ином мире. Ее характер был мягким и кротким, а благотворительность доводила ее отца до эксцессов. Презирая класс бедняков, Кюрваль стремился еще больше его унизить или искал в его среде бедняков жертв; его великодушная дочь, напротив, готова была все отдать беднякам, часто тайком отдавала им свои деньги, выданные ей на мелкие

расходы. Дюрсе и Председатель без конца бранили и отчитывали ее за это и, в конце концов, лишили абсолютно всех средств. Аделаида, не имея больше ничего, кроме слез, горько плакала по поводу совершаемых злодеяний, бессильная что-либо исправить, но по-прежнему милосердная и добродетельная.

Однажды она узнала, что одна женщина, оказавшись в стесненных материальных обстоятельствах, собирается за деньги принести свою дочь в жертву Председателю. Как только довольный Председатель начал готовиться к процедуре наслаждения, которую он любил больше всего, Аделаида продала одно из своих платьев и вырученные деньги отдала матери девочки, отговорив ее от преступления, которая та едва не совершила. Узнав об этом, Председатель (его дочь еще не была замужем) наказал ее столь жестоко, что она две недели пролежала в постели. Но даже подобные меры не могли остановить благородных порывов этой возвышенной души.

ЮЛИЯ, жена Председателя и старшая дочь Герцога, была далека от совершенства первых двух женщин, но именно ее недостатки пробудили страсть Кюрваля, хотя причины, вызывающие страсть, часто непостижимы.

Юлия была высокой и хорошо сложенной, хотя излишне полной и рыхлой, у нее были красивые каштановые волосы, тело белое и дородное; ягодицы могли бы служить моделью для скульптуры Праксителя; женский орган – теплый и узкий, обещающий самые приятные удовольствия, красивые ноги и прелестные лодыжки. Недостатком ее лица был рот некрасивой формы с плохими зубами, и вообще, она была порядочная грязнуля, причем это касалось и всего тела в целом, и двух храмов любви – здесь она была достойной партнершей Председателю; повторяю, вряд ли кто другой, несмотря на всю привлекательность Юлии, смог бы выдержать ее нечистоплотность. Но Кюрваль был от нее в восторге: все его тайные мечты воплощались в зловонном рте, он приходил в исступление, целуя ее; что же касается ее нечистоплотности, то он был далек от того, чтобы упрекать ее за это, даже наоборот, это его вполне устраивало. К этим недостаткам Юлии добавлялись и другие, но менее неприятные: она была невоздержана в еде, имела склонность к пьянству, добродетелью не отличалась, и я думаю, что порок совсем не отталкивал ее. Воспитанная Герцогом в забвении всех моралей и принципов, она легко усвоила его философию. Как нередко бывает в разврате, женщина, обладающая теми же недостатками, что и мужчина, нравится ему меньше, чем та, что исполнена добродетели. Одна ведет себя как он, другая в ужасе от его поступков, – и вот она

именно этим уже желанна и влечет его.

Герцог, имеющий, как мы помним, могучее сложение, с удовольствием пользовался своей дочерью, хотя ему пришлось дожидаться ее пятнадцатилетия, а потом (поскольку он хотел выдать ее замуж) принять меры к тому, чтобы не нанести ей слишком большой ущерб; так что, в конце концов, он был вынужден прекратить сношения с нею через задний проход и довольствоваться менее опасными удовольствиями, хотя и не менее утомительными для нее. Юлия мало выиграла, став женой Председателя, у которого, как мы помним, был огромный член, к тому же он был нечистоплотен, но и она сама была грязнулей, хотя эта грязь не шла ни в какое сравнение с той грязью порока, которой в высшей степени обладал ее драгоценный супруг.

АЛИНА, младшая сестра Юлии и незаконная дочь Епископа, не была похожа на свою сестру ни характером, ни привычками, ни недостатками. Она была самая молоденькая из четырех: ей едва исполнилось восемнадцать. У нее было пикантное личико, свежее и задорное, курносый носик, карие глаза, полные живости и огня, прелестный рот, стройная талия, хотя и чуть-чуть широковатая; она, вообще, была в теле, кожу имела несколько смуглую, но нежную и приятную, ягодицы весьма пышные и округлые: это место у нее было пределом мечтаний развратника, женский член красивый, покрытый темными волосами и расположенный несколько низко (в «английском духе»), но великолепно узкий; когда ее показывали ассамблее, она была девственницей и оставалась ею к моменту нашего рассказа, – мы увидим, как разрушительны были первые опыты. Что касается заднего прохода, то едва ей исполнилось восемь лет, Епископ начал им пользоваться ежедневно, но никакого вкуса к этим занятиям она не получила и, несмотря на свой шаловливый и возбуждающий мужчин вид, не испытывала ни малейшего удовольствия от тех *забав,* жертвой которых становилась ежедневно.

Епископ мало заботился о ее образовании. Она едва научилась читать и писать. О религии она вообще не имела никакого понятия и оставалась ребенком во всем: продолжала играть в куклы, забавно отвечала на вопросы, нежно любила свою сестру. Епископа она ненавидела, а Герцога боялась как огня. В день свадьбы, оказавшись голой среди четырех мужчин, она заплакала, но выполнила все, что от нее потребовали» – без всякого удовольствия.

Она была очень чистоплотной и трезвенницей. Ее единственным недостатком была лень. В ее поведении, облике, во всех ее поступках чувствовалась небрежность. Председателя она

ненавидела не меньше, чем своего дядю, и только Дюрсе был единственным к кому она не питала отвращения.

* * *

Таковы восемь главных персонажей, с которыми вы, дорогой читатель, отправитесь в путь по страницам нашего романа. Пришло время приоткрыть завесу и поведать вам о самых причудливых удовольствиях, которым будут предаваться его персонажи.

Среди истинных любителей секса существует мнение, что сведения, полученные из первых уст с помощью органов слуха, тоже высшей степени возбуждают и дают самые живые впечатления. Наши четыре развратника, пожелавшие вкусить порок во всей полноте и глубине, предавали слуховым ощущениям особое значение. Вот почему и зашла речь о том, чтобы освоить все способы сладострастия и все возможные его разновидности и оттенки, словом, о самом глубоком постижении самого языка порока. Трудно даже себе представить, до какой степени человек способен разнообразить порок, когда его воображение воспламеняется! И тот, кто смог зафиксировать во всех деталях и во всем разнообразии способы достижения сладострастных ощущений, создал бы одну из самых прекрасных и, может быть, самых захватывающих книг на планете. Потребовалось бы собрать воедино все эти сюжеты, проанализировать их, классифицировать и превратить в живой рассказ.

Такая попытка и была проделана. После бесчисленных консультаций и долгих поисков были, наконец, найдены четыре женщины, обладающие большим сексуальным опытом (этот опыт был Необходимым условием, при отборе кандидатур он играл важнейшую роль), чья жизнь прошла в самом разнузданном разврате, Чтобы можно было подвести некоторые итоги. Чтобы соответствовать требованиям отбора, они должны были, кроме всего прочего, Обладать красноречием и определенной гибкостью ума. Каждая из них должна была рассказать о самых причудливых проявлениях порока, какие они только встречали в своей жизни, причем в той последовательности, что первая из них поведает о ста пятидесяти самых простых и обычных удовольствиях, вторая опишет такое же количество страстей более изысканных, связанных с одним или несколькими мужчинами и несколькими

женщинами. Третья расскажет о ста пятидесяти самых криминальных случаях, участники которых преступили все законы общества, природы, запреты церкви. Все эти истории приведут к преступлениям, а совершаемые в пороке преступления необыкновенно варьируются; этих историй тоже будет сто пятьдесят. Четвертая присоединит к событиям своей жизни рассказ о ста пятидесяти различных пытках. В течение всего необходимого для рассказа времени наши герои, окруженные, как я уже выше говорил, своими женами и другими женщинами, будут слушать, воспламеняться и с помощью женщин или различных других объектов гасить пожар, который зажгут рассказчицы.

Может быть, самым порочным в этом проекте будет сам дух спектакля и манера, в которой все это будет происходить. Эта манера и сами рассказы будут формировать наше произведение, которое я заранее не советую читать набожным и слабонервным людям, чтобы не быть скандализированными, поскольку само собой очевидно, что наш план не слишком целомудрии.

Так как четыре актрисы, о которых идет речь играют в своих воспоминаниях очень важную роль, просим еще раз прощения читателя за то, что мы вынуждены и их обрисовать. Ведь они будут рассказывать и действовать в своих рассказах – так можно ли их не описать? Не ожидайте от нас портретов особенной красоты воспевающих их физические и моральные качества. В данном случае главную роль играют не привлекательность или возраст, а ум и опыт, и потому трудно было бы это сделать лучше, чем сделали мы.

МАДАМ ДЮКЛО – так звали ту, которая опишет нам сто пятьдесят простых страстей. Это была женщина сорока восьми лет, еще достаточно свежая, со следами былой красоты, с прекрасными глазами, белой кожей, красивым и пышным задом, свежим ртом прекрасной грудью и роскошными темными волосами, с полной, но высокой талией и цветущим видом. Как мы дальше увидим, она провела жизнь в местах, которые смогла хорошо изучить и которые описала с умом и непринужденностью, легко и заинтересованно.

МАДАМ ШАМВИЛЬ – была высокой женщиной пятидесяти лет, хорошо сложенной, худой, с порочным взглядом и порочным наклонностями. Верная приверженница Сафо, что угадывалось в каждом слове и движении, в любом ее жесте, она сама себя разрушила, предаваясь без удержу любовным ласкам с женщинами. Этой страсти она пожертвовала всем, что имела, и только в этой стихии ей было хорошо. Она долгое время была проституткой, потом стала содержательницей борделя,

принимала пожилых распутников, а молодых не принимала никогда. Дела ее поправились. Она была уже седеющей блондинкой. Глаза ее все еще были красивыми, синими и выразительными. Рот привлекательный и все еще свежий. Грудь слабо развита, живот хороший, пригорок внизу живота довольно высок, длина влагалища в момент возбуждения достигает три дюйма. Способна потерять сознание, когда ее там щекочут, особенно если это делает женщина. Зад дряблый и помятый, совершенно увядший, столь привыкший к сексуальным злоупотреблениям, что чувствительность его вообще притупилась.

Вещь редкая и тем более в Париже: она была девственницей, как всякая девушка, которая воспитывалась в монастыре. И может быть, если бы с ней не случилось всего того плохого, что ей пришлось пережить, и если бы ей не пришлось встречаться с людьми, желавшими только сексуальных извращений, эта странная девственница умерла бы вместе с ней.

ЛА МАРТЕН – толстая мамаша пятидесяти двух лет, свежая и здоровая, обладающая могучей задницей. Провела жизнь в занятиях содомией и так натренировалась, что и думать не хотела о других удовольствиях. На самом деле природа наградила ее дефектом, помешавшим ей познать обычные радости здорового женского органа. Зато через задний проход она принимала всех без разбора, самые чудовищные мужские орудия не могли ее испугать, она их даже предпочитала. Ее воспоминания о сексуальных сражениях под знаменами Содома будут для нас особенно ценными. Черты ее лица были не лишены приятности, но в них уже чувствовалась усталость, и если бы не дородность, она казалась бы увядшей.

ЛА ДЕГРАНЖ – для этой женщины порок и сладострастие сливались в одно. Она была высокая и худая, пятидесяти двух лет. Лицо ее было мертвенно бледным и истощенным, глаза погасшими, губы мертвыми. Она сама была похожа не преступление, кровавое и жестокое. Некогда она была брюнеткой, и даже хорошо сложена, но сейчас была похожа на скелет, вызывающий лишь отвращение. Зад ее был увядший и разорванный, дыра в нем была столь огромной, что им могли пользоваться любые, самые грубые пушки, что сделало его в конце концов совсем бесчувственным. Чтобы закончить портрет, скажем, что эта фея, пострадавшая во многих схватках, была без одной груди и трех пальцев, у нее также не было одного глаза и шести зубов; к тому же она хромала. Мы узнаем, может быть, почему она так пострадала. Ничто не могло ее исправить, и если тело ее было безобразным, то душа было средоточением пороков

и не слыханных мерзостей. Не было, наверное, такого преступления, которое она бы не совершила: она убивала и грабила, насильничала и отравляла, за ней были грехи отцеубийства и кровосмесительства. В настоящий момент она содержала публичный дом, была одной из поставщиц общества и к своему богатому опыту добавляла весьма своеобразный площадный жаргон. Она была приглашена на роль четвертой рассказчицы, той, в чьих рассказах было больше всего ужасов. Кто бы лучше ее, все переживший на собственном опыте, мог справиться с этой ролью?

* * *

Теперь, когда женщины найдены и соответствуют тем критериям, которые к ним предъявлялись, можно заняться «аксессуарами»

Прежде всего, наших героев надо было окружить самыми изысканными объектами сладострастия обоих полов. Местом действие был избран замок в Швейцарии, принадлежащий Дюрсе, куда он отправил маленькую Эльвиру; но так как замок не мог вместить слишком большое число участников, к тому же не хотелось привлекать внимание соседей, – ограничились тридцатью двумя артистами, включая и четырех рассказчиц. Сюда входили четверо наших героев из высшей знати, восемь девушек и восемь юношей, восемь мужланов, обладающих чудовищными орудиями для занятия содомией (назовем их «работягами»), и четыре служанки. На подбор участников понадобилось время. Целый год прошел в обсуждении деталей, было израсходовано много денег, искались возможности отобрать самых красивых и изысканных девушек Франции.

Шестнадцать ловких владелиц публичных домов, каждая с двумя помощницами, были отправлены в шестнадцать главных провинций Франции, в то время как семнадцать борделей было в одном только Париже. Ровно через десять месяцев все они должны были в указанное время приехать в поместье Герцога под Парижем и привезти с собой каждая по девять девушек. Вместе это должно было составить сто сорок четыре девушки, из которых надо было выбрать только восемь. Сводницам было рекомендовано при отборе обращать внимание только на возраст, девственность и красоту личика. Поимки надо было вести в домах знати или в монастырях высшего разряда, где воспитывались

девочки из благородных семей. Девушки из других слоев общества не принимались. За действиями сводниц следили агенты и обо всем докладывали в центр. Каждой отобранной девушке платили по тридцать тысяч франков. Операция стоила баснословно дорого. Возраст был определен от двенадцати до пятнадцати лет – от тех, кто ему не соответствовал, отказывались сразу.

В это же время и с теми же условиями и расходами отбирали мальчиков. Возраст был тот же: от двенадцати до пятнадцати лет. Семнадцать сводников бороздили Францию в поисках нужных объектов, их встреча была назначена через месяц посла сбора девушек. Для работяг «содомии» определяющим был размер пушки: он должен был иметь в длину от десяти до двенадцати дюймов, а толщину семь с половиной. Восемь «работяг» отбирались по всему королевству, и встреча с ними была намечена через месяц после отбора юношей.

Хотя история этих отборов и встреч – не тема нашего повествования, все же уместно сказать несколько слов по этому поводу, чтобы в полной мере оценить творческий гений четырех наших героев. Мне кажется, что все, что дает дополнительные штрихи к той удивительной истории, не может быть отброшено в сторону как незаслуживающее внимание.

Пришло время для встречи девушек на земле Герцога. Кто-то из сводниц не привез намеченных девяти, кого-то потеряли по дороге, кто-то заболел, так или иначе на место встречи приехали сто тридцать девушек. И каких восхитительных, бог мой! Наверное, никогда еще не собиралось вместе столько красавиц! Отбор занял тринадцать дней. Ежедневно экзамен проходило десять девушек. Четыре ценителя образовывали ассамблею. Девушка оказывалась « середине кружка из четырех человек – сначала одетая в то платье, в котором ее похитили. Сводница докладывала историю вопроса: если чего-то не хватало в табели о происхождении, или ее целомудрие было под вопросом, девушку немедленно отсылали обратно без сопровождающего и какой-либо помощи, а сводня лишалась своего гонорара. После характеристики, данной девушке сводницей, ее уводили, а у девушки спрашивали, правда ли то, что рассказала сводня. Если все было правдой, сводня возвращалась и поднимала девушке сзади подол платья, чтобы продемонстрировать ассамблее ее ягодицы. Это была первая часть тела, которую желали осмотреть. Малейший недостаток здесь заставлял сразу же ее отсылать. Если же, напротив, в этом храме очарования все было в порядке, девушку просили раздеться донага, и в таком виде она пять или шесть раз поворачивалась перед нашими развратниками. Ее

крутили и рассматривали, отодвигали и придвигали, проверяли состояние ее девственности, – и все это хладнокровно и строго, как на настоящем экзамене. После этого девочку уводили, а на билете с ее именем экзаменаторы помечали: «принята» или «отправлена обратно». Эти билеты помещали в ящик. Когда экзамен заканчивался, ящик открывали. Чтобы девочка была принята, необходимо было, чтобы на билете с ее именем оказались подписи всех четырех экзаменаторов. Если хотя бы одной не хватало, девушку не принимали и возвращали домой пешком, без помощи и сопровождения (за исключением последних двенадцати, с которыми четверо друзей позабавились после экзамена и которых затем уступили сводницам). После первого тура было исключено пятьдесят кандидатур, восемьдесят оставшихся начали осматривать более тщательно, малейший недостаток служил поводом для отказа. Одну очень красивую девушку отправили домой только потому, что верхний зуб у нее чуть-чуть выступал вперед. Еще двадцати отказали, так как они были не дворянского происхождения. После второго тура осталось пятьдесят девушек. На третьем экзамене, еще более тщательном, каждый из четырех был окружен группой из двенадцати-тринадцати девушек во главе со сводницей; группы переходили от одного ценителя к другому, которые старались держать себя в руках, подавляя возникшее возбуждение, так как желали казаться беспристрастными. В результате осталось двадцать, и все одна другой красивее, но надо было отобрать только восемь. Уже невозможно было отыскать изъяны у этих небесных созданий. И все-таки при равных шансах по красоте необходимо было найти у восьми девушек какое-то преимущество перед двенадцатью остальными. Это доверили Председателю как наиболее изобретательному. Он решил проверить, кто из девушек лучше всего создан для того занятия, которым он любил заниматься больше всего на свете. Четыре дня понадобилось для решения этого вопроса; в результате двенадцать были отсеяны, но не так, как предыдущие: с ними забавлялись восемь дней самыми разными способами. А потом их всех уступили сводням, что их скоро обогатило: не часто в их борделях встречаются проститутки столь изысканного происхождения. Что касается восьми отобранных девушек, то их отправили в монастырь, чтобы сохранить для будущих удовольствий, время для которых еще не пришло.

Я не решаюсь описать вам этих красавиц. Все они так хороши, что мое перо просто бессильно это сделать из боязни показаться монотонным. Довольствуюсь тем, что назову каждую из них. Перед таким скоплением очарования, грации и всех совершенств

я могу только заметить, что природа не могла бы создать лучших моделей.

Первую звали ОГЮСТИН: ей было пятнадцать лет, она была дочерью барона де Лангедока и была похищена из монастыря в Монпелье.

Вторую звали ФАННИ: она была дочерью советника в парламенте Бретани и была похищена из замка своего отца.

Третью звали ЗЕЛЬМИР: ей было пятнадцать лет и она была дочерью графа де Тревиля, который ее обожал. Он взял ее с собой на охоту в одной из своих земель в Босе. Ее похитили, выследив, когда она на несколько минут осталась в лесу одна. Она была единственной дочерью своего отца и в будущем году должна была выйти замуж за знатного синьора, имея приданое в 400 тысяч франков. Она больше всех рыдала от горя и ужаса, оплакивая свою судьбу.

Четвертую звали СОФИ: ей было четырнадцать лет, она была дочкой богатого дворянина, живущего в своем поместье в Берри. Её похитили, когда она гуляла со своей матерью, которая пыталась ее защитить и была сброшена в реку, утонув на глазах у дочери.

Пятую звали КОЛОМБ: она была из Парижа. Ей было тринадцать лет, она была схвачена по дороге с детского бала в монастырь, куда ее сопровождала гувернантка, которая была убита.

Шестую звали ЭБЕ: ей было двенадцать, она была дочерью капитана кавалерии, аристократа, живущего в Орлеане. Девочку соблазнили и она содержалась в монастыре, откуда ее похитили с помощью двух монашек, которым хорошо заплатили. Она была прехорошенькая, трудно было найти существо более очаровательное и соблазнительное.

Седьмую звали РОЗЕТТА: ей было тринадцать лет, она была дочерью генерала из Шалон-сюр-Сон. Ее отец только что умер, а ее увезли из деревни на глазах у ее матери.

Последнюю звали МИМИ или МИШЕТТА: ей было двенадцать лет, она была дочерью маркиза де Сенаж и была увезена из поместья своего отца в Бурбонэ, когда каталась в коляске, в которой ей разрешалось кататься только в сопровождении двух или трех женщин из замка; все они были убиты.

Как можно видеть, все похищения сопровождались преступлениями и большими затратами денег. У таких людей, как наши герои, сокровища обесценивались, что же касается преступлений, то в том веке, когда они жили, преступления совершались без конца, правда, и наказывались тоже, поскольку за преступлением следует наказание. Однако, большие деньги

помогают все устроить и уладить настолько удачно, что наши развратники ничуть не беспокоились по поводу последствий, которые могли бы иметь подобные похищения; возможный обыск даже не приходил им в голову.

Итак, наступил момент экзамена для юношей. Поскольку условия были нетрудные, их число было большим. Сводники набрали сто пятьдесят мальчиков, и я не преувеличу, если скажу, что по красоте лица и детской грации они не уступали высокому классу девочек. Им платили по тридцать тысяч франков каждому, как и девушкам, но сводники ничем не рисковали, так как эта дичь была деликатной и больше всего по вкусу нашим развратникам. Сводники знали, что здесь они не промахнутся в любом случае, поскольку те юноши, которые не пройдут по конкурсу, все равно будут использованы для утехи, за что и им будет заплачено.

Экзамен проходил как у девушек. Их осматривали по десять человек, очень тщательно, при этом экзаменаторы принимали меры, чтобы не «выстрелить» в экзаменующихся. Хотели даже совсем исключить Председателя, опасаясь испорченности его вкусов; говорили, что своей наклонностью к пороку он и так уже всех одурачил на экзамене девочек. Но он обещал держать себя в руках; если он сдержал слово, то это ему дорого стоило, поскольку, если уж твое воображение пристрастилось к подобным порочным привычкам, а природе было угодно, чтобы эти привычки давали тебе максимум сладострастия, так уж тут назад дороги нет. Порочные наклонности настолько подчинили себе все мысли и чувства Председателя, что он уже не разбирал, где добро, а где зло; белое казалось ему черным, а правое – неправым.

После первого экзамена было отобрано сто юношей. Их число потребовалось сократить в пять раз. Когда их осталось пятьдесят, понадобились дополнительные критерии, помимо их красоты и физического совершенства. Решили нарядить их в женские одежды: двадцать пять из них при этой уловке отсеялись тут же, поскольку одежда скрыла вожделенный аппарат любви и все ослепление пресытившихся экзаменаторов сразу прошло. Но как трудно оказалось отобрать восемь из двадцати пяти оставшихся! Все средства были перепробованы, в том числе и те, что применялись при экзамене девочек, но все двадцать пять оставались «избранными». Тогда решили бросать жребий. Вот эти восемь юношей и краткие сведения о каждом из них. Что касается их портретов, то я бессилен описать этих божественных ангелов – все мои слова здесь недостаточны.

ЗЕЛАМИРУ было тринадцать лет, он был единственным

сыном дворянина из Пуату, который прекрасно воспитывал его в своем поместье. Его послали к родственнице в Пуатье в сопровождении слуги. Слугу убили, а мальчика похитили.

КУПИДОНУ тоже было тринадцать. Сын дворянина, жившего в окрестностях города Ля Флеш, он учился в колледже в этом городе. Мальчика выследили и похитили во время воскресной прогулки школьников. Это был самый красивый ученик в колледже.

НАРЦИССУ было двенадцать лет. Он был сыном Кавалера Мальты. Его похитили в Руане, где его отец получил почетную должность, соответствующую его высокому положению. Сын его должен был учиться в престижном лицее «Луи-Ле-Гран» в Париже. Его схватили по дороге.

ЗЕФИР, самый прелестный из восьми, был из Парижа. Его необыкновенная красота упростила выбор. Он учился в престижном пансионе. Его отец был генералом и делал все возможное, чтобы отыскать сына, но безуспешно. С помощью денег подкупили директора пансиона, но дали меньше, чем обещали, и он обиделся m Герцога. Герцог же сказал, что если за то, чтобы всадить в зад рому мальчишке потребуется даже миллион, он готов его заплатить немедленно. О, бедный и деликатный мальчик! Какая ужасная судьба была тебе уготована!

СЕЛАДОН был сыном судьи из Нанси. Он был похищен в Люневиле, куда приехал в гости к своей тете. Ему только что исполнилось четырнадцать. Он был единственный в группе, кого завлекла, девушка его возраста. Маленькая плутовка прикинулась влюбленной и заманила его в ловушку.

АДОНИСУ было пятнадцать. Он был похищен из колледжа в Плесси. Его отец был председателем Большой Палаты. Кюрваль увидел его в доме его отца и два года сходил по нему с ума. Он лично выделил средства и дал необходимые указания как захватить мальчика. Его приятели были даже удивлены таким достойным выбором со стороны недостойного Кюрваля; тот, в свою очередь, был горд, доказав им, что способен проявить хороший вкус. Мальчик узнал его и заплакал, но Председатель успокоил его, сообщив, что лично лишит его невинности. Это трогательное сообщение он сопроводил похлопыванием своего огромного орудия по ягодицам мальчика. Председатель выпросил его у ассамблеи для себя и без труда получил согласие.

ГИАЦИНТУ было четырнадцать лет. Он был сыном офицера, который служил в маленьком городке в Шампани. Его похитили во время охоты, которую он обожал. Отец имел неосторожность разрешить ему поехать в лес одному.

ЖИТОНУ было тринадцать лет. Его схватили в Версале у

большой конюшни. Он был сыном дворянина из Нивернэ и стал страстью Епископа, которому был обещан.

Таковы были юноши, которых наши развратники выбрали для своего спектакля. Мы увидим в свое время, какая роль была им приготовлена. Осталось сто сорок два юноши, не попавших в число «избранных». Но подобная дичь не залежится. Употребление нашлось для каждого. Целый месяц наши развратники наслаждались красивыми мальчиками, а затем придумали, как от них избавиться, еще при этом и заработав на них. Их продали турецкому корсару, тот увез их в Монако, откуда небольшими группами вывозили и продавали в рабство. Ужасная судьба, но какое дело до них четырем развратникам!

Пришло время выбирать «работяг» – содомистов. С ними особых трудностей не было. Им оплачивали дорогу туда и обратно и «услуги». Приехало пятьдесят претендентов. Среди двадцати самых крупных отобрали восемь наиболее молодых и миловидных. Мы опишем четырех из них, наиболее сильных.

ГЕРАКЛ – скроенный, поистине, как бог, откуда и его знаменитое имя, был двадцати шести лет. Обладал инструментом толщиной в восемь дюймов, а в длину – тринадцать. Трудно было найти подобный член, который всегда был в состоянии боевой готовности и способен к восьми извержениям за вечер. Ему устроили экзамен: набралась целая кружка спермы! По характеру он был добрым и внешне приятным.

АНТИНОЙ – обладал не только самым красивым щекотуном в мире, но еще и самым сладострастным задом, что встречается очень редко. Его член был размером восемь на двенадцать дюймов. Ему было тридцать лет и он к тому же был очень красив.

«БРИЗ-КЮЛЬ» («РАЗОРВАННЫЙ-ЗАД») – на заднем проходе у него было кольцо, из-за которого в зад невозможно было войти, не разорвав его, откуда и прозвище «разорванный зад». Головка его жезла, похожая на сердце быка, была в толщину восемь дюймов, длина члена была тоже восемь, но он был кривой – имел такой изгиб, что разрывал задний проход, когда входил туда; это его качество наши развратники ценили особо.

«БАНД-О-СЪЕЛЬ» («СТРУЯ-В-НЕБО») – был так назван потому, что его эрекция была постоянной. Орудие у него было длиной в одиннадцать дюймов и семь в толщину. Его предпочли сопернику, потому что у того потенция была ниже, а этот «струил» без конца, стоило только прикоснуться к нему.

Четыре других из этой восьмерки были примерно такого же роста и сложения. Что касается остальных сорока двух из пятидесяти, то наши герои развлекались с ними две недели, а когда насладились до отвала, отпустили домой, хорошо заплатив.

Осталось выбрать четырех служанок, и это было, без сомнения, весьма возбуждающее занятие. Извращенным вкусом обладал отнюдь не один Председатель. Три его друга, в том числе Дюрсе, имели большое пристрастие к проклятой мании порока и распутства, которая заставляет находить особую пикантность в старых, отвратительных и грязных женщинах, предпочитая их божественным созданиям природы.

Трудно объяснить эту фантазию, но она встречается у многих мужчин. Вероятно, дисгармония в природе несет в себе нечто такое, что воздействует на нервы даже с большей силой, чем красота. Впрочем, даже доказано, что ужас и омерзение оказывают сильное воздействие на момент эрекции. А в ком еще все это в изобилии, как не в порочном объекте? Конечно, если во время полового акта возбуждающе действует именно безобразие, то вполне естественно: чем объект грязнее и порочнее, тем больше он должен нравиться. И именно его предпочтут существу безупречному и совершенному – в этом нет никакого сомнения! Впрочем, красота – явление простое и понятное, а уродство – нечто чрезвычайное, и извращенное воображение всегда предпочтет немыслимое и чрезвычайное, а не простое и обычное. Красота и свежесть поражают только в простом смысле, уродство и деградация гораздо более сильное потрясение – и результат бывает живым и активным.

Поэтому не надо удивляться, что многие мужчины выбирают для наслаждения женщину старую и безобразную, а не свежую и красивую. Не надо удивляться тому, говорю я, если мужчина предпочитает для прогулок ухабистую землю гор монотонным тропинкам равнины. Все эти тонкости зависят от нашего устройства и наших органов, от того, как все это в нас проявляется; мы подчас не властны изменить свои вкусы, как не можем, например, измерить строение своего тела.

Как бы то ни было, но таков был, без сомнения, вкус у Председателя и трех его друзей, поскольку все они проявили единодушие при выборе служанок, выборе, который, как мы это увидим, проявил ту извращенность вкуса, о которой мы только что говорили.

Итак, в Париже после тщательных поисков были отобраны четыре создания, портреты которых вы увидите ниже. В их портретах есть кое-что весьма отталкивающее, но читатель позволит мне их нарисовать, поскольку это имеет значение для той картины нравов, изображение которых – одна из главных целей этого произведения.

Первую звали МАРИ.

Она была служанкой знаменитого грабителя, которого

недавно наказали, а ее отстегали розгами. Ей было 58 лет, волос у нее почти не было, нос кривой, глаза тусклые и гноящиеся, рот широкий, зубы желтые, как сера. Она была высокой и совершенно высохшей, как она уверяла, от истощения, поскольку родила четырнадцать детей и всех их задушила, чтобы они не стали преступниками. Живот ее колыхался, как волны моря, а зад был весь в нарывах.

Вторую звали ЛУИЗОН.

Ей было шестьдесят лет. Маленького роста, горбатая, хромая и одноглазая, она обладала хорошим для своего возраста задом и еще свежей кожей. Она была злющей, как дьявол, и всегда готовой совершать гнусности и выполнять любые мерзкие поручения, о которых ее просили.

ТЕРЕЗЕ было шестьдесят два года. Она была высокой и худой, с голым черепом, похожей на скелет. Во рту у нее не было ни одного зуба, и из этого отверстия исходило зловоние, способное вызвать рвоту. Зад ее был испещрен шрамами от ран, а ягодицы были такие отвислые, что их можно было обернуть вокруг палки. Дыра в этом заду была похожа на отверстие вулкана. Она сама говорила, что вообще никогда его не вытирает, так что на нем, наверное, сохранился кал со времен ее детства. Что касается влагалища, то это было вместилище всех нечистот, настоящий склеп, от зловония которого можно было упасть в обморок. У нее одна рука была искалечена, и она хромала на одну ногу.

ФАНШОН звали четвертую. Ей шесть раз грозила виселица. Не было, наверное, такого преступления на земле, которого бы она не совершила. Ей было шестьдесят девять лет, она была курносая, низкорослая и толстая, к тому же косая. В ее зловонной глотке осталось только два зуба. Рожистое воспаление покрывало ее зад, у заднего прохода образовался геморрой величиной с кулак. Ужасная язва сожрала влагалище; одно ее бедро было обожжено. Три четверти года она была пьяна, из-за пьянства у нее был больной желудок, ее рвало повсюду. Дыра ее зада, несмотря на геморроидное обрамление, была так велика, что она непрерывно портила воздух, даже этого не замечая.

Независимо от службы в доме в период намеченного спектакля, эти четыре женщины должны были участвовать во всех ассамблеях, чтобы выполнять поручения и услуги, которые от них потребуются.

* * *

Все нужные меры были приняты, а поскольку лето уже начиналось, то главными заботами стали перевозки всевозможных вещей, которые должны были сделать пребывание в замке Дюрсе в течение четырех месяцев удобным и приятным. Туда перевозили в большом количестве мебель и зеркала, запасы продовольствия, вина и ликеры; туда отправляли рабочих, а понемногу и участников спектакля, которых Дюрсе принимал и размещал.

Теперь пришло время описать читателю знаменитый замок, где произойдет столько событий за предстоящие четыре месяца. Место действия было выбрано со всей возможной тщательностью. Замок был совершенно удален от всех людных мест, и его уединенность Я тишина вокруг служили могучими стимулами разврата. Горный пейзаж и приближенность к небу придавали ему еще большую (привлекательность.

Мы опишем вам эту обитель не такой, какой она была в прежние времена, а в ее нынешнем великолепии, о котором позаботились наши герои.

Добраться до замка было нелегко. Сначала надо было доехать до Баля, затем до Рэна. Здесь надо было выходить из экипажа, поскольку дальше дорога становилась труднопроходимой. После Шоре Нуар («Черный лес») шли примерно пятнадцать лье по извилистой дороге, по которой без гида пройти было невозможно. На этой высоте находился неприветливый поселок угольщиков и лесников – он принадлежал Дюрсе и отсюда начинались его владения. Так как обитателями этого хутора были преимущественно воры и контрабандисты, Дюрсе сумел с ними поладить. Они договорились, что жители поселка в течение определенного рока совершенно не будут вмешиваться в жизнь замка и не реагировать, что бы там ни происходило. За это он предоставил им некоторые льготы, которых они давно добивались, и вооружил своих вассалов. И этот барьер оказался закрытым на замок. В дальнейшем описании мы увидим, что эта хорошо закрытая дверь практически делала Силин, так назывался замок Дюрсе, недосягаемым. Поселок заканчивался огромной ямой для сожжения угля, затем начинался крутой подъем, наверно, не менее высокий, чем на Сен-Бернар, но еще более трудный, так как на вершину горы можно было подняться только пешком. Не то, чтобы мулы отказались идти, но со всех сторон была пропасть, и тропинка, по которой приходилось взбираться вверх, с каждым шагом становилась все опаснее. Уже шесть мулов, груженных продовольствием и другой поклажей, сорвались вниз, а с ними и два рабочих, которые пытались их

спасти. Надо было затратить около пяти часов, чтобы достигнуть вершины. Но и на вершине, благодаря принятым предосторожностям, возникал новый барьер, который могли преодолеть только птицы. Этим странным капризом природы была трещина в тридцать туаз*1* (Туаза – старинная французская мера длины) между северной и южной сторонами вершины, через которую невозможно было перебраться без искусной помощи. Вот почему, поднявшись на гору, нельзя было с нее спуститься. Дюрсе соединил эти две части расщелины, между которыми находилась глубокая пропасть, красивым деревянным мостом, который сразу поднимался, едва только проходили последние пешеходы. И с этого момента всякая связь замка Силин с внешним миром прекращалась. Потому что, спустившись с северной стороны, попадешь в долину протяженностью четыре арпана*2* (Арпан – старинная французская земельная мера), которая, как ширмой, со всех сторон окружена отвесными горами с острыми вершинами, без малейшего просвета между ними. Поэтому этот проход, который назывался «дорогой через мост», являлся единственным, с помощью которого можно опуститься вниз и иметь связь с долиной, но если мост разрушить, уже ни один человек на свете, каким бы способом он ни пользовался, не мог бы спуститься вниз. Итак, именно посередине этой небольшой долины, так хорошо защищенной и так плотно окруженной горами, и находился замок Дюрсе.

Замок окружала стена в тридцать футов высотой, а за стеной находился ров, наполненный водой, который защищал еще одну ограду, образующую круговую галерею. Потайной ход из галереи, низкий и узкий, вел в большой внутренний двор замка, где находились жилые помещения. Они были просторны и прекрасно меблированы благодаря последним усилиям организаторов. Теперь я опишу сами апартаменты – не те, что были здесь прежде, а заново отделанные в соответствии с планом, который был задуман.

Из большой галереи на первом этаже попадаешь в очень красивую залу, оборудованную под столовую, по бокам которой расположены шкафы в форме башен. Сообщаясь с кухней, эти шкафы давали возможность гостям получать горячие блюда без помощи слуг. Салон был украшен дорогими коврами, балдахинами, турецкими диванами, великолепными креслами и всем тем, что могло его сделать уютным и приятным. Из столовой дверь вела в гостиную, простую, без вычурности, очень теплую и обставленную красивой мебелью. К гостиной примыкал зал ассамблеи, предназначенный для выступлений рассказчиц. Это было, если можно так выразиться, главное поле битвы, центр

ассамблеи порока, поэтому помещение было особенно тщательно декорировано, и его описание заслуживает особого внимания.

Зал имел форму полукруга. В его дугообразной части помещалось четыре широких зеркальных ниши, в каждой из которых был установлен великолепный турецкий диван. Все четыре ниши обращены были лицом к стене-диаметру, разрезающей круг. В центре этой стены возвышался трон с четырьмя ступенями. Трон был предназначен для рассказчиц, а ниши – для четырех главных слушателей. Трон был расположен таким образом, чтобы каждое слово рассказчиц долетало по назначению. Зал напоминал театр: трон был сценой, а ниши – амфитеатром. На ступенях трона должны были находиться «объекты» разврата, привезенные для того, чтобы успокаивать возбуждение, вызванное рассказом. Эти ступени, как и сам трон, были покрыты коврами из черного бархата с золотой бахромой. Такие же ковры, но темно синие с золотом, покрывали диваны в нишах. У подножия каждой ниши находилась дверца, ведущая в помещение, похожее на артистическую уборную, предназначенное для того, чтобы выпускать на сцену «объекты», которые желали видеть в данный момент и которые садились на ступени трона. Помещения под нишами были снабжены диванами и другой мебелью, необходимой для совершения непристойностей всех видов. С двух сторон трона находились колонны, упирающиеся в потолок. Эти две колонны были местом ожидания наказания для «объекта», который в чем-то провинился. Все нужные инструменты пыток были выставлены тут же у колонны. Их зловещий вид создавал атмосферу подчинения – того подчинения, которое, как известно, придает пороку особое очарование.

Зал ассамблеи сообщался с кабинетом, который в свою очередь примыкал к жилым помещениям. Этот кабинет был своего рода будуаром, глухим и тайным, очень теплым и сумрачным даже днем: он был предназначен для свирепых любовных баталий один на один или иных тайных грехов, о которых будет рассказано потом.

Чтобы попасть в другое крыло замка, надо было вернуться в галерею, в глубине которой виднелась красивая часовня. В параллельном крыле находилась башня, выходящая во внутренний двор. Красивая прихожая вела в четыре прекрасных аппартамента, каждый из которых имел свой будуар. Красивые турецкие кровати, покрытые шелковыми покрывалами трех цветов гармонировали с мебелью. Будуар предлагал все, что нужно для самой тонкой извращенности. Эти четыре квартиры были предназначены для наших четырех героев. И так как все

квартиры были хорошо утеплены и комфортабельны, они были прекрасно устроены. Согласно договору, жены героев жили вместе с ними.

На втором этаже было такое же число квартир, но они были разделены иначе. В большой квартире было восемь альковов с восемью маленькими кроватями – здесь спали девушки. Рядом в двух небольших комнатах жили две служанки, которые за ними следили. Две нарядные комнаты были отданы двум рассказчицам. В квартире, подобной квартире девушек, с восемью альковами, разместили юношей. Рядом с ними – комнаты двух служанок, наблюдательниц за ними и комнаты двух других рассказчиц. О комфортабельной комнате для содомистов тоже позаботились, хотя им придется редко спать в своих кроватях.

На первом этаже разместилась кухня, где стряпали три хороших поварихи, которым прислуживали три здоровых деревенских девушки. Их участие в «удовольствиях» не предполагалось. Одна из них отвечала за скот, который нагнали в замок в большом количестве. Больше прислуги в замке не было.

В галерее находился маленький христианский храм. Узкая лестница в триста ступенек вела в подземелье. Там, за тремя железными дверями, в глубокой тайне хранились орудия самых жестоких, варварских и утонченных пыток в мире. И кругом – тишина и полная изоляция. Здесь можно было расправиться со своей жертвой совершенно безнаказанно. Хозяева были здесь у себя дома, Франция с ее законами – далеко. Кругом – непроходимые горы и леса. И только птицы могли узнать правду. Горе, сто раз горе наивным созданиям, оказавшимся в подобной изоляции от всего мира! На что они могли рассчитывать? На милость победителей? Но победители были лишены жалости, их привлекал только порок. Ни законы, ни религия не могли их остановить.

* * *

Наконец все было готово, все были размещены по квартирам. Герцог, Епископ, Кюрваль и их жены вместе с четырьмя содомистами прибыли в замок 29 октября. Дюрсе, как мы уже говорили, его жена и первая группа участников прибыли раньше. Как только последние приехали, Дюрсе приказал обрубить мост. Но это еще не все. Герцог, осмотрев окрестности, решил, что, поскольку продовольствия в замке было в избытке, и не было

необходимости за чем-либо выезжать за его пределы, следует предотвратить опасность атаки снаружи и бегства изнутри. Посему он велел замуровать все двери, через которые проникали во двор и, вообще, все возможные выходы, превратив замок в подобие осажденной крепости. Не осталось ни щелочки ни для врагов, ни для дезертиров. Теперь вообще было трудно определить, где раньше были двери.

Два последних дня до ноября были отданы на отдых «объектов», чтобы они появились на сцене свежими в момент открытия представления. Сами же четыре друга использовали это время для составления правил, которым все участники должны были подчиняться безоговорочно. Подписав их, они обнародовали правила перед всеми «объектами». Прежде чем перейти к действию, познакомим читателя с этими правилами.

Правила

Подъем во все дни спектакля и для всех в десять часов утра. К этому моменту содомисты, которые не будут заняты ночью, придут к друзьям и приведут с собой каждый по одному мальчику. Переходя из комнаты в комнату, они будут удовлетворять желания друзей. Однако мальчики, которых они с собой приведут, вначале будут лишь «перспективой», поскольку друзья договорились, что девственницы будут использованы только в декабре, а юноши-девственники – только в январе. И все это ради того, чтобы возбудить и понемногу усиливать желание, все более его распаляя, чтобы, в конце концов, полностью удовлетворить сладчайшим образом.

В одиннадцать часов друзья идут в квартиру девушек. Там будет сервирован завтрак с горячим шоколадом. Будет подаваться Жаркое с испанским вином или другие блюда. Девушки будут обслуживать друзей обнаженными. С ними будут Мари и Луиза, а две другие служанки будут с мальчиками.

Если друзья пожелают обладать девушками за завтраком или после него, девушки обязаны им безропотно подчиняться, иначе Их ждет наказание. Договорились, что по утрам это будет происходить на глазах у всех. Кроме того, девушки должны будут усвоить привычку вставать на колени каждый раз, когда они видят или встречают друзей и оставаться в этом положении до тех пор, пока друзья не позволят им подняться. Помимо девушек, этим правилам подчинялись жены друзей и старые служанки. Каждого из них надо было называть отныне только «Монсиньор».

Прежде чем выйти из комнаты девушек, ответственный за одежду на спектакле (они решили быть ответственными по очереди: Дюрсе – в ноябре, Епископ – в декабре, Председатель – в

январе, а Герцог – в феврале) осматривал ее состояние и готовность к спектаклю, а также вид девушек. Им запрещалось самим ходить в туалет без разрешения служанок, в случае нарушения их ждало наказание.

Затем друзья идут на квартиру юношей, чтобы сделать подобный же осмотр и установить виновных. Четыре мальчика, которые вместе с содомистами не заходили утром в комнату друзей, должны при их появлении снять штаны. Четверо других этого делать не будут, а должны безмолвно стоять рядом в ожидании приказов. Друзья могут позабавиться с ними на глазах у всех: в это время уединенные «тет-а-тет» не положены.

С двух до трех часов – обед у девушек и юношей. Друзьям обед сервируют в гостиной. «Работяги» – содомисты – единственные, кому оказана честь присутствовать. За обедом прислуживают четыре жены, совершенно голые, им помогают четыре служанки, одетые как колдуньи. Они передают горячие блюда женам, те подносят их мужьям. Восемь содомистов во время еды могут трогать и гладить тела жен и даже осыпать их ругательствами – жены обязаны это переносить безропотно.

В пять часов обед заканчивается. Содомисты свободны до ассамблеи, а друзья переходят в салон, где два юноши и две девочки, каждый день новые, но всегда голые, подносят им кофе или ликеры. Здесь положены невинные игры и шутки.

Около шести часов четверо юношей пойдут переодеваться к спектаклю в торжественную одежду. А в шесть часов господа перейдут в зал ассамблеи, предназначенный для рассказчиц.

Каждый разместится в своей нише. Дальше порядок будет такой. На трон взойдет рассказчица. На ступенях трона разместятся шестнадцать детей. Четверо из них, две девочки и два юноши, будут находится лицом к одной из ниш, то есть каждая ниша будет иметь напротив себя четверых, на которых только она имеет права, а соседняя претендовать не может. Эти четверки (катрены) будут меняться ежедневно. К руке каждого ребенка из катрена будет привязана цепь из искусственных цветов, которая тянется к нише; во время рассказа каждый герой мог потянуть за гирлянду – и ребенок сразу бросится к нему. Для наблюдения к каждой четверке приставлена старуха-служанка.

Три рассказчицы, не занятые в этот месяц, будут сидеть у подножия трона на банкетках, не принадлежа никому – и в то же время всем. Четыре содомиста, чье назначение проводить эту ночь с друзьями, могут воздержаться от присутствия на ассамблее. Они будут находиться в своих комнатах, занятые приготовлением к ночи, которая потребует от них немалых подвигов. Что касается четырех других, то каждый из них будет в

нише у ног одного из организаторов представления; тот будет восседать на диване радом со своей женой. Жена будет всегда голой. Содомист будет одет в жилет и штаны из розовой тафты. Рассказчица этого месяца будет выглядеть как элегантная куртизанка – также как и три ее коллеги. Мальчики и девочки из катренов будут одеты в костюмы: один катрен в азиатском стиле, другой – в испанском, третий – в греческом, четвертый – в турецком. На другой день – новое переодевание, но все одежды будут выполнены из тафты и воздушных тканей – тела ничего не будет стеснять, и одной отстегнутой булавки будет достаточно, чтобы они оказались голыми. Что касается старух, то они будут одеты попеременно как монашки, колдуньи, феи и – иногда – как вдовы.

Двери комнаты, смежной с нишей, всегда будут приоткрыты, сами комнаты хорошо прогреты и оборудованы мебелью, нужной для разных способов разврата. Четыре свечи будут гореть в каждой из этих кабин, пятая – в салоне ассамблеи.

Ровно в шесть часов рассказчица начнет свое повествование, которое друзья могут прервать, когда захотят. Рассказ будет длиться до десяти часов вечера; поскольку друзья будут воспламеняться, позволены любые виды наслаждений, кроме одного: лишения девственности. Зато они могут делать все, что им вздумается, с содомистами, женами, катреном, старухой при нем и даже тремя рассказчицами, если фантазия их захватит. В момент получения удовольствия рассказ будет прерван, а по его окончанию – возобновится.

В десять часов – ужин. Жены, рассказчица и восемь девушек ужинают вместе или порознь, но женщинам не положено ужинать вместе с мужчинами. Друзья ужинают с четырьмя содомистами, не занятыми ночью, и четырьмя мальчиками. Четыре других будут ужинать отдельно, им будут прислуживать старухи. После ужина все вновь встречаются в салоне ассамблеи, на церемонии, носящей название «оргии». Салон будет освещен люстрами. Голыми будут все, в том числе и сами друзья. Все здесь будет перемешано и все будут предоставлены разврату как животные на свободе. Позволено все, кроме лишения девственности, когда же это случиться с ребенком можно делать все, что придет в голову.

В два часа утра оргия заканчивается. Четыре содомиста, предназначенных для ночи, войдут в зал в легких элегантных одеждах и подойдут к каждому из четырех друзей; тот в свою очередь уведет с собой одну из жен, «объект», лишенный невинности (когда придет момент для этого), рассказчицу или старуху, чтобы провести ночь между нею и соломистом. При этом надо соблюдать последовательность, чтобы «объекты» каждую

ночь менялись.

Таким будет порядок каждого дня. Независимо от того, каждая из семнадцати недель пребывания в замке будет отмечена специальным праздником. Это, прежде всего, будут свадьбы: о времени и месте каждой из них все будут оповещены заранее. Первыми будут свадьбы между самыми юными, что связано с потерей девственности. Свадьбы между взрослыми будут происходить позднее, и здесь уже не будет волнующего момента срывания плода и права первой ночи.

Старухи-служанки будут отвечать за поведение четырех детей. Когда они заметят какие-либо провинности, они немедленно сообщат это тому из друзей, кто будет главным в этом месяце, и «исправлением ошибки» будут заниматься все в субботу вечером – в час оргии. Будет составлен точный лист участников «исправления». Что касается ошибок рассказчиц, они будут наказаны только наполовину по сравнению с детьми, поскольку их талант служит обществу, а таланты надо уважать. Жены и старухи будут наказаны вдвойне по сравнению с детьми. Каждый, кто откажет одному из друзей в том, о чем тот его просит, даже если его состояние не позволяет, будет сурово наказан в воспитательных целях – как предостережение для других.

Малейший смех или проявление непочтительности по отношению к друзьям во время свершения ими полового акта считается особо тяжким преступлением. Мужчина, которого застанут в постели с женщиной, если это не предусмотрено специальным разрешением, где указана именно эта женщина, будет наказан потерей члена. Малейший акт уважения к религии со стороны любого из «объектов», кем бы он ни был, будет караться смертью. Рекомендовались самые грубые и грязные богохульства; имя Бога вообще нельзя было произносить без проклятий и ругательств.

Когда кто-то из друзей шел испражняться, его обязана была сопровождать одна из женщин, которую он для этого избирал; она должна была оказывать те услуги, которые он от нее требовал. Никто из участников, мужчин или женщин, не имел права ходить в туалет по большой надобности без разрешения друга, ответственного за этот месяц. Жены друзей не пользовались при этом никакими преимуществами перед другими женщинами. Напротив, их чаще других «использовал и на самых грязных работах, например, при уборке общих туалетов и, особенно, туалета в часовне. Уборные вычищались каждые восемь дней – это была обязанность жен.

Если кто-либо манкировал заседание ассамблеи, ему грозила

смерть, кем бы он ни был.

Кухарки и их помощницы находились в особом положении: их уважали. Если же кто-то покушался на их честь, его ждал штраф в размере тысячи луидоров. Эти деньги по возвращению во Францию должны были послужить к началу нового предприятия – в духе этого или еще какого-либо другого.

Часть первая

Сто пятьдесят простых или первоклассных статей, составляющих тридцать ноябрьских дней, наполненных повествованием Дюкло, к которым примешались скандальные события в замке, записанные в форме дневника в течение указанного месяца.

Первый день

Первого ноября все поднялись в десять часов утра, как это было предписано распорядком, который все поклялись ни в чем не нарушать. Четверо «работяг», которые не разделяли ложе друзей, привели к ним, когда те встали: Зефира – к Герцогу, Адониса – к Кюрвалю, Нарцисса – к Дюрсе и Зеламира – к Епископу. Все четыре мальчика были очень робки, еще очень скованы, но, ободряемые каждый своим вожатым, они прекрасно выполнили свой долг, и Герцог пришел к финишу. Остальные трое, более сдержанные и менее расточительные по отношению к своей сперме, входили в них столько же, сколько и он, но ничего не вкладывали туда от себя. В одиннадцать часов перешли в апартаменты женщин, где восемь юных султанш явились нагими и в таком же виде подавали шоколад. Мари и Луизон, которые верховодили в этом серале, помогали им и направляли их. Все трогали друг друга, много целовали; восемь несчастных крошек, жертвы из рада вон выходящей похоти, краснели, прикрывались руками, пытаясь защитить свои прелести, и тотчас же показывали все, как только видели, что их стыдливость возмущала и злила их господ. Герцог, который вновь напрягся очень быстро, примерил свое орудие к тонкой и легкой щели Мишетты: лишь три дюйма разницы. Дюрсе, который был главным в этот месяц, совершил предписанные осмотры и визиты, Эбе и Коломб были не в форме, и их наказание было немедленно назначено на ближайшую субботу во время оргий. Они заплакали, но никого не разжалобили. Оттуда мы перешли к мальчикам. Эти четверо, которые так и не показались утром, то есть Купидон, Селадон, Гиацинт и Житон, по приказу сняли штаны; некоторое время все забавлялись этим зрелищем. Кюрваль целовал всех четверых в губы, а епископ наскоро потеребил им хоботки, пока Герцог и Дюрсе занимались кое-чем другим. Визиты закончились, все было в порядке. В час дня друзья переместились в часовню, где, как известно была устроена уборная. Из-за распорядка, предусмотренного на вечер, пришлось отказаться от многого

позволенного, и появились лишь Констанс, мадам Дюкло, Огюстин, Софи, Зеламир, Купидон и Луизон. Все остальные тоже просились, но мы приказали им поберечь себя до вечера. Наши четверо друзей, занявшие посты вокруг одного сидения, сооруженного для этого замысла, усадили на это кресло одного за другим семь «объектов», и удалились, достаточно насладившись этим зрелищем. Они спустились в гостиную, где, пока женщины обедали, болтали между собой до тех пор, пока им тоже не подали обед. Четверо друзей разместились каждый между двумя «работягами», согласно правилу, которое установили: никогда не допускать женщин к своему столу; четыре нагие супруги, которым помогали старухи, одетые в серое монашеское платье, подали великолепную еду, самую вкусную – насколько это только было возможно. Не могло быть проворнее кухарок, чем те, которых они привезли; им так хорошо платили и так хорошо снабжали, что все было организовано великолепно. Эта еда должна была быть менее плотной, чем ужин; мы довольствовались четырьмя великолепными сервизами, каждый на двенадцать персон. Бургундское появилось вместе с холодными закусками, бордо было подано с горячей закуской, шампанское – к жаркому, эрмитаж – к преддесерту, токайское и мадера – к десерту. Понемногу напитки ударили в голову. «Работяги», которым именно в этот момент были даны все права на супруг, немного поиздевались над ними. Констанс была даже немного потрепана и побита за то, что не принесла немедленно тарелку. Эркюль, видя себя в милости Герцога, решил, что может издеваться над его женой, что вызвало у того смех. Кюрваль, изрядно захмелевший к десерту, бросил в лицо своей жене тарелку, которая могла бы раскроить той голову, если бы она не увернулась. Дюрсе, видя как возбудился один из его соседей, не слишком церемонясь, хотя и был за столом, расстегнул штаны и выставил свой зад. Сосед пронзил его; когда операция была завершена, все снова начали пить так, словно ничего не было. Герцог вскоре проделал то же самое со «Струей-В-Небо» и держал пари, что хладнокровно, не дрогнув, выпьет три бутылки вина, пока его будут обхаживать сзади. Какая привычка, какое спокойствие, какое присутствие духа при этаком распутстве! Он выиграл пари; поскольку он пил не натощак, эти три бутылки свалились на более чем пятнадцать других, и он поднялся несколько утомленный. Первым предметом, который попался ему на глаза, была его жена, плачущая из-за скверного обхождения с ней Эркюля; эта картина возбудила его до такой степени, что он немедля начал вытворять с ней такое, о чем мы пока еще не можем говорить. Читатель, видящий как мы смущены подобным

началом, чтобы привести в порядок наш сюжет, простит нас за то, что мы пока что скрываем от него некоторые незначительные детали. Наконец, перешли в гостиную, где новые удовольствия и наслаждения ждали наших чемпионов. Там прелестная четверка поднесла им кофе и ликеры, она состояла из двух прекрасных молодых мальчиков: Адониса и Гиацинта и девочек – Зельмир и Фанни. Тереза, одна из старух, руководила ими; было принято, что повсюду, где собиралось двое-трое детей, за ними должен быть надзор. Четверо наших распутников, полупьяные, но все же решительно настроенные соблюдать свои законы, довольствовались поцелуям и прикосновениями; их развращенный ум умел приправлять все эти тонкости долей разврата и похоти. В какой-то момент показалось что Епископ вот-вот прольет семя от тех необычных забав, которые он требовал от Гиацинта, пока Зельмир теребила его орудие. Вот уже нервы дрогнули и судорогой передернулось все его тело, но он сдержался, оттолкнул подальше от себя соблазнительные «объекты», зная, что ему еще предстоит нелегкая работа, и сохранил себя, по меньшей мере до конца дня. Мы выпили шесть различных сортов ликеров и три вида кофе; наконец, час пробил, две пары удалились, чтобы одеться. Наши друзья устроили себе четвертьчасовую сиесту, после чего мы прошли в «тронный зал». Так был назван зал, предназначенный для повествований. Друзья устроились на диванах, в ногах Герцога сидел его дорогой Эркюль, рядом с ним нагая Аделаида, жена Дюрсе и дочь Председателя; напротив – четверка, связанная со своей нишей гирляндами, так, как это было задумано: Зефир, Житон, Огюстин и Софи – в костюмах пастушек под предводительством Луизон, одетой старой крестьянкой и исполняющей роль их матери. У ног Кюрваля расположился «Струя-В-Небо», на своем канапе – Констанс, жена Герцога и дочь Дюрсе; напротив – четверка молодых элегантно одетых «испанцев», а именно: Адонис, Селадон, Фанни и Зельмир, возглавляемых старухой Фаншон. У ног Епископа находился Антиной, его племянница Юлия на своем канапе и четверо «дикарей», почти голых: это были мальчики Купидон и Нарцисс и девочки Эбе и Розетта, возглавляемые старой амазонкой, которую изображала Тереза. У Дюрсе в качестве сподручного был «Разорванный-Зад», рядом с ним стояла Алина, дочь Епископа, а напротив – четыре маленьких султанши: здесь было два мальчика, переодетых в девочек; такое утончение доводило до крайней точки притягательности обольстительные фигуры Зеламира, Гиацинта, Коломб и Мишетты. Старая арабская рабыня, которую изображала Мари, возглавляла катрен. Три рассказчицы, великолепно одетые на манер парижских девушек

хорошего тона, сели у подножия трона на канапе, с умыслом поставленное здесь, и Дюкло, рассказчица этого месяца, в легком и очень элегантном прозрачном наряде – где было много красного и бриллиантов, устроившись на возвышении, так начала историю событий своей жизни, в которой она должна была подробно изобразить сто пятьдесят первых страстей, названных «простыми»,

«Не такой это пустяк, господа, говорить перед таким собранием, как ваше. Привыкшие ко всему тонкому и деликатному, что только могут рождать слова, как сможете вынести вы этот бесформенный и грубый рассказ такого несчастного создания, как я, которая не получала никакого иного воспитания, кроме того, что дала мне эта распутная жизнь? Но ваша снисходительность придает мне силы; вы требуете лишь естественности и правды, и в этом качестве, без сомнения, я осмеливаюсь надеяться на вашу благосклонность. Моей матери было двадцать пять лет, когда она родила меня; я стала ее вторым ребенком, первой была дочь на шесть лет старше меня. Она была не знатного происхождения. Круглая сирота, она очень рано осталась без родителей; поскольку жили они неподалеку от де Реколле в Париже, когда она осталась совсем одна, без средств к существованию, то получила от этих добрых отцов разрешение приходить просить милостыню у них в церкви. В ней было немного молодости и свежести; очень скоро на нее обратили внимание, и из церкви она поднялась в комнаты, откуда вскоре спустилась беременной. Именно подобным приключениям была обязана своим рождением моя сестра, и кажется довольно правдоподобным, что мое появление на свет было вызвано тем же. Добрые отцы, довольные послушанием моей матери, видя, как она плодотворно трудится для общины, вознаградили ее за труды, предоставив собирать налоги за стулья в церкви; этот пост моя мать обрела после того, как с позволения своих «настоятелей» вышла замуж за водоноса дома, который тотчас же удочерил меня с сестрой – без тени отвращения. Родившись в святом месте, я жила, по правде говоря, скорее в церкви, чем в нашем доме. Я помогала матери расставлять стулья, была на подхвате у ризничьих по их делам, прислуживала во время мессы, если это было необходимо, хотя мне тогда исполнилось лишь пять лет. Однажды, когда я возвращалась после своих священных занятий, моя сестра спросила меня, встречалась ли я уже с отцом Лораном?

«Нет», – отвечала я. – «И все же, – сказала она мне, – он выслеживает тебя, я знаю; он хочет показать тебе то, что показывал мне. Не убегай, посмотри хорошенько, не бойся; он не

тронет тебя, а только покажет тебе что-то очень забавное, и если ты дашь ему сделать это, он тебя хорошо вознаградит. Нас больше пятнадцати таких, здесь и в округе, кому он это показывал много раз. Это доставляет ему удовольствие; каждой из нас он давал какой-нибудь подарок». Вы прекрасно представляете себе, господа, что не надо было больше ничего прибавлять, чтобы я не только не убегала от отца Лорана, но даже стала искать встречи с ним. Целомудрие почти молчит в том возрасте, в котором я была, но его молчание на выходе из рук природы; не является ли это верным доказательством, что это неестественное чувство несет в себе гораздо меньше от этой праматери, чем от воспитания? Я тотчас же понеслась в церковь и, когда пробегала по дворику, который находился между входом в церковь со стороны монастыря и самим монастырем, то я нос к носу столкнулась с отцом Лораном. Это был монах лет сорока с очень красивым лицом. Он останавливает меня: «Куда ты идешь, Франсом?» – говорит он мне. – «Расставлять стулья, отче». – «Ну ладно, ладно, твоя мать сама расставит их. Пойдем-ка, пойдем вот в эту комнату,– говорит он мне, увлекая меня в один закуток, который был там, – я покажу тебе одну вещь, которую ты никогда не видела». Я следую за ним, он закрывает дверь и ставит меня прямехонько перед собой: «Посмотри-ка, Франсон, – говорит он, вытаскивая чудовищный член из своих штанов, от одного вида которого я чуть не лишилась чувств, – посмотри-ка, дитя мое, – продолжал он, потирая член, – видела ли ты когда-нибудь что-либо похожее на это?.. Это то, что называют член, моя крошка, да, член… Это служит для того, чтобы совокупляться, а то, что ты скоро увидишь, – то, что скоро потечет, называется семенная жидкость, из которой ты сотворена. Я показывал это твоей сестре, я показывал это всем маленьким девочкам твоего возраста; приводи же, приводи их ко мне, делай как твоя сестра, которая познакомила меня более чем с двадцатью из них… Я покажу им мой член и он встанет и брызнет прямо им в лицо… Это – моя страсть, дитя мое, я не делаю больше ничего другого… и ты это увидишь». И одновременно я почувствовала, как покрылась какой-то белой росой, которая облепила меня всю, несколько капель даже попали мне в глаза, потому что моя маленькая головка находилась как раз на уровне пуговиц его штанов. Тем временем Лоран жестикулировал: «Ах, какая прекрасная сперма… Какая прекрасная сперма, которая льется из меня, – кричал он, – ты вся уже ей покрыта!» Понемногу успокаиваясь, он положил свой инструмент на место и отправился восвояси, дав мне двенадцать су и советуя приводить к нему моих маленьких подружек. Как вы уже догадываетесь, я тотчас же поспешила пойти обо всем

рассказывать сестре, которая очень тщательно обтерла меня, чтобы ничего не было заметно; за то, что помогла обрести мне это небольшое состояние, она не преминула попросить у меня половину моего заработка. Этот пример научил и меня; в надежде на подобный дележ, я не упустила случая поискать как можно больше маленьких девочек для отца Лорана. Когда я привела к нему одну, которую он уже знал, он отверг ее, и, давая мне три су, чтобы поощрить, сказал: «Я никогда не встречаюсь дважды, дитя мое; приводи ко мне тех, которых я не знаю, а не тех, которые тебе скажут, что они уже имели дело со мной». Я стала действовать лучше: за три месяца я познакомила отца Лорана более чем с двадцатью новыми девочками, с которыми он в свое удовольствие проделывал те же самые шутки, что и со мной. Договорившись выбирать для него только незнакомых, я соблюдала уговор, о котором он мне настоятельно напоминал, относительно возраста: он не должен был быть меньше четырех лет и больше семи. И дела мои шли как нельзя более удачно, когда вдруг моя сестра, замечая, что я пошла по ее стопам, пригрозила обо всем рассказать матери, если я не прекращу это милое занятие; на том я оставила отца Лорана.

И все же, поскольку мои обязанности постоянно приводили меня в окрестности монастыря, в тот самый день, когда мне исполнилось семь лет, я встретила нового любовника, причудливая страсть которого, хотя и довольно ребяческая, представлялась мне более серьезной. Этого человека звали отец Луи; он был старше Лорана и в обращении имел что-то гораздо более распутное. Он подцепил меня у дверей церкви, когда я входила туда, и пригласил подняться к нему в комнату. Сначала у меня возникла некоторые колебания, но когда он убедил меня, что моя сестра три года назад тоже поднималась, и что каждый день он принимал там маленьких девочек моего возраста, я пошла за ним. Едва мы оказались в его келье, как он тотчас же захлопнул дверь, и, налив сиропа в стакан, заставил меня выпить три стакана подряд. Исполнив это приготовление, преподобный отец, более ласковый, чем его собрат, принялся целовать меня и, заигрывая, развязал мою юбочку, подоткнув мою рубашку под корсет; несмотря на мое слабое сопротивление, он добрался до всех частей переда, которые только что обнажил; после того, как он хорошенько общупал и осмотрел их, он спросил меня, не хочу ли я пописать. Исключительно побуждаемая к этой нужде большой дозой напитка, которую он только что заставил меня выпить, я уверила его, что нужда моя сильна до крайности, но что мне не хотелось бы этого делать при нем. «О! Черт подери! Да, именно так, маленькая плутовка, – прибавил этот распутник. – О!

Черт подери, именно так, вы сделаете это передо мной, более того, прямо на меня. Держите, – сказал он мне, вынимая свой член из штанов, – вот орудие, которое вы сейчас зальете; надо писать на него». С этими словами он взял меня и, поставив на два стула: одной ногой – на один, другой – на второй, раздвинул мне ноги как можно шире, потом велел присесть на корточки. Держа меня в таком положение он подставил под меня ночной горшок, устроился на маленьком табурете на уровне горшка, держа в руках свое орудие прямо под моей щелкой. Одной рукой он придерживал меня за бедра, другой тер свой член, а мой рот, который в таком положении был расположен рядом с его ртом, целовал. «Давай же, крошка моя, писай, – сказал мне он, – облей мой член волшебным ликером, теплое течение которого имеет такую власть над моими чувствами. Писай, сердце мое, писай и постарайся залить его». Луи оживлялся, возбуждался, нетрудно было заметить, что это единственное в своем роде действие более всего ласкало его чувства. Самый нежный экстаз завершался в тот самый момент, когда воды, которыми он мне наполнил желудок, вытекли с большой силой, и мы вместе одновременно наполнили один и тот же горшок: он – спермой, я – мочой. Когда операция была закончена, Луи сказал мне почти то же самое, что и Лоран; он хотел сделать сводницу из своей маленькой блудницы; на этот раз, нисколько не смущаясь угрозами моей сестрицы, я смело доставляла Луи всех детей, которых знала. Он заставлял всех делать одно и то же, и поскольку достаточно часто встречался с ними – по два-три раза – платил мне всегда отдельно, независимо от того, что я вытягивала из своих маленьких подруг; через шесть месяцев у меня в руках оказалась небольшая сумма, которой я распоряжалась по собственному усмотрению с одной лишь предосторожностью – скрывать все от моей сестры».

«Дюкло, – прервал на этом Председатель, – разве вас не предупреждали о том, что в ваших рассказах должны присутствовать самые значительные и одновременно самые мельчайшие подробности? Мельчайшие обстоятельства действенно служат тому, что мы ждем от ваших рассказов, – возбуждения наших чувств» – «Да, мой господин, – сказала Дюкло, – меня предупредили о том, чтобы я не пренебрегала ни одной подробностью и входила в самые мельчайшие детали каждый раз, когда они служили для того, чтобы пролить свет на характеры или на манеру. Разве я что-то упустила?» – «Да, – сказал Председатель, – я не имею никакого представления о члене вашего второго клиента, и никакого представления о его разрядке. А еще, тер ли он вам промежность, касался ли он ее своим членом? Вы видите, сколько упущенных подробностей!» –

«Простите, – сказала Дюкло, – я сейчас исправлю эти ошибки и буду следить за собой впредь. У отца Луи был довольно заурядный член, скорее длинный, чем толстый, и вообще, очень расхожей формы. Я даже вспоминаю, что он достаточно плохо вставал и становился слегка твердым лишь в момент наивысшей точки. Он мне совершенно не тер промежность, он довольствовался тем, что как можно шире раздвигал ее пальцами, чтобы лучше текла моча. Он приближал к ней свою пушку очень осторожно: раза два-три, и разрядка его была слабой, короткой, без прочих бессвязных слов с его стороны, кроме: «Ах! Как сладко, писай же, дитя мое, писай же, прекрасный фонтан, писай же, писай, разве ты не видишь, что я кончаю?» И он перемежал все это поцелуями в губы, в которых не было ничего распутного.» – «Именно так, Дюкло, – сказал Дюрсе, – Председатель был прав; я не мог себе ничего вообразить из первого рассказа, а теперь представляю вашего человека».

«Минуточку, Дюкло, – сказал Епископ, видя, что она собирается продолжить, – я со своей стороны испытываю нужду посильней, чем нужда пописать; я уже достаточно терпел и чувствую, что надо от нее избавиться». С этими словами он притянул к себе Нарцисса. Глаза прелата извергали огонь, его член прилепился к животу; он был весь в пене, это было сдерживаемое семя, которое непременно хотело излиться и могло это сделать лишь жестокими средствами. Он уволок свою племянницу и мальчика в комнату. Все остановилось: разрядка считалась чем-то слишком важным; поэтому все приостанавливалось в тот момент, когда кто-нибудь хотел это сделать, и ничто не могло с этим сравниться. Но на этот раз природа не откликнулась на желания прелата, и спустя несколько минут после того, как он закрылся в своей комнате, он вышел разъяренный – в том же состоянии эрекции и, обращаясь к Дюрсе, который был ответственным за месяц, сказал, грубо отшвырнув от себя ребенка: «Ты предоставишь мне этого маленького подлеца для наказания в субботу и пусть оно будет суровым, прошу тебя». Тогда все ясно увидели, что мальчик не смог его удовлетворить; Юлия рассказала об этом тихонько своему отцу. «Ну, черт подери, возьми себе другого, – сказал Герцог, – выбери среди наших катренов, если твой тебя не удовлетворяет». – «О! Мое Удовлетворение сейчас слишком далеко от того, чего я желал совсем недавно, – сказал прелат. – Вы знаете, куда уводит нас обманутое желание. Я предпочитаю сдержать себя, но пусть не церемонятся с этим маленьким болваном, – продолжал он, – вот что я вам советую…» – «О! Ручаюсь тебе, он будет наказан, – сказал Дюрсе. – Хорошо, что первое наказание дает пример

другим. Мне досадно видеть тебя в таком состоянии: попробуй что-нибудь другое». – «Господин мой, – сказала Ла Мартен, – я чувствую себя расположенной к тому, чтобы удовлетворить вас». – «А, нет, нет, черт подери, – сказал Епископ, – разве вы не знаете, что бывает столько случаев, когда тебя воротит от женской задницы? Я подожду, подожду. Пусть Дюкло продолжает, это пройдет сегодня вечером; мне надо найти себе такого, какого я хочу. Продолжай, Дюкло». И когда друзья от души посмеялись над распутной чистосердечностью Епископа («бывает столько случаев, когда тебя воротит от женской задницы!»), рассказчица продолжила свой рассказ такими словами:

«Мне только исполнилось семь лет, когда однажды я по привычке привела к Луи одну из своих маленьких подружек; я обнаружила в его келье еще одного монаха из того же монастыря. Поскольку такого никогда раньше не случалось, я была удивлена и хотела уже уйти, но Луи подбодрил меня, – и мы с моей подружкой смело вошли. «Ну вот, отец Жоффруа, – сказал Луи своему другу, подталкивая меня к нему, – разве я тебе не говорил, что она мила?» – «Да, действительно, – сказал Жоффруа, усаживая меня к себе на колени и целуя меня. – Сколько вам лет, крошка?» – «Семь лет, отче». – «Значит, на пятьдесят лет меньше, чем мне», – сказал святой отец, снова целуя меня. Во время этого короткого монолога готовился сироп и, по обыкновению, каждую из нас заставили выпить по три больших стакана подряд. Но поскольку я не имела привычки пить его, когда приводила свою добычу к Луи, а он давал сироп только той, кого я ему приводила, и, как правило, я не оставалась при этом, а тотчас же уходила, я была удивлена такой предупредительностью на сей раз, и самым наивным, невинным тоном сказала: «А почему вы и меня заставляете пить, отче? Вы хотите, чтоб я писала?» – «Да, дитя мое! – сказал Жоффруа, который по-прежнему держал меня, зажав ляжками и уже гладил руками мой перед. – Да мы хотим, чтобы вы пописали; это приключение вы разделите со мной, может быть, несколько иначе, чем то, что с вами раньше происходило здесь. Пойдемте в мою келью, оставим отца Луи с вашей маленькой подружкой. Мы соберемся вместе, когда сделаем все свои дела». Мы вышли; Луи тихонько меня попросил быть полюбезнее с его другом и сказал, что мне ни о чем не придется жалеть. Келья Жоффруа была несколько вдалеке от кельи Луи, и мы добрались туда, никем не замеченные. Едва мы вошли, как Жоффруа, хорошенько забаррикадировав дверь, велел мне снять юбки. Я подчинилась: он сам поднял на мне рубашку, задрав ее над пупком и, усадив меня на край своей кровати, раздвинул мне ноги как можно шире и продолжал наклонять меня назад так, что

перед ним был весь мой живот, а тело мое опиралось лишь на крестец. Он приказал мне хорошенько держаться в этой позе и начинать писать тотчас же после того, как он легонько ударит меня рукой по ляжкам. Поглядев с минуту на меня в таком положении и продолжая одной рукой раздвигать мне влагалище, другой рукой он расстегнул свои штаны и начал быстрыми и резкими движениями трясти маленький, черный, совсем чахлый член, который, казалось, был не слишком расположен к тому, чтобы отвечать на то, что требовалось от него. Чтобы определить его задачу с большим успехом, наш муж принялся за дело, прибегнув к своему излюбленному способу, который доставлял ему наиболее чувствительное наслаждение: он встал на колени у меня между ног, еще мгновение глядел внутрь отверстия, которое я ему предоставила, несколько раз прикладывался к нему губами, сквозь зубы бормоча какие-то сладострастные слова, которых я не запомнила, потому что не понимала их тогда, и продолжал теребить свой член, который от этого ничуть не возбуждался. Наконец, его губы плотно прилипли к губам моей промежности, я получила условный сигнал, и, тотчас же обрушив в рот этого типа избыток моего чрева, залила его потоками мочи, которую он глотал с той же быстротой, с какой я изливала ее ему в глотку. В этот момент его член распрямился, и его головка уперлась в одну из моих ляжек. Я почувствовала, как он гордо орошает ее слабыми толчками своей бесплодной мощи. Все так отлично совпало, что он глотал последние капли в тот самый момент, когда его член, совершенно смущенный своей победой, оплакивал ее кровавыми слезами. Жоффруа поднялся, шатаясь. Он достаточно резко дал мне двенадцать су, открыл мне дверь, не прося как другие, приводить к нему девочек (судя по всему, он доставал их себе в другом месте), и, показав дорогу к келье своего друга, велел мне идти туда, сказав, что, поскольку он торопится на службу, то не может меня проводить; затем закрылся в келье так быстро, что не дал мне ответить.»

«Да, действительно, – сказал Герцог, – есть много людей, которые совершенно не могут пережить миг утраты иллюзий. Кажется, их гордость может пострадать от того, что они позволят женщине увидеть себя в подобном состоянии слабости, и что отвращение рождается от смущения, которое они испытывают в этот момент». – «Нет, – сказал Кюрваль, которого возбуждал Адонис, стоя на коленях, и который руками ощупывал Зельмиру, – нет, мой друг, гордость здесь ни при чем; предмет, который по сути своей не имеет никакой ценности, кроме той, которую ему придает ваша похоть, предстает совершенно таким, каков он есть, когда наша похоть угасла. Чем неистов ее было

возбуждение, тем безобразнее выглядит этот предмет, когда возбуждение больше не поддерживает его, точно так же, как мы бываем более или менее утомлены в силу большего или меньшего числа исполненных нами упражнений; отвращение, которое мы испытываем в этот момент, всего лишь ощущение пресыщенной души, которой претит счастье, поскольку оно ее только что утомило!» – «Но все же из этого отвращения, – сказал Дюрсе, – часто рождается план мести, мрачные последствия которого приходилось видеть». – «Ну, это другое дело, – сказал Кюрваль. – А поскольку серия этих повествований, возможно, даст нам примеры того, о чем вы говорите, не будем спешить с рассуждениями, пусть эти факты предстанут сами собой». – «Председатель правильно говорит, – сказал Дюрсе. – Когда ты находишься накануне того, чтобы пуститься в блуд, ты предпочтешь готовить себя к предстоящей радости, а не будешь рассуждать о том, как испытывают отвращение.» – «Ставим точку… больше ни слова, – сказал Кюрваль. – Я совершенно хладнокровен… Весьма очевидно, – продолжал он, целуя Адониса в губы, – что это дитя очаровательно… но им нельзя овладеть, я не знаю ничего хуже ваших законов,.. Надо ограничиться некоторыми вещами… Давай, давай, продолжай, Дюкло, поскольку я знаю, что наделаю глупостей, и хочу, чтобы моя иллюзия продержалась хотя бы до того момента, когда я лягу в постель». Председатель, который видел, что его оружие начинает бунтовать, отправил двух детей назад и снова улегся подле Констанс, которая, какой бы несомненно привлекательной она ни была, все же не слишком возбуждала его; он опять призвал Дюкло продолжать, и она тотчас подчинилась, говоря так:

«Я присоединилась к своей подружке. Операция Луи закончилась, и мы, пребывая обе в несколько паршивом настроении, покинули монастырь (я – почти с решимостью больше туда не возвращаться). Тон Жоффруа унизил мое детское самолюбие и, не углубляясь более, откуда исходило это отвращение, я не хотела больше ни продолжений, ни последствий. Но все же на роду мне было написано пережить еще несколько приключений в этом монастыре, и пример моей сестры, которая, как она мне сказала, имела дело более чем с четырнадцатью мужчинами, должен был убедить меня в том, что *я* еще не дошла до предела в своих похождениях. Я заподозрила об этом три месяца спустя после последнего приключения, когда ко мне обратился один из этих добрых преподобных отцов, человек лет шестидесяти. Не было такой хитрости, какой бы он ни применил, чтобы убедить меня прийти в его комнату. Одна из них, в конце концов, удалась, да так удачно, что одним

прекрасным воскресным утром, сама не знаю, как я почему, я там оказалась. Старый распутник, которого звали отец Анри, заперся со мной, как только я вошла, и от души поцеловал меня. «А! Маленькая шалунья, – воскликнул он с восторженной радостью. – Ты теперь у меня в руках, на этот раз от меня не убежишь». Было очень холодно, мой маленький нос был полон соплей, как это довольно часто бывает у детей. Я хотела высморкаться. «Ну, нет, нет! – сказал Анри протестуя против этого. – Я, я сам проделаю эту операцию, моя крошка». И, уложив меня на свою кровать так, что моя голова немного свешивалась вниз, он сел рядом со мной, притянув мою опрокинутую голову к себе на колени. Можно было подумать, что в этом состоянии он пожирал глазами эти выделения моей плоти. «О! Прекрасно маленькая соплюшка, – говорил он, млея. – Как я сейчас буду сосать это!» И вот, склонившись над моей головой и полностью засунув мой нос себе в рот, он не только проглотил все эти сопли, которыми я была вымазана, но даже сладострастно поводил кончиком языка по очереди в обеих моих ноздрях, и с таким мастерством, что ему удалось вызвать у меня два-три чиха; это удвоило поток, которого он страстно желал и поглощал с такой поспешностью. Но, господа, об этом человеке не спрашивайте у меня подробностей: то ли он ничего не сделал, то ли сделал свое дело в штаны, – я ничего не заметила, и среди его обильных поцелуев и облизываний ничто не отметило сильного экстаза; поэтому я думаю, что он совсем не кончил. Он более не приставал ко мне, даже руки его не ощупывали меня; уверяю вас, фантазия этого старого развратника могла бы достигнуть своей цели с самой честной и самой неискушенной девочкой в мире, да так, что она не смогла бы увидеть в этом и тени разврата.

Но иначе дело обстояло с тем, кого случай послал мне в день, когда мне исполнилось девять лет. Отец Этьен, таково было имя этого распутника, уже несколько раз намекал моей сестре привести меня к нему; она приглашала меня навестить его (тем не менее, не пожелав отвести меня туда: как бы наша мать, которая кое о чем уже подозревала, не прознала об этом); наконец, я оказалась лицом к лицу с ним, в углу церкви, около ризницы. Он взялся за дело так изящно, употребил такие убедительные доводы, что меня ничего не насторожило. Отцу Этьену было около сорока лет, он был свежим, бравым, сильным. Едва мы оказались в его комнате, как он меня спросил, умею ли я возбуждать член. «Увы! – сказала я, краснея, я даже не понимаю, что вы хотите этим сказать». – «Ну что ж! Я научу тебя этому, крошка, – сказал он, целуя меня от всего сердца в губы и глаза. – Мое единственное удовольствие – обучать маленьких девочек;

уроки, которые я им даю, так великолепны, что они никогда о них не забывают. Начни вот с чего: сними свои юбки, поскольку, если я буду тебя учить, как надо за это взяться, чтобы доставить мне удовольствие, то необходимо также, чтобы я научил тебя, что ты должна делать, чтобы принимать его; нам ничто не должно мешать на этом уроке. Ну, давай начнем с тебя. То, что ты видишь здесь, – сказал он, положив руку на мой бугорок, – называется влагалищем… Вот что ты должна делать, чтобы доставлять себе приятные ощущения: легонько тереть пальцем это небольшое возвышение, которое ты ощущаешь и которое называется клитор.» Заставляя меня проделывать это, он прибавил: «Взгляни, моя крошка: пока одной рукой ты трудишься там, пусть то один, то другой палец незаметно погружается в эту сладкую щель…» Потом, направив мою руку, произнес: «Вот так, да… Ну и что? Ты ничего не ощущаешь?» – продолжал он, заставляя меня наблюдать за его уроком. – «Нет, отче, уверяю вас,» – ответила я ему простодушно. – «О, мадонна! Ты просто еще слишком мала, но года через два ты увидишь, сколько удовольствия это тебе доставит». – «Подождите, – сказала я ему, – я все же думаю, что чувствую что-то». И я терла, как только могла, в тех местах, о которых он мне сказал… Действительно, какое-то легкое сладострастное щекотание убедило меня, что этот рецепт не был химерой; широкое применение с тех пор этого спасительного метода убедило меня в ловкости моего учителя. «Теперь перейдем ко мне, – сказал Этьен. – Поскольку твое удовольствие возбуждает и мои чувства, я должен их удовлетворить, мой ангел. Держи, – сказал он мне, вкладывая в руки орудие столь огромное, что я едва могла обхватить его двумя своими маленькими руками. – Держи, дитя мое, это называется член, а вот движение, – продолжал он, водя мои сжатые руки быстрыми толчками, – это движение называется «напрягать». Так, в этот момент ты мне напрягаешь член. Давай, дитя мое, давай, старайся изо всех сил. Чем быстрее и тверже будут твои движения, тем скорее ты приблизит! миг моего опьянения. Но следи за главным, прибавил он, по-прежнему напрягая мои толчки, – следи за тем, чтобы головка всегда была открыта. Никогда не покрывай ее кожицей, которую мы называем «крайняя плоть»: если эта крайняя плоть покроет часть, которую мы называем «головка», то все мое удовольствие растает. «Ну-ка, посмотрим, крошка, – продолжал мой учитель, – посмотрим, что я сделаю сейчас с тобой.» С этими словами, прижавшись к моей груди, пока я по-прежнему продолжала действовать, он так ловко положил свои руки, с таким мастерством двигал пальцами, что в конце концов волна удовольствия захватила меня; таким образом,

именно благодаря ему я получила первый урок. И вот голова у меня закружилась и я оставила свое занятие; преподобный отец, который был готов к тому, чтобы прекратить его, согласился отказаться на мгновение от своего удовольствия, чтобы заняться лишь моим. А когда он дал мне полностью вкусить его, то заставил снова приняться за дело, которое прервал мой экстаз; потом попросил меня больше не отвлекаться и заниматься только им. Я сделала это от всей души. Это было справедливо: я испытывала некоторую признательность к нему. Я действовала так старательно и так хорошо соблюдала все, что он мне советовал, что чудовище, побежденное быстрыми толчками, наконец, изрыгнуло всю свою ярость и покрыло меня ядом. В этот момент Этьен, казалось, был в припадке сладострастной горячки. Он страстно целовал мои губы, он теребил и тер мой клитор; его бессвязный бред еще лучше передавал распутство. Наши органы он называл самыми нежными именами, что делало привлекательным горячечный бред, который длился очень долго, и из которого галантный Этьен, отличающийся от своего собрата, глотателя мочи, вышел лишь для того, чтобы сказать мне, что я прекрасна, что он просит меня приходить снова к нему, и что он будет всегда обращаться со мной так, как это было. Сунув мне в руку мелкую золотую монету, он отвел меня туда, где застал, и оставил восхищенную и очарованную новым значительным состоянием, которое, примиряя меня с монастырем, заставило принять решение почаще туда приходить. Я была убеждена, что, чем старше я стану, тем больше найду там приятных приключений. Но судьбой мне было уготовано другое: более значительные события ждали меня в новом мире; вернувшись домой, я узнала новости, которые нарушили мой опьяняющий восторг, в котором я пребывала после моей последней истории…»

На этом месте в гостиной зазвонил колокольчик: он извещал, «то ужин подан. Дюкло под общие аплодисменты сошла со своего Помоста, и все занялись новыми удовольствиями, поспешно отправляясь на поиски тех, которые предлагала Комю. Ужин должны были подавать восемь голеньких девочек. Они стояли наготове в тот момент, когда все покидали гостиную, предусмотрительно выйдя на несколько минут раньше. Приглашенных должно быть двадцать: четверо друзей, восемь «работяг» и восемь мальчиков. Не Епископ, все еще злясь на Нарцисса, не позволил ему присутствовать на празднике; поскольку все договорились быть между собой взаимно вежливыми и услужливыми, никто и не подумал попросить отменить приговор; мальчуган был закрыт один в темной комнате в ожидании момента оргий, когда его высокопреосвященство,

возможно, помирится с ним. Супруги и рассказчицы историй быстро поужинали отдельно от всех, чтобы быть готовыми к оргиям; старухи руководили восемью прислуживающими за столом девочками; все сели за стол.

Эта трапеза, гораздо более плотная, чем обед, была обставлена с большой пышностью, блеском и великолепием. Сначала подали овощной суп с раковой заправкой и холодные закуски, состоящие из двадцати блюд. Затем их сменили двадцать горячих закусок, а тс, в свою очередь, сменили еще двадцать других деликатесных горя чих закусок, состоящих исключительно из белого мяса птицы, дичи, поданной во всевозможных видах. За ними последовала подача жар кого, появилось все самое острое, что можно себе вообразить. Затем настал момент холодных сладостей, которые вскоре уступили место двадцати шести блюдам преддесерта разнообразного вида и формы. Затем все убрали и заменили унесенное полным набором холодны,. и горячих сладостей. Наконец, появился десерт, который представлял собой огромное количество фруктов, независимо от времени года; потом мороженое, шоколад, ликеры заняли свое место на столе. Что касается вин, то они менялись при каждой новой подаче; к первой – бургундское, ко второй и третьей – два разных вида итальянских вин, к четвертой – Рейнское вино, к пятой – Ронское, к шестой – игристое шампанское и греческие вина двух сортов с двумя различными способами подачи. Головы друзей разогрелись. За ужином, в отличие от обеда, не было позволено слишком сильно ругать служанок: они, будучи квинтэссенцией того, что предлагало общество, должны были быть немного более обхаживаемы; взамен этого позволялась огромная доза сальностей. Герцог, полупьяный, сказал, что он хочет пить лишь мочу Зельмир; он выпил два больших стакана, которые заставил ее наполнить, поставив на стол и усадив в свою тарелку. «Какой подвиг – глотать мочу девственницы!» – сказал Кюрваль и подозвал к себе Фаншон: «Иди сюда, распутная девка, – сказал он ей, – я тоже хочу испить из того же источника». Склонив голову между ног этой старой колдуньи, он жадно проглотил нечистые потоки отравленной мочи, которые она метнула ему в желудок. Наконец, речи стали горячей, касались различных сторон нравов и философии, и я оставляю за читателем право думать, была ли улучшена этим нравственность обстановки. Герцог вознес хвалу распутству и доказал, что оно заложено в самой природе, и что, чем больше он предается различным отклонениям, тем больше он ей служит. Его мнение было всеми одобрено и встречено аплодисментами; все встали, чтобы претворить на практике принципы, которые только что

были установлены. Все было приготовлено в гостиной для оргий: женщины были уже голые, они лежали на грудах изразцов на полу вперемешку с молодыми распутниками, с этой целью вышедшими из-за стола вскоре после десерта. Наши друзья вошли, шатаясь; две старухи раздели их, и они упали посреди этого стада, как волки, которые нападают на овчарню. Епископ, страсти которого были накалены до предела теми препятствиями, которые встали у него на пути, захватил великолепный зад Антиноя, в то время как Эркюль вонзался в него самого; побежденный последним ощущением и той важной и столь желанной услугой, которую несомненно оказал ему Антиной, он, наконец, изверг потоки семени, такие стремительные и едкие, что потерял сознание в экстазе. Пары Бахуса перестали связывать чувства, которые сдерживали приступ распутства, и наш герой после потери сознания погрузился в такой глубокий сон, что его пришлось перенести в постель. Герцог со своей стороны тоже занялся делом. Кюрваль, вспомнив о предложении, которое Ла Мартен сделала Епископу, потребовал от нее исполнения и насытился до отвала в то время, как его обхаживали сзади. Тысячи прочих ужасов, непристойностей последовали за этими, и трое наших бравых чемпионов, поскольку Епископ полностью отключился, три доблестных атлета, говорю я вам, в сопровождении четырех «работяг» ночной службы, которых не было во время оргии и которые пришли за ними, удалились с теми же женщинами, которые были с ними на канапе.

Несчастные жертвы их грубостей! Им, судя по всему, они нанесли гораздо больше обид, чем ласк, и, несомненно, внушили больше отвращения, чем удовольствия. Такова была история первого дня.

Второй день

Все встали, как обычно. Епископ, полностью оправившийся от эксцессов и с четырех утра уже обиженный тем, что его оставили спать одного, позвонил, чтобы Юлия и мужлан, который был предназначен для него, пришли и заняли свои посты. Они тотчас же появились, и распутник погрузился в их объятия среди новых непристойностей. Когда был готов завтрак, по обыкновению, в аппартаментах девочек, Дюрсе нанес им визит, и новые юные прелестницы принесли себя в жертву. Мишетта была повинна в одном особом грехе, а Огюстин, которой Кюрваль повелел поддерживать себя весь день в определенном состоянии, находилась в состоянии совершенно противоположном: она ничего не помнила, но просила извинить ее за это и обещала, что

этого больше не произойдет; но кватрумвират был неумолим: обе были занесены в список наказуемых в первую же субботу. Поскольку все были крайне недовольны неумелостью всех маленьких девочек в искусстве мастурбации и раздосадованы тем, что не устранили дефект подобного рода накануне, Дюрсе предложил утром давать уроки по этому предмету: каждый по очереди будет вставать утром на час раньше; этот час для упражнений был установлен с девяти до десяти; итак, вставать, как я уже сказал, в девять часов, чтобы предаваться упражнению. Было решено: тот, кто будет выполнять эту задачу, должен сесть в центре сераля в кресло; каждая девочка, сопровождаемая и направляемая госпожой Дюкло, лучшей мастурбаторшей, какая только была в замке, подойдет, чтобы упражняться на нем; в то же время госпожа Дюкло будет направлять их руки, научит той или иной скорости, которую необходимо придать толчкам в зависимости от состояния клиента, объяснит, как они должны держаться, какие позы принимать во время операции; были установлены определенные наказания той, которая на исходе первых двух недель не освоит в совершенстве это искусство настолько, чтобы больше не требовалось уроков. Особо строго было рекомендовано, согласно принципам совокупления, держать головку члена открытой во время операции, и следить, чтобы вторая рука непрестанно занималась тем, что теребила бы все вокруг, следуя различным причудам тех, с кем они имели дело. Этот проект финансиста пришелся всем по душе. Госпожа Дюкло, призванная по этому поводу, согласилась выполнить поручение; в тот же день она приспособила в аппартаментах «годмише», на котором девочки могли постоянно тренировать свою кисть, чтобы развивать необходимую проворность. Эркюлю поручили вести то же самое занятие с мальчиками, которые были гораздо более ловки в этом искусстве, чем девочки, потому что нужно было всего-навсего делать другим то, что они делают сами себе; им потребовалась всего лишь неделя, чтобы стать самыми приятными мастурбаторами, каких только можно встретить. Среди них в это утро никто не дал маху, а пример Нарцисса накануне заставил отказаться почти от всех отпусков; в часовне находились лишь Дюкло, двое «работяг», Юлия, Тереза, Купидон и Зельмир. Кюрваль много мастурбировал; он удивительно распалился этим утром с Адонисом при посещении мальчиков; все думали, что он не выдержит, видя, как действуют Тереза и два содомиста, но он сдержался. Обед прошел, как обычно; только дорогой Председатель, слишком много выпив и напроказничав за трапезой, снова воспламенился за кофе, который подавали Огюстин и Мишетта, Зеламир и Купидон, руководимые старухой

Фаншон, которой, в виде исключения, приказали быть голой, как и дети. От этого контраста возник новый яростный приступ желаний у Кюрваля, и он дал себе волю (несколько поколебавшись в выборе) со старухой и Зеламиром, что наконец позволило ему пролить сперму. Герцог, со стоящим торчком членом, крепко прижимал к себе Огюстин; он орал, сквернословил, нес вздор, а бедная малышка, вся дрожа, все время отступала назад, точно голубка перед хищной птицей, которая подстерегает ее и готова схватить. Все же он довольствовался лишь несколькими похотливыми поцелуями и преподал ей первый урок помимо того, который она должна была начать изучать на следующий день. Двое же других, менее оживленные, уже начали сиесту, и наши два чемпиона последовали их примеру; все проснулись лишь в шесть часов, чтобы перебраться в гостиную рассказов. Все катрены предыдущего дня были изменены как по сюжетам, так и по костюмам, и у наших друзей соседями по дивану оказались: у Герцога – Алина, дочь Епископа и, по стечению обстоятельств, как минимум, племянница Герцога; у Епископа – его невестка Констанс, жена Герцога и дочь Дюрсе; у Дюрсе – Юлия, дочь Герцога и жена Председателя; у Кюрваля (чтобы проснуться и немного расшевелить себя) – его дочь Аделаида, жена Дюрсе, одно из тех созданий этого мира, которое он больше всего на свете любил доводить из-за ее добродетельности и набожности. Он начал с ней разговор с нескольких дурных шуток и, приказав ей сохранять во время всего вечера позу, отвечавшую его вкусам, но очень неудобную для этой бедной маленькой женщины, пригрозил ей всеми последствиями своего гнева, если она изменит позу хотя бы на миг.

Когда все было готово, Дюкло поднялась на свое возвышение и продолжила нить своего повествования такими словами:

«Три дня моя мать не появлялась дома, и ее муж, обеспокоенный скорее за последствия и деньги, чем за ее персону, решил войти в ее комнату, где они обычно прятали все, что у них было самого ценного. Каково было его удивление, когда вместо того, что он искал, он обнаружил записку от моей матери, которая писала ему, чтобы он смирился с постигшей его потерей, потому что, решив расстаться с ним навсегда и совсем не имея

денег, она вынуждена была взять с собой все, что могла унести; и что в конечном итоге он может обижаться за это лишь на себя и на плохое с ней обращение, и она оставляет ему двух девочек, которые стоят всего того, что она уносит с собой. Но малый был далек от того, чтобы считать, что одно стоило другого; он нам вежливо сказал, чтобы мы даже не приходили ночевать домой, и это было явным доказательством: он не думал так, как моя мать. Почти ничуть не обидевшись на такой прием, который давал нам, сестре и мне. полную свободу предаться в свое удовольствие той самой жизни, которая начинала нам нравиться, мы думали лишь о том, чтобы забрать той мелкие вещи и так же быстро распрощаться с дорогим отчимом, как он сам того желал. Мы перебрались с сестрой в маленькую комнатку, расположенную неподалеку, ожидая покорно, что еще преподнесет нам судьба. Наши первые мысли были об участи нашей матери. Мы ни минуты не сомневались, что она находится в монастыре, решив тайно жить у кого-нибудь из святых отцов или быть у него на содержании, устроившись в каком-нибудь уголке неподалеку; мы все еще не слишком беспокоились, когда один монах из монастыря принес нам записку, которая заставила изменить наши предположения. В записке говорилось, что следует, как только стемнеет, прийти в монастырь к монаху-сторожу, тому самому, который пишет эту записку; он будет ждать нас в церкви до десяти часов вечера и отведет нас туда, где находится наша мать, и где она с удовольствием разделит с нами счастье и покой. Он настойчиво призывал нас не упустить случая и особенно советовал скрыть свои намерения от всех, поскольку было очень важно, чтобы отчим не узнал ничего о том, что делалось для нашей матери и для нас. Моя сестра, которой в ту пору исполнилось пятнадцать лет и которая была сообразительней и практичней, чем я, которой было только девять, отослав человека и ответив, что она подумает об этом, не могла не сдержать своего удивления по поводу этих действий. «Франсон, – сказала она мне, – давай не пойдем туда. За этим что-то кроется. Если это предложение искреннее, то почему моя мать не приложила записки к этой или, по меньшей мере, не подписала ее? Да и с кем она может быть в монастыре? Отца Адриена, ее лучшего друга, нет там почти три года. С того времени она была лишь мимоходом, у нее там нет больше никакой постоянной связи. Монах-сторож никогда не был ее любовником. Я знаю, что она развлекала его два-три раза, но это не такой человек, чтобы подружиться с женщиной по причине одного: нет человека более непостоянного и жестокого по отношению к женщинам, как только его прихоть прошла! Откуда в нем может взяться интерес

к нашей матери? За этим что-то кроется, говорю тебе. Мне он никогда не нравился, этот старый сторож: он – злой, твердолобый, грубый. Один раз он затащил меня к себе в комнату, где с ним были еще трос; после того, что со мной там произошло, я крепко поклялась, что больше ноги моей там не будет. Если ты мне веришь, то давай оставим всех этих прохвостов – монахов. Больше не хочу скрывать от тебя, Франсом: у меня есть одна знакомая, я даже смею говорить, одна добрая подруга, ее зовут мадам Герэн. Я посещаю ее вот уже два года; с того времени не проходило недели, чтобы она не устроила мне хорошую партию, но не за двенадцать су, как то, что бывают у нас в монастыре: не было ни одной такой, с которой я бы не получила меньше трех экю! Взгляни вот доказательство, – продолжила она, показав мне кошелек, в котором было больше десяти луидоров, – ты видишь, мне есть на что жить. Ну так вот, если ты хочешь знать мое мнение, делай, как я. Госпожа Герэн примет тебя, я уверена в этом; она видела тебя восемь дней тому назад, когда приходила за мной, чтобы пригласить на дело, и поручила мне предложить тебе то же самое; несмотря на то, что ты еще мала, она всегда найдет, куда тебя пристроить. Делай, как я, говорю тебе, и наши дела вскоре пойдут наилучшим образом. В конце концов, это все, что я могу тебе сказать; в виде исключения, я оплачу твои расходы за эту ночь, но больше на меня не рассчитывай, моя крошка. Каждый – сам за себя в этом мире. Я заработала это своим телом и пальцами, и ты делай так же! А если тебя сдерживает целомудрие, то ступай ко всем чертям и не ищи меня, поскольку после того, что я сказала тебе, если даже я увижу, как ты высунул язык на два фута длиной, я не подам тебе и стакана воды. Что касается матери, то я далека от того, чтобы печалиться об ее участи, какой бы она не была, и мое единственное пожелание – чтобы эта проститутка была так далеко, чтобы мне никогда ее не видеть. Я вспоминаю как она мешала моей работе со своими добрыми советами в то время, как сама творила дела в три раза хуже. Дорогая моя, да пусть дьявол унесет ее и, главное, больше не возвращает назад! Это все, что я ей желаю».

По правде говоря, не обладая ни более нежным сердцем, ни более спокойной душой, чем моя сестра, я с полной верой разделила брань, которой она награждала нашу мать; поблагодарив сестру за то знакомство, которое она предложила мне, я пообещала ей пойти вместе к этой женщине и, как только она примет меня к себе, прекратить быть ей в тягость. «Если мать действительно счастлива, тем лучше для нее, – сказала я, – в этом случае мы можем быть счастливы, не испытывая необходимости

разделять ее участь. А если это – ловушка, которую нам подстроили, необходимо ее избежать». Тут сестра поцеловала меня. «Пойдем, – молвила она, – теперь я вижу, ты хорошая девочка. Будь уверена, мы разбогатеем. Я красива, ты – тоже, мы заработаем столько, сколько захотим, милая моя. Но не надо ни к кому привязываться, помни об этом. Сегодня – один, завтра – другой, надо быть проституткой, дитя мое, проституткой душой и сердцем. Что касается меня, – продолжила она, – то я, как ты видишь, настолько стали ей, что нет ни исповеди, ни священника, ни совета, ни увещания, которые могли бы вытащить меня из этого порока. Черт подери! Я пошла бы показывать задницу, позабыв о всякой благопристойности, с таким же спокойствием, как выпить стакан вина. Подражай мне, Франсом, мы заработаем на мужчинах; профессия эта немного трудна поначалу, но к этому привыкаешь. Сколько мужчин, столько и вкусов; тебе следует быть готовой к этому. Один хочет одно, другой – другое, но это не важно; мы для того, чтобы слушаться, подчиняться: неприятности пройдут, а деньги останутся». Признаюсь, я была смущена, слушая столь разнузданные слова от юной девушки, которая всегда казалась мне такой пристойной. Но мое сердце отвечало этому духу; я поведала ей, что была не только расположена действовать, как она, но даже еще хуже, если потребуется. Довольная мной, она снова поцеловала меня; начинало холодать, мы послали купить пулярку и доброго вина, поужинали и заснули вместе, решив утром пойти к госпоже Герэн и попросить ее принять нас в число своих воспитанниц. За ужином моя сестра рассказывала мне обо всем, чего я еще не знала о разврате. Она предстала предо мной совсем голая, и я смогла убедиться, что это было одно из самых прекрасных созданий, какие только встречались тогда в Париже. Самая прекрасная кожа, приятной округлости формы и, вместе с тем, гибкий, интересный стан, великолепные голубые глаза и все остальное – под стать этому! Я также узнала от нее, с какого времени госпожа Герэн пользовалась ее услугами, и с каким удовольствием она представляла ее своим клиентам, которым сестра никогда не надоедала и которые желали ее снова и снова. Едва оказавшись в постели, мы решили, что очень некстати забыли дать ответ Монаху-сторожу, который может возбудиться нашим пренебрежением; надо, по крайней мере, быть осторожнее, пока мы остаемся в этом квартале. Но как исправить эту забывчивость? Было больше одиннадцати часов, и мы решили пустить все на самотек. Судя по всему, это приключение запало глубоко в сердце сторожу, было довольно легко предположить, что он старался скорее для себя, чем для так называемого счастья, о котором нам

говорил; едва пробило полночь, как кто-то тихонько постучал к нам в дверь. Это был монах-сторож собственной персоной. Он ждал нас, как говорил, вот уже два часа; мы, по крайней мере, могли бы дать ему ответ. Присев подле нашей кровати, он сказал нам что наша мать окончательно решила провести остаток своих дне, в маленькой тайной квартирке, которая находилась у них в монастыре; здесь ей подавали лучшие блюда в мире, приправленные обществом самых уважаемых лиц дома, которые приходили проводить половину дня с ней и еще одной молодой женщиной компаньонкой матери; он собирался пригласить нас примкнуть к ним; поскольку мы были слишком юными, чтобы определиться, он наймет нас только на три года; по истечению срока он клялся отпустить нас на свободу, дав по тысяче экю каждой; он говорил что имел поручение от матери убедить нас, что мы доставим ей удовольствие, если придем разделить ее одиночество. «Отче, – нахально сказала моя сестра, – мы благодарим вас за выгодное предложение. Но в нашем возрасте не хотелось бы быть запертыми в монастыре, чтобы стать проститутками для священников мы и без того слишком долго были ими».

Сторож снова принялся настаивать на своем; он вкладывал в это столько огня, что прекрасно доказывало, до какой степени он хотел преуспеть. Наконец, видя, что ему это не удается, он почти в ярости бросился на мою сестру. «Ну-ка, маленькая проститутка – сказал он ей. – Удовлетвори-ка меня еще хотя бы раз, прежде чем я оставлю тебя». И, расстегнув штаны, он сел верхом на нее; она совершенно не сопротивлялась этому, убежденная в том, что, позволив ему удовлетворить свою страсть, скорее отделается от него. Развратник, зажав ее под собой между колен, стал раскачивать орудие, твердое и достаточно большое, всего в четырех дюймах от лица моей сестры. «Прекрасное лицо, – вскричал он, – прехорошенькое личико проститутки! Как я сейчас залью его спермой! О, черт подери!»

И в этот момент шлюзы открылись, сперма брызнула, и все лицо моей сестры, и особенно нос и рот, оказались покрытыми доказательством распутства нашего персонажа, страсть которого, возможно, не была удовлетворена столь дешево, если бы не удался его план. Успокоившись, монах думал теперь только о том, как уйти. Бросив нам экю на стол и снова засветив фонарь, он сказал: «Вы – две маленькие дурочки, две маленькие негодяйки, вы теряете свою удачу. Пусть небо накажет вас за это, бросив в нищету, и пусть я буду иметь удовольствие увидеть вас в качестве моего отмщения, – вот мои последние пожелания». Моя сестра, утираясь, безмолвствовала; наша дверь закрылась, чтобы

открыться нем, по крайней мере, мы провели остаток ночи спокойно. «То, что ты видела, – сказала мне сестра, – одна из его излюбленных страстей. Он безумно любит кончать на лицо девочек. Но если бы ограничивался только этим… нет же, этот развратник имеет и другие прихоти – такие опасные, что я очень боюсь…» Сестра, которую сморил сон, заснула, не закончив этой фразы, а следующий день принес другие приключения, и мы уже больше не вспоминали о былом. Мы встали рано утром и, принарядившись как можно лучше, отправились к госпоже Герэн. Эта героиня жила на улице Соли в очень чистой квартире на втором этаже, которую да снимала вместе с шестью взрослыми девушками от шестнадцати до двадцати двух лет, очень свежими и хорошенькими. Но позвольте мне, пожалуйста, господа, описать вам их по мере надобности. Госпожа Герэн, восхищенная планом, который привел к ней мою сестру, приняла нас и устроила обеих с превеликим удовольствием. «Хотя девочка, как вы видите, еще молода, – сказала сестра, указывая на меня, – она вам хорошо послужит, я за нее ручаюсь. Она нежная, обходительная, у нее очень хороший характер и в душе она законченная проститутка. Среди ваших знакомых много развратников, которые хотят детей; вот как раз такая, какая вам нужна… используйте ее ».

Госпожа Герэн, обернувшись ко мне, спросила, решилась ли я? «Да, мадам, я готова на все, – ответила я ей с несколько нахальным видом, который доставил ей удовольствие, – на все, чтобы заработать денег». Нас представили нашим новым товаркам, среди которых моя сестра была уже достаточно известна и которые, питая к ней дружеские чувства, пообещали позаботиться обо мне. Мы пообедали все вместе; одним словом, таково было, господа, мое вмещение в бордель.

Я должна была оставаться там слишком долго, не находя применения. В тот же самый вечер к нам пришел один старый негоциант, закутанный в плащ с ног до головы, с которым госпожа Герэн и свела меня для почина. «Вот, очень кстати, – сказала она старому развратнику, представляя меня. – Вы же любите, чтобы на теле не было волос, господин Дюкло: гарантирую вам, что у ней их нет». – «Действительно, – сказал этот старый чудак, глядя на меня в лорнет, – она и впрямь совсем ребенок. Сколько вам лет, крошка?» – «Девять, сударь». – «Девять лет… Отлично, отлично, мадам Герэн, вы же знаете, как мне нравятся такие. И еще моложе, если у вас есть: я бы брал их, черт подери, прямо при отлучении от кормилицы». Госпожа Герэн, смеясь над этими словами, удалилась, а нас закрыли вместе. Старый развратник, подойдя ко мне, два или три раза поцеловал меня в губы. Направляя своей рукой мою руку, он заставил

вынуть из своих брюк орудие, которое едва-едва держалось, и, по-прежнему, действуя без лишних слов, снял с меня юбчонки, задрал рубашку на грудь и, устроившись верхом на моих ляжках, которые он развел как можно шире, одной рукой открывал мою маленькую щель, а другой тем временем изо всех сил тер себе член. «Прекрасная маленькая пташка, – говорил он, двигаясь и вздыхая от удовольствия, как бы я приучил ее, если бы еще мог! Но я больше не могу; я напрасно старался, за четыре года этот славный парень больше не твердеет. Откройся, откройся, моя крошка, раздвинь хорошенько ножки». Через четверть часа, наконец, я увидела, что мой клиент вздохнул. Несколько «черт подери!» прибавили ему энергии, и почувствовала, как все края моей щели залила теплая, пенящаяся сперма, которую распутник, будучи не в силах вогнать внутрь, пытался, по меньшей мере, заставить проникнуть с помощью пальцев. Не успел он это сделать, как молниеносно ушел; я еще была занята тем, что вытирала себя, а мой галантный кавалер уже открывал дверь на улицу. Таковы, господа, истоки появления имени Дюкло: в этом доме существовал обычай: каждая девочка принимала имя первого, с кем она имела дело, и я подчинилась традиции».

«Минуточку, – сказал Герцог. – Я не хотел вас прерывать, до тех пор, пока вы сами не сделаете паузу. Объясните мне две вещи первое – получили ли вы известия от своей матери и вообще узнали ли вы, что с ней стало; и второе – существовали ли причины неприязни, которую вы с сестрой питали к ней? Это важно для истории человеческого сердца, а именно над этим мы работаем. – «Сударь, – ответила Дюкло, – ни сестра, ни я больше не имели ни малейших известий от этой женщины». – «Ну что ж, – сказал Герцог, в таком случае, все ясно, не так ли, Дюрсе?» – «Бесспорно, – ответил финансист. – В этом не стоит сомневаться ни минуты; вы были очень счастливы от того, что вам не пришлой идти на панель, поскольку оттуда вы никогда бы не вернулись». – «Неслыханно, как распространяется эта мания, – сказал Кюрваль.» – «Клянусь, это потому, что она очень приятна, – сказал Епископ.» – «А во-вторых? – спросил Герцог, обращаясь к рассказчице.» – «А во-вторых, сударь, честное слово, мне было бы очень тяжело рассказывать вам о причинах нашей неприязни; она была так сильна в наших сердцах, что мы признались друг другу, что чувствовали себя способными отравить мать, если бы нам не удалось отделаться от нее иным способом. Наше отвращение достигло предела, а поскольку оно не имело никакого выхода, то, вероятнее всего, это чувство в нас было делом рук природы». – «Да и кто в этом сомневается? – сказал Герцог. – Каждый день случается так, что она внушает нам самую сильную наклонность к

тому, что люди называют преступлением; вы отравили быее уже двадцать раз, если бы действие в вас не было результатом наклонности, которая толкнула бы вас на преступление, наклонности, которую она замечала в вас, подозревая о такой сильной неприязни. Было бы безумием представлять себе, что мы ничем не обязаны своей матери. Но на чем же тогда должно основываться признание? На том, что мать испытала оргазм, когда на ней сидели верхом? Ну, конечно! Что касается меня, то я вижу лишь в этом причины ненависти и отвращения. Разве мать дает нам счастье, производя нас на свет?.. Куда там! Она бросает нас в мир, наполненный подводными камнями, и мы должны выбираться из этого, как сможем. Я помню, что со мной бывало раньше, когда я испытывал к моей матери приблизительно те же чувства, что Дюкло испытывала к своей: я чувствовал омерзение. Как только я смог, я отправил ее в мир иной и никогда в жизни больше не испытывал столь сладострастного чувства, чем в тот момент, когда она закрыла глаза, чтобы больше их не открывать». В этот миг в одном катрене послышались ужасные рыдания; это был катрен Герцога. Все обернулись и увидели юную Софи, утопающую в слезах. Поскольку она была наделена иным сердцем, чем злодей, их разговор вызвал у нее в душе дорогое воспоминание о той, которая га ей жизнь и погибла, защищая ее в момент похищения. «Ах, черт подери, – сказал Герцог, – вот это великолепно. Вы оплакиваете вашу матушку, моя маленькая соплюшка, не так ли? Подойдите, подойдите-ка, я вас утешу». И развратник, разгоряченный и предварительными обстоятельствами, и разговорами, и тем, они делали, обнажил умопомрачительный член, который, судя всему, жаждал разрядки. Тем временем Мари подвела девочку. Слезы обильно текли у нее из глаз; ее смешной наряд послушников который она была одета в тот день, казалось, придавал еще больше обаяния горю, которое красило ее. Невозможно было быть еще более красивой. «О, несчастный Боже, – сказал Герцог, вскакивая, точно бешеный. – Какой лакомый кусочек я положу себе на зуб! Я хочу сделать то, о чем только что рассказала Дюкло: я хочу вымазать ей промежность спермой… Пусть ее разденут». Все молча ждали исхода этой стычки. «О, сударь, сударь, – вскричала Софи, бросаясь в ноги Герцогу, – проявите хотя бы уважение к моему горю! Я оплакиваю участь матери, которая была очень дорога мне, которая умерла, защищая меня, и которую я никогда больше не увижу. Проявите жалость к моим слезам и дайте мне отдохнуть хотя бы сегодня вечером.» – «Ах, твою мать, – сказал Герцог, держа свой член, который угрожал небу. – Я никогда не подумал бы, что эта сцена может быть такой сладострастной.

Разденьте же, разденьте! – в ярости говорил он Мари, – она должна быть голой».

Алина на софе Герцога, горько плакала, как и нежная Аделаида, всхлипывающая в нише Кюрваля, который ничуть не разделяя боль этого прекрасного создания, жестоко бранил ее за то, что она сменила позу, в которую он ее поставил, но, впрочем, с самым живейшим интересом следил за исходом прелестной сцены. Тем временем Софи была раздета, не вызвав ни малейшего сочувствия: ее помещают в то же положение, которое только что описала Дюкло, и Герцог объявляет, что сейчас кончит. Но как быть? То, что рассказала Дюкло, совершалось человеком, который не испытывал эрекции, и разрядка его дряблого члена могла направляться туда, куда он хотел. Здесь же все было совсем не так: угрожающая головка орудия Герцога не хотела отворачиваться от неба, которому, казалось, угрожала; надо было, так сказать, поместить девочку наверх. Никто не знал, как это сделать, но чем больше находилось препятствий, тем сильнее крайне возбужденный Герцог чертыхался и извергал проклятья. Наконец, на помощь пришла Ла Дегранж. Не было ничего такого в области распутства, что было неизвестно этой колдунье. Она схватила девочку и усадила ее так ловко к себе на колени, что как бы ни стоял Герцог, конец его члена касался влагалища. Две служанки подошли, чтобы придерживать ноги девочки, и она, возможно, могла уже лишиться девственности; никогда она не выглядела такой прекрасной. Но это было еще не все: надо было ловкой рукой ограничить поток и направить его прямо по назначению. Бланжи не хотел рисковать не ловкой рукой ребенка для такой важной операции. «Возьми, Юлия, – сказал Дюрсе, – ты будешь этим довольна». Она начинает напрягать его. «О, черт подери! – сказал Герцог, – она мне все испортит, потаскуха, я ее знаю: я – все-таки ее отец; она ужасно боится». – «Честное слово, я советую тебе мальчика, – сказал Кюрваль, – возьми Эркюля, у него такая гибкая кисть». – «Я хочу только Дюкло, – сказал Герцог, – она лучшая из всех наших «трясуний»; позвольте ей ненадолго покинуть свой пост, пусть подойдет сюда». Дюкло подходит, очень гордая тем, что ей оказано особое предпочтение. Она закатывает рукав до локтя, и, обхватив огромный инструмент господина, принимается тереть его, оставляя все время головку открытой, шевеля его с мастерством, доводя быстрыми и в то же время размеренными толчками; наконец, бомба взрывается в ту самую щель, которую она должна покрыть. Герцог кричит, извергает проклятья, неистовствует, заливает себя. Дюкло не расстраивается; ее движения определяются степенью того удовольствия, которое они доставляют; Антиной, специально

поставленный рядом, аккуратно заставляет проникнуть сперму во влагалище по мере того как она вытекает, а Герцог, побежденный сладострастными ощущениями, видит, вздыхая от сладострастия, как в пальцах его трясуньи понемногу сникает пылкий член, рвение которого только что так пылко его распаляло. Он бросается на свою софу, госпожа Дюкло возвращается на свое место; девочка вытирается, успокаивается, возвращается в свой катрен, и рассказ продолжается, оставляя зрителей убежденными в истине, которой они, как я думаю, были проникнуты уже давно: идея преступления всегда умела распалять чувства и вести нас к разврату.

«Я была очень удивлена, – сказала Дюкло, возобновляя свое повествование, – когда увидела что все мои товарки смеются, подойдя ко мне, спрашивают, вытерлась ли я, и делают еще тысячу других замечаний, которые доказывали, что они очень хорошо знакомы с тем, что я только что проделала. Меня не оставили надолго одну; сестра, отведя меня в комнату по соседству с той, в которой обычно совершались партии, и в которой я совсем недавно была заперта, показала мне дырку, которая была нацелена прямо на канапе, все легко видели, что происходило. Она сказала мне, что мадемуазели развлекались между собой тем, что ходили сюда смотреть, что мужчины проделывали с их товарками, и что я сама вольна прийти сюда, когда захочу, лишь бы только место было не занято; поскольку частенько случалось, говорила она, что эта уважаемая дыра служила тайнам, которым меня обучат в свое время и в надлежащем месте. Я пробыла неделю, не воспользовавшись этим удовольствием; и вот, однажды утром, когда кто-то пришел и спросил девицу по имени Розали, одну из самых красивых блондинок, какую только можно было увидеть, мне стало любопытно понаблюдать, что с ней будут делать. Я спряталась; вот какова была сцена, свидетелем которой я стала: мужчине, с которым Розали имела дело, было не больше двадцати шести – тридцати лет. Как только она вошла, он усадил девушку на табурет, очень высокий и предназначенный специально для этой церемонии. Едва она оказалась там, он вытащил все шпильки, которые держали ее волосы и распустил до самой земли поток великолепных светлых волос, украшавших голову этой прекрасной девушки; затем вытащил из кармана расческу, расчесал их, перебрал руками, поцеловал, перемежая каждое действие восхвалением этих волос, которые исключительно его занимали. Наконец, вытащил из своих штанов маленький член, сухой и негнущийся, быстро укутал его в волосы своей Дульсинеи и, копошась с ним в волосах, кончил, обняв другой рукой шею

Розали и припав к ее губам; затем он извлек свое орудие. Я увидела, что волосы моей товарки все залиты спермой; она вытерла их, завязала и наши любовники расстались.

Месяц спустя за моей сестрой пришли для одного человека, на которого наши мадемуазели посоветовали мне пойти посмотреть, потому что он обладал достаточно вычурной фантазией. Это был человек лет пятидесяти. Едва он вошел, как без всяких предварительных действий и ласки показал сестре свой зад; она, зная об этом обряде, заставляет его наклониться над кроватью, обхватывает эту дряблую и морщинистую задницу и начинает сотрясать ее с такой яростной силой, что кровать трещит. Тем временем наш муж, не показывая ничего другого, возбуждается, вздрагивает, следует за движениями, похотливо отдастся этому наслаждению и кричит, что кончает. Движения на самом деле очень сильны, поскольку моя сестра была вся в мыле. Но какие жалкие мгновения, какое бесплодное воображение!

Если тот, которого мне представили немного спустя, и не добавил подробностей новой картине, то по меньшей мере, он казался более сладострастным и, по-моему, его мания носила больший оттенок распутства. Это был толстый человек лет сорока, коренастый, но еще свежий и веселый. Поскольку я никогда не имела дела с человеком такого вкуса, то первым моим движением, когда я оказалась с ним, было заголиться до пупка. Даже у собаки, которой показывают палку, не так вытягивается морда: «Ну, черт подери! Милая моя, оставим в стороне твою дыру, прошу вас». С этими словами он опускает мои юбки с большей поспешностью, чем та, с которой я их поднимала. «Эти маленькие проститутки, – прибавил он раздраженно, – все время показывают то, что не надо! Вы виноваты в том, что я, возможно, уже не смогу кончить сегодня вечером… до того, как я выброшу ваше жалкое отверстие из своей головы». Говоря так, он повернул меня спиной и задрал мои нижние юбки сзади. В этом положении, поддерживая мои задранные юбки, чтобы видеть, как движется моя задница при ходьбе, он подвел меня к кровати, на которую уложил меня на живот. Тогда он начал внимательно разглядывать мой зад, загораживая от себя рукой переднюю нору, которой, как мне казалось, он боялся больше огня. Наконец, предупредив меня, чтобы я скрывала, как только могла эту недостойную часть (я пользуюсь его выражением), он двумя руками долго и развратно копошился в моем заду, раздвигал и сдвигал его, припадал к нему губами, и даже раз или два я почувствовала, как губы его касаются отверстия; он еще не был возбужден… Но все же, явно спеша, настроил себя на развязку операции. «Ложитесь прямо на пол, – сказал он мне, бросив

несколько подушек, – туда, да, вот так… пошире разведите ноги, немного приподнимите зад, чтобы отверстие в нем было открыто широко, как вы только сможете. «Прекрасно», – прибавил он, видя мою покорность. Взяв табурет, он поставил его у меня между ног и сел на него так, что его член, который он, наконец, вытащил из штанов и стал трясти, оказался, так сказать, на уровне отверстия, которому он расточал похвалы. Тут его движения стали более быстрыми. Одной рукой он тер себе член, другой раздвигал мне ягодицы; несколько похвал, приправленные многочисленными ругательствами, составляли его речи: «А! Черт возьми, какая прекрасная жопа! – кричал он. – Великолепное отверстие, ах, как я сейчас залью его!» И он сдержал слово. Я почувствовала, что вся мокрая; развратник, казалось, был окончательно сражен своим экстазом. Это правда, что почести, оказываемые заднему храму, вызывают всегда больше пыла. Гость удалился, пообещав приходить ко мне, поскольку я хорошо удовлетворяла его желания. Действительно, он стал являться со следующего дня, но непостоянство заставило его предпочесть мою сестру. Я подглядывала за ними и увидела, что он пользовался теми же приемами, которым моя сестра подчинялась с той же покорностью». – «А у твоей сестры была красивая задница?» – спросил Дюрсе. – «Один единственный штрих позволит вам судить об этом, сударь, – сказала Дюкло. – Один знаменитый художник, которому заказали исполнить изображение Венеры с великолепными ягодицами, пригласил ее моделью после поисков, как он говорил, у всех парижских сводниц, где он так и не нашел ничего стоящего». – «Поскольку ей было тогда пятнадцать лет, а у нас есть девочки того же возраста, сравни ее зад с какой-нибудь жопой из тех, что ты видишь перед собой», – прибавил финансист. Дюкло устремила свой взор на Зельмир и сказала, что ничего не может найти подобного, не только по части зада, но даже и лица, которые хота бы отдаленно напоминали ее сестру. «Ну-ка, Зельмир, – сказал финансист, – подойдите, покажите мне ваши ягодицы». Она была как раз из его катрена. Очаровательная девушка подходит, вся дрожа. Ее кладут на живот у ножек дивана; зад приподнимают, подложив подушки маленькое отверстие появляется целиком. Распутник начинаем возбуждаться, целует и теребит то, что предстало перед ним. Он приказывает Юлии трясти ему член; это выполняется. Его руки шарят по другим местам, похоть опьяняет его; его маленький инструмент под воздействием сладострастных толчков Юлии, вроде бы твердеет на мгновение, распутник извергает проклятья, сперма течет; раздается звонок к ужину.

Одинаковое изобилие царило во время всех трапез; описать

од ну из них означало описать все. Но поскольку все уже имели раз рядку, за ужином было необходимо восстановить силы; поэтому все много пили. Зельмир, которую называли сестрой Дюкло, особе чествовали во время оргий, и каждый хотел поцеловать ей зал Епископ оставил там сперму, трос других снова возбудились; спать все улеглись, как и накануне: каждый с теми женщинами, которые были у него на диване и четырьмя мужчинами, которые совершенно не показывались с обеда.

Третий день.

С девяти утра Герцог был уже на ногах. Именно он должен был участвовать в уроках, которые Дюкло собиралась давать девочкам Он устроился в кресле и в течении часа испытал на себе различны! прикосновения, мастурбации, поллюции, позы каждой из девочек ведомых и направляемых их учительницей; как это можно себе легко вообразить, его огненный темперамент оказался в диком возбуждении от церемонии. Ему стоило невероятных усилий над собой не пролить своей спермы; достаточно хорошо владея собой, он сумел сдержаться и вернулся, торжествующий, похвалиться, что он только что выдержал штурм и бросает вызов друзьям, которые вряд ли смогут выдержать его с таким хладнокровием. Это заставило установить штраф в пятьдесят луидоров, который налагался бы на того, кто кончит во время уроков. Вместо завтрака и визитов, утро было использовано для того, чтобы упорядочить таблицу семнадцати оргий, запланированных на конец каждой недели, а также для установления окончательного приговора по лишению девственности, который теперь можно было утвердить: все лучше познакомились друг с другом. Поскольку эта таблица окончательно упорядочивала все операции компании, мы сочли необходимым предоставить копию ее читателю. Нам показалось, что, зная о предназначении участников, он проявит больше интереса к ним в остальных операциях.

Таблица планов на остаток предприятия.

Седьмое ноября, полное завершение первой недели; с самого утра все займутся свадьбой Мишетты и Житона; двое супругов, которым возраст не позволяет соединяться, как и трем следующим супружеским парам, будут разлучены в тот же вечер, и никто больше не станет вспоминать об этой церемонии, которая послужит лишь для развлечения… В тот же вечер все примутся за наказание участников, занесенных в список месяца.

Четырнадцатого также будет устроена свадьба Нарцисса и Эбе, ни тех же условиях, что описаны выше.

Двадцать первого – также свадьба Коломб и Зеламир.

Двадцать восьмого – Купидона и Розетты.

Четвертого декабря – рассказы госпожи Шамвиль, которые должны подвигнуть общество на следующие экспедиции; Герцог лишит девственности Фанни.

Пятого Фанни выйдет замуж за Гиацинта, который будет пользовать свою молодую супругу перед всем собранием. Таким будет праздник пятой недели, а вечером, как обычно, наказании, поскольку свадьбы будут отмечаться с утра.

Восьмого декабря Кюрваль лишит девственности Мишетту.

Одиннадцатого Герцог лишит девственности Софи.

Двенадцатого, чтобы отмстить праздник шестой недели, Софи будет отдана замуж за Селадона на тех же условиях, что и брак описанный выше. Больше, впрочем, это не будет повторяться.

Пятнадцатого Кюрваль лишит девственности Эбе.

Восемнадцатого Герцог лишит девственности Зельмир, а *девятнадцатого,* чтобы отмстить праздник седьмой недели, Адонис женится на Зельмир.

Двадцатого Кюрваль лишит девственности Коломб.

Двадцать пятого, в Рождество, Герцог лишит девственности Огюстин, а *двадцать шестого,* к празднику восьмой недели Зефир женится на ней.

Двадцать девятого Кюрваль лишит девственности Розетту (вышеупомянутые распоряжения были предусмотрены для того,

чтобы Кюрваль, имевший член меньше, чем у Герцога, брал дли себя самых маленьких девочек).

Первого января, первый день, когда рассказы Ла Мартен заставят задуматься о новых удовольствиях, все приступят к содомским растлениям в следующем порядке:

Первого января Герцог проникнет в зад Эбе.

Второго, чтобы отмстить девятую неделю, Эбе лишенная невинности Кюрвалем спереди и Герцогом – сзади, будет отдана Эркюлю, который развлечется с ней так, как это будет предписано, перед всем собранием.

Четвертого Кюрваль покусится на зад Зеламира.

Шестого Герцог нападет на зад Мишетты, а девятого, чтобы отмстить окончание десятой недели, Мишетта, которая лишена невинности спереди – Кюрвалем и сзади – Герцогом, будет отдана «Разорванному Заду», чтобы тот развлекся с ней и т.д.

Одиннадцатого Епископ будет трахать в зад Купидона.

Тринадцатого Кюрваль будет иметь в зад Коломб.

Шестнадцатого, в честь праздника одиннадцатой недели, Коломб, которую лишит невинности спереди – Кюрваль, а сзади - Епископ, будет отдана Антиною, который развлечется с ней и т.д.

Семнадцатого Герцог будет трахать в зад Житона.

Девятнадцатого Кюрваль поимеет в зад Софи.

Двадцать первого Епископ трахнет в зад Нарцисса.

Двадцать второго Герцог будет иметь в зад Розетту.

Двадцать третьего в честь праздника двенадцатой недели Розетта будет отдана «Струю-В-Небо».

Двадцать пятого Кюрваль будет трахать в зад Огюстин.

Двадцать восьмого Епископ поимеет в зад Фанни.

Тридцатого в честь праздника тринадцатой недели Герцог будет сочетаться браком с Эркюлем в качестве мужа и Зефиром в качестве жены; свадьба эта совершится, как и три следующих за ней, перед всеми.

Шестого февраля в честь праздника четырнадцатой недели Кюрваль будет сочетаться браком с «Разорванным-Задом» в качестве мужа и Адонисом в качестве жены.

Тринадцатого февраля, в честь праздника пятнадцатой недели. Епископ будет сочетаться браком с Антиноем в качестве мужа и Селадоном в качестве жены.

Двадцатого февраля, в честь праздника шестнадцатой недели Дюрсе будет сочетаться браком со «Струей-В-Небо» в качестве мужа и Гиацинтом в качестве жены.

Что касается праздника семнадцатой недели, который падает на двадцать седьмое февраля, канун завершения рассказов, то он будет ознаменован жертвоприношениями; и господа сохраняют за собой исключительное право выбора жертв.

Во время обеспечения приготовлений все девственницы и девственники были учтены, за исключением тех четырех мальчиков, С которыми господа должны были сочетаться браком в качестве жен, и которых сохраняли до определенного момента в неприкосновенности, чтобы продлить забаву до конца предприятия. По мере того, как эти «объекты» будут лишены девственности, они заменят супруг на диванах во время повествований; ночи господа проведут по выбору с четырьмя последними девственниками, которых они сохранят для себя в качестве жен на последний месяц. С того момента, когда лишенные девственности девочка и мальчик заменят супругу на диване, эта супруга будет отвергнута. Она попадет во всеобщую немилость и будет занимать положение ниже служанок. Что касается Эбе, которой двенадцать лет, Мишетты, которой двенадцать лет, Коломб, которой тринадцать, Розетты, которой тринадцать, – то по мере того, как они будут отданы в руки

мужланов и осмотрены ими, они попадут в ту же немилость: будут использоваться лишь для тяжких и жестоких похотей и займут положение наравне с отвергнутыми супругами; с ними будут обращаться крайне сурово. С 24 января, все четыре девочки будут находиться по тому же ранжиру.

Из таблицы видно, что Герцогу предстояло лишить девственности Фанни, Софи, Зельмир, Огюстин, Мишетту, Житона, Розетту и Зефира; Кюрвалю предстояло лишить девственности Мишетту, Эбе, Коломб, Розетту, Зеламира, Софи, Огюстин и Адониса; Дюрсе, который совершенно не мог трахать, предстоит единственное лишение невинности зада Гиацинта, на котором он женится, как на жене; Епископ, который предпочитает только зад, совершит содомское лишение невинности Купидона, Коломб, Нарцисса, Фанни и Селадона.

Целый день прошел за тем, чтобы записать все установки и посудачить по этому поводу; поскольку никто не провинился, все прошло без происшествий до часа рассказов, где все было обставлено как обычно, хотя и с некоторыми отличиями; знаменитая Дюкло поднялась на свой помост и продолжила повествование, начатое накануне:

«Один молодой человек, пристрастие которого, на мой взгляд, хотя и достаточно распутное, тем не менее было особенным, появился у мадам Герэн спустя немного времени после последнего приключения, о котором я вам вчера рассказала. Ему нужна была молодая и свежая кормилица; он сосал ее грудь и кончал на ляжки доброй женщины, напиваясь до отвала ее молока. Его член показался мне совсем ничтожным; сам он был весь тщедушный, и раз рядка его была такой же слабой, как все действия. На следующий день появился еще один человек, пристрастие которого вам покажется, несомненно, забавным. Он хотел, чтобы женщина была вся закутана в покрывало, которое скрывало бы от него ее чрево и лицо. Единственная часть тела, которую он хотел видеть, был зад; все остальное было ему безразлично, и можно было быть уверенным, что он будет очень раздосадован, увидев остальное. Мадам Герэн привела для него даму с улицы, очень страшную, почти пятидесяти лет, ягодицы которой были очерчены, точно ягодицы Венеры. Не было ничего более прекрасного для глаз. Я захотела увидеть эту сцену. Старая дуэнья, плотно закутанная в покрывало, тотчас же оперлась животом о край кровати. Наш распутник, человек лет тридцати, как мне показалось, из судейского сословия, задирает ей юбки до пояса, приходит в неистовый восторг при виде красот в его вкусе, которые предстают перед ним. Он касается их руками, раздвигает ягодицы, страстно целует их; его фантазия распаляется гораздо

больше от того, что он воображает себе, чем от того, что он действительно увидел, если бы женщина была без покрывала, будь она даже хорошенькой; он воображает себе, что имеет дело с самой Венерой, и после довольно недолгого гона его орудие, ставшее твердым при помощи толчков, извергает благодатный дождь на эту роскошную задницу, которая предстает перед глазами. Его разрядка была быстрой и бурной. Он сидел перед предметом своего поклонения; одной рукой раскачивал его, а другой орошал спермой; раз десять он вскричал: «Какая прекрасная жопа! Ах! Какое наслаждение заливать спермой такую жопу!» Затем встал и ушел, не проявив ни малейшего желания узнать, с кем имел дело.

Спустя некоторое время один молодой аббат попросил у госпожи мою сестру. Он был молодым и красивым, но член его был едка различимым, маленьким и вялым. Он уложил ее, почти раздетую, на диван, встал на колени между ее ляжками, поддерживая за ягодицы двумя руками, причем одной рукой он щекотал ей красивую маленькую дырочку зада. Тем временем его губы коснулись нижних губ моей сестры. Он щекотал ей клитор языком и делал это ловко; так согласованы и равномерны были его движения, что через две-три минуты он привел ее в исступление. Я видела, как склонилась ее голова, помутился взор, и плутовка закричала: «Ах, мой дорогой аббат, ты заставляешь меня умирать от удовольствия». Привычкой аббата было глотать жидкость, которую заставляло течь его распутство. И он не преминул сделать это и, трясясь, извиваясь, в свою очередь, раскачиваясь на диване, на котором лежала моя сестра, рассеял по полу верные знаки своей мужественности. На следующий день была моя очередь и, уверяю вас, господа, это было одно из самых приятных ощущений, какие только мне довелось испытать за всю жизнь. Этот плут аббат получил мои первые плоды, и первая влага оргазма, которую я потеряла, попала к нему в рот. Будучи более услужливой, чем моя сестра, чтобы отблагодарить его за удовольствие, которое он мне доставил, я непроизвольно схватила его нетвердый член; моя маленькая рука вернула ему то, что его рот заставил ощутить меня с таким наслаждением.»

Здесь Герцог не мог удержаться, чтобы не прервать рассказ. Исключительно разгоряченный поллюциями, которым он предавался утром, он решил, что этот вид распутства, исполненный с прелестной Огюстиной, живые и плутоватые глаза которой свидетельствовали о рано пробудившемся темпераменте, заставит его пролить сперму, от которой покалывало у него в яичках. Она была из его катрена, была ему достаточно приятна и предназначалась для лишения ее невинности; он подозвал ее. В

тот вечер она нарядилась смешным мальчуганом и была прелестна в этом костюме. Дуэнья задрала ей юбки и расположила ее в позе, описанной Дюкло. Герцог сначала занялся ягодицами: встал на колени, ввел ей палец в анальное отверстие, легонько щекотал его, принялся за клитор, который у любезной девочки уже хорошо обозначился, и начал сосать его. Уроженки Лангедока весьма темпераментны. Огюстин доказала это: ее прекрасные глаза оживились, она вздохнула, ее ляжки непроизвольно приподнялись, и герцог был счастлив, получив молодую влагу, которая, несомненно текла в первый раз. Но невозможно получить два счастья подряд. Есть распутники, закореневшие в пороке: чем проще и деликатнее то, что они делают, тем меньше их проклятая голова от этого возбуждается. Наш дорогой Герцог был из таких: он проглотил сперму нежной девочки в то время, как его собственная не пожелала пролиться. И тут наступил миг (поскольку не существует ничего более непоследовательного, чем распутник), тот миг, говорю я, когда он собирался обвинить в этом несчастную малышку, которая, совершенно смущенная тем, что дала волю природе, закрыла голову руками и пыталась бежать на свое место. «Пусть сюда поставят другую, – сказал Герцог, бросая яростные взгляды на Огюстин, – я буду сосать их всех до тех пор, пока не кончу». К нему приводят Зельмир, вторую девочку из катрена. Она была одного возраста с Огюстин, но ее горькое положение сковывало в ней всякую способность испытывать наслаждение, которое, возможно, не будь этого, природа также позволила бы ей вкусить. Ей задирают юбки, обнажая маленькие ляжки белес алебастра; там виднеется бугорок, покрытии легким пушком, который едва начинает появляться. Ее располагают в нужной позе; она машинально подчиняется, но Герцог старается напрасно, ничего не выходит. Спустя четверть часа он в ярости поднимается и кидается в свой угол с Эркюлем и Нарциссом: «Ах! Раздери твою мать, я вижу, что это совершенно не та дичь, которая мне нужна, – говорит он о двух девочках, – мне удастся сделать это только вот с этими». Неизвестно, каким излишествам он продавался, но спустя мгновения послышались крики и вой, которые доказывали, что он одержал победу, и что для разрядки мальчики были более надежным средством, чем самые восхити тельные девочки. Тем временем Епископ также увел в комнату Житона, Зеламир и «Струю-В-Небо»; после того, как порывы его разрядки достигли слуха собравшихся, два собрата, которые, суля по всему, предавались тем же излишествам, вернулись, чтобы до слушать остаток рассказа; наша героиня продолжила в следующих словах:

«Почти два года прошло. У госпожи Герэн не появлялось никаких других клиентов: лишь люди с обычными вкусами, о которых не стоит вам рассказывать, или же те, о которых я вам только что говорила. И вот однажды мне велели передать, чтобы я прибралась и особенно тщательно вымыла рот. Я подчиняюсь и спускаюсь вниз. Человек лет пятидесяти, толстый и расплывшийся, обсуждал что-то с Герэн. «Посмотрите, сударь, – сказала она. – Ей вест лишь двенадцать лет, и она чиста и безупречна, словно только что вышла из чрева матери, за что я ручаюсь». Клиент разглядываем меня, заставляет открыть рот, осматривает зубы, вдыхает мое дыхание. Несомненно, довольный всем, он переходит со мной в «храм», предназначенный для удовольствий. Мы садимся друг против друга очень близко. Невозможно вообразить ничего более серьезного, холодного и флегматичного, чем мой кавалер. Он направил лорнет, разглядывая меня и полуприкрыв глаза; я не могла понять, к чему все это должно было принести, когда нарушив, наконец, молчание, он велел мне собрать во рту как можно больше слюны. Я подчиняюсь, и как только он счел, что мой рот полон ей, он со страстью бросается мне на шею, обвивает рукой мою голову, чтобы она была неподвижной и, прилепившись своими губами к моим, выкачивает, втягивает, сосет и глотает поспешно всю чудодейственную жидкость, которую я собрала и которая, казалось, приводила его в экстаз. Он втягивает в себя с тем же пылом мой язык и, как только чувствует, что тот стал сухим, и замечает, что у меня во рту больше ничего не осталось, приказывает мне снова начать операцию; и так восемьдесят раз подряд. Он сосал мою слюну с такой яростью, что я почувствовала, что дыхание сперло у меня в груди. Я думала, что хотя бы несколько искр удовольствия увенчают его экстаз, но ошиблась. Его флегма, которая нарушалась лишь в момент его странных сосаний, становилась такой же, как только он заканчивал; когда я ему сказала, что больше так не могу, он принялся смотреть на меня, пристально разглядывать, как делал это в начале; поднялся, не говоря мне ни слова, заплатил госпоже Герэн и ушел».

«Ах, черт подери! Черт подери! – сказал Кюрваль. – Значит, я счастливсе его, потому что я кончаю». Все поднимают головы, и каждый видит, что дорогой Председатель делает с Юлией, своей женой, которую в тот день он имел сожительницей на диване, то, о чем только что рассказывала Дюкло. Все знали, что эта страсть была в его вкусе, особенно дополнительные эпизоды, которые Юлия представляла ему наилучшим образом, и которые юная Дюкло, несомненно, не могла так хорошо представить своему

кавалеру, если судить, по крайней мере, по тем указаниям, которые тот требовал и которые были далеки от того, что желал Председатель.

«Спустя месяц, – сказала Дюкло, которой было приказано продолжать, – мне опять пришлось иметь дело с сосателем, но совершенно иного характера. Это был старый аббат, который предварительно расцеловав меня и поласкав мой зад в течение получаса, сунул свой язык в заднее отверстие, протолкнул поглубже и выкручивал его там с таким мастерством, что я чувствовала его почти у себя в кишках. Этот тип, менее флегматичный, разведя мне ягодицы одной рукой, очень сладострастно тер член другой и кончил, притянув к себе мой анус с такой силой и щекоча его так похотливо, что я разделила его экстаз. Когда он это сделал, он еще мгновение разглядывал мои ягодицы, остановив взгляд на отверстии, которое только что расширил, и не мог удержаться от того, чтобы еще раз не запечатлеть на нем своих поцелуев; затем ушел, уверяя меня, что будет часто возвращаться и просить только меня и что он доволен моей жопой. Он сдержал слово: в течение почти полугода приходил совершать со мной три-четыре раза в неделю ту же самую операцию, к которой меня так славно приучил, и всегда заставлял вздыхать от наслаждения, что, впрочем, как мне казалось, ему было совершенно безразлично, поскольку ни разу он об этом но спрашивал».

На этом месте Дюрсе, которого воспламенил рассказ, захотел, как и тот старый аббат, пососать отверстие в заднице, но только не у девочки. Он зовет Гиацинта, который нравился ему больше всего, ставит его перед собой, целует ему зад, возбуждает себе член, начинает толчки. По нервной дрожи, по спазму, который предшествовал всегда его разрядке, можно было подумать, что его маленький некрасивый анчоус, который изо всех сил сотрясала Алина, собирался, наконец, извергнуть свое семя; но финансист не был так расточителен: он все же не кончил. Все решили сменить ему объект, предоставив Селадона, но дело не двинулось. К счастью, колокольчик, звонивший к ужину, спас честь финансиста. «Здесь я не виноват, – сказал он, смеясь, своим собратьям, – вы же видите, я был близок к победе; а этот проклятый ужин оттягивает ее. Идемте, сменим страсть, я вернусь еще более пылким к любовным битвам, когда Бахус увенчает меня». За ужином, столь вкусным, веселым и, как обычно, распутным, последовали оргии, во время которых было совершено немало мелких непристойностей… Было там немало высосанных ртов и задниц, но одно из развлечений особенно занимало: скрыв лицо и грудь девушек, нужно было узнать их по

ягодицам. Герцог несколько раз ошибался, но трос других так пристрастились к задницам, что не ошиблись ни разу. Затем все отправились спать, а следующий день принес новые наслаждения и несколько новых мыслей.

Четвертый день.

Друзьям очень нравилось вспоминать среди дня о тех малышках, как среди девочек, так и среди мальчиков, которых им по праву предстояло лишить невинности; они решили заставить их носить со всеми различными костюмами ленту в волосах, которая указывала бы на то, кому они принадлежат. В этой связи Герцог избрал себе розовый и зеленый цвета, и каждый, кто будет носить спереди розовую ленту должен принадлежать ему передком; точно также, как тот, кто будет носить зеленую ленту сзади, должен был принадлежать ему задом. С этого момента Фанни, Зельмир, Софи и Огюстин завязали розовые банты с одной из сторон своих при чесок, а Розетта, Эбе, Мишетта, Житон и Зефир завязали зеленые банты сзади в волосах в качестве свидетельства о правах, которые Герцог имел на их жопы. Кюрваль избрал черный цвет для переда и желтый – для зада, и, таким образом, Мишетта, Эбе, Коломб и Розетта должны были впредь постоянно носить черные банты спереди, а Софи, Зельмир, Огюстин, Зеламир и Адонис завязывали сзади в своих волосах желтые. Дюрсе отмстил одного только Гиацинта сиреневой лентой сзади, а Епископ, которому предназначалось лишь пять первых содомских опытов, приказал Купидону, Нарциссу, Коломб и Фанни носить фиолетовую ленту сзади. Каким бы ни был костюм, эти ленты не должны были быть сняты; с одного взгляда, видя одного из этих молодых людей с тем или иным цветом спереди и тем или иным цветом сзади, тотчас же можно было различить, кто имел право на его жопу, а кто на передок.

Кюрваль, который провел ночь с Констанс, громко пожаловался на нее утром. Не совсем известно, что послужило причиной для его жалоб: распутнику так легко не понравиться. В тот момент, когда он собирался потребовать для нее наказания на ближайшую субботу, эта прекрасная особа заявила, что она беременна, и Кюрваль, оказался единственный, кого можно было заподозрить в этом деле, так как он познал ее плоть лишь с началом этой партии, то есть четыре дня назад. Новость изрядно забавила наших распутников теми тайными похотями, которые, по их мнению, она им готовила. Герцог никак не мог опомниться от этого. Как бы там ни было, событие стоило девушке освобождения от наказания, которое она должна была понести за

то, что не понравилось Кюрвалю. Всем хотелось оставить дозреть эту грушу, беременная женщина забавляла их; то, что они ожидали от этого для себя в дальнейшем, занимало еще больше их испорченное воображение. Ее освободили от прислуживаний за столом, от наказаний и некоторых других мелких обязанностей, которые больше не доставляли сладострастия при виде того, как она их исполняет; но она по-прежнему должна была размещаться на диване и до нового приказа разделять ложе с тем, кто пожелает избрать се. Тем утром настала очередь Дюрсе предоставить себя для поллюционных упражнений; а, поскольку, его член был чрезвычайно мал, то доставил ученицам гораздо больше труда. Однако они трудились; маленький финансист, который всю ночь выполнял роль женщины, совершенно не мог поддержать мужское дело. Он был точно в броне, и все мастерство восьми прелестных учениц, руководимых самой ловкой учительницей, в конце концов привело лишь к тому, что заставило его задрать нос. Он вышел с торжествующим видом, а поскольку бессилие всегда придаст в распутстве такого рода настроение, которое называют «подначивание», то его визиты были удивительно суровы; Розетта среди девочек и Зеламир среди мальчиков стали его жертвами. В зале общих собраний появились лишь госпожа Дюкло, Мари, Алина и Фанни, два второразрядных «работяги» и Житон. Кюрваль, который много раз возбуждался в тот день, очень распалился с Дюкло. Обед, за которым он вел очень развратные разговоры, его совершенно не успокоил, и кофе, поданный Коломб, Софи, Зефиром и его дорогим другом Адонисом, окончательно разгорячил ему голову. Он схватил Адониса и, опрокинув его на софу, бранясь, вставил свой огромный член ему между ляжек сзади, а поскольку это огромное орудие вылезало более чем на шесть дюймов с другой стороны, он приказал мальчику сильно тереть его, а сам стал тереть член ребенка. Одновременно он являл всем собравшимся задницу, столь грязную, сколь и широкую, нечистое отверстие которой в конце концов соблазнило Герцога. Видя совсем близко от себя эту жопу, он навел туда свой нервный инструмент, продолжая при этом сосать рот Зефира. Кюрваль, но ожидавший подобной атаки, радостно выругался. Он притопнул ногами, расставил их пошире, приготовился. В этот момент молодая сперма прелестного мальчика, которого он возбуждал, каплями стекает на головку его разъяренного инструмента. Теплая сперма, которая намочила его, повторяющиеся толчки Герцога, который тоже начал разряжаться, – все это увлекло его; потоки пенистой спермы вот-вот зальют зад Дюрсе, который подошел и встал напротив, чтобы, как он сказал, ничего не было потеряно; его

полные ягодицы были нежно затоплены чудодейственной влагой, которую он предпочел бы принять в свое чрево. Тем временем и Епископ не пребывал в праздности: он по очереди сосал восхитительные задки Коломб и Софи; но устав от каких-то ночных упражнений, не подавал совершенно никаких признаков возбуждения, и, как все распутники, которых прихоть и отвращение делают несправедливыми, жестоко отыгрался на этих двух прелестных детях. Все ненадолго задремали, а когда настало время повествований, стали слушать любезную Дюкло, которая продолжила свой рассказ следующим образом:

«В доме мадам Герэн произошли некоторые перемены, – сказала наша героиня. – Две очень красивых девочки нашли простофиль, которые стали их содержать и которых они обманывали, как это делали все мы. Чтобы возместить потерю, наша дорогая матрона положила глаз на дочь хозяина одного кабаре с улицы Сен Дени; ей было тринадцать лет и она была одним из самых прекрасных созданий, каких можно только встретить. Эта молоденькая особа, разумная и набожная, сопротивлялась всем ее соблазнам; тогда госпожа Герэн, воспользовавшись одним очень ловким средством, заманила ее и отдала в руки одного любопытного типа, пристрастие которого я вам сейчас опишу. Это был священник пятидесяти пяти – пятидесяти шести лет, свежий и полный сил, которому нельзя было дать больше сорока. Ни одно существо в мире не имело столь особого таланта, как этот человек, чтобы натаскивать молодых девочек в пороках; он владел этим высочайшим мастерством, это было его одним-единственным удовольствием. Истинным наслаждением для него было также искоренять предрассудки детства, заставлять презирать добродетель и приукрашивать порок самыми яркими красками. Он не пренебрегал здесь ничем: соблазнительные картины, льстивые посулы, восхитительные примеры, – все пускалось в ход, все было ловко обставлено, мастерски подбиралось в соответствии с возрастом, характером мышления ребенка; и так он ни разу не потерпел неудачи. Всего лишь за два часа разговора он уверенно делал проститутку из самой разумной и рассудительной маленькой девочки; за тридцать лет, в течение которых он занимался этим делом в Париже, как он признался мадам Герэн, одному из лучших своих друзей, в его каталоге было больше десяти тысяч соблазненных и брошенных в разврат девушек. Он оказывал подобные услуги более чем пятнадцати сводницам, а когда к нему не обращались, занимался поисками сам, развращал всех, кого находил, и отправлял их затем к сводням. Самое удивительное, что заставляет меня, господа, рассказывать вам историю этого странного типа, то, что он никогда не пользовался плодами своего труда; он запирался один на один с ребенком, и от своего напора красноречия выходил очень распаленным. Все были убеждены в том, что операция возбуждала его чувства, но было невозможно узнать, где и как он их удовлетворял. Внимательно вглядываясь в него, можно было заметить лишь необычайный огонь во взгляде в конце его речи, несколько движений рукой по переду его штанов, что определенно свидетельствовало об эрекции, вызванной дьявольским деянием, которое он совершал. Итак, он пришел, его заперли вместе с юной

дочкой хозяина кабаре. Я подглядывала за ними; разговор с глазу на глаз был долгим, соблазнитель вложил в него удивительную патетику; девочка плакала, оживлялась, было видно, что ее охватило своего рода воодушевление. Именно в этот миг глаза этого типа вспыхнули сильнее всего: мы заметили это по его штанам. Немного позже он встал, девочка протянула к нему руки, точно обнять; он поцеловал ее как отец и не вложил в поцелуй ни тени распутства. Он вышел, а спустя три часа девочка пришла к мадам Герэн со своими пожитками».

«А этот человек?» – спросил Герцог. – «Он исчез сразу же после своего урока», – ответила Дюкло. – «И не возвращался, чтобы посмотреть на результат своих трудов?» – «Нет, сударь, он был в нем уверен; он ни разу не потерпел поражения». – «Да, действительно, очень необычный тип, – сказал Кюрваль. – Что вы об этом скажете, господин Герцог?» – « Я думаю, – ответил тот, – что он лишь распалялся от этого совращения и от этого кончал себе в штаны». – «Нет, – сказал Епископ, – вы не правы; это было лишь подготовкой к его дебошам; выходя оттуда, держу пари, он предавался самым разнузданным страстям». – «Самым разнузданным? – спросил Дюрсе. – Но могли он доставить себе большее наслаждение, чем воспользоваться плодами своего собственного труда, потому что он был в этом учителем?» «Как бы не так! – сказал Герцог. – Держу пари, что я его разгадал; это, как вы говорите, было лишь подготовкой: он распалял свою голову, развращая девочек, а затем шел пырять в зад мальчиков… У него были свои странности, держу пари.»

Они спросили у Дюкло, не имела ли она каких-либо доказательств на этот счет и не соблазнял ли он также маленьких мальчиков. Наша рассказчица ответила, что у нее не было никаких доказательств этому; несмотря на очень правдоподобное утверждение Герцога, каждый тем не менее остался при своем мнении по поводу характера странного проповедника; согласившись со всеми, что его пристрастие было действительно восхитительным, но что стоило вкушать плоды своих трудов или делать что-нибудь похуже, Дюкло так продолжила нить своего повествования:

«На следующий день после прихода нашей новой «послушницы», которую звали Анриетт, в дом пришел один распутник, который придумал объединить нас, ее и меня, в одном деле одновременно. Этот новый развратник получал наслаждение от того, что наблюдал в дырку все особенные наслаждения, которые происходили в соседней комнате. Ему нравилось подгладывать; таким образом он находил в удовольствиях других божественную пищу распутству. Его отвели в комнату, о которой

я вам говорила и в которую я, как и мои товарки, ходила довольно часто подглядывай для собственного развлечения за пристрастиями распутников. Я была предназначена для того, чтобы развлекать его, пока он будем наблюдать, а юная Анриетт прошла в другую комнату с любителем заниматься задним отверстием, о котором я вам говорила вчера. Самым чувственным пристрастием этого развратника было зрелище, которое должно было предстать перед его глазами; а чтобы посильнее распалить, и чтобы сцена была более возбуждающей и приятной для глаз, его предупредили, что девочка была новенькой и именно с ним она совершает свою первую партию. Он полностью убедился в этом при виде целомудрия и юного возраста маленькой дочки хозяина кабаре. Он был так разгорячен и развратен, как только можно быть в этих похотливых упражнениях, и, конечно, был далек от мысли, что за ним кто-то может наблюдать. Что касается моего мужчины, то припав глазом к дырке, держа одну руку на моих ягодицах, а другую на своем члене, который он потихоньку возбуждал, он, казалось, настраивал свой экстаз на тот, за которым подглядывал. «Ах! Какое зрелище!» – говорил он время от времени. – «Какая прекрасная жопа у этой маленькой девочки и как прекрасно целует ее этот малый!» Наконец, когда любовник Анриетт кончил, мой обнял меня и, поцеловав недолгим поцелуем, повернул к себе спиной; ласкал руками, целовал, сладострастно лизал мой зад и залил мне ягодицы свидетельствами своей мужественности».

«Возбуждая себя сам?» – спросил Герцог. – «Да, сударь, – ответила Дюкло, – возбуждая член, который по причине своей невероятной малости, не заслуживает того, чтобы подробно говорить о нем».

«Человек, который появился затем, – продолжила Дюкло, – возможно, не заслужил бы того, чтобы быть в моем списке, если бы мне не казалось достойным внимания рассказать о нем по причине одного обстоятельства, достаточно особенного, которое он примешивал к своим наслаждениям, впрочем, довольно простым, и которое покажет вам, до какой степени распутство ослабляет в человеке все чувства целомудрия, добродетели и честности. Этот не хотел смотреть сам, он хотел, чтобы видели его. И, зная, что есть люди, причудой которых было подсматривать за сладострастием других, он просил госпожу Герэн спрятать в укромном месте человека с подобным вкусом, чтобы предоставить ему в качестве зрелища свои наслаждения. Госпожа Герэн предупредила человека, которого я несколькими днями раньше развлекала у дырки к стене, но не сказала ему, что человек, которого он увидит, прекрасно осведомлен о том, что на

него будут смотреть: это могло бы нарушить его сладострастные ощущения; она заверила его, что он в свое удовольствие будет наблюдать зрелище, которое будет ему предоставлено. Наблюдатель был заперт в комнате с моей сестрой, а я прошла с другим гостем. Это был молодой человек двадцати восьми лет, красивый и свежий. Зная о расположении отверстия в стене, он без особых церемоний встал напротив и поставил меня рядом с собой. Я стала трясти ему член. Как только он напрягся, человек встал, показал свой член наблюдателю, повернулся спиной, показал свою жопу, поднял мне юбки, показал мою, встал перед ней на колени, потыкался мне в анус своим носом, широко развел мне ягодицы, с наслаждением и точностью показал все и разрядился, возбуждая сам себя, держа меня с поднятыми сзади юбками перед дыркой в стене так, что тот, кто находился у нее, видел одновременно в этот решающий момент и мои ягодицы и яростный член моего любовника. Если этот человек получил наслаждение, то Бог его знает, что испытал другой. Моя сестра сказала, что он был на небесах и говорил, что никогда не испытывал столько наслаждения, аее ягодицы после этого были залиты не меньше, чем мои собственные.»

«Ну, если у этого молодого человека был красивый член и красивая жопа, – сказал Дюрсе, – то там было, отчего получить великолепную разрядку». – «Она должна была быть восхитительной, – сказала Дюкло, – поскольку его член был очень длинным и достаточно толстым, а задница была так нежна, так выпукла, так хорошо сложена, как у самого Амура.» – «А вы раздвигали его ягодицы? – спросил Епископ. – Вы показывали его отверстие наблюдателю?» – «Да, святой отец, – сказала Дюкло. – он показывал свой зад, подставляя его самым распутным образом для обозрения». – «Я видел дюжину подобных сцен в своей жизни, – сказал Дюрсе, – они стоили мне большого количества спермы. На свете нет ничего более приятного, чем это занятие: я говорю и о том, и о другом: поскольку подгладывать так же приятно, как и ощущение подглядывания за тобой.»

«Один человек, почти с таким же вкусом, – продолжала Дюкло, – несколько месяцев спустя повел меня в Тюильри. Он хотел чтобы я цеплялась к мужчинам и возбуждала их прямо у него перед носом, посреди нагромождения стульев, где он прятался; когда я возбудила перед ним таким образом семь или восемь мужчин, он уселся на скамью в одной из самых оживленных аллей, задрал мне юбки, показал мою жопу прохожим, вытащил свой член приказал мне тереть его на глазах у прохожих, что вызвало, несмотря на то, что уже было темно, такой скандал, что когда он цинично вытолкнул из себя сперму,

вокруг нас стояло больше десяти человек, и мы вынуждены были спасаться бегством, чтобы не быть опозоренными.

Когда я рассказала госпоже Герэн о нашей истории, она посмеялась над ней и сказала мне, что знала одного мужчину в Лионе, где мальчики занимаются профессией сводника, пристрастие которого было по меньшей мере странным. Он одевался как судья, сам приводил людей к двум девочкам, которым платил и которых содержал для этого; потом прятался в уголке, чтобы наблюдать за тем, что происходит под руководством девочки, которой он платил; лицезрение члена и ягодиц того распутника, с которым она была, составляло единственное наслаждение нашего лжесудьи, которое заставляло его проливать сперму».

Поскольку в тот вечер Дюкло закончила свой рассказ довольно рано, остаток вечера до ужина, был посвящен нескольким развратным действиям на выбор: головы были разгорячены цинизмом, никто не уходил в кабинет, все забавлялись друг перед другом. Герцог приказал поставить перед собой нагишом Дюкло, заставил ее нагнуться, оперевшись на спинку стула, и приказал Ла Дегранж возбуждать его член на ягодицах ее подруги так, чтобы головка касалась отверстия в заду Дюкло при каждом толчке. К этому присовокупили несколько других хитростей, которые порядок предметов не позволяет нам еще раскрыть; тем временем отверстие в жопе рассказчицы было полностью залито, а Герцог, очень хорошо обслуженный, разрядился с воплями, прекрасно доказавшими, до какой степени была распалена его голова. Кюрваль кончил, Епископ и Дюрсе также совершили с представителями двух полов очень странные вещи; и тут подали ужин. После ужина все стали танцевать. Шестнадцать молодых людей и девушек, четыре мужлана и четыре супруги смогли образовать три катрена; все актеры этого бала были голыми, и наши распутники, небрежно развалившись на софах, сладострастно забавлялись различными красотами; те представлялись им в различных позах, которых требовал танец. Подле них находились рассказчицы, которые возбуждали их руками, быстрее или медленнее, в зависимости от того, больше или меньше удовольствия они получали, но, истощившись от наслаждений дня, никто не имел разрядки, и каждый должен был восстанавливать в постели силы, необходимые для того, чтобы на следующий день предаться новым гнусностям.

Пятый день.

В то утро настала очередь Кюрваля предаться мастурбациям

и Школе»; девочки начинали продвигаться вперед, ему было совсем Нелегко сопротивляться многочисленным толчкам, сладострастным и разнообразным позам восьми обольстительных крошек. Поскольку он хотел сдержаться, он покинул свой пост; за завтраком постановили, что четыре юных любовника господ, то есть Зефир, фабрит Герцога, Адонис, возлюбленный Кюрваля, Гиацинт, друг Дюрсе и Селадон – Епископа, будут отныне допущены на все трапезы рядом со своими любовниками, в комнатах которых они будут спать регулярно все ночи – милость, которую им предстояли разделить с супругами и «работягами», что должно было избавить их от церемонии, к которой обычно прибегали: каждое утро четыре «работяги», которые совершенно не спали, приводили к героям четырех мальчиков. Когда господа перешли в комнату мальчиков, то были приняты там с предписанными церемониями четырьмя оставшимися. Герцог, который уже два-три дня крутился с госпожой Дюкло, зад которой находил великолепным, под этим благовидным предлогом потребовал, чтобы она тоже спала в его комнате: Кюрваль также принял в свою комнату старуху Фаншон, от которой был без ума. Двое других подождали немного, чтобы заполнить четвертое льготное место в своих апартаментах. В то же самое утро было установлено, что четверо юных любовников, которые только что были избраны, в качестве обычной одежды, всякий раз (когда не будут носить свои характерные костюмы) будут носить одежду и украшения, которые я сейчас опишу. Это был своего рода маленький узкий сюртук, легкий, украшенный как прусский мундир, но гораздо более короткий, доходивший лишь до середины ляжек; маленький сюртук, застегнутый на крючки на груди и на басках, как и все мундиры, должен быть из розового атласа с подкладкой из белой тафты; отвороты и отделка были из белого атласа, а под сюртуком – что-то вроде короткой курточки или жилета, также из белого атласа, как и штанишки; штанишки эти имели вырез в форме сердца сзади от пояса, так что просунув руку в эту щель, можно было взяться за попки без малейшей трудности, лишь большая лента, завязанная бантом, прикрывала се; когда кому-то хотелось иметь ребенка совершенно голым в этой части, стоило лишь развязать бант того цвета, что был избран другом, которому принадлежало право на лишение невинности. Их волосы небрежно приподнятые несколькими буклями по бокам, были совершенно свободны и развевались сзади, просто перехваченные лентой предписанного цвета. Очень ароматная пудра серо-розового оттенка окрашивала волосы. Брови – тщательно выщипанные подведенные – вместе с легкими румянами, которые всегда были у них на щеках, в

довершение ко всему подчеркивали красоту: головы были непокрыты, белые шелковые чулки с розовой вышив кой по краю скрывали ноги, которые приятно облегали серые туф ли с большими розовыми бантами. Сладострастно завязанный розовый кремовый галстук сочетался с небольшим кружевным жабо: глядя на всех четверых, можно было утверждать, что в мире не существовало ничего более прелестного. С этого момента им было категорически отказано во всех привилегиях вроде тех, которые давались иногда по утрам; впрочем, им было дано столько же прав на супруг, сколькими обладали «работяги»: они могли издеваться над ними в свое удовольствие, и не только за едой, но и во все другие минуты, будучи уверенными, что никто за это не станет ругать. Завершив эти занятия, все приступили к обычным визитам. Прекрасная Фанни, которой Кюрваль приказал находиться в определенном состоянии, оказалась в состоянии противоположном (далее все это будет нам объяснено):ее записали в тетрадь наказаний. Впридачу Житон сделал то, что запрещалось делать; его также занесли в тетрадь. Выполнив обязанности в часовне, все сели за стол. Это была первая трапеза, на которую были допущены четверо любовников. Каждый из них занял место рядом с тем, кому он нравился, по правую руку, а его возлюбленный мужлан – по левую. Восхитительные маленькие гости еще более оживили трапезу; все четверо были очень любезны, нежны и начинали приспосабливаться к атмосфере дома. Епископ, будучи в превосходном настроении целовал Селадона на протяжении всего завтрака; поскольку мальчик должен был быть в катрене, подающем кофе, он вышел незадолго перед подачей десерта. Когда святой отец, который только что от него распалился, увидел его совершенно голым в салоне по соседству, то не мог больше сдерживаться. «Черт подери! – сказал он, весь пылая, – поскольку я не могу оприходовать его сзади, то, по крайней мере, сделаю с ним то, что Кюрваль сделал вчера со своим бардашем». И, схватив мальчугана, он уложил его на спину, просунул ему свой член между ляжками. Распутник был на небесах, волосы вокруг его члена щекотали миленькую дырочку, которую он с таким бы удовольствием проткнул; одной рукой он ласкал ягодицы очаровательного маленького Амура, а другой тряс ему член. Он припадал губами к губам этого прекрасного дитя, шумно втягивая воздух, и глотал его слюну. Герцог, чтобы возбудить его зрелищем своего разврата, встал перед ним, щекоча отверстие в попке Купидона, второго из мальчиков, которые подавали кофе в тот день. Кюрваль встал у него на виду, заставив Мишетту возбуждать свой член, а Дюрсе представил ему разведенные ягодицы Розетты. Каждый старался привести

Епископа в экстаз, к которому, как все видели, он стремился; это произошло, нервы его дрогнули, глаза загорелись огнем; он показался бы ужасным любому, но только не тем, кто знал, какое безумное действие оказывает на него сладострастие. Наконец, сперма вырвалась и потекла по ягодицам Купидона, которого в последний момент услужливо расположили под его другом, чтобы получить доказательства мужественности, которые совершенно не являлись его заслугой.

Наступило время рассказов, все устроились в гостиной. Благодаря принятому особому предписанию, все отцы имели в тот день на своих канапе своих дочерей; никого это не пугало. Дюкло продолжила свой рассказ так:

«Поскольку вы, господа, не требовали, чтобы я давала вам подробный отчет обо всем, что происходило со мной изо дня в день мадам Герэн, а рассказывала о необычных событиях, которые могли бы отмстить некоторые из этих дней, – я умолчу о малоинтересных историях моего детства: они показались бы вам монотонным повторением того, что вы уже слышали; скажу вам вот о чем: мне только что минуло шестнадцать лет, и я уже приобрела достаточный опыт в той профессии, которой занималась; однажды на мою долю выпал распутник, ежедневные причуды которого заслуживают того, чтобы о них рассказать. Это был важный председатель лет пятидесяти; если верить мадам Герэн, которая сказали мне, что знает его уже много лет, он регулярно по утрам исполнял ту причуду, о которой я вам сейчас расскажу. Его обычная сводница, которая только что ушла на покой, перед этим перепоручила его заботам нашей дорогой матушки, и именно со мной он открыл послужной список. Он устраивался один возле отверстия в стене, о котором я вам уже говорила. В моей комнате – по соседству с той – находился носильщик или савояр, иными словами, человек из народа, чистый и здоровый (единственное, чего он желал). Возраст и внешность не играли никакой роли. Я должна у него перед глазами (как можно ближе к дырке) возбуждать член этого честного деревенского парня, предупрежденного обо всем и находившего очень приятным зарабатывать деньги таким образом предавшись без всяких ограничений всему, что этот милый чело век мог желать от меня, я заставляла его разразиться в фарфоре вое блюдце, как только из него вытекала последняя капля, я оставляла его и быстро переходила в другую комнату. Мой гость ждет меня там в экстазе, он набрасывается на блюдце, глотает еще теплую сперму; его сперма течет; одной рукой я способствую его эякуляции, а другой тщательно собираю то, что падает, и при каждом выбросе, очень быстро поднося руку ко рту этого

распутника, проворно и как можно более ловко заставляю его глотать его сперму, по мере того, как он ее выделяет. В этом состояло мое занятие Он не дотронулся до меня и не поцеловал, даже не задрал мне юбку; поднявшись с кресла с такой же флегматичностью, как и горячность, которую он только что высказывал, он взял свою трость и вышел, сказал при этом, что я прекрасно трясла член и великолепно уловила его манеру. На следующий день для него привели другого человека, поскольку их надо было менять каждый день, как и женщин. Моя сестра проделала то же самое; он вышел довольный, чтобы все начать сначала в последующие дни; в течение всего времени, пока я была у мадам Герэн, я не видела, чтобы он хотя бы раз пренебрег этой церемонией ровно в девять утра, при этом ни разу не задрав юбку ни одной девчонке, хотя к нему приводили очень хорошеньких».

«А хотел ли он видеть зад носильщика?» – спросил Кюрваль. – «Да, сударь, – ответила Дюкло, – необходимо было, забавляясь с человеком из народа, сперму которого он поглощал, поворачивать его во все стороны; также необходимо было, чтобы этот простак-деревенщина поворачивал девицу». – «Ах! Если так, то мне все понятно, – сказал Кюрваль, – иначе я и не мог предположить».

«Немного спустя, – продолжила Дюкло, – к нам в сераль пришла девица лет тридцати, достаточно привлекательная, но рыжая, как Иуда. Сначала мы подумали, что это новая товарка, но она вскоре разуверила нас в этом, сказав, что пришла лишь для одной партии. Человек, которому предназначалась новая героиня, вскоре пришел к ней. Это был крупный финансист достаточно приятной наружности; особенность его вкуса, поскольку именно ему предназначалась девица, которой никто другой несомненно и не возжелал бы, эта особенность, говорю я, вызвала во мне огромное желание понаблюдать за ними. Едва они оказались в той самой комнате, как девица тотчас разделась донага, явив нам очень белое и пухлое тело. «Ну, давай, прыгай, прыгай! – сказал ей финансист – Разогревайся, ты же отлично знаешь, я хочу, чтобы ты вспотела». И вот эта рыжеволосая девица принялась скакать, бегать по комнате, прыгать, как молодая козочка; человек, о котором мы ведем речь, стал смотреть на нее, тряся себе член, и все это происходило так, что я пока не могла догадаться о цели этого действия. Когда девица вся покрылась потом, она подошла к распутнику, подняла руку, дала ему понюхать у себя под мышкой, откуда по волоскам каплями стекал пот. «Ах! Вот оно! Вот оно! – сказал этот человек, страстно припадая носом к этой руке, залитой потом. – Какой запах, как он восхищает меня!» Потом, встав перед ней на колени, он обнюхал

ее, вдохнув также запах, исходивший из влагалища и из заднего отверстия, постоянно возвращаясь к подмышкам: то ли эта часть нравилась ему больше всего, то ли он находил там больший букет аромата; именно туда он подносил свой рот и нос с наибольшей поспешностью. Наконец, его достаточно длинный, но не очень толстый член, который он старательно сотрясал более часа без малейшего успеха, изволил приподнять нос. Девица встает в позу, финансист заходит сзади, вставляя ей свой «анчоус» подмышку; она прижимает руку к телу, образуя, как мне кажется, очень узкий проем в этом месте. В такой позе он наслаждается видом и запахом другой подмышки; он добирается до нес, зарывается в нее всем своим лицом и кончает, продолжим лизать, жевать часть, которая доставляет ему столько наслаждения».

«И было необходимо, – спросил Епископ, – чтобы эта женщина была непременно рыжеволосой?» – «Именно так, – сказала Дюкло. – Да вы, наверное, и сами знаете, святой отец, эти женщины обладают подмышками с сильным запахом, а чувство обоняния, несомненно, лучше всего пробуждало в нем органы наслаждения». – «Возможно, и так, – продолжил Епископ. – Но мгн кажется, черт подери, что мне больше пришлось бы по душе обнюхивать попку этой женщины, чем вынюхивать у нее подмышками». – «Ах, ах, – сказал Кюрваль, – и то, и другое имеем немало притягательного; я уверяю вас, если бы вы это попробовали, то сами бы убедились, насколько это приятно». – «То есть, господин Председатель, – сказал Епископ, – такого рода пряности вас тоже занимают?» – «Я их испробовал, – сказал Кюрваль. – И в нескольких случаях, уверяю вас, мне это стоило спермы». – «Ну, что это за случаи, я догадываюсь. Не правда ли, – продолжил Епископ, – вы нюхали попку?…» – «Ну, ладно, ладно, – прервал Герцог. – Не заставляйте его исповедоваться, святой отец; он может нам сказать такое, чего мы пока еще не должны слышать. Продолжайте, Дюкло, и не позволяйте этим любителям приятных разговоров увлекаться, следуя за вами.»

«Как-то раз, – продолжила рассказчица, – госпожа Герэн больше шести недель категорически запрещала моей сестре мытьем и, напротив, требовала от нее пребывать в самом грязном, сами нечистоплотном виде, насколько это было возможно; мы не могли догадаться о причинах; тут, наконец, пришел один старый прыщавый распутник, который в полупьяном виде спросил у мадам, до статочно ли грязной стала проститутка. «О! Я вам за это ручаюсь», – сказала госпожа Герэн.

Их сводят вместе, закрывают в комнате, я со всех ног бегу к дырке; едва оказавшись там, вижу свою сестру нагишом, сидящую верхом на большом биде, наполненном шампанским; также вижу

этого человека с большой губкой в руках, который моет ее, поливает, тщательно подбирая все до последней капли, стекающей с ее тела или губки. Прошло уже много времени с тех пор, как моя сестра не мыла ни одной из частей своего тела, поскольку бурно протестовали даже против того, чтобы она подтирала себе задницу; шампанское тотчас же приобрело бурый и грязный оттенок и, судя по всему, запах, который не должен был быть приятным. Но чем больше эта жидкость портилась от грязи, которой она наполнялась, тем больше она нравилась нашему распутнику. Он пробует ее на вкус, находит приятной, берет в руки стакан и проглатывает отвратительное, гнилое шампанское, в котором только что вымыл тело, покрытое грязью. Выпив, хватает мою сестру, укладывает ее на живот на кровать и обрушивает ей на ягодицы и на сильно приоткрытое отверстие потоки бесстыдного семени.

Еще одно пристрастие, еще более грязное, должно было непрерывно открываться моему взору. У нас в доме была одна из женщин, которых на языке борделя называют «ходок»; профессия ее состоит в том, чтобы бегать день и ночь – искать новую дичь. Это существо в возрасте более сорока лет кроме того, что обладала отвратительными манерами, которые никогда не были такими уж соблазнительными, имела ужасный недостаток – у нее дурно пахло от ног. А именно это и подходило маркизу де… Он приходит, ему представляют госпожу Луизу (так звали героиню), он находит ее приятной и, как только оказывается с ней в храме наслаждений, заставляет разуться; Луиза, которой было настоятельно рекомендовано не менять ни чулок, ни туфель в течение месяца, подставляет маркизу вонючую ногу, которая заставила бы блевать любого другого: именно то самое грязное и самое отвратительное, что было в ней и воспламеняло сильнее всего этого человека. Он хватает ее, страстно целует, губы его раздвигают по очереди каждый палец, а язык с самым большим воодушевлением выбирает в промежутке между пальцами чернеющую зловонную грязь, которую откладывает природа и которую усугубляет недостаточный уход за собой. Он не только втягивает это в свой рот, но и глотает се, смакует; сперма, которую он проливает, тряся себе член при этой операции, становится недвусмысленным доказательством крайнего наслаждения, которое он получает.»

«О! Ну вот этого я не понимаю, – сказал Епископ.» – «Значит, мне необходимо растолковать вам это», – сказал Кюрваль. – «Как! Вам это может быть по вкусу? – сказал Епископ.» – «Посмотрите на меня», – сказал Кюрваль. Он встает, все окружают его и видят, как этот невероятный распутник, который соединял в себе все

вкусы распутного сладострастия, обхватив отвратительную ногу Фаншон, этой грязной и старой служанки, которая была описана выше, млея от сладострастия, сосет ее. «А вот я понимаю все это, – сказал Дюрсе. – Достаточно быть пресыщенным, чтобы понять все эти гнусности; пресыщение вдохновляет на разврат, который заставляет исполнить все немедленно. Все устали от простых вещей, воображение раздосадовано, а мизерность наших средств, слабость наших способностей, развращенность духа приводят нас к мерзостям».

«Несомненно, именно такой была история, – сказала Дюкло, продолжая рассказ, – старого командора де Каррьер, одного из лучших клиентов госпожи Герэн. Ему нужны были только женщины, испорченные либо развратом, либо природой или рукой правосудия. Одним словом, он принимал лишь одноглазых, слепых, хромых, горбатых, безногих, одноруких, беззубых, с изуродованными частями тела, исхлестанных или клейменых или с явным тавром любого другого акта правосудия, и, вместе с тем, самого зрелого возраста. Однажды ему дали (в тот момент, когда я подглядывала) женщину пятидесяти лет – известную и клейменую воровку, которая, к тому же, была одноглазой. Эта двойная порча показалась ему сокровищем. Он закрывается с ней, заставляет раздеться донага, исступленно целует на ее плечах явные знаки ее унижения, страстно сосет каждую борозду этой раны, которую называет почетной. После этого весь его пыл обратился на заднее отверстие: он раздвигал ягодицы, нежно целовал изъязвленное отверстие, которое они скрывали, долго сосал его, а затем, усевшись верхом на спину этой девицы, стал тереться членом о те знаки правосудия, которые были на ее теле, расточая похвалы ей за то, что она заслужила этот почет; склонившись над ее задом, он принес жертву до конца, еще раз поцеловав алтарь, которому только что отдал столь длинные почести, и наконец излил обильное количество спермы на честные знаки, которые так сильно разгорячили ему голову».

«Черт подери, – сказал Кюрваль, голова которого в тот день кружилась от похоти. – Посмотрите, посмотрите, друзья мои, на этот поднимающийся член! До какой степени распаляет меня рассказ об этой страсти». Подозвав Ла Дегранж, он сказал: «Иди, иди сюда, грязная деревенщина, ты так походишь на ту, которую только что нам изобразили; доставь мне удовольствие, которое она доставила командору». Госпожа Ла Дегранж подходит; Дюрсе, спутник этих излишеств, помогает Председателю раздеть ее донага. Сначала она создаст некоторые трудности ;ее начинают кое-в-чем подозревать, бранят за то, что она прячет что-то, за что общество ее еще более оценит. Наконец, показывается ее

изрубцованная спина и становится ясно по букве «В» и букве «М», что она дважды испытала на себе позорную операцию, последствия которой тем не менее так сильно воспламеняют бесстыдные желания наших распутников. Остальные части этого истасканного и изъязвленного тела, этот зад, словно из узорной тафты, это смрадное широкое отверстие, это увечье груди и трех пальцев, эта короткая нога, из-за которой она хромала, этот беззубый рот, – все это распаляет, возбуждает наших двух распутников. Дюрсе сосет ее спереди, Кюрваль – сзади, и это в то время, как предметы самой исключительной красоты и чрезвычайной свежести предстают перед их взором, готовые удовлетворить малейшие желания. Именно то, что природа и преступление опозорили и обезобразили, именно самые грязные и самые отвратительные предметы доставляют нашим развратникам, пребывающим н экстазе, самые восхитительные наслаждения… И как понять человека после всего этого! Оба, казалось, оспаривали между собой этот уже готовый труп, как два дога, обезумевшие от падали, и, предавшись самым грязным эксцессам, выплеснули, наконец, свою сперму; несмотря на опустошенность, которую вызвало у них это наслаждение, они были готовы возобновить распутства и бесстыдства, если бы время ужина не позвало их заняться другими наслаждениями; Президент, отчаявшийся пролить сперму и в таких случаях оживлявшийся лишь от обильной еды и питья, раздулся как настоящий боров. Он по-желал, чтобы маленький Адонис возбудил «Струю-В-Небо», и заставил его проглотить сперму; но, оставшись недовольным этим последним бесстыдством, которое было исполнено немедленно, встал и сказал, что его воображение навевает ему более приятные вещи. Не объясняя больше ничего, он утащил с собой Фаншон, Адониса и Эркюли, закрылся в будуаре в недрах дома и появился лишь на оргиях. Все отправились спать, и Кюрваль, этот непоследовательный Кюрваль, который в ту ночь делил ложе с божественной Аделаидой, своей дочерью, и мог провести с ней самую прекрасную ночь, был обнаружен на следующее утро распластанным на отвратительной Фаншон, с которой он совершал новые ужасы на протяжении веси ночи, н то время, как Адонис и Аделаида, лишенные его ложа, оказались – один в маленькой далеко стоящей кровати а другая – на тюфяке на полу.

Шестой день

Настал черед святого отца предоставить себя мастурбациям. Если бы ученицы Дюкло были мужчинами, то святой отец явно бы

не удержался. Но маленькая щель внизу живота была непростительным недостатком в его глазах; даже когда маленькие грации окружали его, стоило показаться этой проклятой щели, чтобы совсем успокоить его. Таким образом, он выдержал все уроки героически; я даже думаю, что он совершенно не возбудился. Было нетрудно заметить, что все страстно желали обвинить всех восьмерых девочек, чтобы обеспечить развлечения на следующий дет. (а это была та самая мрачная суббота наказаний!): подвергнуть наказанию всех восьмерых. Шестеро уже были приговорены; нежная и прекрасная Зельмир стала седьмой, но, по правде говоря, разве она этого заслужила? Или же наслаждение от предполагавшегося наказания не имело ничего общего с подлинной справедливостью? Оставим этот случай на совести мудрого Дюрсе и будем довольствоваться рассказом. Еще одна очень красивая дама пополнила список юных «преступниц»: это была нежная Аделаида. Ее супруг Дюрсе хотел, как он говорил, подать пример, прощая ей меньше, чем другим, и именно с ним она только что совершила оплошность. Он повел ее в определенное место; услуги, которые она должна была ему оказать после некоторых действий, были совершенно нечистоплотными. Она была не так развращена, как Кюрваль, хотя была его дочерью. Аделаида либо противилась, либо плохо вела себя; возможно, это было поддразнивание со стороны Дюрсе: ее вписывали в книгу наказаний к великому удовольствию собрания. Визит к мальчикам ничего не дал, и все перешли к тайным наслаждениям часовни, наслаждениям таким острым и таким необычным, что в них отказывали даже тем, кто просил позволения поучаствовать. В то утро там были лишь Констанс, два второсортных мужлана и Мишетта. За обедом Зефир, которым с каждым днем все были более довольны, и прелести которого становились все восхитительней, а добровольное распутство все разнузданней, так вот, Зефир оскорбил Констанс, которая, хотя больше и не прислуживала за столом, но тем не менее постоянно по являлась за обедом. Он обозвал ее «делопроизводительницей» и несколько раз хлопнул по животу, чтобы научить, как он сказал, нести яйца со своим любовником; потом он поцеловал Герцога, погладил его, потряс ему немного член и смог так хорошо разгорячить ему голову, что Бланжи поклялся: в послеобеденное время он зальет его спермой. Мальчуган раззадоривал его, бросал ему вызов. Поскольку он должен был подавать кофе, во время десерта он появился обнаженным. В тот момент, когда он покинул стол, Герцог, очень оживленный, предпринял несколько шалостей; он пососал ему рот и член, посадил его на стул перед собой так, чтобы его зад был на уровне рта, и в таком положении

щекотал ему заднее отверстие с четверть часа. В конце концов, его член напрягся, задрав высокомерную головку, и Герцог увидел, что почести требовали, наконец, фимиама. Однако, почти все было запрещено, исключая то, что делалось накануне. Тогда Герцог решил последовать примеру своих собратьев. Он сгибает Зефира на канапе, просовывает ему свое орудие между ляжек; здесь с ним происходит то же самое, что произошло с Кюрвалем: орудие высовывалось с другой стороны на шесть дюймов. «Сделай так, как сделал я, – говорил ему Кюрваль, – потряси мальчишку на своем члене, ороси свою головку его спермой». Но Герцог нашел более занятным использовать сразу двоих. Он просит своего брата приладить ему туда Огюстин; ее прилепляют ягодицами к ляжкам Зефира, и Герцог, приобретая, так сказать, одновременно девочку и мальчика, чтобы еще больше распалить свою похоть, бьет членом Зефира о прелестные круглые и белые ягодицы Огюстин и заливает их молодой детской спермой, которая, как это можно хорошо себе вообразить, от возбуждения из-за такой прелестной вещи, истекает обильно и без промедления. Кюрваль, которому явно по душе этот случай, видя прикрытый зад Герцога, зияющий на благо члена, как и все жопы грубых распутников в минуты, когда напрягается собственный член, – подошел, чтобы вернуть ему то, что сам получил третьего дня, и дорогой Герцог, не успев как следует ощутить сладострастные толчки этой интромиссии, как его сперма, вырвавшаяся почти одновременно со спермой Зефира, залила с пила края храма, колонны которого орошал Зефир. Но Кюрваль, ничуть не кончив и вытащив из зада Герцога свое гордое и нервное орудие, уже угрожал Епископу, который также тер свой член промеж ляжек Житона, уготовив ему участь, которую только что на себе испытал Герцог. Епископ принимает его вызов, и завязывается бой; Епископ оседлан сзади и вот-вот прольет в упоении между ляжек мальчика, которого он ласкает, распутную сперму, вызванную сладострастием. Однако Дюрсе, добровольный зритель, имея подле себя лишь Эбе и дуэнью, хотя и был мертвецки пьян, не терял времени и тихо предавался развратным действиям, которые мы пока что должны держать в тайне. Наконец, наступил покой, все заснули, а когда в шесть часов наши актеры были разбужены, они отправились предаваться новым наслаждениям, которые готовила для них госпожа Дюкло. В тот вечер все катрены сменили пол: все девочки были наряжены матросами, а мальчики – гризетками. Это было восхитительное зрелище; ничто не может так распалить похоть, как этот маленький сладострастный обмен: люди любят находить в маленьком мальчике то, что делает его похожим на девочку, а

девочка кажется гораздо более интересной, когда заимствует, чтобы понравиться, тот пол, который хотят, чтобы она имела. В тот день у каждого на диване была его жена; все хвалили друг друга за такой религиозный порядок, и когда приготовились слушать, Дюкло продолжила свои развратные истории:

«У мадам Герэн была девица лет тридцати, немного полноватая, но особенно белокожая и свежая. Ее называли Авророй; у нее был прелестный рот, прекрасные зубы и сладострастный язык; кто бы мог подумать, что, то ли из-за недостатка воспитания, то ли по причине слабости желудка, этот восхитительный рот имел несчастие извергать каждый миг ужасное количество зловонного духа; когда она пересдала, порой в течение часа без остановки рыгала да так, что могла бы заставить крутиться мельницу. Но, верно говорят, что не существует недостатка, на который не найдется любителя; красивая девица именно по этой причине имела одного из самых страстных поклонников. Это был мудрый и серьезный ученый, доктор из Сорбонны, который, устав понапрасну доказывать существование Бога в школе, порой приходил в бордель – самолично убедиться в существовании его творения. Он предупреждал о визите заранее, и в этот день Аврора наедалась до отвала. Заинтересовавшись этим благочестивым свиданием, я припала к отверстию; вот мои любовники оказываются вместе, и после скольких предварительных ласк, я вижу, как наш ритор нежно усаживает свою дорогую подругу на стул, садится напротив и, вложив ей в руки свои реликвии, пребывающие в самом плачевном состоянии, говорит: «Действуйте, действуйте же, моя красная крошка: вы знаете средства, чтобы вывести меня из этого состояния апатии; возьмите же их поскорее, умоляю вас, я так тороплюсь насладиться». Аврора одной рукой берется за вялое орудие доктора, а другой хватает его голову и припадает к ней своим ртом; и вот уже она выдыхает ему прямо в рот около шестидесяти отрыжек одну за другой. Невозможно описать экстаз служителя Бога. Он был на небесах, он вдыхал, глотал все, что посылалось ему; казалось, он придет в отчаяние, если потеряет хотя бы одно легкое дыхание; тем временем его руки шарили по груди и нижним юбкам моей товарки. Но эти прикосновения были лишь мимолетными; единственным и главным объектом был рот, который он осыпал вдохами. Наконец, его инструмент, раздутый от сладострастных ласк, которые он испытывал от этой церемонии, разряжается в руку моей товарки, и он удаляется, говоря, что никогда в жизни не знал такого наслаждения.

Один еще более странный человек некоторое время спустя потребовал от меня совершить нечто особенное, о чем никак

нельзя умолчать. Госпожа Герэн в тот день заставила меня есть силой также обильно, как несколькими днями раньше за обедом ела моя подруга. Она позаботилась о том, чтобы мне подали то, что, как она знала, нравилось мне больше всего на свете, и, предупредив меня, когда я выходила из-за стола, обо всем, что было необходимо делать с тем старым развратником, с которым собиралась меня свести, заставила проглотить три рвотных порошка, растворенных в стакане теплой воды. Распутник приходит: это был завсегдатай борделя, которого я уже много раз видела у нас, не слишком интересуясь, зачем он приходил. Он обнимает меня, засовывает грязный и отвратительный язык мне в рот, который вот-вот ответит рвотным действием на это зловоние. Видя, как спазм скручивает мне желудок, он приходит в экстаз: «Смелее, крошка, смелее, – кричит он. – Я не упущу ни одной капли этого». Заранее предупрежденная о том, что надо было делать, я усаживаю его на канапе и наклоняю его голову на самый край. Его ляжки разведены; я расстегиваю ему штаны, достаю оттуда короткий и вялый инструмент, который не предвещает никакой эрекции, трясу его; он открывает рот. Напрягая его член и принимая при этим прикосновения его похотливых рук, шарящих по моим ягодицам, я извергаю ему в рот, под действием рвотного порошка, весь непереваренный желудком обед. Наш герой – на небесах, он впадает в экстаз, он глотает, он сам ищет на моих губах нечистое извержение, которое опьяняет его, он не теряет ни одной капли, а когда решает, что действие скоро прекратится, Снова вызывает его, щекоча мне рот своим языком; его член, который, судя по всему, распаляется лишь от подобных гнусностей, раздувается, встает и оставляет, плача, под моими пальцами несомненное доказательство того, какое впечатление производит на него эта грязь.»

«Ах! Черт подери, – говорит Кюрваль, – какая прелестная Страсть! Можно было бы сделать ее более утонченной?» – «Но Как?» – спрашивает Дюрсе прерывающимся похотливыми вздохами голосом. – «Как? – говорит Кюрваль. – Да, черт возьми, путем выбора девиц и блюд.» «Девицы… А я понял, ты хотел бы иметь там какую-нибудь вроде Фаншон…» – «Ну да, конечно.» – «А какие блюда?» – продолжал расспрашивать Дюрсе, которому Аделаида терла пушку. – «Какие блюда? – переспросил Председатель. – Да, три тысячи чертей, *я* заставлю ее вернуть мне то, что я незадолго до этого передам ей таким же способом». «То есть, – подхватил финансист, совершенно теряя голову, – означает: то, что ты ей вывалишь в рот, она должна проглотить, а потом вернуть это тебе?» – «Именно так». И оба бросились но своим кабинетам; Председатель – с Фаншон, Огюстин и Зеламир,

а Дюрсе – с Ла Дегранж, Розеттой и «Струей-в-Небо». Все вынуждены были ждать около получаса, чтобы продолжить рассказы Дюкло. Наконец они снова появились. «Ты наделал непристойностей?» – сказал Герцог Кюрвалю, который вернулся первым. «Да, немного, – отвечал Председатель, – именно в этом состоит счастье жизни; что касается меня, то я оцениваю сладострастие только по самому грязному и отвратительному что в нем есть». «Но, по крайней мере, пролили ли вы сперму». – «Об этом не может быть и речи, – сказал Председатель, – или ты считаешь, что все похожи на тебя и у всех есть достаточно спермы, чтобы проливать ее каждую минуту? Пусть эти усилия останутся за тобой и за такими могучими чемпионами, как Дюрсе», – продолжил он, видя, как возвращается Дюрсе, едва держась на ногах от истощения. – «Это верно, – сказал финансист, – я не смог удержаться. Эта Ла Дегранж – такая гнусная в словах и в поведении, она так доступна во всем, что хотят от нес…» – «Дюкло, – сказал Герцог, – продолжайте, поскольку, если мы не прервем его, этот нескромник, пожалуй, расскажет нам все, что он сделал, не задумываясь о том, насколько ужасно хвастаться теми милостями, которые получаешь от хорошенькой женщины.» И Дюкло, подчиняясь его словам, так продолжила свою историю:

«Поскольку господам так нравятся эти шалости, – сказала наша рассказчица, – мне досадно, что они на миг пока еще не сдержали своего воодушевления, которое было бы куда сильное мне кажется, после того, что я должна еще рассказать вам сегодня вечером. То, чего, как предполагал господин Председатель, недоставало для того, чтобы усовершенствовать страсть, о которой я только что рассказала, слово в слово имелось в причуде, которая должна была за ней последовать. Мне досадно, что он не дал мне времени закончить. Старый Председатель де Сакланж представляет собой именно те особенности, которых, судя по всему, возжелал господин Кюрваль. Не желая уступать ему, мы выбрали настоящую мастерицу того предмета, о котором ведем речь. Это толстая и рослая девица лет тридцати шести, прыщавая, любившая выпить и сквернословить, нахалка и грубиянка, хотя впрочем, достаточно привлекательная. Приходит Председатель, им подают ужин, оба они напиваются до умопомрачения, оба изрыгают блевотину друг другу в рот, оба глотают это и возвращают друг другу проглоченное. Наконец, они падают на остатки ужина, в нечистоты, которыми сами забрызгали паркет. В этот момент меня отряжают, поскольку у моей подруги нет больше ни сознания, ни сил. Я нахожу его на полу, член его прямой и твердый, как железный стержень; я беру

в руку этот инструмент, Председатель произносит что-то невероятное, матерится, тянет меня к себе, сосет мой рот и кончает, как бык, ворочаясь из стороны в сторону, среди этих нечистот.

Немного спустя та же девица предоставила нам зрелище не менее грязной причуды. Один толстый монах, который очень хорошо оплачивал ее, уселся верхом на ее животе, ноги моей товарки при этом были раздвинуты на всю возможную ширину и прижаты тяжелой мебелью, чтобы не менять положение. Было подано несколько кушаний, которые поместили на низ живота девицы, прямо на голое тело – безо всякой посуды. И этот малый хватает рукой куски, сует их прямо в открытую нору своей Дульсинеи, крутит их там во все стороны и съедает лишь после того, как они насквозь пропитаются солями, которые имеются во влагалище».

«Вот совершенно новый способ обеденной трапезы», – сказал Епископ. – «Который вам совсем не по душе, не так ли, святой отец?» – добавила Дюкло. – «Конечно, нет, черт возьми! – ответил служитель Церкви. – Влагалище не слишком мне нравится для этого дела».

«Ну что ж! – подхватила наша рассказчица, – тогда слушайте историю, которой я закончу свое повествование сегодня. Я убеждена, что она позабавит вас больше.

Прошло восемь лет с тех пор, как я оказалась у мадам Герэн. Мне только что минуло семнадцать лет; в течение всего этого времени не проходило и дня, чтобы я не видела, как каждое утро приходит некий откупщик налогов, к которому относились с большим почтением. Это был человек лет этак шестидесяти, толстим коротышка, достаточно похожий во всем на господина Дюрсе. Как и Дюрсе, он выглядел бодрым, был склонен к полноте. Каждый день ему требовалась новая девица; девицы нашего дома служили ему лишь на худой конец, либо, когда посторонняя не приходила на назначенное свидание. Господин Дюпон, так звали нашего финансиста, был сложен как в выборе девиц, так и в своих вкусах. Он категорически не желал, чтобы девица была проституткой, лишь в исключительных случаях, о которых я только что сказала; он хотел чтобы это были работницы, продавщицы из лавочек, особенно из тех, что торгуют модным платьем. Возраст и цвет волен также были определенными: нужны были блондинки от пятнадцати до восемнадцати лет, ни моложе и ни старше; кроме вышеназванных качеств, они должны были иметь красивой формы рот и такой особенной чистоты, что мельчайший прыщик у отверстии становился причиной для отвода. Если они были девственницами он платил им вдвойне. В

тот день для него ожидали прихода одной молоденькой кружевницы шестнадцати лет, попка которой могла служить настоящим образцом; но он не знал, что именно и этом заключался подарок, который собирались ему преподнести; девушка передала, что в то утро она не может отделаться от родителей, и чтобы ее не ждали; госпожа Герэн, зная, что Дюпон меня ни когда не видел, приказала мне незамедлительно одеться мещанкой, взять фиакр в конце улицы и высадиться около ее дома четверть часа спустя после того, как туда войдет Дюпон, хорошо исполняя роль и изображая из себя ученицу модистки. Кроме всех предосторожностей, главное, что я должна была исполнить, это не медленно наполнить себе желудок полфунтом аниса; следом за этим – выпить большой стакан бальзама, который должен был оказать то действие, о котором вы услышите. Все исполняется наилучшим образом; к счастью, у нас было несколько часов в день, что позволило предусмотреть все необходимое. Я подъезжаю с самым простодушным видом. Меня представляют финансисту, который пристально разглядывает меня; я старалась очень тщательно следить за собой, и он не смог открыть во мне ничего такого, что опровергло бы историю, которую для него сочиняли. «Она девственница?» – спросил Дюпон. – «С этой стороны нет, – сказала Герэн, положив руку мне на живот, – но с другой стороны, я вам за это ручаюсь». Она бессовестно лгала. Но какая разница?

Наш герой был введен в заблуждение, а это то, что было необходимо. «Поднимите же ей юбки», – сказал Дюпон. Госпожа Герэн задрала юбки сзади, наклонив меня немного на себя, и таким образом открыла распутнику храм его поклонения. Он внимательно разглядывает, с минуту щупает мои ягодицы, руками разводит их и, судя по всему, довольный осмотром, говорит, что эта пот вполне его удовлетворит. Затем он задает мне несколько вопроси» о возрасте, профессии, которой я занимаюсь и, довольный моей так называемой «невинностью» и моим притворным простодушием, уводит меня по лестнице в свою комнату: у него была своя собственная комната в доме госпожи Герэн, куда не входил никто, кроме него, и в которую невозможно было подглядывать ни с какой стороны. Как только мы вошли, он аккуратно закрывает дверь и, еще мгновение поглядев на меня, спрашивает меня достаточно грубым тоном и с грубым видом, которые он сохранил на протяжении всей сцены, так вот, он спрашивает меня: правда ли то, что меня никто никогда не брал сзади. А поскольку в мою роль входило не знать подобного выражения, – я заставила себя повторить его, торжественно уверяя, что ничего не понимаю; когда жестами он

растолковал мне, что он хотел этим сказать, да так, что больше не было возможности изображать непонимание, я ответила ему с испуганным невинным видом, что была бы очень огорчена, если бы когда-либо пришлось придаться подобным гнусностям. Тогда он велел мне снять только юбки; как только я это исполнила, он, оставив мою рубашку закрывающей мне перед, подоткнул ее сзади как можно выше под корсет; когда он раздевал меня, с меня упал мой грудной платок, и грудь моя явилась перед ним но всей своей наготе; это разозлило его. «Ко всем чертям эти сиськи! – закричал он. – Ну! Кто просил у вас сисек? Именно это выводит меня из себя, когда я имею дело с этими созданиями: у всех – бессовестная страсть показывать сиськи». Поспешив прикрыть грудь, я приблизилась к нему, будто для того, чтобы попросить у него прошения. Но видя, что я могу показать ему перед в том положении, которое я собиралась принять, он опять разозлился: «Ну же! Стойте так, как вас поставили, черт подери, – сказал он, хватая меня за бедра и снова ставя меня так, чтобы видеть перед собой только зад, – стойте так, черт вас возьми! Ваша нора никому не нужна, как и ваша грудь: здесь нужна только ваша жопа». Тем временем он встал, подвел меня к краю кровати, на которую заставил опираться полулежа на животе; потом, присев на очень низкий стульчик у меня между ног, он оказался в таком положении, что его голова была на уровне моего зада. Он внимательно разглядываем меня еще мгновение; потом, считая, что мое положение недостаточно удовлетворительно, снова встает, чтобы подложить мне подушку под живот, что смещает мою задницу еще больше назад; снова садится, осматривает, хладнокровно, с поспешностью хорошо продуманного распутства. Спустя мгновение он принимается и мои ягодицы, раздвигает их. подносит открытый рот к отверстию и плотно припадает к нему; тотчас же, следуя приказу, полученному от него, и своей крайней нужде, я отпускаю ему в глубину глотки, вероятно, самые раскатистые кишечные ветры, какие только ему доводилось получать за свою жизнь. Он в ярости отстраняется. «Как это, маленькая нахалка, – говорит он мне, – вы имеете наглость пердеть мне прямо в рот?» И снова, тотчас же припадает ртом к отверстию. «Да, сударь, – говорю я ему, выпуска» второй залп, – именно так я обхожусь с теми, кто целует мне попку». – «Ну что ж, стреляй, стреляй же, плутовка! Раз ты не можешь удержаться, пали, сколько хочешь и сколько можешь». С этой минуты я больше не сдерживаюсь; невозможно выразить словами, какую сильную нужду испытывала я пускать ветры после дряни, которую проглотила; наш герой, пребывая в экстазе, то принимает их ртом, то ноздрями. Через четверть часа подобных упражнений, он

ложится на канапе, притягивает меня к себе, держа по-прежнему мои ягодицы у себя под носом, и приказывает мне напрягать ему член, продолжая при этом упражнение, от которого испытывает божественное наслаждение. Я пукаю, трясу его член, вялый, размером не длинней и не толще пальца; благодаря толчкам и пукам инструмент этот, наконец, твердеет. Усилении наслаждения нашего героя в момент оргазма я ощущаю удвоением требовательности с его стороны. Теперь даже его язык вызывает у меня пуки; он щекочет глубины моего ануса, словно чтобы вызнать из него ветры, он хочет, чтобы я выпустила их именно на язык, он теряет рассудок, не владеет собой; маленькое страшное орудие жалким образом окропляет мне пальцы семью – восемью каплями светлой коричневатой спермы, что наконец позволяет ему прийти в себя. Но поскольку грубость служила ему для того, чтобы вызвать забытье, и для того, чтобы быстро восстановиться после этого, то он едва дал мне время прибрать себя. Он ворчал, сквернословил, одним словом являл передо мной отвратительный образ порока, удовлетворившего свою страсть, и ту непоследовательную невежливость, которая, как только очарование утрачено, пытается отомстить за себя презрением к идолу, который захватил чувства».

«Вот этот человек нравится мне больше всех предыдущих, - сказал Епископ. – Встретился ли он на следующий день с этой новенькой шестнадцатилетней?» – «Да, святой отец, он был с ней, а день спустя еще с одной пятнадцатилетней девственницей, по-своему не менее хорошенькой: мало, кто платил так, и мало, кого так хорошо обслуживали».

Так как эта страсть разгорячила головы собравшимся, столь привыкшим к распутствам такого рода, и напомнила им о пристрастии, которое пользовалось всеобщей благосклонностью, ни у кою больше не было желания долго ждать. Каждый собрал все, что мог, и взял понемногу отовсюду. Настало время ужина; его перемежали всеми непристойностями, о которых только что услышали; Герцог напоил Терезу и заставил ее блевать себе в рот; Дюрсе заставил пукать весь сераль и получил от него больше шестидесяти пуков за вечер. Что касается Кюрваля, которому в голову приходили самые разные экстравагантные мысли, то он сказал, что хотел бы пронести свои оргии один и закрылся в будуаре в глубине с Фаншон, Мари, Ла Дегранж и тридцатью бутылками шампанского. Потом пришлось выносить всех четверых: их обнаружили плавающими в потоке собственных нечистот; Председатель заснул, прилепившись ртом ко рту Ла Дегранж, которая блевала еще ему в рот. Трое остальных занимались тем же самым; они также провели свои оргии в

пьянстве, напоили своих «собардачниц», заставляя их блевать и пукать, делали бог знает что, и если бы не госпожа Дюкло, которая сохранила трезвый рассудок, привела все в порядок и уложила их спать, то скорее всего заря, простирая свои розовые пальцы и приоткрывая двери этого дворца Аполлона, нашла бы их погруженными в собственные нечистоты, похожих скорее на свиней, чем на людей. Поскольку все нуждались в отдыхе, каждый заснул отдельно и в объятиях Морфея стал понемногу восстанавливать силы для грядущего дня.

Седьмой день

Друзья больше не заботились о том, чтобы предаваться каждое утро часу уроков у госпожи Дюкло. Устав от наслаждении ночи, а также боясь как бы эта операция не заставила их проливать сперму с самого раннего утра, и полагая, кроме того, что эта церемония пресыщала их слишком рано сладострастием и некоторыми вещами, которые они имели интерес приберечь на более позднее время, – они договорились, что каждое утро их будет замещать по очереди один из «работяг». Состоялись визиты. Теперь достаточно было хотя бы одной из девушек проявить оплошность, чтобы подвергнуть наказанию всех восьмерых: ею оказалась красивая и интересная Софи, привыкшая исполнять все обязанности, какими бы нелепыми не казались ей они. Дюрсе заранее предупредил Луизон, ее опекуншу, и сумел так ловко заманить ее в ловушку, что она была объявлена виноватой; по этому поводу ее вписали в роковую книгу. Нежная Алина, подвергнутая подобному осмотру, также была объявлена виноватой, и список этого вечера таким образом состоял из восьми девушек, двух супруг и четырех мальчиков. Исполнив приготовления, все думали теперь только о подготовке к свадьбе, которая должна отмстить праздник, запланированный на конец первой недели. В тот день никому не было дано освобождение от общих нужд в часовне: святой отец предстал в полном епископском облачении; все подошли к алтарю. Герцог, который представлял отца девушки, и Кюрваль, который представлял отца юноши, привели: один – Мишетту, а другой – Житона, Оба были чрезвычайно празднично одеты, но наоборот: то есть мальчик был одет девочкой, а девочка – мальчиком. К несчастью, в соответствии с порядком изложения материала, о котором мы условились, мы должны отсрочить еще на некоторое время то наслаждение, которое несомненно доставят читателю подробности этой религиозной церемонии; но, несомненно, наступит момент, когда мы сможем открыть их ему. Все прошли в

салон, и в ожидании часа обеда четверо распутников, закрывшись наедине с этой очаровательной малолетней парой, заставляли их раздеться и принудили исполнить все те брачные церемонии, которые позволял им их возраст, лишь за исключением введения мужского члена но влагалище девочки, что могло бы быть тоже совершено, поскольку мальчик прекрасно напрягал свой член; но это не позволили сделать, чтобы ничто не повредило цветок, предназначенный для иного употребления. В остальном им разрешили прикасаться друг к другу, ласкать друг друга; юная Мишетта заливала влагой своею маленького мужа, а Житон, – с помощью своих учителей прекрасно толкал членом свою маленькую жену. И все же оба они начинали ощущать на себе рабство, в котором находились, что мешало зародиться в их маленьких сердцах той страсти, которую позволял чувствовать их возраст. Все пообедали; супруги были в центре внимания; к кофе головы уже распалились; их раздели донага, уподобив Зеламиру, Купидону, Розетте и Коломб, которые в тот день подавали кофе. Поскольку спускание в ляжки стало модным в это время дня, то Кюрваль занялся мужем, Герцог – женок Епископ, неистовствуя над прелестным задом Зеламира, который он сосал, заставляя пукать, вскоре пронзил его в том же духе; Дюрсе совершал свои маленькие изощренные гнусности с прелестным задом Купидона. Два наших главных атлета ничуть не разрядились, и, добравшись вскоре один – до Розетты, а другой до Коломб, пронзили их между ляжек тем же способом, каким только что действовали с Мишеттой и Житоном, приказывая очаровательным детям напрягать своими хорошенькими маленькими ручками чудовищные концы членов, которые высовывались у животов; одновременно развратники в свое удовольствие копались руками в свежих и нежных отверстиях попок маленьких прелестников. Однако никто не пролил спермы; все знали, что вечером предстоит приятная работа, и потому берегли себя. С этого момента права молодоженов упразднялись, их свадьба, хотя и совершенная по всей форме, становилась лишь игрой. Каждый из них вернулся в предназначенную ему кадриль, и все стали слушать Дюкло, которая продолжила свою историю:

«Один человек, имеющий почти такие же вкусы, как и финансист, о котором я вела вчера свой рассказ, откроет, если вам угодно, господа, мое сегодняшнее повествование. Это был докладчик в Государственном Совете, лет шестидесяти, который прибавлял к своим особым причудам и такую: он желал иметь дело лишь с женщинами старше себя. Госпожа Герэн дала ему старую сводницу из своих подруг, чьи морщинистые ягодицы представляли собой что-то вроде старого пергамента, который

идет на увлажнение табака. И нее же именно таким был предмет, который должен был послужить для поклонения нашего распутника. Он встает на колени перед этой дряхлой жопой, любовно целует ее; ему пукают прямо в нос, он приходит в восторг, открывает рот, пук повторяется, его язык с восторгом ищет эти мягкие ветры. И все же он не может устоять перед исступлением, в которое приводит его подобная операция. Он достает из своих штанов маленький, старый, бледный, сморщенный член, подобный тому божеству, которому он поклоняемся. «Ах, пускай, пускай же ветры, милая моя» – кричит он, изо всех сил сотрясая свой член, – пускай, душа моя, лишь от одних твоих пуков я ожидаю освобождения этого заржавленною орудия.» Сводница удваивает свои усилия, и распутник, пьянея от сладострастия, роняет между ног своей богини две – три несчастных капли спермы, которыми он обязан своему экстазу».

О ужасное воздействие примера! Кто бы мог подумать? В тот же самый миг, словно сговорившись, четверо наших распутников зовут дуэний из своих кадрилей. Они добираются до их старых некрасивых задниц, просят нукать, получают желаемое, и в этот Момент чувствуют себя почти такими же счастливыми, как тот докладчик в Государственном Совете, если бы только мысль о наслаждениях, которые ждут их во время оргий, не сдерживала их. Но они напоминают друг другу об этом, останавливаются на этом, Отпускают своих Венер, и Дюкло продолжает:

«Я не стану слишком распространяться о следующей страсти, господа, – сказала любезная девица. – Я знаю, что среди вас у нее не так много приверженцев, но вы приказали мне говорить ее, и я подчиняюсь. Один очень молодой человек с красивым лицом имел причуду языком щекотать мне отверстие во время месячных. Я ложилась на спину, раздвинув ляжки; он был на коленях передо мной и сосал, приподнимая меня двумя руками за поясницу, чтобы было удобнее. Он глотал и влагу из влагалища, и кровь, а поскольку он взялся за это так умело и был так хорош собой, то я получила разрядку. Член его напрягался, он был на седьмом небе; было видно, что ничто в мире не могло доставить ему такого наслаждения, и самая горячая и яростная разрядка, наступившая при непрекращающихся его действиях, вскоре убедила меня в этом. На следующий день он встретился с Авророй, немного спустя – с моей сестрой, и в течение одного месяца имел дело с каждой из нас, а по прошествии его, без сомнения, проделал то же самое во всех других борделях Парижа.

Эта причуда, как вы сами убедитесь, господа, не является такой уж особенной по сравнению с той, которую имел другой человек (в прошлом друг госпожи Герэн), которого она

обслуживала в течение долгого времени; вся страсть его, как она уверяла, состояла в том, чтобы поедать выкидыши и результаты абортов. Его предупреждали каждый раз, когда какая-нибудь девица находилась и подобном положении; он прибегал и проглатывал эмбрион, млея от сладострастия».

«Я знал этого человека, – сказал Кюрваль, – его существование и его вкусы не вызывают ни малейшего сомнения». – «Пусть так, – сказал Епископ, – но, что я знаю еще тверже, чем существование этого человека, так это то, что я последую его примеру».

«А почему бы и нет? – сказал Кюрваль. – Я убежден, что это сможет привести к разрядке, и если Констанс согласится это сделать со мной, поскольку говорят, что она уже залетела, то я обещаю ей заставить появиться на свет ее уважаемого сына до срока и сгрызть его, как сардину». – «О! Все прекрасно знают, в каком ужасе вы пребываете от беременных женщин, – ответила Констанс. – Всем известно, что вы отделались от матери Аделаиды лишь потому, что она забеременела во второй раз, и если Жюли не обманывает меня, она будет остерегаться этого». – «Совершенно очевидно, – сказал Председатель, – что мне не нравится потомство; когда животное оказывается с полным чревом, оно внушает мне яростное отвращение, но представить себе, что я мог убить свою жену из-за этого, значило бы обмануть вас. Знайте же, вы, потаскуха, что мне не нужна причина, чтобы убить женщину, и особенно такую корову, как вы, чтобы помешать ей произвести своего теленка, если она мне принадлежит». Констанс и Аделаида заплакали, и это обстоятельство стало понемногу приоткрывать тайну ненависти, которую Председатель питал к очаровательной супруге Герцога; тот же, будучи далеким от того, чтобы поддерживать ее в этом споре, ответил Кюрвалю, что тому, должно быть, хорошо известно, что и он, Герцог, любит потомство не больше чем Кюрваль, и что, если Констанс и была беременной, то потомство это пока еще не появилось на свет. Здесь слезы Констанс потекли с удвоенной силой; она была на канапе Дюрсе, своего отца, который в качестве утешения сказал ей, что, если она не замолчит немедленно, то, невзирая на ее состояние, он пинком под зад выставит ее за дверь. Несчастная была вынуждена затаить в своем разбитом сердце слезы, за которые ее упрекали, только и сказав: «Увы, великий боже! Я так несчастна, но это – моя участь, и я должна ее сносить». Аделаида также обливалась слезами; Герцог, на канапе которого она находилась, доводил ее из всех сил, чтобы она плакала пуще; наконец, она смогла тоже унять свои слезы – и когда эта немного трагическая и услаждающая

злодейские души наших распутников сцена завершилась, Дюкло продолжила рассказ такими словами:

«В доме госпожи Герэн была комната, устроенная достаточно любопытно и постоянно служившая одному человеку. В ней был двойной потолок и своего рода очень низкая антресоль, в которой можно было находиться лишь лежа; там помещался этот распутник особого свойства, исполнению прихоти которого я и послужила. Он запирался с девицей в этом своего рода люкс; его голова располагалась так, что совпадала с отверстием, открывавшемся в комнату, расположенную на верхнем уровне. Девица, закрытая с этим человеком, использовалась лишь для того, чтобы напрягать его член, а я, разместившись вверху, должна была делать то же самое с другим мужчиной. Отверстие, расположенное в темном месте, оказывалось открытым, споено невзначай, и я, будто бы из любви к чистоте и чтобы не портить паркет, должна была руками возбуждать своего мужчину, заставляя падать сперму в это отверстие: прямо на лицо, которое находилось точно под ним. Все было устроено так мастерски, что ничего не было заметно, и операция удавалась наилучшим образом: в тот момент, когда клиент получал прямо себе на нос сперму того, которому возбуждали член наверху, он прибавлял к этому свою; и этим все сказано.

Старуха, о которой я вам недавно говорила, появилась снова; ей предстояло иметь дело с другим чемпионом. Это был человек лет сорока; он заставил ее раздеться донага и стал лизать все отверстия и полости на старом трупе: жопу, нору, рот, ноздри, подмышки, уши – ничто не было забыто; при каждом всасывании этот мерзкий тип проглатывал все, что получал. Он не остановился на этом: заставил ее разжевать ломтики пирога и проглатывал их из ее рта; он также заставлял ее подолгу, задерживать во рту глотки вина, которым она прополоскала себе горло, и которое он также проглатывал; в течение всего этого времени его член находился в состоянии такой сильнейшей эрекции, что сперма, казалось, вот-вот вырвется оттуда без каких-либо усилий с его стороны. Наконец, он почувствовал, что сейчас она прольется, поспешил к старухе, засунул ей язык в отверстие в заду по меньшей мере на один фут и кончил, как безумный».

«Ну вот, черт подери, – сказал Кюрваль, значит, совершенно не обязательно быть молодой и хорошенькой для того, чтобы заставить течь сперму? Еще одно доказательство, что во всех наслаждениях именно грязная вещь притягивает сперму: чем грязнее она, тем сладострастней должна изливаться сперма». – «Это все соли, – сказал Дюрсе, – соли, выделяемые предметом, который служит нам в сладострастии, возбуждают наши

животные чувства и приводят их в движение; как можно сомневаться в том, что все старое, грязное и вонючее обладает наибольшим количеством солей, а следовательно, и большей способностью возбуждать и доводить до конца нашу эякуляцию?». Все еще некоторое время обсуждали этот тезис с той и с другой стороны; поскольку предстояли много дел после ужина, было приказано подать его немного раньше; во время десерта девочки, приговоренные к наказаниям, снова прошли в гостиную, где они должны были подвергнуться экзекуции вместе с четырьмя мальчиками и двумя супругами, также обреченными на наказание: их вместе составило четырнадцать жертв, то есть восемь уже известных нам девочек, Аделаида, Алина и четверо мальчиков: Нарцисс, Купидон, Зеламир и Житом. Наши приятели, опьяненные страстью, так отвечающей их вкусам, окончательно разгорячили себе головы огромным количеством вин и ликеров; вышли из-за стола и прошли в гостиную, где их поджидали пациенты; наши друзья были в таком состоянии опьянения, ярости и похоти, что никто не захотел бы оказаться на месте несчастных юных «преступников». В тот день на оргиях должны были присутствовать лишь виновные и четыре старухи, чтобы прислуживать. Каждый был раздет донага, каждый дрожал, каждым плакал, каждый ждал своей участи; когда Председатель усевшись в кресло, спросил у Дюрсе имя и провинность каждого субъект к Дюрсе, уже окосевший так же, как и его собрат, взял тетрадь и попытался читать; буквы прыгали у него перед глазами, и ему не удалось совершить задуманное; его сменил Епископ, он был так же пьян, как и его собрат, но умело сдерживал свое опьянение и стал читать поочередно имя каждого виновного и сто провинность: Председатель определял наказание, соответствующее силам и возрасту юного преступника, во всех случаях очень суровое. Совершив эту церемонию, приступили к исполнению приговоров. Мы крайне сожалеем, что план нашего повествования не позволяет нам описать здесь похотливые наказания, но наши читатели не должны обижаться на нас за это. Как и мы, они, надеемся, чувствуют, что мы не можем в данный момент удовлетворить их любопытство; но они могут быть уверены, что ничего не потеряют. Церемония была очень долгой: предстояло наказать четырнадцать жертв, к этому примешивались очень милые подробности. Все было несомненно восхитительно; четверо наших злодеев получили разрядку и ушли такими уставшими, такими пьяными от вин и наслаждений, что без помощи четырех «работяг», которые забрали их, никогда бы не добрались до своих комнат, где, несмотря на то, что они только что совершили, их ждали новые распутства. Герцог, который в ту

ночь, должен был спать с Аделаидой, не пожелал этого. Она входила в число подвергнутых экзекуции и была хорошо наказана им; пролив сперму в ее честь, он не хотел ее в тот вечер; уложив ее спать на полу на тюфяке, он предоставил ее место Дюкло, восхитительной в своих милостях.

Восьмой день.

Примеры наказаний, продемонстрированные накануне, привели к тому, что на следующий день не нашлось, да и не могло найтись человека, совершившего промах. Уроки продолжились на «работягах»; поскольку до кофе не произошло никаких особенных событий, мы начнем описание дня лишь с этого момента. Кофе подавали Огюстин, Зельмир, Нарцисс и Зефир. Снова началось спускание в ляжки; Кюрваль добрался до Зельмир, Герцог – до Огюстин; повосхищавшись и перецеловав их хорошенькие ягодицы, которые, не знаю почему, в тот день обладали какой-то особом грацией, притягательностью, даже каким-то румянцем, который ранее не наблюдался, так вот, после того, как наши распутники обцеловали и обласкали эти очаровательные маленькие попки, они потребовали от них пуков. Епископ, который держал в руках Нарцисса, уже получил их; были слышны пуки, которые Зефир выдавал в рот Дюрсе… Почему бы не последовать их примеру? У Зельмир это получилось, но Огюстин напрасно старалась, напрасно напрягалась; Герцог угрожал подвергнуть ее в субботу той же участи, что она испытала накануне; ничего не выходило; бедная малышка расплакалась, когда наконец, один бесшумный пук принес ему удовлетворение. Он вдохнул и, довольный этим знаком покорности хорошенькой маленькой девочки, которая ему нравилась, вставил ей свое огромное орудие между ляжек и, вытащим его в момент своей разрядки, полностью оросил спермой ее ягодицы. Кюрваль сделал то же самое с Зельмир; Епископ и Дюрсе довольствовались тем, что называется «маленькой дурочкой». После сиесты, все прошли в гостиную, где прекрасная Дюкло, одетая в тот день так, чтобы заставить всех окончательно забыть про ее возраст, появилась восхитительной при свете ламп; наши распутники, распалившись на ее счет, позволили ей продолжать повествование с высоты своего помоста лишь после того, как она продемонстрировала собранию свои ягодицы. «У нее действительно очень красивая задница», – сказал Кюрваль, – «Да, мой друг, – сказал Дюрсе, – подтверждаю, что встречал немного таких, которые были бы лучше этой». Приняв похвалы, наша героиня опустила юбки, присела и продолжила

нить своего рассказа таким образом, как прочтет читатель, если доставит себе труд продолжить чтение, что мы советуем ему для его же удовольствия:

«Одна мысль и одно событие, господа, стали причиной того явления, которое не относится к прежнему полю битвы. Мысль моя очень проста: она была порождена прискорбным состоянием моих доходов. Вот уже девять лет минуло с тех пор, как я жила у мадам Герэн; хотя я тратила очень мало, все же мне не удавалось отложить и ста луидоров для себя. Эта женщина, очень ловкая и строго соблюдающая свои интересы, постоянно находила способ оставлять за собой по меньшей мере две трети выручки, а также удержим и, значительные суммы из оставшейся трети. Такие уловки пришлись мне не по душе, и я, подстрекаемая настойчивыми просьбами другой сводницы, по имени Фурнье, которая приглашала меня жить к себе, и, зная, что эта Фурнье принимала у себя старых развратников более высокого пошиба и гораздо более богатых, чем те, которые бывали у госпожи Герэн, я окончательно решила рассчитаться с первой и уйти к другой. Что касается того события, которое укрепило меня в этой мысли, – это была потеря моей сестры; я была так сильно привязана к ней, что не могла более оставаться в доме, где все напоминало мне о ней в ее отсутствие. Около шести месяцев дорогую сестру посещал важный человек, худощавый, черноволосый, физиономия которого мне не нравилась. Они закрывались вместе, и я не знаю, что делали: сестра ни разу не пожелала рассказать мне об этом, а сами они располагались в таком месте, где я не могла их видеть. Как бы там ни было, в одно прекрасное утро она приходит ко мне в комнату, обнимает меня и говорит, что удача улыбнулась ей: она становится содержанкой этого важного человека; все, что мне удалось узнать, так это то, что своей удаче она была обязана красоте своих ягодиц. Она дала мне свой адрес, рассчиталась с госпожой Герэн, поцеловала нас и уехала. Как вы понимаете, я не преминула спустя два дня сходить по указанному адресу; там никто не мог понять, о чем я говорю. Мне стало совершенно ясно, что моя сестра обманута, поскольку я не могла предположить, что она желала бы лишить меня удовольствия видеть ее. Когда я пожаловалась госпоже Герэн на то, что произошло со мной в этой связи, та хитро улыбнулась и отказалась объясниться: из этого я поняла, что она была в курсе этой загадочной авантюры, но не хотела, чтобы я в нее вникала. Это задело меня и заставило принять окончательное решение; поскольку у меня больше не будет случая рассказать вам об этой моей дорогой сестре, кажу вам, господа: каких только розысков я ни предпринимала, каких только усилий ни прилагала, чтобы найти ее, оказалось

совершенно невозможным узнать о том, что с ней стало».

«Это вполне понятно, – сказала Ла Дегранж, – поскольку она не прожила и суток после того, как покинула тебя. Она не обманывала тебя. ее саму обвели вокруг пальца, но госпожа Герэн знала, о чем шла речь». – «Боже праведный! – сказала Дюкло. – Увы! Хотя я и не могла видеться с ней, я все же тешила себя надеждой, что она жива». – «Ты была совершено неправа, – продолжила Ла Дегранж, – она не солгала тебе: именно красота ее ягодиц, удивительное совершенство зада привели ее к приключению: она надеялась найти свою удачу и встретила лишь смерть».

«А кто был длинный худой человек?» – спросила Дюкло. – «Он был посредником в этой авантюре, он работал не на себя». – «Но все же он упорно встречался с ней на протяжении шести месяцев», – сказала Дюкло. – «Для того, чтобы обмануть ее», – ответила Ла Дегранж, – но продолжай свой рассказ, подобные уточнения могут наскучить господам, эта история относится и ко мне; я дам еще в этом отчет». – «Увольте от ваших сентиментальностей, Дюкло, – сухо сказал Герцог, видя, что та с трудом сдерживает непрошенную слезу, – нам неведомы подобные сожаления, скорее мир перевернется, чем мы издадим хотя бы один нздох по этому поводу. Оставьте слезы для придурков и детей; пусть они никогда не запятнают щеки разумной женщины, которую мы уважаем». Услышав эти слова, наша героиня взяла себя в руки и продолжила свой рассказ:

«В силу причин, которые я только что объяснила, я и приняла свое решение, господа; госпожа Фурнье, которая предоставляла Мне неплохое жилье, совсем по-иному сервированный стол, гораздо более дорогие, хотя и более тяжелые партии, впрочем все при равном разделе и без каких-либо вычетов, тотчас же склонила меня к окончательному решению. В то время мадам Фурнье занимала целый дом, пять молоденьких и хорошеньких девиц составляли ее сераль; я стала шестой. Позвольте мне здесь поступить так же, как я делала с мадам Герэн, то есть описывать своих товарок по мере того, как они будут становиться персонажами какой-либо истории. На следующий день после моего прихода мне дали работу; клиенты валом валили к госпоже Фурнье, и каждая из нас зачастую имела ежедневно по пять-шесть гостей. Но я буду рассказывать вам, как это делала и раньше, лишь о тех партиях, которые могут привлечь ваше внимание своей пикантностью или необычностью.

Первый мужчина, с которым я встретилась на новом месте, был рантье, человек лет пятидесяти. Он заставил меня встать на колени, наклонив голову к кровати, и, устроившись на кровати

также на коленях надо мной, возбудил себе член у меня во рту, приказан мне держать рот широко открытым. Я не потеряла ни капли, развратник сильно позабавился, глядя на мои конвульсии и позывы к рвоте, которые вызывало у меня это отвратительное «полоскание горла».

Если вам будет угодно, господа, – продолжила госпожа Дюкло, – то я расскажу еще о четырех приключениях подобного рода, которые случились со мной в доме у мадам Фурнье, хотя и в разное время. Я знаю, эти рассказы доставят немало удовольствия господину Дюрсе, он будет мне признателен за то, что я буду говорить об этом остаток вечера; это в его вкусе, который и позволил мне иметь честь познакомиться с ним м первый раз».

«Как! – сказал Дюрсе. – Ты заставишь меня играть какую-то роль в твоей истории?» – «Если вы сочтете нужным, сударь, – ответила госпожа Дюкло, – следует лишь предупредить этих господ, когда *я* дойду до вас в своем рассказе». – «А мое целомудрие?.. Как! Перед всеми этими юными девицами ты так запросто раскроешь все мои мерзости?» – И когда каждый от души посмеялся над забавными опасениями финансиста, Дюкло продолжила такими словами:

«Один распутник, гораздо более старый и более отвратительный, чем тот, о котором я только что рассказала, дал мне второе представление об этом пристрастии. Он заставил меня лечь совершенно голой на кровать, лег в противоположном направлении подле меня, сунул свой член мне в рот, а свой язык – мне в нору, и в таком положении он требовал от меня, чтобы я отвечала на его сладострастное щекотание, которое, как он считал, доставляет мне своим языком. Я сосала изо всех сил. Для него это было лишением невинности; он лизал, копался внутри и совершал эти маневры несомненно более для себя, чем для меня. Как бы там ни было, у меня это ничего не вызывало, я была счастлива, что не чувствую слишком большого отвращения; и вот распутник кончил; операция, которая по просьбе госпожи Фурнье, предупреждавшей меня обо всем заранее, так вот, операция, которую я его заставила совершить как можно сладострастнее, сжимая губы, сося, изо всех сил выжимая себе в рот тот сок, который он выделял, гладя рукой его ягодицы, чтобы пощекотать ему анус, что он велел мне делать, исполнив это со своей стороны, как только мог, – эта операция закончилась… Сделав дело, наш герой удалился, заверяя госпожу Фурнье, что ему никогда еще не поставляли девицы, которая сумела бы удовлетворить его лучше, чем я.

Немного спустя после этого приключения мне стало любопытно узнать, зачем приходила сюда одна старая колдунья,

которой было уже за семьдесят и которая, судя по всему, поджидала своего клиента; мне сказали, что, действительно, вскоре к ней должны прийти. Испытывая крайнее любопытство, чему может служить такая развалина, я спросила у своих товарок, не было ли у них в доме комнаты, откуда можно было бы подсматривать, как в доме госпожи Герэн. Одна из них мне ответила, что есть, и отвела меня туда; поскольку там хватало места на двоих, то мы встали там и вот что увидели и услышали; две комнаты разделяла тонкая перегородка, что позволяло не пропустить ни слова. Старуха пришла первой и, поглядев на себя в зеркало, прибралась, несомненно считая, что ее прелести еще будут иметь успех. Несколькими минутами позже мы увидели приход Дафниса к новоявленной Хлое. Ему было не больше шестидесяти; это был рантье, очень состоятельный человек, который предпочитал скорее тратить деньги на старую развалюху, как эта, чем на хорошеньких девиц; это происходило от особенности вкуса, который, судя по всему, господа, вам понятен и который вы хорошо объясняете. Он подходит, оглядывает с головы до ног свою Дульсинею, она делает ему глубокий реверанс. «Не стоит так церемониться, старая потаскуха, – говорит ей развратник, – да и разденься… Но давай сначала посмотрим, есть ли у тебя зубы?» – «Нет, сударь, у меня остался всего один, – говорит старуха, открывая свой беззубый рот… – взгляните сами». Тогда наш герой подходит и, схватив ее голову, запечатлевает ей самый страстный поцелуй, какой только мне доводилось видеть в жизни; он не только целовал, он сосал, пожирал, любовно щекотал языком самые глубины этой гниющей глотки, а старушонка, которая давно уже не переживала подобного рода праздника, отвечала на поцелуй с такой нежностью, которую мне было бы трудно описать вам. «Ну, давай, – сказал финансист, – раздевайся,» – он также снимает свои штаны и вытаскивает черный сморщенный член, который, казалось, не скоро подрастет. И вот старуха, уже голая, бесстыдно предлагает своему любовнику старое тело с желтом сморщенной кожей, все высохшее, обвисшее, тощее, описание которого, до чего бы вы не дошли в своих фантазиях, внушит вам столько отвращения; наш распутник впадает в экстаз; он хватает се, тащит в кресло, где возбуждал себя руками, ожидая, пока она разденется; он опять всовывает ей в рот язык и, развернув се, и течение какого-то мгновения воздаст почести обратной стороне медали. Я отчетливо вижу, как он теребит ей ягодицы, ну, да что я говорю, какие там ягодицы! Две сморщенные тряпки, которые волнами свисали с бедер на ляжки. И все же, какими бы они ни были, он их раздвинул, страстно припал губами к гнусной клоаке,

которую они скрывали, несколько раз он засовывал туда свой язык; тем временем старуха пыталась придать немного твердости мертвому члену, который она трясла. «Приступим к делу, – сказал этот Селадон, – без моего излюбленного момента все твои усилия будут бесполезными. Тебя предупредили? – «Да, сударь.» – «И тебе известно, что надо глотать?» – «Да, мой песик, да, мой петушок, я проглочу, я сожру все, что ты сделаешь». Распутник тотчас кладет ее на кровать головой вниз; в этой позе он вкладывает ей в клюв свое вялое орудие, засовывает его по самые яйца, берет свою прелестницу за обе ноги, кладет их себе на плечи, и таким образом его рожа оказывается, что в нише, между ягодиц дуэньи. Его язык снова помещается в глубинах этого приятного отверстия; даже пчела, летящая собирать нектар с розы, не сосет так сладострастно. Тем временем старуха сосет, наш герой возбуждается. «Ах, твою мать! – кричит он спустя четверть часа после этого чувствительного упражнения, – соси, соси же, гадкая тварь! Соси и глотай, она течет, черт подери! Течет, разве ты этого не чувствуешь?» И он целует в экстазе все, что представляется ему: ляжки, влагалище, ягодицы, анус, все лижет, все сосет. Старуха глотает, а бедный доходяга, который уходит таким же вялым, как и пришел, и который, судя по всему, кончил без эрекции, спасается, стыдясь своего распутства, торопится как можно скорее закрыть за собой дверь, чтобы не видеть в спокойном состоянии тот отвратительный предмет, который только что соблазнял его.»

«А старуха? – спросил Герцог.» – «Старуха откашлялась, отплевалась, отсморкалась, наспех оделась и ушла.

Несколько дней спустя настал черед той товарки, которая предоставила мне удовольствие увидеть эту сцену. Это была девушка лет шестнадцати, светловолосая с очень интересным лицом; я не преминула пойти увидеть ее в работе. Человек, с которым ее свели, был по меньшей мере такой же старый, как рантье. Он поставил ее на колени у себя между ног, заставил неподвижно держать голову, схватив за уши, и сунул ей в рот член, который показался мне грязней и отвратительней тряпки, вываленной в грязи. Моя бедная товарка, видя, как к ее свежим губам приближается этот отвратительный кусок, хотела опрокинуться навзничь, но не случайно наш герой держал ее, как пуделя, за уши. «Ну же, потаскуха, – сказал он ей, – Ты что, вздумала упрямиться?» И, пригрозив позвать госпожу Фурнье, которая несомненно рекомендовала ей быть полюбезнее, сумел сломить ее сопротивление. Она раскрывает губы, отступает, опять раскрывает их и, наконец, давясь, глотает гнусную реликвию своим восхитительным ротиком. С этого момента со стороны

злодея доносилось одно лишь сквернословие. «Ну ты, подлая, – говорит он в ярости, – ты еще будешь кочевряжиться, когда тебе предлагают сосать самый прекрасный член Франции! Может, ты думаешь, что следует ежедневно подмываться специально для тебя? Ну, давай же, соси, потаскуха, соси это драже». И, распаляясь от этого сарказма и от отвращения, которое он внушал моей товарке (поскольку, господа, то отвращение, которое вы порой вызываете в нас, становится еще одним возбудителем наслаждения для вас), распутник впадает в экстаз и оставляет во рту несчастной девицы недвусмысленные доказательства своей мужественности. Будучи менее услужливой, чем старуха, она ничего не проглотила и, пребывая в большем отвращении, чем та, через минуту извергла из себя все, что было у нее в желудке; наш распутник, поправляя свой костюм, не слишком обращал на нее внимание, посмеиваясь сквозь зубы над жестокими последствиями своего распутства.

Настала моя очередь, более удачная, чем две предшествующих; я была предназначена самому Амуру и, когда я его удовлетворила, мне оставалось лишь удивляться тому, что я обнаружила столь странные вкусы у молодого человека, так хорошо созданного природой для того, чтобы нравиться. Он приходит, заставляет меня раздеться, ложится на кровать, приказывает мне присесть на корточки над его лицом и попытаться ртом заставить разрядиться его довольно посредственный член; он просит, он умоляет меня проглотить сперму, как только я почувствую, что она течет. «Не оставайтесь без дела, – прибавил молодой распутник, – пусть ваша пещера наполнит мне рот мочой, которую я обещаю вам проглотить так же, как вы будете глотать мою сперму; и пусть эта прекрасная попка пукает мне в нос».

Я принимаюсь за дело и исполняю одновременно три задачи с таким мастерством, что его маленький «анчоус» вскоре извергает весь свой восторг мне в рот; тем временем я глотаю это, а мой Адонис делает то же самое с мочой, которой я заливаю его, вдыхая при этом пуки, ароматом которых я непрерывно одариваю его».

«По правде говоря, мадемуазель, – сказал Дюрсе, – вы бы могли прекрасно обойтись без того, чтобы разоблачать детские забавы моей юности». – «Ах, ах, – молвил, смеясь, Герцог. – Как это? Ты, едва осмеливающийся теперь смотреть на перед, заставлял их писать в те времена?» – «Это правда, – отвечал Дюрсе, я краснею от этого; это ужасно, когда ты должен упрекать себя по поводу мерзостей подобного рода; именно теперь, мой друг, я ощущаю тяжкий груз угрызений совести… Прелестные попки, -вскричал он восторженно, целуя попку Софи, которую

привлек к себе, чтобы на мгновение пошалить с ней, – божественные попки, как я упрекаю себя за те лестные слова, которые украл у вас! О восхитительные попки, обещаю вам искупительную жертву, я принесу клятву на ваших алтарях, что никогда больше в жизни не предамся заблуждению. Когда прекрасный зад немного разгорячил его, распутник поставил послушницу в очень неприличную позу, в которой он мог, как мы уже видели выше, заставить ее сосать свой маленький «анчоус», сам сося при этом свежайший и сладострастнейший анус. Дюрсе, слишком пресыщенный подобными удовольствиями, редко обретал в них свою силу; напрасно было сосать его, и он напрасно отвечал на ласки; ему пришлось отменить дело, будучи в состоянии упадка, чертыхаясь и кляня, отложить на какой-то более удачный момент те наслаждения, в которых природа отказывала ему в этот миг. Не все были столь несчастны. Герцог, который прошел в свой кабинет с Коломб, Зеламиром, «Разорванным-Задом» и Терезой, издавал оттуда вопли, которые доказывали, что он счастлив; Коломб, выйдя оттуда отплевывалась изо всех сил, не оставляя никаких сомнений относительно храма, которому герой поклонялся. Что касается Епископа, тот, естественно, возлежал на канапе, под носом у него были ягодицы Аделаиды, член его был у нее во рту; он млел, заставляя девицу пукать; тем временем Кюрваль, стоя, проливал в исступлении свою сперму, заставив Эбе воткнуть в рот свою огромную «трубу». Подали ужин. Герцог решил доказать за ужином, что если счастье состоит в полном удовлетворении всех наслаждении чувств, то трудно быть более счастливым, чем они. «Эти слова но принадлежат распутнику, – сказал Дюрсе. – Как вы можете быть, счастливым, если вы в состоянии удовлетворять себя каждый миг. Счастье состоит не в наслаждении, а в желании; оно означает разбить все преграды на пути к исполнению желания. Клянусь, сказал он, – с тех пор, как я нахожусь здесь, моя сперма ни разу не проливалась лишь из-за тех, которых здесь нет. Да и, впрочем, – прибавил финансист, – я считаю, что нашему счастью не до стает главного: удовольствия сравнивать, удовольствия, которое может родиться из созерцания несчастных, а мы совершенно не видим их здесь. Именно от вида того, кто не наслаждается тем, что имею я, и который страдает, – рождается прелестная возможность сказать себе: да, я счастливее, чем он! Там, где люди будут равными, где не будет существовать различий, – никогда не будем существовать счастья. Это то же самое, что человек, который познает цену здоровью лишь в том случае, когда сам переболел». «В таком случае, – сказал Епископ, – вы считаете, что подлинное наслаждение состоит в

созерцании слез тех, кого угнетает бедность?» – «Именно так, – сказал Дюрсе, – в мире, возможно нет никакой другой более чувствительной страсти, чем та, о которой вы только что сказали». – «Как? Не облегчать их страданий?» – спросил Епископ; ему нравилось заставлять Дюрсе высказываться по поводу проблемы, которая всем по вкусу и которую, как все знали, он мог разобрать очень подробно.

«Что вы подразумеваете под облегчением страданий? – спросил Дюрсе. – То наслаждение, которое рождается во мне от приятною сравнения их состояния с моим, исчезнет, если я стану облегчаті. их страдания: выведя их из состояния бедности, я дам им вкусить миг счастья, который, делая их похожими на меня, уничтожает всякое наслаждение от сравнения». – «Ну что ж, судя по этому. – молвил Герцог, – надо поступить каким-то образом так, чтобы упрочить это главное различие в счастье; надо, скорее всего, усу губить их положение». – «Это не вызывает сомнений, – сказал Дюрсе, – это-то и объясняет те мерзости, в которых меня упрекали всю мою жизнь. Люди, которым были неизвестны мои побуждения, называли меня грубым, жестоким, варваром; но, смеясь над всеми этими словами, я шел своим путем; признаюсь, я совершал то, что глупцы называют зверствами, но я утверждал наслаждения, вытекающие из приятных сравнений, и я был счастлив.» – «Признай тот факт, – сказал ему Герцог, – подтверди, что больше двадцати раз тебе случалось разорять несчастных лишь для того, чтобы удовлетворить таким образом извращенные вкусы, в которых ты признаешься?» – «Более двадцати раз? – переспросил Дюрсе. – Да нет! Более двухсот раз, друг мой; и я без преувеличения мог бы назвать более четырехсот семей, обреченных теперь просить милостыню, которые оказались в подобном состоянии из-за меня». – «Но ты хотя бы воспользовался этим?» – спросил Кюрваль. – «Почти всегда; но часто я делал это из-за какой-то злости, которую почти всегда возбуждают во мне органы разврата. Я возбуждаюсь, творя зло; я нахожу во зле достаточно острую притягательность; это пробуждает во мне все ощущения наслаждения, и я всецело отдаюсь – из интереса к нему». – «Для меня нет ничего нового в подобном вкусе, – сказал Кюрваль. – Я сотню раз отдавал свой голос, когда был в Парламенте, за то, чтобы вешать несчастных, о которых знал, что они невиновны; я всегда предавался этой мелкой несправедливости, испытывая внутри себя сладострастное щекотание, от которого органы наслаждения в области яичек очень быстро воспламенялись. Судите сами, что я ощущал, когда я совершал гадости». – «Совершенно очевидно, – добавил Герцог, мозг которого начинал распаляться от того, что он теребил

руками Зефира, – что преступление таит в себе достаточно очарования, чтобы само по себе воспламенять все чувства, не требуя тою, чтобы мы прибегали к какой-либо другой уловке, – никто не может понять лучше меня, что злодеяния, даже самые далеки от разврата, могут возбуждать, как и те, которые связаны с ним. Лично я возбуждался от воровства, от убийства, от поджога; я абсолютно уверен, что не объект распутства движет нами, а идея зла; и, следовательно, возбуждаются единственно из-за зла, а не из-за предмета возбуждения, причем до такой степени, что если этот объект не способен заставить нас сотворить зло, мы никогда не возбудимся от него.» – «Совершенно верно, – сказал Епископ, – отсюда рождается уверенность в самом большом наслаждении от самой гнусной вещи; это система, от которой нисколько нельзя отклоняться и которая состоит в том, что, чем больше желают породить наслаждения в преступлении, тем ужаснее должно быть это преступление. Что касается меня, господа, – прибавил он, – то если вы позволите мне пояснить на собственном примере, то, признаюсь вам, я уже почти не испытываю того ощущения, о котором вы говорите, то есть я больше не испытываю его от мелких преступлений; если злодейство, которое я совершаю, не включает в себя, насколько это возможно, мерзости, жестокости, коварства, предательства, – это ощущение больше не рождается во мне.» «Ну что же, – сказал Дюрсе, – возможно ли совершать преступления именно так, как они задуманы, и так, как вы только что сказали? Что касается меня, признаюсь, что мое воображение н этом вопросе всегда превосходило имеющиеся у меня средства; я всегда замышлял в тысячу раз больше, чем делал; я всегда жаловался на природу, которая, дав мне желание оскорблять ее, постоянно отнимала у меня средства к этому». – «Существует всего два-три преступления, которые надо совершить в этом мире, – молвил Кюрваль, – а когда они совершены, этим все сказано; остальное не в счет. Сколько раз, черт подери, мне хотелось иметь возможность напасть на солнце, чтобы лишить его Вселенную или воспользоваться им, чтобы устроить всемирный пожар! Вот это были бы преступления, не то, что эти небольшие отклонения, которым мы предаемся и которые ограничиваются превращением в конце года дюжины тварей Божьих в комья земли».

Головы уже распалились (что ощутили на себе две-три девушки), члены стали подниматься; все вышли из-за стола, чтобы пойти залить в хорошенькие ротики потоки той жидкости, слишком острое покалывание которой заставляло высказывать столько ужа сов. В тот вечер все сосредоточились на наслаждениях рта; были придуманы тысячи способов, чтобы

разнообразить их; а когда все достаточно пресытились этим, то попытались найти в нескольких часах отдыха, необходимые силы для того, чтобы с утра все начать сначала.

Девятый день.

В то утро Дюкло предупредила, что считает благоразумным либо дать девочкам другие тренировочные модели для упражнений по мастурбации, заменив мужланов, которых использовали здесь, либо прекратить уроки: дети были, по ее мнению, уже достаточно хорошо обучены. Она говорила с большой рассудительностью: если будут продолжать использовать молодых людей, известных пол именем «работяг», результатом могут стать интриги, которых было бы благоразумнее избежать; эти молодые люди совершенно не родились для этого упражнения, поскольку они тотчас же получали разрядку и, кроме того, были бы слишком заняты наслаждениями, которых ожидали от них задницы господ. Таким образом, было решено, что уроки будут прекращены, тем более, что среди девочек было уже несколько таких, которые прекрасно умели напрягать члены. Огюстин, Софи и Коломб могли бы поспорить в ловкости и легкости кисти руки с самыми знаменитыми «трясуньями» столицы. Из всех них наименее ловкой была Зельмир: не то, чтобы она не была слишком легкой и умелой во всем что делала, просто ее нежный и меланхолический характер не позволял ей забыть о своих печалях; поэтому она постоянно была грустной и задумчивой. Перед завтраком в то утро старуха обвинила ее в том, что застала накануне вечером за молитвой перед сном. Девочку вызвали, допросили, требуя сказать, о чем она молилась. Сначала она отказывалась говорить, потом под угрозами призналась, что просила Бога освободить ее от опасностей, которым подвергалась, до того, пока не совершено покушение на ее девственность. Герцог объявил, что она заслуживает смерти, и специально заставил ее прочесть статью из предписаний, касающуюся этого случая. «Ну что ж, – сказала она, – убейте меня. Бог, к которому я взываю, по меньшей мере, пожелал бы меня. Убейте меня до того, как вы обесчестите меня; душа, которую я ему посвящаю, улетит чистой в его объятия. Я буду освобождена от муки видеть и слышать столько ужасов каждый день». Подобный ответ, в котором царило столько добродетели, душевной чистоты, вежливости, сильно напряг члены наших распутников. Некоторые предлагали незамедлительно лишить ее девственности, но Герцог, напомнив им о нерушимых обязательствах, которые они взяли на себя,

довольствовался тем, что единодушно со своими собратьями приговорил ее к жестокому наказанию в следующую субботу, а пока что приказал подползти на коленях и сосать ртом по четверть часа члены каждого из друзей, предупредив ее, что, если подобное повторится, она уж точно расстанется с жизнью и будет осуждена по всей строгости законов. Бедная девочка подошла, чтобы исполнить первую часть своего наказания, но Герцог, которого разгорячила эта церемония и который после произнесенного приговора усиленно ласкал ей попку, гнусно излил все свое семя в хорошенький маленький ротик, грозя придушить ее, если она отвергнет хотя бы каплю; несчастная кроха проглотила все, не без ужасного отвращения. Она сосала по очереди и трех других, но они не пролили ничего, И после обычного визита к мальчикам и в часовню, который в то утро мало что дал (поскольку они отвергли почти всех), все пообедали и приступили к кофе. Кофе подавали Фанни, Софи, Гиацинт и Зеламир. Кюрвалю вздумалось отодрать Гиацинта в ляжки, заставив при этом Софи устроиться между ляжек Гиацинта, чтобы сосать кончик его, Кюрваля, члена, который выступал наружу. Эта сцена была забавной и сладострастной; он напряг себе член и заставил мальчугана направить струю спермы на нос девочки; Герцог, который, благодаря длине своего члена, был единственным, кто мог бы повторить эту сцену, устроил то же самое с Зеламиром и Фанни. Мальчик пока еще не получал разрядки; таким образом Герцог был лишен очень приятного эпизода, которым наслаждался Кюрваль. Дюрсе и Епископ пристроили также около себя четырех детей и заставляли их сосать себя; никто не кончил, и после короткой сиесты все прошли в гостиную для рассказов, где, когда все устроились поудобнее, Дюкло продолжила нить своего повествования.

«С кем-либо другим, кроме вас, господа, – сказала эта любезная девица, – я не отважилась бы затронуть тот сюжет повествования, который займет у нас всю эту неделю; но каким бы распутным он не был, ваши вкусы мне прекрасно известны; вместо того, чтобы бояться вам не понравиться, я, напротив, убеждена в том, что доставлю вам приятное. Вы услышите, предупреждаю вас за ранее, ужасные мерзости, но ваши уши созданы для подобного, вашим сердцам они нравятся, и они желают их; я непосредственно приступаю к рассказу. В доме госпожи Фурнье у нас был один старый клиент, которого называли, я не знаю, за что и почему, «кавалером», он имел обычай являться каждый вечер в дом для одной простой, но в то же время странной церемонии: расстегивал штаны и требовал, чтобы одна из нас, по очереди, испражнялась ему внутрь штанов;

тотчас же застегивал их и очень быстро выходил, унося этот груз. В то время, как ему «это» поставляли, он напрягал себе член, но никто никогда не видел, чтобы он кончил; никто также не знал, куда он уходил со своей «поклажей», упрятанной в штаны».

«О! Черт подери, – сказал Кюрваль, который не мог ничего слышать без того, чтобы не сделать то же самое. – Я хочу, чтобы мне насрали в штаны и чтобы я сидел так весь вечер». Приказан Луизон оказать ему эту услугу, старый распутник дал собранию действенное представление о вкусе, о котором собрание только что выслушало рассказ. «Ну, давай, продолжай, – сказал он мадам Дюкло, усаживаясь на канапе, – я вижу, что прекрасная Алина, моя очаровательная подруга этого вечера испытывает неудобства от этого дела; что касается меня самого, то я чувствую себя прекрасно». Дюкло продолжила следующими словами:

«Предупрежденная обо все том, что должно было происходить у распутника, к которому меня послали, я делалась мальчиком; а поскольку мне было всего двадцать лет и у меня были красивые волосы и хорошенькая фигура, эта одежда была мне очень к лицу Я предусмотрительно, перед тем, как выходить, сделала в штаны то, что господин председатель только что приказал сделать в свои. Мой мужчина ждал меня в постели: я подхожу, он два-три раза сладострастно целует меня в губы, говоря мне, что я самый красивый мальчик, которого ему доводилось до сих пор видеть; продолжая хватать меня, ом пытается расстегнуть мне штаны. Я делаю вид, что защищаюсь, с единственным намерением посильнее разжечь его желание; он торопит меня, ему это удастся; но как мне описать вам тот восторг, который охватывает его, как только он замечает «поклажу», которую я несу, и тот пестрый рисунок, который все это вывело на моих ягодицах. «Как, маленький негодник, – говорит он мне, – вы наделали себе в штанишки!… Разве можно допускать такое свинство?» – И спустя мгновение, держа меня по-прежнему повернутой к себе спиной со спущенными штанами, он возбуждает рукой себе член, делает толчки, приклеивается к моей спине и выбрасывает струю спермы на эту «поклажу», засовывая язык мне в рот».

«Как? – сказал Герцог, – он ничего не касался, не теребил руками ничего из того, что вы знаете?» – «Нет, сударь, – отвечала госпожа Дюкло, – я не скрываю от вас никаких подробностей. Но немного терпения, мы постепенно придем к тому, что ни имеете в виду».

«Пойдем посмотрим на одного забавного типа, – сказала мне одна из моих товарок, – этому человеку не нужна девушка, он забавляется в одиночку». Мы идем к дырке, зная, что в соседней

комнате, куда он должен был прийти, стоял горшок под стулом с дыркой, который нам четыре дня назад приказали наполнить и где должно было быть, по меньшей мере, не менее дюжины какашек. Приходит наш герой; это был старый помощник откупщика налогов лет семидесяти. Он запирается в комнате, идет прямо к горшку, в котором кроются ароматы, коих он просил для своего наслаждения, берет его и, сев в кресло, в течение часа любовно разглядывает богатства, обладателем которых его сделали. Он вдыхает, трогает, берет в руки, вытаскивает одну за другой, чтобы получить удовольствие и получше разглядеть. Наконец, придя и восторг, он вытаскивает из своих штанов старую черную «тряпку», которую трясет изо всех сил; одной рукой он напрягает себе член, другую засовывает в горшок, подносит к этому орудию ту пищу, которая способна разжечь его желания; но оно не поднимается сильнее. Бывают моменты, когда природа показывает себя такой норовистой, что восторги, которые вызывают у нас наибольшее наслаждение, не могут ничего вырвать у нес. Напрасно старался наш гость, ничего не напрягалось; благодаря толчкам, совершенным той самой рукой, которая была вымазана испражнениями, происходит эякуляция: он напрягается, опрокидывается на спину, дышит, вдыхает, трет свой член и кончает на кучу говна, которая доставила ему такое наслаждение.

Еще один человек ужинал наедине со мной и пожелал, чтобы на стол поставили двенадцать тарелок, наполненных тем же самым, вперемешку с тарелками с ужином. Он обнюхивал их, вдыхал по очереди запах; мне же приказал возбуждать ему член после еды на том блюде, которое показалось ему самым прекрасным.

Один молодой докладчик в Государственном Совете так мною платил за клизмы, что все хотели принять его. Когда я оказывалась с ним, я получала их от него по семь, причем все он ставил мне своей рукой. После каждой проходило несколько минут; мне надо было подниматься на стремянку, он становился внизу, и я обрушивала на его член, который он напрягал, весь поток, коим он только что поил мои кишки».

Легко можно себе представить, как весь вечер проходил в мерзостях подобного рода, о которых вы услышали; в это легче поверить, если принять во внимание, что наших четырех друзей объединил подобный вкус; лишь Кюрваля он завел дальше всех; трое остальных были увлечены этим, впрочем, не меньше его. Восемь кучек дерьма маленьких девочек были размещены среди блюд, поданных за ужином, а во время оргий все еще более превзошли друг друга в деле с мальчиками; так закончился

девятый день, окончание которого было встречено с удовольствием, поскольку все тешили себя надеждой услышать на следующий день более подробные рассказы о том предмете, который нежно любили.

Десятый день.

Вспомните о том, что тщательно скрывалось вначале. Чем больше мы продвигаемся вперед, тем лучше мы можем прояснить нашему читателю некоторые факты, которые были вынуждены от него скрывать.

Теперь, например, мы можем сказать ему, какова была и утренних визитов в комнаты к детям, по какой причине их показывали, когда обнаруживался какой-нибудь юный «преступник» и ходе этих визитов, и какие наслаждения все вкушали в часовне': участникам, к какому бы полу они не принадлежали, было строго-настрого запрещено ходить в уборную без специального разрешения; эти нужды, сдерживаемые таким образом, должны были удовлетворять нужду тех, кто их желал. Визит служил тому, чтобы узнать, не нарушил ли кто-нибудь приказ: ответственный за месяц тщательно осматривал все ночные горшки и, если находил хотя бы один из них полным, его хозяин тотчас же записывался в книгу наказаний. Однако послабление существовало для тех мальчиков или девочек, которые не могли больше сдерживать себя: это означало пойти незадолго до обеда в часовню, из которой сделали уборную, огороженную так, что наши распутники могли получать удовольствие, которое доставляло им созерцание удовлетворения этой нужды; те же, кто могли сохранять «поклажу», теряли ее на протяжении дня таким способом, который больше всего нравился друзьям. Был еще и другой мотив для наказания. То, что называется «церемонией биде», совершенно не нравилось нашим четырем друзьям: Кюрваль, к примеру, не мог вынести, чтобы те, с кем ему предстояло иметь дело, мылись; Дюрсе – то же самое; об этом и тот, и другой предупреждали старуху, блюдущую пациентов, с которыми они предполагали позабавиться на следующий день; этим субъектам не разрешалось ни при каких условиях мыться водой или очищать себя любым другим способом; двое других относились к этому спокойно, поскольку для них это было не принципиально; впрочем, если после предупреждения быть грязным какой-нибудь субъект являлся чистым, он записывался в список для наказаний. Так произошло с Коломб и Эбе в описываемое утро. Накануне они накакали во время оргий; зная, что на следующий день они должны подавать

кофе, Кюрваль, который рассчитывал поразвлечься с обеими и даже предупредил, что заставит их пукать, – потребовал, чтобы многие вещи остались в том состоянии, в каком были. Когда девочки легли спать, они ничего этого не сделали. Во время визита Дюрсе был очень удивлен, увидев их в образцовой чистоте; они извинились, сказав, что забыли о предупреждении; тем не менее их имена были вписаны в книгу наказаний. В то утро не было выдано ни одного разрешения на часовню. (Читателю угодно будет припомнить о том, что мы будем подразумевать под этим в будущем). Все слишком хорошо предвидели необходимость в этом для грядущего вечера.

В тот же день закончились уроки мастурбации для мальчиков; они стали бесполезными, все мастурбировали, как самые ловкие парижские проститутки. Зефир и Адонис в ловкости и легкости превосходили всех, и редко какой член не эякулировал до крови, Напряженный такими проворными и нежными маленькими ручками. До кофе не произошло ничего нового; кофе подавали Житон, Адонис, Коломб и Эбе. Эти четверо, предупрежденные заранее, были напичканы всевозможной дрянью, которая лучше всего может вызвать кишечные ветры, и Кюрваль, который намерился заставить их пукать, получил огромное количество пуков. Герцог заставил Житона сосать себя, но маленькому ротику никак не удавалось заглотить огромный член, который ему подсовывали. Дюрсе сотворил мелкие изощренные гадости с Эбе, а Епископ отодрал Коломб в ляжки. Пробило шесть часов, все прошли в гостиную, и госпожа Дюкло принялась рассказывать то, что вы сейчас прочтете:

«В дом к мадам Фурнье прибыла новая товарка: в силу роли, которую она будет играть в той страсти, что последует сейчас, она заслуживает того, чтобы я вам описала ее хотя бы в общих чертах. Это была юная модистка, развращенная тем соблазнителем, о котором я вам говорила ранее, рассказывая про дом госпожи Герои; он работал также и на госпожу Фурнье. Девушке было четырнадцать лет, шатенка, с карими глазами, полными огня, с маленьким личиком, самым сладострастным, какое только можно себе представить, с кожей белой, как лилия, и нежной, как атлас, достаточно хорошо сложенная, но все-таки немного полноватая; от этого легкого недостатка происходила самая аппетитная, самая привлекательная, самая округлая, самая белая попка, которую можно было найти в Париже. Мужчина, с которым она имела дело, как я наблюдала сквозь дырку, был у нее первым; она была девственницей, совершенно точно – со всех сторон! Следует сказать, подобный лакомый кусочек предоставлялся лишь большому другу дома: это был старый аббат

де Фьервиль, известный как своим богатством, так и своим распутством, страдающий тяжелой подагрой. Он приходит, закутанный с головы до ног, устраивается в комнате, осматривает причиндалы, которые должны вскоре ему потребоваться, все подготавливает к делу; приходит девочка по имени Евгения. Немного испугавшись нелепого вида своего первого любовника, она опускает глаза и краснеет. «Подойдите, подойдите же, – говорит ей распутник, – покажите мне вашу попку». – «Сударь…» – изумленно произносит девочка. – «Ну же, ну же, говорит старый распутник, – нет ничего хуже, чем все эти малолетние новички; они даже не думают, что кто-то хочет посмотреть на их попку. Ну же, поднимите, поднимите свою юбку!» Девочка, сделав несколько шагов вперед, из страха вызвать недовольство у госпожи Фурнье, которой она обещала быть очень любезной, наполовину приоткрывает зад, поднимая юбку. «Ну, повыше, повыше же, – говорит старый развратник. – Вы считаете, что я сам должен утруждать себя?» И вот, наконец, прекрасная попка показывается полностью. Аббат внимательно разглядывает ее, заставляет выпрямиться, согнуться, велит сжать ноги, раздвинуть ноги, и, привалив ее к кровати, какое-то мгновение грубо трется всеми своими передними частями, которые обнажил, о прекрасную попку Евгении, чтобы наэлектризовать себя и притянуть к себе немного тепла от этого прекрасного дитя. После этого он переходит к поцелуям, встает на колени, чтобы чувствовать себя вольготнее и, держа двумя руками прекрасные ягодицы, раздвинутые как можно шире, готовит язык и рот, которые вот-вот начнут копаться в этих сокровищах. «Меня ничуть не обманули, – говорит он, – у вас прехорошенькая попка. А вы давно какали?» – «Только что, сударь, – говорит девочка. – Прежде чем я поднялась сюда, мадам заставила меня исполнить эту предосторожность». – «Ах, ах!.. Значит в вашем животике больше ничего не осталось, – говорит распутник. – Ну что же, посмотрим». Он берет в руки клистир, наполняет его молоком, возвращается к своему объекту, впускает клистир и выливает содержимое. Евгения, заранее обо всем предупрежденная, готова ко всему, и едва «снадобье» оказывается у нее в животе, как гость, растянувшись на канапе, приказывает ей сесть верхом на него и сделать свое маленькое дело ему в рот. Это робкое создание садится так, как ей сказано, тужится, распутник возбуждает себе член, плотно припав ртом к ее заднему отверстию, не давая ей пролить ни капли драгоценной влаги, которая вытекает из нес. Он очень тщательно глотает все, и, едва делает последний глоток, как проливается его сперма, и он погружается в исступление. Но каким же бывает отвращение, которое у всех настоящих

развратников приходит вслед за крушением их иллюзий?! Кончив, аббат резко отбрасывает девочку подальше от себя, поправляет одежду и говорит, что его обманули, сказав, что ребенок перед этим покакает, что она уж точно вообще не какала и что он проглотил половину ее какашек. Следует заметить, что господин аббат хотел лишь молока, что не станет платить, что больше сюда не придет, что он не должен утруждать себя такими визитами ради маленьких соплюшек, и уходит, прибавив к этому тысячу Других ругательств, о которых я расскажу вам при случае в повествовании о другой страсти, основу которой они составляют, дабы не делать их здесь незначительным дополнением.»

«Черт подери, – сказал Кюрваль, – подумаешь какой неженка! Сердиться из-за того, что получил немножко дерьма? А те, которые едят его!» – «Потерпите, потерпите, сударь, – сказала Дюкло, – позвольте, чтобы мой рассказ шел в том порядке, который вы сами требовали от меня; вы увидите, что придет черед тех особых распутников, о которых только что сказали.»

Эта лента бумаги была написана за двадцать вечеров, с семи до десяти часов, и закончена сегодня 12 сентября. 1785 года. Остальное *читайте на оборотной стороне ленты. То, что следует, составляет продолжение конца оборотной ленты.*

«Спустя два дня настала моя очередь. Меня предупредили, чтобы я терпела в течение тридцати шести часов. Моим героем был старый королевский священник, страдающий подагрой, как и предыдущий. К нему надо было подходить только нагой, но низ живота и грудь должны были быть очень тщательно прикрыты; меня предупредили об этом условии со всей определенностью, уверяя, что, если хотя бы слегка покажется одна из этих частей, мне никогда не удастся заставить его кончить. Я подхожу к нему, он внимательно разглядывает мой зад, спрашивает меня о возрасте, правда ли, что я сильно хочу какать, какого вида мое дерьмо, мягкое или крутое, и еще тысячу других вопросов, которые, как мне показалось, возбуждали его, поскольку во время беседы член его встал, и он показал его мне. Этот член, приблизительно дюйма четыре в длину на два-три дюйма в окружности, имел, несмотря на весь свой блеск, такой несчастный и жалкий вид, что надо было глядеть в подзорную трубу, чтобы заподозрить о его существовании. Я по просьбе моего героя взялась за него; видя, что мои толчки достаточно хорошо возбуждают его желания, он приготовился проглотить жертвоприношение. «Дитя мое, – сказал он мне, – мы и вправду хотите какать, как вы это сказали? Мне не и раните я, когда меня обманывают. Посмотрим, посмотрим-ка, у вас есть дерьмо в

попке?» И говоря так, он засовывает мне в зад средний палец правой руки, а левой тем временем поддерживает эрекцию, которую я вызывала в его члене. Этому пальцу, исследовавшему глубины, не требовалось проникать слишком далеко, чтобы убедиться в той нужде, в коей я уверяла его. Стоило ему коснуться содержимого, как он пришел в неописуемый восторг: «Ах, черт подери! – сказал он. – Она не обманывает меня; курочка скоро будет нестись, я только что почувствовал яйцо». Обрадовавшись, развратник целует мне зад и, видя, что я больше не могу терпеть, заставляет меня подняться на особого рода устройство, похожее на то, которое есть, господа, в вашей часовне; мой зад, полностью представленный его взору, мог сделать свое дело в горшок, помещенный ниже, на расстоянии двух-трех пальцев от его носа, устройство было сделано специально для него, он довольно част о пользовался им, поскольку не проходило и дня без того, чтобы он не пришел к госпоже Фурнье для подобного отправления, как с посторонними девицами, так с девицами из этого дома. Кресло, поставленное под кругом, на котором помещался мой зад, было настоящим троном для этого типа. Как только он видит, что я пристроилась, он сам садится и приказывает мне начинать. Несколько пуков в качестве введения; он вдыхает их. Наконец, появляется какашка: он млеет: «Какай, крошка, какай, ангел мой! – кричит он, пылая огнем. – Дай мне полюбоваться как какашка вылезает из твоей прекрасной попки». И он помогал ей; его пальцы терли анус, облегчали вылет; он тряс себе член, наблюдал, был опьянен сладострастием, и, когда, наконец, в крайнем наслаждении пришел в совершенное неистовство, его крики, вздохи, касания, – все убедило меня в том, что он переживает последний момент наслаждения; я окончательно уверилась в этом, повернув голову и увидев, как его миниатюрное орудие выплескивает несколько капель спермы в горшок, который я только что наполнила. Затем он спокойно ушел и даже заверил меня, что окажет мне честь – снова придет ко мне, хотя я была убеждена в обратном, прекрасно зная, что он никогда не приходил дважды к одной и той же девице.»

«Я понимаю это, – сказал Председатель, целуя зад Алины, своей подруги по канапе, – нужно быть в таком состоянии, в каком бываем мм, чтобы заставлять чью-то жопу какать для тебя больше одного раза.» – «Господин Председатель, – сказал Епископ, – ваш голос как-то по-особому прерывается; это говорит мне о том, что вы возбуждаетесь». – «Ах, ни слова больше, – подхватил Кюрваль, – я целую ягодицы вашей уважаемой дочери, которая отказывает мне в любезности выпустить один жалкий

пук».

«Значит, я удачливее вас, – сказал Епископ, – поскольку ваша уважаемая жена наложила мне прекрасную большую кучу…»

«Ну, тише же, господа, тише! – сказал Герцог, голос которого звучал приглушенно: что-то покрывало ему голову. – Тише же, черт вас подери! Мы находимся здесь, чтобы слушать, а не для того, чтобы действовать». – «Можно подумать, что ты ничего не делаешь», – отвечал ему Епископ. – Значит, ты только что валялся под тремя-четырьмя задницами для того чтобы слушать?» «Ну, ладно, ладно, он прав. Продолжай, Дюкло. Для нас будет разумнее послушать о глупостях, чем самим делать их; надо поберечься.»

Дюкло уже собиралась продолжить, как послышались обычные вопли и привычные проклятья, сопровождавшие разрядки Герцога: окружении своего катрена он сладострастно проливал сперму, возбужденный рукой Огюстин, которая нежно «осквернила» его в то время, как он проделывал с Софи, Зефиром и Житоном множество мелких глупостей, очень похожих на те, о которых рассказывали. «Ах, черт подери! – сказал Кюрваль, – я не могу вынести этих дурных примеров. Я не знаю ничего, что может заставить кончить, кроме самой разрядки: к примеру, эта маленькая потаскушка, – сказал он, показывая на Алину, – совсем недавно ничего не могла сделать, теперь же делает все, что угодно… Неважно, я выдержу. Эй, напрасно ты срешь, девка, напрасно! Я не стану кончать!» – «Я прекрасно понимаю, господа, – сказала Дюкло, – что после того, как я вас совратила этим сюжетом, я же должна вас образумить; чтобы добиться этого, не ожидая ваших приказов, продолжу свой рассказ.»

«Ну уж нет! – сказал Епископ, – я не такой бесстрастный, как господин Председатель; сперма жалит меня, и надо, чтобы она вышла». Говоря это, он вытворял перед всеми такие вещи, о которых нам пока еще не позволяет говорить тот порядок, о котором мы договорились, но похотливость которых заставляла очень быстро пролиться сперму, жжение которой стало стеснять яйца. Что касается Дюрсе, то он, всецело поглощенный задницей Терезы, не издавал ни звука; судя по всему, природа отказывала ему в том, что она предоставляла двум другим, поскольку обычно он не оставался нем, когда она одаривала его своими милостями. Госпожа Дюкло, видя, что все успокоились, продолжила свой рассказ о развратных приключениях:

«Спустя месяц я увидела человека, которого надо было почти насиловать для действия, достаточно похожего на то, о котором я вам только что рассказала. Я какаю в тарелку и подношу ему под нос; он сидит в кресле, погруженный в чтение и, кажется, не

замечает меня. Он бранит меня, спрашивает, как я осмеливаюсь быть такой нахальной, чтобы совершать подобные вещи перед ним, но в конце концов нюхает какашки, разглядывает их, трогает рукой. Я прошу у него прошения за эту вольность; он продолжает говорить мне глупости и кончает, держа какашки у себя под носом, обещая найти меня в будущем.

Четвертый использовал для подобных «пиршеств» лишь семидесятилетних женщин. Я видела, как он действовал с одной из них, которой было никак не меньше восьмидесяти. Он лежит на канапе, матрона, сидя над ним на корточках, выливала ему старое дерьмо на живот, тряся его старый сморщенный член, который почт не получал разрядки. В доме у госпожи Фурнье была еще одна особенная конструкция: своего рода стул с дыркой; человек мог помещаться таким образом, что его тело находилось в другой комнате, а голова – на месте горшка. Я устраивалась со сторож тела и, встав на колени у него между ног, старательно сосала его член во время всей операции. Итак, эта особая церемония заключалась в том, что какой-нибудь простолюдин, специально нанятый для этого, не слишком вдаваясь в подробности того, что ему предстоит делать, входил с той стороны, где было сиденье стула, садился на него и отправлял туда свой кал, падавший прямо на лицо пациента, которого я обхаживала. Исполнитель должен был непременно быть грубой деревенщиной, страшнее и отвратительней жабы; кроме того, было необходимо, чтобы он был старым и некрасивым. Сначала его показывали гостю, если он был лишен всех этих качеств, то не годился. Я ничего не видела, но все слышала: настоящим шоком стал для меня миг разрядки этого человека; его сперма устремлялась мне в глотку, по мере того, как говно покрывало ему лицо; я видела, как он выходил оттуда, будучи в таком состоянии; его прекрасно обслужили. После окончания этой операции я встретила того любезного человека, который только что оказал ему эту услугу: это был добродушный и честный овернец, работавший подручным у каменщиков, очень довольный тем, что заполучил мелкую монету за работу, которая заставляла его освободиться от тяжести в кишках и была для него намного приятнее, чем таскать ручные носилки. Он выглядел пугалом из-за своего уродства, и, судя по всему, ему было больше сорока».

«К черту Бога, – сказал Дюрсе, – вот как это надо проделывать». И он прошел в свой кабинет с самыми старыми шлюхами, Терезой и Ла Дегранж; спустя несколько минут все услышали его крики, но, вернувшись, он не пожелал рассказать компании о тех эксцессах, которым только что предавался.

Подали ужин, который был не развратнее обычного; друзьям в голову пришла мысль провести время после ужина, запершись – каждый в своем углу – вместо того, чтобы забавляться всем вместе, как они обычно делали; Герцог занял будуар в глубине с Эркюлем, госпожой Ла Мартен, своей дочерью Юлией, Зельмир, Эбе, Зеламиром, Купидоном и Мари. Кюрваль захватил себе гостиную для рассказов, устроившись там с Констанс, которая каждый раз дрожала от страха, когда ей приходилось оставаться с ним, и которую он совершенно не собирался успокаивать, а также с Фаншон, Ла Дегранж, «Разорванным-Задом», Огюстин, Фанни, Нарциссом и Зефиром. Епископ прошел в гостиную собраний с госпожой Дюкло, изменившей в тот вечер Герцогу (мстя за его измену, которую он совершил), уведя с собой Алину, «Струю-В-Небо», Терезу, Софи, очаровательную крошку Коломб, Селадона и Адониса. Что касается Дюрсе, то он остался в столовой, где убрали остатки ужина и разбросали ковры и подушки. Итак, он уперся там с Аделаидой, своей дорогой супругой, Антиноем, Луизон, мадам Шамвиль, Мишеттой, Розеттой, Гиацинтом и Житоном. Эти действия были продиктованы скорее усилением похоти, чем какой-либо другой причиной: головы так разгорячились в тот вечер, что, по единодушному мнению, никто не пошел спать, а, напротив, в каждой комнате было совершено столько гнусностей и мерзостей, что невозможно себе представить. К рассвету все захотели снова сесть за стол, хотя много пили в течение ночи. Сели вперемешку, не соблюдая различий; кухарки, которых разбудили, отправили к столу взбитые яйца, луковый суп и омлеты. Все выпили еще, но Констанс была очень печальной, ничто не могло успокоить ее. Ненависть Кюрваля росла одновременно с ее несчастным животом. Она только что ощутила ее на себе во время оргий этой ночью, где было все, кроме ударов: договорились, что дадут подрасти ее «груше»; итак, она ощутила на себе самые скверные приемы, которые только можно себе представить. Она хотела пожаловаться на это Дюрсе и Герцогу, своему отцу и своему мужу, которые послали ее ко всем чертям и сказали, что в ней несомненно есть какой-то недостаток, который они сами не замечали, если она может так не нравиться и самому добропорядочному и честному человеку: вот и все, чего она смогла добиться. Затем все отправились спать.

Одиннадцатый день.

Встали очень поздно; полностью отменив в этот день обычные церемонии, сели за стол сразу же после того, как поднялись с

постели. За кофе, который подавали Житон, Гиацинт, Огюстин и Фанни, было достаточно спокойно. Однако Дюрсе хотел непременно заставить пукать Огюстин, а Герцог – направить в рот Фанни. Итак, поскольку от желания до исполнения был только шаг, все получили удовлетворение. К счастью, Огюстин была подготовлена; она отпустила около дюжины пуков в рот финансиста, которые уже было возбудили его. Что касается Кюрваля и Епископа, то они ограничились прикосновениями к ягодицами двух маленьких мальчиков, и все прошли в гостиную для рассказов.

«Взгляни-ка, – сказала мне однажды крошка Евгения, которая начинала осваиваться с нами и после шести месяцев пребывания в борделе стала еще красивее, – взгляни, Дюкло, – сказала она мне, задирая на себе юбку, – вот таким мадам Фурнье хочет ни деть мой зад весь день». Говоря это, она показала мне слой говна толщиной в дюйм, который полностью закрывал ее хорошенькую маленькую дырочку в попке. – «И что она хочет, чтобы ты делала с этим?» – спросила я ее. – «Это готовится для одного пожилого господина, который придет сегодня вечером, – отвечала Евгения, – она хочет, чтобы у меня непременно было дерьмо в заднице». – «Ну что же, – сказала я, – он будет доволен, поскольку невозможно там иметь его больше». Евгения сказала мне, что после того, как она справила нужду, госпожа Фурнье специально так ее вымазала. Мне было любопытно увидеть эту сцену, и, как только позвали это маленькое хорошенькое создание к гостю, я со всех ног бросилась к дырке в стене. Гостем был один монах, из тех, кого называют «шишками»; он был из ордена де Сито, толстый, высокого роста, крепкий, лет около шестидесяти. Он ласкает девочку, целует ее в губы и, спросив ее, все ли у нее чисто поднимает юбку, чтобы самолично проверить безукоризненную чистоту, в которой его заверяла Евгения, хотя ей было отлично известно обратное; впрочем, ей было приказано говорить ему именно так. «Как, маленькая плутовка? – сказал монах, увидев, как все было на деле. – Как? Вы осмеливаетесь говорить мне, что вы чисты, имея при этом такую грязную попку? Похоже, что вы уже недели две не подтирали ее. Это меня огорчает; поскольку мне так хочется видеть ее чистой, мне самому придется позаботиться об этом». Говоря это, он заставил девочку опереться о кровать, встал на колени у ее ягодиц, разведя их двумя руками. Сначала можно было подумать, что он разглядывает и, кажется, удивлен; понемногу он привыкает к картине, язык его приближается, он отхватывает куски, чувства воспламеняются, член встает, его нос, рот, язык, – все, кажется, работает одновременно, его восторг кажется таким

сладострастным, что он едва может говорить; наконец сперма поднимается: он хватает свой член, трясет его и, получая разрядку, заканчивает чистить, да так тщательно, что не верится, что всего лишь мгновение тому назад зад мог быть грязным. Распутник не останавливается на этом: похотливое пристрастие было для него предварением главного. Он поднимается, еще раз целует девочку, подставляет ей здоровый отвратительный грязный зад, которым приказывает сотрясать; эти действия вновь возбуждают его, он добирается до зада моей товарки, осыпает новой порцией поцелуев, а поскольку то, что он сделал затем, не входит в мою компетенцию и не помещается в рамках этих рассказов, позвольте мне передать Ла Мартен право рассказать вам о распущенности одного злодея, которого она очень хорошо знала и от которого, чтобы избежать любых вопросов с вашей стороны, господа (поскольку мне по вашим же законам не позволено отвечать), я перейду к другой подробности.»

«Только одно слово, Дюкло, – сказал Герцог. – Я буду говорить в завуалированной форме: таким образом, твои ответы нисколько не нарушат наших законов. Хобот у монаха был большим, и Евгения в первый раз…?»

– «Да, сударь, это было в первый раз, и у монаха он был большой, как у вас». – «Ах, черт подери! – сказал Дюрсе. – Какая прекрасная сцена и как бы мне хотелось увидеть это».

«Возможно, вы проявите такое же любопытство, – сказала Дюкло, продолжая свой рассказ, – к тому человеку, который несколькими днями позже прошел через мои руки. Он пришел с горшком в руках, содержавшим восемь-десять кучек дерьма, взятых со всех сторон, «авторы» которых его меньше всего интересовали; я своими руками натерла его всего зловонной мазью. Он не щадил ничего, даже лица; а когда я дошла до члена, который одновременно ему трясла, этот мерзкий боров с наслаждением разглядывал себя в таком виде в зеркале и оставил в моей руке доказательства своей жалкой мужественности.

Вот мы и пришли, господа: наконец, мы воздадим почести подлинному храму. Меня предупредили быть наготове и я сдерживалась два дня. Это был мальтийский командор, который для подобных действий встречался каждый раз с новой девицей; именно с ним произошла эта сцена. «Какие прекрасные ягодицы! – сказал он мне, целуя зад. – Но, дитя мое, – прибавил он, – недостаточно иметь красивую попку, надо, чтобы эта красивая попка еще и какала. Вы хотите сделать это?» – «До смерти, сударь», – ответила я ему. – «Ах, черт подери, как это прекрасно, – сказал командор, – именно это и называется – как нельзя лучше служить своему миру; не угодно ли будет вам, моя

крошка, покакать в тот горшок, который вам сейчас поднесу?» «Честное слово, сударь», – ответила я ему, – я готова какать куда угодно, так сильно мое желание, даже вам в рот…» – «Ах! Прямо мне в рот! Как она мила! Ну что ж, именно это и есть единственный горшок, который я могу вам предложить». – «Ну что ж! Дайте же его, сударь, дайте мне его поскорее, – ответила я, – поскольку я больше не могу терпеть». Он устраивается, я на корточках взбираюсь на него; делая свое дело, я трясу ему член; он поддерживает меня руками за бедра, возвращая кусок за куском все, что я выкладываю ему в пасть. Тем временем ом впадает в экстаз; моей ладони едва хватает, чтобы заставить выплеснуться потоки семени, которые он проливает; я трясу его член, заканчиваю какать, наш герой на вершине блаженства; я ухожу от него; он доволен мной так, что любезно просил передать это госпоже Фурнье, прося ее прислать ему другую девицу на следующий день.

Тот, кто появился за ним, к тем же самым эпизодам прибавил лишь то, что подольше задерживал куски у себя во рту. Он добирался, чтобы они стали жидкими, подолгу полоскал ими рот и возвращал их уже в виде воды.

У пятого было еще более странное пристрастие. Он хотел найти у горшке со стулом четыре кучи дерьма без единой капли мочи. Его закрывали одного в комнате, где находилось сокровище; он никогда не брал с собой девиц; надо было тщательно следить за тем, чтобы все было хорошо закрыто и за ним не могли подглядывать ни с какой стороны. Тогда он действовал; но как, этого я не могу вам сказать: никто и никогда его за работой не видел. Известно лишь, что, когда кто-нибудь входил в ту комнату после него, горшок был совершенно пуст и очень чист: что он делал с этими четырьмя кучками, вам, судя по всему, и сам дьявол едва ли мог бы сказать. Он мог с легкостью выбросить их куда-нибудь, но, возможно, он делал с ними кое-что другое. Заботу о подготовке четырех кучек он всецело возлагал на госпожу Фурнье, никогда не интересуясь, от кого они были, и никогда не давая никаких рекомендаций по этому поводу. Однажды, чтобы посмотреть, взволнует ли его то, что мы скажем, поскольку эта тревога могла бы немного прояснить нам участь кучек дерьма, – мы сказали ему, что то, что давал ему в тот день, были нездоровы и поражены сифилисом. Он посмеялся над этим вместе с нами, нисколько не рассердившись; так что, кажется правдоподобным, что он, употребив кучки для другого дела, выбрасывал их. Когда мы несколько раз пытались подробнее расспросить его, он заставлял нас замолчать, и мы так и не смогли ничего добиться.

Вот и все, что я собиралась рассказать вам сегодня вечером, – сказал Дюкло. – А завтра я начну говорить о другом порядке вещей, по крайней мере, относящихся к моей жизни; поскольку это касается прелестного вкуса, который вы обожествляете, мне остается, господа, еще по меньшей мере два-три дня иметь честь рассказывать вам об этом.»

Мнения о судьбе кучек дерьма, о которых только что было рассказано, разделились; каждый приводил свои доводы; было приказано проверить некоторые из них; Герцог, который хотел, чтобы все видели пристрастие, которое он питал к госпоже Дюкло, показал всем собравшимся распутный способ, которым он забавлялся с ней, и удовольствие, ловкость, быстроту, сопровождаемые самыми прекрасными предложениями, которые она умела удовлетворять с удивительным мастерством. Ужин и оргии были достаточно спокойными, и, поскольку затем не произошло никакого заметною события вплоть до следующего вечера, то мы начнем историю двенадцатого дня с тех рассказов, коими оживила его Дюкло.

Двенадцатый день.

«Новое состояние, в котором я собираюсь пребывать, – сказала госпожа Дюкло, – заставляет меня, господа, ненадолго привлечь ваше внимание к одной подробности моей личности. Лучше всего представить себе описываемые наслаждения, когда известен объект, доставляющий их. Мне только что минул двадцать первый год. Я была брюнеткой, но кожа моя, несмотря на это, отличалась, очень приятной белизной. Копна волос, покрывающая мою голову, естественными волнами кудрей спадала до самого низа ляжек. Глаза у меня были такие, как вы видите; все находили их прекрасными. Я была немного полновата, хотя и высокого роста, гибкая и тонкая в талии. Что касается моего зада, этой части, так интересующей нынешних распутников, то он был, по общему мнению, лучшим из всего, что можно было видеть подобного рола; мало у кого из женщин в Париже он был такой приятной формы: полный, круглый, очень мясистый, с выпуклыми ягодицами; излишняя полнота нисколько не уменьшала его изящества; самое легкое движение тотчас же открывало маленькую розочку, которую вы так нежно любите, господа, и которая, я совершенно согласна в этом с вами, является самой притягательной в женщине. Хотя я довольно долго вела развратную жизнь, невозможно бы сохраниться более свежей; и из-за неуемного темперамента данного мне природой, и из-за моего крайнего благоразумия в отношении наслаждений,

которые могли бы нарушить спою свежесть ими повредить темпераменту. Я очень мало любила мужчин; в жизни моей была одна-единственная привязанность. Во мне не было ничего, кроме распутной головы, но она была чрезвычайно распутна, и после того, как я вам подробно описала свои привлекательные черты, будет справедливо, если я вам расскажу немного о своих пороках. Мне нравились женщины, господа, и я этого совсем и о скрываю. Конечно, не до такой степени, как моей дорогой приятельнице мадам Шамвиль, которая несомненно признается вам. что она разорилась из-за них; в своих наслаждениях я всегда прел почитала женщин мужчинам, и удовольствия наслаждения, которые они доставляли мне, имели над моими чувствами гораздо более могущественную власть, чем мужские страсти. Кроме того, у меня было прочное пристрастие к воровству: я до неслыханной степени развила в себе эту манию. Совершенно убежденная в том, что все богатства должны быть распределены поровну на земле и что лишь сила и жестокость противостоят этому равенству, первому закону природы, я попыталась исправить такое положение вещей и установить равновесие самым наилучшим образом, как только могла. Не будь у меня проклятой мании, я, возможно, была бы еще с тем простым смертным благодетелем, о котором сейчас вам расскажу».

«А ты много крала в своей жизни?» – спросил Дюрсе. – «Удивительно много, сударь; если бы я не тратила постоянно все то, что я тащила, теперь бы я была очень богатой.» – «Но были ли у тебя при этом какие-то отягчающие обстоятельства? Ломала ли ты двери, злоупотребляла ли доверием, обманывала ли наглым образом?» – «Чего там только не было, – отвечала Дюкло, – не думаю, что мне следует задерживаться на этих подробностях, чтобы не нарушать ход повествования; но поскольку вижу, что это может вас позабавить, в дальнейшем я непременно расскажу вам об этом. Кроме этого недостатка, меня всегда упрекали еще в одном: в недобром сердце; но разве в том моя вина? Разве наши пороки и наши совершенства даны нам не от природы; могу ли я заставить быть более нежным сердце, которое природа сотворила бесчувственным? Мне кажется, я ни разу в жизни не плакала ни о своих несчастьях, тем более – о несчастьях других. Я любила свою сестру, но, потеряв се, не испытывала ни малейшей боли: вы были свидетелями того, с каким равнодушием я только что узнала о ее кончине. Даже если, не дай Бог, я увижу гибель Вселенной, я не пролью над этим ни слезинки». – «Вот каким надо быть, – сказал Герцог, – сочувствие – это добродетель глупцов, и, хорошенько присмотревшись к себе, можно обнаружить, что лишь оно заставляло нас растрачивать понапрасну страсти. Но с подобным

пороком ты непременно должна была совершать преступления, поскольку бесчувственность прямо ведет к этому?» – «Сударь, – Сказала Дюкло, – те правила, которые вы установили для наших рассказов, не позволяют мне рассказать вам о многих вещах; вы возложили заботу об этом на моих товарок. Скажу вам лишь одно: когда они покажутся вам в ваших глазах настоящими злодейками, будьте абсолютно уверены, что я никогда не была лучше их». – «Вот то, что называют «воздавать себе должное», – сказал Герцог. – Ну же, продолжай: надо довольствоваться тем, что ты нам скажешь, поскольку мы сами ограничили тебя; но помни, что наедине я не дам тебе пощады за твои мелкие неповторимые гнусности.»

«Я ничего не скрою от вас, сударь. Не угодно ли будет вам после того, как вы меня выслушали, не слишком раскаиваться из-за того, что вы проявили немного благосклонности по отношению к такому скверному человеку. Итак, я продолжаю. Несмотря на все пороки и более всего тот, который заключался в полном непризнании чувства благодарности, которое казалось мне унизительным, и которое я воспринимала лишь как оскорбительный ненужный груз для человечества, лишающий нас гордости, данной нам от природы, – так вот, несмотря на все эти недостатки, мои варки любили меня, и из всех нас мужчины чаще всего предпочитали меня. Таково было мое положение, когда один откупщик налогов по имени д'Окур пришел провести время в доме у госпожи Фурнье. Он был одним из ее постоянных клиентов, хотя чаще имел дело с посторонними девицами, а не с девицами дома; к нему относились с большим почтением; мадам, которая непременно хотела познакомить меня с ним, за два дня до визита предупредила меня о том, чтобы я приберегла для него, сами знаете что, и что он любил так сильно, как никто другой из тех, кого мне довелось встречать; вы увидите это сами – во всех подробностях. Приходит д'Окур и, оглядев меня с головы до ног, бранит мадам Фурнье за то, что она не предоставила ему пораньше такое очаровательное создание. Я благодарю его за любезность, и мы поднимаемся и комнату. Д'Окур был человеком лет пятидесяти, огромным, толстым, однако с приятным лицом, не лишенным чувства юмора, и, что больше всего мне нравилось в нем, так это нежность и природная вежливость, которые очаровали меня с первой же минуты. «У вас должна быть самая очаровательная попка в мире, – говорит мне д'Окур, привлекая меня к себе и засовывая мне под юбки руку, которую тут же направил к заду. – Я – знаток, а девицы такого типа как вы, почти всегда имеют очень красивую попку. Ну как! Разве я был не прав? – прибавил он, быстро ощупав ее. – Как она свежа, как

кругла!» И ловко повернув меня, приподнимая одной рукой мне юбки выше пояса и щупая другой, он стал пристально разглядывать тот алтарь, к которому обращал свои желания. «Черт подери! – вскричал он. – Это действительно одну из самых красивых попок, какие только мне довелось видеть нею мою жизнь, а я, тем не менее, немало их повидал на своем веку… Раздвиньте ножки… Поглядите-ка на эту клубничку… нот я сейчас ее пососу… вот я сейчас ее проглочу… Это и вправду великолепный зад, честное слово… А скажите-ка мне, моя кротка, вас обо всем предупредили?» – «Да, сударь, все в полном порядке». – «Все дело в том, что я захожу слишком далеко, – прибавил он, – а если вы не совсем здоровы, то я рискую». – «Сударь, – сказала я ему, – вы можете делать абсолютно все, что вам вздумается. Я ручаюсь вам за себя, как за новорожденного младенца; вы можете действовать совершенно спокойно». После такого вступления д'Окур заставляет меня наклониться к нему, по-прежнему разводя руками ягодицы; припав ртом к моим губам, он сосал мою слюну на протяжении четверти часа. Он отрывался ненадолго, чтобы извергнуть несколько «черт подери!», и тотчас же снова любовно принимался выкачивать из меня слюну. «Плюйте, плюйте же мне в рот, – говорил он мне время от времени, – наполните его хорошенько слюной». Я почувствовала, как его язык крутился вокруг моих десен, погружаясь как можно глубже и собирая все, что он находил на своем пути. «Ну же, – сказал он, – *я* уже достаточно возбужден, теперь за дело». И вот он снова принимается разглядывать мои ягодицы, приказывая мне дать подъем своему орудию. Я извлекаю его, толщиной в три пальца, гладкое, длиной около пяти дюймов, которое было очень крепким и яростно сильным. «Скиньте свои юбки, – сказал мне д'Окур, – а я сниму свои штаны; нужно, чтобы ягодицы со всех сторон чувствовали себя свободно для церемонии, которую мы сейчас совершим». Потом, как только это было исполнено, прибавил: «Подоткните получше свою рубашку под корсет и полностью обнажите зад… Ложитесь на живот на кровать». После этого он садится на стул и опять начинает ласкать мои ягодицы, вид которых опьянил его. В какой-то миг он раздвинул их, и я почувствовала, как глубоко погрузился его язык для того, как он говорил, чтобы окончательно убедиться в том, что «курочка хочет снести яичко» (я говорю вам его словами). Однако, я сама его не касалась; он слегка теребил сам маленький сухой член, который я обнажила. «Ну же дитя мое, —сказал он, – давай приниматься за дело; говно наготове, я учуял его, но не забывайте, что вы должны какать постепенно и всегда пережидать, пока я проглочу один кусок, прежде чем выпустить другой. Эта операция займет много

времени, но не торопите се. Легкий удар по попке будет означать, что вы должны тужиться, но это должно идти равномерно». Разместившись затем как можно удобнее относительно предмета своего поклонения, он припадает к нему ртом, и я почти тотчас же выдаю ему кусок кала величиной с небольшое яйцо. Он сосет его, тысячу раз переворачивает языком во рту, жует, смакует и спустя две-три минуты я отчетливо вижу, как он его глотает. Я снова тужусь: та же самая церемония, а поскольку желание мое было огромным, то десять раз подряд его рот Наполнялся и опустошался, но выглядел он все же по-прежнему неудовлетворенным. «все, сударь, – сказала я ему в конце, – мне уже бесполезно тужиться». – «Да, моя крошка, – сказал он, значит, это все? Ну что же, пора мне кончить; я кончу, подчищая эту прелестную попку. Ох, черт подери!»

Было решено, что на следующий день я перейду жить к нему за двадцать луидоров в месяц и стол; он был вдовцом, я без проблем могла бы занять антресольный этаж в его доме; там у меня будет служанка и общество, состоящее из трех друзей и их любовниц, с которыми они встречаются, чтобы устраивать распутные ужины четыре раза в неделю то у одного, то у другого; моим единственным занятием будет много есть то, что он прикажет мне дать; при том, что он проделывал, было важно, чтобы он кормил меня по своему усмотрению; так вот, хорошо есть, хорошо спать, чтобы пища легко переваривалась, регулярно каждый месяц полностью очищать кишки и какать ему в рот два раза в день; это число не должно меня пугать, потому что при таком приеме пищи мне, возможно, придется справлять большую нужду скорее три, а не два раза. В качестве первого задатка к этой сделке финансист передал мне очень красивый бриллиант, поцеловал меня, велел мне уладить все счеты с госпожой Фурнье и быть готовой завтра утром к тому времени, как он придет за мной. Я быстро со всеми распрощалась; сердце мое не сожалело ни о чем, ему неведомо было искусство привязанности; лишь Евгения, с которой у меня нот уже полгода были очень близкие отношения, сожалела об удовольствиях, испытанных со мной; и вот я уехала. Д'Окур принял меня великолепно; он сам устроил меня в очаровательной комнате, которая должна была отныне стать моим жилищем; вскоре я там великолепно устроилась. Я была обречена на то, чтобы есть четыре раза в день; во время трапезы подавалось бессчетное количество блюд, которые, впрочем, я очень любила, – такие как рыба, устрицы, соления, яйца и разные виды молочных продуктов; впрочем, я была так хорошо вознаграждена, что было бы грех жаловаться. Основу моей обычной трапезы составляло огромное количество белого

мяса птицы и дичи без костей, приготовленные самыми разнообразными способами, немного мяса животных безо всякого жира, очень мало хлеба и фруктов. Надо было есть все эти сорта мяса даже утром за завтраком и вечером за полдником; в эти часы мне подавали его без хлеба; Д'Окур понемногу стал просить меня воздерживаться от него; я, таким образом, в последнее время совсем его не ела, как и овощных супов. В результате такой диеты, как он и предвидел, выходило две дефекации в день, очень нежных и мягких, самого изысканного вкуса, на который он претендовал и которого невозможно было добиться, употребляя обычную пищу; можно было ему верить; он был знаток в этом деле. Наши операции происходили в то время, когда он просыпался и когда шел спать. Подробности были такими, о которых я вам уже сказала; он всегда начинал с того, что сосал мне рот, который нужно было всегда подставлять, никогда не полоская его; мне было позволено полоскать его лишь после сеанса. Впрочем, он не получал разрядки каждый раз. Наше соглашение не требовало никакой верности с его стороны; Д'Окур держал меня у себя в доме, как горячее блюдо, как кусок говядины; это не мешало ему каждое утро уходить развлекаться где-то на стороне. Два дня спустя после моего прибытия его товарищи по разврату пришли отужинать у него в доме; каждый из этих трех вносил в то пристрастие, которое мы анализируем, свой особый нюанс, хотя в основе своей все было едино; я думаю, господа, будет уместным, если перед тем, как поставить номер в нашей коллекции, я немного подробнее расскажу о причудах, которым они предавались. Собирались гости. Первым был старый советник парламента, лет около шестидесяти, которого звали Д'Эрвиль; его любовницей была женщина лет сорока, очень красивая, имеющая один недостаток: она была немного полновата; звали ее мадам дю Канж. Вторым был отставной военный, сорока пяти – пятидесяти лет, которого звали Депре; его любовницей была очень красивая двадцатишестилетняя особа, светловолосая, с великолепной фигурой, какую только можно встретить; ее звали Марианна. Третьим был старый аббат шестидесяти лет, которого звали дю Кудре, а в роли его любовницы выступал шестнадцатилетний юноша, прекрасный как светлый день, которого аббат выдавал за своего племянника. Ужин был накрыт на антресольном этаже, часть которого я занимала. Трапеза, прошла весело и скромно, я заметила, что девица и юноша следовали почти такой же диете, что и я. Характеры раскрылись во время ужина. Было невозможно быть более развратным, чем Д'Эрвиль; его глаза, слова, жесты, – все свидетельствовало о распутстве, все рисовало развратные

картины. Депре имел более хладнокровный вид, но похоть в неменьшей степени составляла существо его жизни. Что касается аббата, то это был самый ярый безбожник, какого только можно было встретить; сквернословие слетало с его уст почти при каждом слове. Что до девиц, то они подражали своим любовникам, были очень болтливы, но достаточно приятного обхождения. Юноша показался мне столь же глупым, сколько и красивым, и госпожа дю Канж, казалось, была немного влюблена в него; но напрасно она бросала на него время от времени нежные взгляды, – он едва ли мог о чем-нибудь заподозрить. Все приличия уже к десерту были утрачены, речи стали такими же грязными, как и действия. Д'Эрвиль поздравил Д'Окура с его новым приобретением и спросил его, красивая ли у меня жопа и хорошо ли я сру. «Черт подери! – сказал ему мой финансист. – Ты и сам можешь это узнать; ты знаешь, что все, что мы имеем, у нас общее, и что мы охотно одалживаем своих любовниц, как деньги».

– «Ах, черт подери! – сказал Д'Эрвиль – Я согласен». И тотчас же взяв меня за руку, предложил мне пройти в кабинет. Поскольку я колебалась, госпожа дю Канж нагло заявила мне: «Идите, идите, мадемуазель, мы здесь не особенно церемонимся; а я тем временем позабочусь о вашем любовнике». Д'Окур, на которого я вопросительно взглянула, сделал мне одобрительный знак, и я последовала за старым советником. Именно он, господа, представит вам, как и двое других, три эпизода, связанные с пристрастием, которое мы разбираем; они должны составить лучшую часть мост повествования в этот вечер.

Как только мы закрылись с Д'Эрвилем, очень разгоряченным парами Бахуса, он с большим восторгом поцеловал меня в губы, отправив мне в рот три-четыре отрыжки вином Д'Ай, которые тотчас же вызвали у меня желание вернуть ему их, впрочем, этого он, судя по всему, и добивался. Он задрал мне юбку, похотливым взглядом пресыщенного развратника оглядел мой зад, потом сказал, что его нисколько не удивляет выбор Д'Окура, поскольку у меня одна из самых красивых попок в Париже. Он попросил меня начать с нескольких пуков, а когда я выдала ему их с полдюжины, снова стал целовать меня в губы, щупая и сильно раздвигая ягодицы. «Ты уже хочешь? – спросил он меня. – «Очень хочу», – ответила я ему. «Ну что же, прелестное дитя, – сказал он мне, – так какайте в эту тарелку». Он принес для этой цели белую фарфоровую тарелку, которую держал, пока я какала, а сам тем временем внимательно разглядывал, как кал вылезает у меня из зада; это приятное зрелище опьянило его, как он говорил, доставило наслаждение. Как только я закончила, он взял тарелку, с наслаждением вдохнул запах вызывающий в нем похоть «пищи»;

он трогал рукой, целовал, обнюхивал кал, потом, сказал мне, что больше не может терпеть, сладострастие опьянило его при виде этих какашек, самых приятных, какие только приходилось ему видеть за свою жизнь; попросил меня пососать ему член. Хотя в этой операции и не было ничего особенно приятного, страх вызвать гнев Д'Окура, если я не угожу его другу, заставил меня согласиться на все. Он устроился в кресле, поставив тарелку на соседний стол, на который он улегся по пояс, уткнувшись носом в дерьмо, вытянул ноги; я пристроилась на более низком стуле рядом с ним и, вытащив из штанов какой-то намек на член, что-то очень вялое, вместо настоящего, несмотря на все свое отвращение, стала сосать «ценную реликвию», надеясь, что хотя бы у меня во рту она станет немного потверже; но я заблуждалась. Как только я взяла в рот, распутник начал свое дело; он скорее пожирал, чем просто ел, маленькое, хорошенькое, совсем свеженькое яичко, которое я только что преподнесла; это заняло не больше трех минут, в течение которых его потягивания, его движения, его извивы свидетельствовали о самом яростном и самом агрессивном сладострастии. Но напрасно он старался, ничего у него не вставало, и маленький неказистый инструмент, всплакнув от досады у меня во рту, очень стыдливо удалился и оставил своего хозяина в поврежденном состоянии, в забытьи, в крайнем истощении сил – вследствие самой разрушительной из сильных страстей. Мы вернулись. «Ах! К черту Бога! – сказал советник, – я никогда не видел, чтобы кто-нибудь еще так замечательно срал». Когда мы вернулись, в комнате были лишь аббат со своим племянником; они были заняты своим делом; я могу вам подробно обо всем рассказать. В этой компании напрасно старались обмениваться любовниками; дю Кудре, довольный своей, никогда не брал себе другую и никогда не уступал свою. Для него не было возможным, как мне рассказали, забавляться с женщиной; в этом состояла единственная разница между Д'Окуром и им. Впрочем, он совершенно так же принимался за церемонию: когда мы появились, юноша, опершись на кровать, подставлял попку своему дорогому дядюшке, который стоял перед ним на коленях, любовно принимая все в рот и размеренно глотая; одновременно он возбуждал рукой свой малюсенький член, который, как мы увидели, свисал у него между ляжек. Аббат, несмотря на наше присутствие, кончил, клянясь, что мальчик изо дня в день какает все лучше и лучше.

Вскоре в комнате появились Марианна и Д'Окур, которые развлекались друг с другом; за ними следом – Депре и дю Канж, которые могли, как они говорили, лишь щупать друг друга, поджидая меня. «Потому что, – сказал Депре, – мы с ней старые

знакомые, не то, что вы, моя прекрасная королева, которую я вижу в первый раз; вы внушаете мне самое горячее желание хорошенько позабавиться с вами». – «Но, сударь, – сказала я ему, – господин советник уже все забрал, мне нечего больше предложить вам?». – «Ну что ж, – сказал он мне, смеясь, – я ничего у вас не прошу, я сам все дам, мне нужны только ваши мальчики». Заинтересовавшись тем, что означала эта загадка, я последовала за ним; как только мы оказались одни, он просит меня на минутку позволить ему поцеловать мою попку. Я подставляю ее ему, и после двух-трех сосаний отверстия, он расстегивает свои штаны и просит вернуть ему то, что он только что делал со мной. То положение, которое он принял, вызвало во мне некоторые подозрения; он сидел верхом на стуле, придерживаясь за его спинку, а под ним стоял наготове горшок. Не совсем поняв его, но, видя, как он готовится совершить эту операцию, я спросила его, какая необходимость в том, чтобы я целовала ему зад. «Огромная необходимость, сердце мое, – ответил он, – поскольку моя жопа, самая капризная из всех на свете, срет только тогда, когда ее целуют». Я подчиняюсь, однако стараюсь не слишком рисковать; он, заметив это, властно говорит: «Да поближе, черт подери! Поближе, мадемуазель. Вы что испугались маленькой кучки дерьма?» Наконец, я из снисходительности подношу свои губы почти к самому отверстию; но как только он почувствовал это, он дал залп, и взрыв был так силен, что одна моя щека оказались совершенно измазанной, он одним махом наполнил горшок; пиком в жизни я не видела подобной какашки; она одна смогла заполнить глубокую салатницу. Наш герой берет ее в руки, ложится с ней на край кровати, подставляет мне свой измазанный дерьмом зад и приказывает мне посильнее возбуждать ему член, пока он будет вновь отправлять в свою утробу то, что он только что изверг оттуда. Каким бы грязным не был этот зад, надо было подчиниться. Его любовница несомненно делает это, говорила я себе, не надо быть более упрямой, чем она. Я засовываю три пальца в грязную дыру, которая мне подставлена; наш герой пребывает на небесах от наслаждения, он погружается в свои собственные экскременты, копается в них, ест их, одной рукой держит блюдо, другой трясет член, который величественно возвещает о себе у него между ляжками. Тем временем я удваиваю свои усилия, они приносят успех; по сокращению его ануса я замечаю, что эрекционные мускулы готовы выбросить семя; я совершенно не волнуюсь, блюдо делается пустым, а мой человек кончает. Вернувшись в гостиную, я нашла своего неверного Д'Окура с прелестной Марианной. Этот плут обошел

всех. Ему остался лишь паж, с которым, я думаю, он также мог бы прекрасно устроиться, если бы только ревнивый аббат согласился ему его уступить. Когда все собрались вместе, было предложено раздеться всем донага и проделать друг перед другом что-нибудь не совсем обычное. Этот план мне пришелся по душе, поскольку позволял самой увидеть тело Марианны, которое мне очень хотелось получше разглядеть. Оно было нежным, крепким, белым, подтянутым, а ее зад, который я шутя ощупала два-три раза, показался мне настоящим шедевром. «Зачем вам такая красивая девица для удовольствия, к которому, как мне кажется, вы питаете особое пристрастие?» – спросила я Депре. – «Ах! – сказал он мне. – Вы не знаете всех наших тайн». Мне ничего не удалось от него больше узнать, и, хотя я прожила с ними больше года, ни он, ни она не пожелали ничего прояснить; я так и осталась в неведении по поводу их тайных ухищрений; какого бы рода не были, они не мешали страсти, которую ее любовник удовлетворял со мной; не было ли это совершенно полной страстью, или же страстью во всех отношениях достойной, чтобы занять место в коллекции? Впрочем, то, что могло там быть, носило временный характер; об этом уже было или несомненно будет рассказано на наших вечерах. После нескольких достаточно благовидных распутств, нескольких пуков, мелких остатков какашек, множества слов и грубых непристойностей со стороны аббата, для которого, как казалось, говорить их было одной из самых излюбленных страстей, – все оделись и каждый пошел спать; на следующее утро я, как обычно, появилась при пробуждении Д'Окура; мы не упрекали друг друга за мелкие измены, совершенные накануне. Он сказал мне, что после меня лучше всех из девиц, которых он знал, какала Марианна. Я задала ему несколько вопросов по поводу того, как она это делала со своим любовником, который был вполне самодостаточен, но он ответил, что это тайна, которую ни он, ни она не хотели бы раскрывать. И мы с моим любовником вновь погрузились в нашу обычную жизнь. В доме у Д'Окура я не вела столь замкнутый образ жизни; мне не запрещалось выходить из дома. Д'Окур, как он говорил, всецело полагался на мою честность; я должна была понимать опасность, которой могла его подвергнуть, подхватив какую-нибудь болезнь; он все оставлял на мое усмотрение. Я хранила признательность и воздавала должное тому, что мне позволено делать почти все, что может помочь разжиться деньгами. Вследствие этого, живо приглашаемая госпожой Фурнье приходить составлять партии в ее доме, я участвовала во всех, в чистой выгоде которых она заверяла меня. Поскольку речь шла теперь не о девице, принадлежавшей этому дому, но об особе,

находившейся на содержании у откупщика налогов, которая, чтобы доставить ей удовольствие, оказывала любезность прийти провести часок в ее доме, – вы сами можете судить, как это оплачивалось. Именно в ходе этих мимолетных измен я встретила еще одного любителя дерьма, о котором сейчас доложу». «Минутку, – сказал Епископ, – я не стал бы вас прерывать, если бы вы сами не остановились, чтобы перевести дух; но, поскольку это случилось, поясните нам, пожалуйста, две-три важных вещи. Когда после свиданий вы наедине предавались оргиям, этот аббат, который до сих пор ласкал своего мальчугана, не изменял ли ему, не щупал ли он вас, а другие – не изменяли ли своим женщинам, лаская его юношу?» – «Сударь, – сказала Дюкло, – аббат никогда не оставлял своего мальчика, он одна глядел на нас, хотя мы совершенно голые находились рядом. Но он забавлялся задницами Д'Окура, Депре и Д'Эрвиля; он целовал их, щекотал их членом, Д'Окур и Д'Эрвиль какали ему и рот, и он проглотил больше половины каждой из этих куч. Что касается женщин, то он до них не дотрагивался. То же самое делали его друзья по отношению к его мальчугану; они целовали его, лизали его отверстие в попке, а Депре заперся с ним, ж знаю для каких дел». – «Ну что ж, – сказал Епископ, – вы прекрасно видите, что то, что вы не рассказали и не рассказываете, составляет еще одну страсть, потому что она представляет образ пристрастия мужчины, заставляющего какать себе в рот других мужчин, хотя и очень пожилых!» – «Это правда, сударь – сказала Дюкло, – вы еще больше заставляете меня чувствовать мою неправоту, но я не сержусь на это; благодаря этому, я заканчиваю свой вечер, поскольку он и так слишком затянулся. Знакомый звук колокольчика, который мы скоро услышим, убедил бы меня в том, что мне хватит времени завершить вечер той историей, которую я собиралась начать; с вашего любезного согласия, мы отложим ее на завтра».

Действительно, зазвенел колокольчик, а поскольку никто за вечер ни разу не получил разрядки, хотя все члены были довольно напряжены, отправились ужинать, обещая друг другу сполна получить свое во время оргий. Но Герцог не мог терпеть так долго, и, приказав Софи подойти к нему и подставить ягодицы он заставил какать эту красивую девочку, проглотив какашки на десерт. Дюрсе, Епископ и Кюрваль. также пребывая в озабочен ном состоянии, проделали эту операцию: один – с Гиацинтом, другой – с Селадоном, третий – с Адонисом. Последний, и будучи совершенно в состоянии удовлетворять желаниям, был занесен в пресловутую книгу наказаний; Кюрваль, бранясь как последний мерзавец, отыгрался на заднице Терезы,

которая немедленно извергла ему кучу дерьма, какую только возможно было сотворить. Оргии были очень развратными, и Дюрсе, отказавшись от какашек молодежи, сказал, что в этот вечер он желает лишь дерьма своих трех старых друзей. Его удовлетворили, и мелкий распутник образцово кончил, пожирая говно Кюрваля. Ночь внесла немного покоя в этот разгул и вернули нашим распутникам и желания, и силы.

Тринадцатый день.

Председатель, спавший этой ночью со своей дочерью Аделаидой, с которой развлекался, отослал затем ее на матрац, лежавший на полу возле его кровати, и пустил на ее место Фаншон. Он всегда хотел иметь ее радом, когда просыпался от похоти, что с ним бывало почти каждую ночь. Около трех часов ночи он обычно пробуждался, бранясь и богохульствуя подобно злодею. Его охватывало некое похотливое безумие, которое порой становилось опасным. Вот почему он любил держать поблизости старуху Фаншон, которая научилась его успокаивать, как нельзя лучше, предлагая ему либо саму себя, либо кого-нибудь из тех, кто ночевал у нее в комнате. Сегодня ночью председатель, вспомнив о некоторых из тех низостей, которые он проделал со своей дочерью перед тем, как заснуть, потребовал ее, чтобы повторить их. Однако ее не оказалось на месте. Судите сами, какой шум и волнение вызвало это известие: Кюрваль в бешенстве вскакивает и требует привести дочь: зажжены свечи, ищут, перерывают все в комнате, но безрезультатно. Первым делом зашли в комнату девочек, обыскали все постели и, в конце концов, нашли Аделаиду в ночном платье, сидящую возле постели Софи. Две прелестные девочки, которых объединяла совершенно одинаковая нежность, набожность, добродетельные качества, наивная доверчивость и приятность, прониклись необыкновенно чувствительной лаской и утешали друг друга. До эго случая никто об этом не подозревал, однако впоследствии открылось, что так случалось уже не в первый раз: старшая укрепляла свою подругу в лучших чувствах и в особенности убеждала ее не отказываться от религии и своих обязанностей по отношению к Богу, который, дескать, когда-нибудь утешит их в страданиях. Предоставляю читателю судить о неистовой ярости Кюрваля, обнаружившего в своем доме прекрасную миссионерку. Схватив за волосы и осыпая бранью, он уволок ее в комнату и привязал к ножке кровати с тем, чтобы у нее было время до завтрашнего утра подумать о своей дерзкой выходке. Нетрудно себе представить, с какой добросовестностью на глазах всех своих

друзей, сбежавшихся на эту сцену, Кюрваль велел вписать обеих преступниц в книгу наказаний. Герцог желал немедленной расправы, и предложенная им не отличалась мягкостью. После того как Епископ сделал ему несколько благоразумных замечаний, Дюрсе удовольствовался занесением виновных в книгу. Не было повода обвинить старух. Господа вечером положили их спать в их комнате. Это обстоятельство выявило недостатки в организации быта. На будущее было решено, чтобы, по крайней мере, одна старуха постоянно оставалась у девочек и одна – у мальчиков. Все снова легли, и Кюрваль, которого гнев сделал еще более бесстыдным и жестоким, проделал со своей дочерью такие вещи, о которых мы не можем пока сказать, но которые, ускорив извержение семени, успокоили и усыпили его. На другой день все птички были так напуганы, что не было найдено ни одной нарушительницы; только у мальчиков малыш Нарцисс, которому Кюрваль еще со вчерашнего дня запретил подтираться, желая получить его вонючим но время кофе (ребенок должен был подавать в тот день), на свое горе позабыл приказание и вытер себе анус с особой тщательностью Как он ни объяснял, что его ошибка может быть исправлена, потому что он еще хочет посрать, ему было приказано терпеть и замечено, что он нисколько не будет освобожден от занесения в роковую книгу: обряд был совершен на его глазах грозным Дюрсе, который дал ему почувствовать всю тяжесть его вины, предупредив, что эта ошибка едва не помешала семяизвержению господина Председателя. Констанс, которую теперь больше не стесняли в этом из-за ее положения, Ла Дегранж и «Бриз-Кюль» были единственными, кому было позволено опростаться; всем же остальным было приказано воздержаться до вечера. Ночное событие было те мой разговора за обедом; друзья посмеялись над Председателем мол так упустить птичек из клетки; шампанское вернуло веселость, и они перешли к кофе. Подавали Нарцисс, Селадон, Зельмир и Софи. Последняя была пристыжена, и на вопрос, как часто это происходило, отвечала, что второй раз и что мадам Дюрсе давала ей такие хорошие советы, что было бы, по правде говоря, несправедливо их обеих за это наказывать. Председатель уверил ее, что те советы, которые она называла хорошими, были в ее положении весьма дурными и что благочестие, которое ей внушала Аделаида, послужит тому, что она будет наказываться каждым день; и еще ей не следует иметь в ее нынешнем положении других наставников и других богов, кроме его троих собратьев и его самого, и другой религии, кроме как служить им и слепо повиноваться во всем. Так, поучая, он поставил ее на колени между своих ног и приказал ей пососать

ему родящий член, что бедняжка дрожа всем телом, и исполнила. Герцог, оставаясь по-прежнему сторонником употребления в зад, за неимением ничего лучшего, натягивал Зельмир именно таким образом, попутно заставляя ее испражняться себе в руку и проглатывая содержимое по мере получения; все это происходило пока Дюрсе разгружал в свой рот Селадона, а для Епископа испражнялся Нарцисс. Несколько минут друзья отдыхали после обеда, а затем перешли в историческую гостиную, и Дюкло отыскала нить своего рассказа:

«Галантный восьмидесятилетний старец, господа, которого для меня предназначала Фурнье, был маленьким, плотного сложения банкиром с чрезвычайно противным лицом. Он установил между нами сосуд; мы встали спиной друг к другу и стали одновременно испражняться; он завладевает горшком, собственными руками перемешивает наши фекалии и все это проглатывает, пока я подставляю ему рот, чтобы он все это извергнул. Он едва взглянул на мой зад и совсем его не облизал, хотя был в полнейшем восторге; продолжая заглатывать и изливать, он сучил ногами, потом ушел, дав мне четыре луидора за диковинный обряд!

Тем временем мой финансист с каждым днем проникался все большим доверием и все большим дружелюбием ко мне; это-то доверие, которым я не преминула воспользоваться, стало вскоре причиной того, что мы расстались навсегда. Однажды, когда он допустил меня одну в свой кабинет, я заметила, что он наполнял свой кошелек перед тем, как выйти, из ящика в столе, довольно широкого и доверху заполненного золотом. «Вот так добыча», – говорю я себе. В ту же минуту возымев намерение завладеть этими деньгами, я с величайшим вниманием отмстила про себя все, что помогло бы мне их достать. Докур не закрывал ящик, но уносил ключ; увидев, что ни дверь, ни замок не были особенно прочными, я решила, что мне не потребуется больших усилий их взломать. Составив план, я дождалась, когда д'Окур уйдет из дома на целый день, как он обычно это делал два раза в неделю – в дни какого-то особенного непотребного сборища, куда он отправлялся вместе с Депре и аббатом, чтобы заниматься вещами, о которых вам может быть расскажет Ла Дегранж и которые не по моей части. Скоро благоприятный случай представился. Слуги были не менее распутными, чем их хозяин, они никогда не упускали возможности разойтись по своим делам; так что я оставалась почти одна в доме. Полная нетерпения осуществить свой план, я немедленно отправляюсь к дверям кабинета, одним ударом кулака выбиваю ее вовнутрь, мчусь к ящику, нахожу там ключ – я так и знала. Я вынимаю оттуда все, что нахожу; там было

не меньше трех тысяч луидоров. Набиваю карманы и роюсь в других ящиках; моим глазам предстает весьма дорогая шкатулка, я ее присваиваю; но что я вижу в других ящиках этого замечательного письменного стола!.. Счастливый д'Окур! Как тебе повезло, что твоя неосторожность открылась только мне! Там было все, за что его можно было бы колесовать, господа; это все, что я могу вам сказать. Не считая ясные и говорящие сами за себя записки, присланные ему от Депре и аббата, в которых писалось о тайных вакханалиях, все в комнате могло служить этим гнусностям… Но я останавливаюсь, границы которые вы мне предписали, мешают мне сказать больше и Ла Дегранж, лучше чем я, объяснит вам все это. Что до меня, то, совершив кражу, я улизнула в тайном страхе перед всеми теми опасностями, которым я, может быть, подвергалась, знаясь с подобными злодеями. Я приехала в Лондон. Мое пребывание в этом городе, где я жила на самую широкую ногу, не представит вам, господа, ни одно из тех подробностей, которые вас интересуют. Позвольте мне слегка обойти вниманием эту часть событий моей жизни. В Париже я сохранила сношения лишь с Фурнье, и, так как она известила меня обо всем шуме, который поднял финансист после кражи, я решила, наконец, заставить его замолчать и написала ему без лишних слов, что тот, кто нашел деньги, нашел и кое-что другое и что, если он решится продолжать свою тяжбу, я перед тем же судьей выложу то, что было в маленьких ящичках. Наш герой замолчал. Не прошло и полгода, как распутство всех троих открылось, и они выехали за границу. Не имея более причин для опасений, я возвратилась в Париж. Должна ли я признаться вам, господа, в своей непутевости? Я вернулась туда такой же бедной, как и уезжала когда-то, и была вынуждена снова обратиться к Фурнье.

Мне было всего двадцать три года, приключений мне досталось в избытке. Я намерена пропустить то, что не относятся к нашей теме и обратиться, с вашего любезного согласия, исключительно к тем, и которых вы, господа, я знаю, находите для себя интерес. Через неделю после моего возвращения, в комнату, отведенную для наслаждений, принесли бочку, полную дерьма. Появляется мой любовник: это правоверный клирик, до такой меры искушенный в подобных удовольствиях, что он не способен был возбудиться, не прибегая к крайности, которую опишу. Он входит – я стою раздетая. Сначала он разглядывает мои ягодицы, затем, весьма грубо на них надавив, велит мне раздеть его и помочь войти и бочку. Я раздеваю его, поддерживаю за руки; старый боров помещается в свою стихию, через минуту в приготовленное отверстие он высовывает свой член, уже почти

натянутый, и приказывает мне потрясти его несмотря на омерзительные нечистоты, которыми был покрыт. Я исполняю поручение, он погружает голову в бочку, барахтается, глотает, рычит, извергает и выскакивает в ванну, где я его оставляю под присмотром двух служанок, которые отмывают его с четверть часа…

Вскоре появляется другой гость. К тому времени я уже целую неделю испражнялась и мочилась в заботливо оберегаемую чашу; этот срок был необходим, чтобы помет был доведен до такого состояния, какое было нужно нашему развратнику. Это был мужчина лет тридцати пяти; у него, я догадывалась, водились деньги. Еще не успев войти, он спрашивает меня, где стоит горшок; я ему его подаю, он вдыхает запах: «Совершенно ли вы уверены, что прошла неделя с тех пор, как это сделано?» – «Я могу поручиться, – говорю я ему, – вы же видите, что он уже покрылся плесенью?» – «Вот это как раз то, что мне надо; он все равно никогда не сможет заплесневеть больше, чем я люблю. Прошу вас, покажите мне скорее прекрасную попку, которая это выкакала». Я ее предъявляю. «Отлично, – говорит он, – а теперь поместите-ка ее напротив, так чтобы я мог ею любоваться, пока я буду есть ее изделие». Мы усаживаемся. Он пробует, приходит в восторг, снова берется за дело и поглощает изысканное блюдо за одну минуту, отвлекаясь только для того, чтобы взглянуть на мои ягодицы и не предпринимая больше никаких действий: даже не вынул члена из штанов…

Спустя месяц явившийся к нам развратник не захотел иметь дела ни с кем, кроме самой Фурнье. И что же за предмет он себе выбрал, великий Боже! Ей было тогда полных шестьдесят восемь лет; вся ее кожа была изъедена воспалением, и восемь гнилых зубов, украшавших ее рот, придавали ей такое зловоние, что было невозможно разговаривать с ней вблизи. Однако именно ее недостатки восхитили любовника, с которым ей предстояло иметь дело. Сгорая желанием увидеть подобную сценку, я бегу к моей щелке: Адонис оказался немолодым врачом, но все же моложе ее. Будучи допущен до нес, он четверть часа целует ее в губы, затем, открыв ей старый, сморщенный зад, похожий на старое коровье вымя, с жадностью лобызает и сосет его. Приносят шприц и три бутылочки ликера; ученик Эскулапа при помощи шприца впрыскивает неопасный напиток в кишечник своей Ириды; она, не пошевелившись, выдерживает; тем временем доктор не перестает целовать и лизать ее во все части тела. «Ах, мой дружок, – говорит, наконец, старуха, – я больше не могу! Я больше не могу! Приготовься, мой друг, я должна разгрузиться.» Последователь салернцев преклоняет колони, вытаскивает из своих штанов

бесчувственный лоскут, потемневший и сморщенный, торжественно его трясет; Фурнье водружает свой распухший, грубый зад на его рот. Доктор пьет содержимое, частицы кала, разумеется примешиваются к жидкости, все это проглочено, развратник извергает семя и в упоении бесчувственно валится навзничь на пол. Таким-то образом этот развратник удовлетворил сразу две свои страсти: винолюбие и похоть.

«Подождите, – говорит Дюрсе, – подобные излишества всегда меня возбуждают. Ла Дегранж, мне сдастся, что твой зад ничем не хуже того, который только что описала Дюкло: подойди и приложи мне его к лицу». Старая сводня исполняет приказание. «Пускай! Пускай! – кричит Дюрсе, чей голос казался приглушенным из-под грузных ягодиц подражательницы. – Отпускай, плутовка! Что бы там ни было, жидкое или твердое, я проглочу все». Операция совершается. Епископ поступает таким же образом с Антиноем, Кюрваль – с Фаншон, а Герцог – с Луизон. Наши четыре богатыря, прекрасно закаленные во всех непотребствах, предались этому с усвоенным ими хладнокровием: все четыре помета были проглочены, так что ни одной капли выходящего ни с той, ни с другой стороны не было пролито. «Ну, Дюкло, – сказал Герцог, – теперь ты можешь заканчивать; если мы не стали спокойнее, то по крайней мере, стали более терпеливыми и более способными тебя дослушать». – «Увы, господа, – говорит наша героиня, – история, которую мне осталось вам рассказать сегодня вечером, думаю, слишком неприхотлива и незамысловата для того состояния духа, в котором я вас нахожу. Как бы там ни было, настал черед, и ей следует занять свое место. Герой этого приключения служил бригадным генералом в королевских армиях. Нам было нужно его раздеть и запеленать как ребенка; пока он так лежал, я должна была испражняться перед ним на блюдо и кормить его моим пометом с рук как будто кашей. Наш развратник проглатывает все, извергая семя в пеленки и имитируя крик младенца.»

«Ну что ж, давайте прибегнем к помощи детей, – говорит Герцог, – раз ты остановилась на истории с детьми. Фанни, покакайте мне, пожалуйста, в рот и не забудьте, пока будете это делать, пососать мой член, поскольку еще нужно будет извергнуть». – «Да будет исполнено то, о чем было попрошено, – говорит Епископ. – Подойдите-ка, Розетта, вы слышали, что приказано Фанни? Сделайте то же самое». – «Пусть это приказание относится и к вам, – говорит Дюрсе также приблизившейся Эбе». – «Стало быть, нужно следовать моде, – говорит Кюрваль, – Огюстин, не отставайте, голубушка, от своих подружек: примите разом мое семя в свое горлышко и выпустите

ваше дерьмо ко мне в рот». Все было исполнено, и на этот раз – на славу; со всех сторон были слышны пуки испражнявшихся и шум извержений. Удовлетворенная похотливость совпала с утоленным аппетитом. Однако герои наши порядком изощрились в своих оргиях, поэтому все дети были положены спать, и усладительные часы, которые за тем последовали, были заняты с четырьмя лучшими работницами, четырьмя горничными и четырьмя рассказчицами историй. Друзья окончательно захмелели и произвели гнусные дела, отличавшиеся такой совершенной мерзостью, что я не смог бы их описать без ущерба для менее развратных картин, которые мне еще остается предложить читателям. Кюрваль и Дюрсе были унесены без сознания, однако Герцог и Епископ, сохранившие такое же спокойствие и ясность мысли, как если бы они ничего не делали, не меньше прежнего предавались весь остаток ночи своим обычным наслаждением.

Четырнадцатый день.

В этот день выяснилось, что погода решила еще больше содействовать осуществлению планов наших развратников и скрыть их лучше, чем собственная предусмотрительность, от глаз всего света. Выпало невиданное количество снега, который, наполнив всю окрестную долину, казалось, закрыл доступ к убежищу наших четверых злодеев даже для зверей, поскольку из людей не существовало более ни одного, кто бы отважился добраться до них. Невозможно представить, насколько сладострастию благоприятствует такого рода безопасность и на что осмеливаешься, когда можешь сказать себе: «Я здесь один, я один на краю света, избавленный от всех глаз, и ни одно существо не может прийти ко мне; нет больше узды, нет преград». С этого времени желания устремляются с неудержимостью, не знающей границ. Безнаказанность, которая их поддерживает, приятно усиливает это опьянение. С тобой остаются только Бог и совесть. Как прочна может быть первая узда в глазах безбожников сердцем и умом? И какую власть может иметь совесть над тем, кто так хорошо научился побеждать ее угрызения, так что они превратились для него почти в наслаждения? Несчастное стадо, отданное на растерзание таким злодеям, как бы ты содрогнулось, если бы опыт, которого у тебя нет, сделал бы доступными такие рассуждения!

В этот день отмечалось окончание второй недели, и все занялись празднованием этого события. На этот раз должны были венчать Нарцисса и Эбе; жестокость заключалась в том, что

супруги должны были быть оба наказаны в один вечер. Таким образом, из недр брачных наслаждений им предстояло перейти к горьким урокам; какая жалость! Малыш Нарцисс, который был смышлен, указал на противоречие. Но это не помешало перейти к обычным процедурам. Епископ отслужил, молодых соединили и разрешили им, стоя друг перед другом и на виду у всех, сделать все, что бы они захотели. Но кто бы этому поверил? Приказ и без того был слишком невразумителен, и мальчуган, который уже хорошо знал, что надо делать, восхищенный видом своей невесты и не видя возможности овладеть ею, хотел было лишить ее девства руками, если бы ему дали волю. Этому вовремя воспрепятствовали, и Герцог, завладев ею, тотчас же обработал ее в бедра, пока епископ поступал таким же образом с женихом. Сели обедать. Новобрачные были допущены к трапезе, и так как обоих чудовищно накормили, то, выйдя из-за стола, они удовлетворили – один Дюрсе, другая – Кюрваля, которые счастливо проглотили их маленькие детские извержения. Кофе подавали Огюстин, Фанни, Селадон и Зефир. Герцог приказал Огюстин, чтобы она потрясла Зефиру, а ему – наделать ей в рот, пока он будет извергать семя. Операция удалась на удивление, да так хорошо, что Епископ решил проделать то же самое с Селадоном: Фанни ему трясла; мальчик получил приказ наделать месье в рот в тот момент, когда он почувствует, что его член потек. Но с этой стороны не все удалось так же замечательно, как с другой: ребенок никак не мог испражняться в то же время, что и извергать семя, и, поскольку все это было не более, чем пробное испытание, и устав ничего об этом не говорил, на него не было наложено никакого наказания. Дюрсе заставил посрать Огюстину, а Епископ, у которого стоял как штык, дал пососать себе Фанни в то время, как она отгружала ему в рот; он исторгнул, приступ был неудержим; он слегка помучил Фанни, хотя не мог, к сожалению. ее наказать, как бы сильно, как это было видно, тот ни хотел. Не существовало более вздорного человека, чем Епископ. Едва успев исторгнуть семя, он с удовольствием посылал к черту предмет своего наслаждения; все это знали, и не было ничего, чего бы так сильно боялись юные девочки, супруги и молодые люди, как того, что он вдруг лишится семени. Отдохнув после обеда, все перешли в гостиную, и после того, как каждый занял свое место, Дюкло вернулась к теме своего повествования:

«Иногда я уезжала по делам в город. Они были обыкновенно более доходными, и Фурнье старалась выгадать на них. Однажды она послала меня к старику, Мальтийскому кавалеру, который открыл передо мной нечто, напоминавшее шкаф, весь наполненный ящичками, в каждом из которых стоял фарфоровый

горшочек с пометом. Старый развратник прожинал с одной из своих сестер, настоятельницей одного из самых знатных парижских монастырей. Эта добрая женщина, по его просьбе, каждое утро посылала ему коробочек с калом самых прелестных своих воспитанниц. У него все это было расставлено по порядку, и, когда я пришла, он приказал мне взять номер, который сам назвал и который был самым старым. Я подаю ему. «Ах, – говорит он, – это принадлежит девушке шестнадцати лет, прекрасной как ясный день. Почеши мне, пока я его съем». Вся процедура сводилась к тому, что я ему потрясла и предъявила задницу, пока он жрал, потом оставила на том же блюдечке свой помет вместо того, что он проглотил. Он следил за тем, как я это сделала, подтер мне зад языком и спустил семя, облизывая мой анус. Затем ящики были задвинуты, мне было заплачено, а наш горой, которого я посетила совсем ранним утром, заснул как ни в чем не бывало.

Другой человек, на мой взгляд еще более замечательный, был старым монахом. Он спрашивал себе восемь-десять пометов девочек или мальчиков – все равно. Затем он их перемешивает, месит, надкусывает в середине, извергает семя, поглощая по меньшей мере половину в то время, как я его сосу. Третий вызвал у меня самое сильное отвращение, которое я испытала за всю мою жизнь. Он приказывает мне раскрыть пошире рот. Я, голая, лежу на полу на матраце, а он – верхом на мне; он извергает свой кал мне в глотку и затем, мерзавец, наклоняется, чтобы съесть его из моего рта, орошая мне сосцы своим семенем».

«Ах, ах! Вот так шутник, – говорит Кюрваль, – а мне как раз чертовски захотелось посрать, нужно попробовать. Кого бы мне взять, ваша светлость?» – «Кого? – переспросил Бланжи. – Честное слово, я вам советую выбрать мою дочь Жюли, вот она стоит. Вам нравится ее ротик, ну так угощайтесь». – «Благодарю вас за совет, – говорит с горечью Жюли, – что я вам сделала, если вы так говорите обо мне?» – «Эге, ну раз это ей в тягость, – говорит Герцог, – тогда возьмите мадемуазель Софи: нежна, хороша собой, и всего четырнадцать лет». – «Ладно, идет, согласен на Софи», – говорит Кюрваль, и его неугомонный член начинает волноваться. Фаншон подводит жертву; бедняжку вот-вот вырвем от омерзения. Кюрваль смеется над ней, он приближает свою большую, безобразно грязную задницу к этому прелестному личику и кажется нам похожим на жабу, которая сейчас заставит завянуть розу. Софи не теряет ни одного кусочка, и подлец возвращается, чтобы забрать обратно то, что он низвергнул; он проглатывает все это в четыре приема, пока его встряхивают прямо на животе бедной маленькой неудачницы, которую после

окончания операции вывернуло наизнанку, прямо в лицо Дюрсе. Тот с важным видом ловит все это ртом, не забывая блудить руками и покрываясь тем, что вылетало у нее изо рта. «А теперь, Дюкло, продолжай, – говорит Кюрваль, – и возрадуйся плодам твоих рассказов; ты видишь, как они подействовали». Тогда Дюкло снова взяла слово и, обрадованная до глубины души тем, что так хорошо преуспела своих повествованиях, сказала следующее:

«Мужчина, которого я увидела после того, чей пример нас только что соблазнил – непременно хотел, чтобы женщина, которая ему будет представлена, страдала несварением желудка. Вследствие этого Фурнье, которая меня ни о чем не предупредила, дала мне проглотить за обедом какую-то дрянь, отчего содержимое моего кишечника размягчилось и сделалось жидким, таким, как если бы я съела какое-то лекарство. Тот, кому я была нужна, приходит и после нескольких предварительных поцелуев предмета его поклонения, видит, что я уже не в силах дальше откладывать из-за рези в животе, начавшей меня мучить. Он дает мне свободу действовать. Жидкость потекла, одновременна я держу его за член, он млеет от восторга, проглатывает все и требует повторить; я выдаю ему второй залп, за которым скоро последовал третий; наконец, мерзкий блудодей оставляет в моих руках недвусмысленные свидетельства ощущения, которое он испытал.

На другой день я обслуживала одного типа, чудачество которого, может быть, найдет нескольких последователей среди вас, господа. Для начала мы поместили его в комнату по соседству с той, где мы имели обыкновение работать и в которой было отверстие, удобное для наблюдений. Он располагается там один. Другой актер ждет меня в смежной комнате: это был первый встречный извозчик, за которым послали на улицу и которого предупредили обо всем. Так как я тоже обо всем знала, наши роли были исполнены хорошо. Дело заключалось в том, чтобы заставить испражняться возницу как раз напротив отверстия, с тем, чтобы спрятанным блудник не потерял ничего из виду. Я принимаю помет на блюдо, слежу внимательно за тем, чтобы оно было выложено все, раздвигаю ему ягодицы, надавливаю на анус… Ничто не забыто из того, что может помочь испражниться как следует. Едва мой мужичок кончает, я беру его за член и даю ему извергнуть семя в его же дерьмо. Все это происходит по-прежнему на глазах нашего наблюдателя. Наконец пакет готов, и я убегаю в другую комнату. «Вот месье, глотайте скорее, – кричу я, – он совсем горячий!» Он не заставляет меня повторять дважды, хватает блюдо, вручает мне свой член,

который я трясу. Бездельник проглатывает все, что я ему подала, пока его жезл испускает под упругими движениями моей прилежной руки.

«А сколько было лет извозчику?» – спрашивает Кюрваль. – «Около тридцати», – отвечает Дюкло. – «О! Что может быть лучше! – говорит Кюрваль, – Дюрсе вам расскажет, когда вы того захотите, что мы знали одного человека, который делал то же самое и при таких же обстоятельствах, но с человеком – между шестьюдесятью и семьюдесятью годами, которого мы взяли из того, что есть самого гнусного в подонках общества». – «Так в том-то и прелесть, – говорит Дюрсе, чей маленький снаряд начал опять поднимать головку после окропления Софи. – Клянусь вам, я сделаю это с предводителем калек, если вам будет угодно.» «Вы возбуждены, Дюрсе, я вас знаю, – говорит Герцог, – когда вы становитесь грязным, это значит, что ваш член кипит. Постойте! Хотя я и не предводитель калек, но, чтобы удовлетворить вашу невоздержанность, я предлагаю вам то, что найдется в моем кишечнике; уверен, что не пожалуетесь на количество». – «О! Что за черт! – вскричал Дюрсе, – какое счастье мне привалило, друг Герцог.» Герцог, готовый услужить другу, приближается. Дюрсе становится на колени перед задницей, которая готова наполнить его благами жизни; Герцог исторгает, финансист глотает, и развратник, которого это мерзкое непотребство приводит в восторг, извергает семя, клянясь, что никогда не получал такого удовольствия.

«Дюкло, – говорит Герцог, – верни мне то, что я отдал Дюрсе». – «Монсеньер, – отвечала наша рассказчица, – вы же знаете, что я это уже делала утром, вы за мной глотали». – «Ах, да! Верно, верно, – сказал Герцог, – ну, хорошо. Ла Мартен, придется мне прибегнуть к твоей помощи, потому что я не хочу детского зада; я чувствую, что мой работник готов служить, и в то же время, – что он отдаст не без труда свое содержимое; вот для чего я хочу необыкновенного.» Однако Ла Мартен оказалась из той же компании, что и Дюкло. «Как! Что за чертовщина, – воскликнул Герцог, – неужели для меня не найдется никакого дерьма сегодня вечером?» Тогда Тереза вышла вперед и предоставила ему самый грязный, самый огромный и самый вонючий зад, который только можно себе представить. «Ладно! Сойдет и такой, – сказал Герцог, принимая положение, – и если в том смятении, в каком я нахожусь, этот подлый зад не воздействует, как должно, я даже не знаю, к чему мне придется тогда прибегнуть!» Тереза выдавливает, Герцог принимает. Курения были также чудовищны, как и сам храм, из которого они возносились; но когда возжелаешь так, как возжелал Герцог, разве

будешь жаловаться на чрезмерную грязь? В опьянении сладострастия изверг проглатывает и выбрасывает в лицо Дюкло, которая ему трясет, самые неопровержимые доказательства своей мужской силы. Друзья собираются за столом. Разгульное пиршество было посвящено наказаниям. На этой неделе было семь нарушителей: Зельмир, Коломб, Эбе, Адонис, Аделаида, Софи и Нарцисс. Прелестная Аделаида не была пощажена. Зельмир и Софи также получили несколько отметин от того урока, который был им преподан; каждый отправился спать и был принят в объятия Морфея дабы почерпнуть у него силы, необходимые для того, чтобы снова пожертвовать их Венере.

Пятнадцатый день.

Обычно на другой день виновных вспоминали редко. В этот день их не было, но Кюрваль, по-прежнему очень строгий к утренним собакам, оказал милость только Гераклу, Мишетте, Софи и Ла Дегранж. Кюрваль собирался разрядиться, наблюдая, как оперировали последнюю. За завтраком ничего особенного не произошло – довольствовались пощупыванием ягодиц и посасыванием задниц. В назначенный час по звонку, все чинно разместились в зале ассамблеи, и Дюкло возобновила свой рассказ:

«В заведении у мадам Фурнье работала одна девушка двенадцати или тринадцати лег – жертва того господина, о котором я вам уже говорила. Трудно было вообразить в этом вертепе разврата существо более милое, свежее и привлекательное. Она была блондинкой, высокой для своего возраста, словно созданной для кисти художника, с личиком нежным и сладострастным, с прекрасными глазами. К тому же она обладала прелестным, мягким характером, что еще усиливало ее очарование. Но при таких достоинствах – какое падение, какое постыдное начало жизни уготовила ей судьба! Дочь торговца полотном в Палате, она была хорошо обеспечена, и ее жизнь могла бы сложиться вполне счастливо.

Но чем несчастнее становилась жертва, соблазненная им, тем больше упомянутый господин наслаждался ее падением. Маленькая Люсиль с момента своего появления должна была удовлетворять самые грязные и отвратительные капризы порочного человека, чья похоть и разнузданность не знали пределов. Он пожелай, чтобы ему привели девственницу. Это был старый нотариус, которого погоня за золотом и страсть к роскоши сделали злобным грубым. Ему привели девочку. Она была восхитительна; ему ера же захотелось ее унизить. И он начал

брюзжать, что в Париже нынче не сыщешь красивой шлюхи. Потом начал выпытывать, правда ли, что она – девственница. Его заверили, что девственница и что он может в этом убедиться. Он продолжал ворчать, выражая недоверие. «Но я вас уверяю, господин, что она девственна, как новорожденный ребенок! – воскликнула мадам Фурнье.

– Пожалуйста, убедитесь в этом сами!» Они поднимаются по лестнице – и вы можете себе представить, что последовало затем. Маленькая Люсиль испытала стыд, который не поддастся описанию, от жестов этого господина и от тех выражений, которыми он эти жесты сопровождал. «Ну что ты стоишь, как пень, – кричал он девушке. – не понимаешь, что надо поднять юбку? Долго я еще буду ждать, пока ты покажешь мне свой зад? Ну, давай же…»

– «Но, господин, что я должна делать?» – «Ты что, сама не догадываешься?» – «Нет, господин. Что мне надо делать?» – «Поднять юбку и показать мне свою задницу». – Люсиль подчинилась, дрожа всем телом, и открыла очаровательный белый задок, которому позавидовала бы сама Венера. «Хм… монета недурна, – отмстил нотариус. – Подойдите ко мне поближе…» – И он грубо схватил ее за ягодицы, раздвинув обе половинки: «Признавайтесь, никто до сих пор вам не делал так?» – «О, мой, господин, никто и никогда не прикасался к ним…» «Хорошо. А теперь пукните.»

– «Но, господин, я не хочу.» – «Пукайте! Поднатужтесь, ну…» Она подчинилась, раздался легкий глухой звук, который заполнил отравленный старый рот развратника, вызвав у него неизъяснимое блаженство. «Вы не хотите покакать?» – предложил он. – «О нет, господин!» – «Ах так, ну что ж, зато я хочу и даже очень. Сейчас вы узнаете, что это такое. Приготовьтесь-ка… Сбросьте ваши юбки». Она повиновалась. – «Теперь садитесь на диван. Бедра раздвиньте как можно шире, голову опустите вниз». Люсиль присела, старый нотариус посадил ее так, чтобы раздвинутые ноги позволили как можно шире раскрыться ее прелестному заднему проходу, оказавшемуся на уровне зада нашего героя, и он теперь мог им воспользоваться в качестве ночного горшка. Потому что именно таковым и было его намерение; чтобы сделать эту «ночную вазу» более удобной для себя, он принялся грубо раздвигать обеими руками ее ягодицы. Потом сел, поднатужился, и кусок кала вошел в святилище, которое бы сам Амур не погнушался сделать своим храмом. Он повернулся и пальцами глубоко, как мог, засунул в едва приоткрытое влагалище свои вонючие испражнения. Снова перевернулся, сел на то же место и повторил церемонию во

второй и третий раз. В последний раз он это делал с такой грубостью, что Девушка вскрикнула, и в результате этой отвратительной операции потеряла прекрасный цветок целомудрия, которым природа одаряет девушку для таинства первобрачной ночи. Таковым был момент высшего сладострастия у нашего развратника. Наполнить калом юный и свежий задок, мять его и утрамбовывать – таким было его высшее наслаждение!

Его член, обычно вялый и мягкий, в результате этой отвратительной церемонии выбросил несколько капель бледной спермы, потерю которой он переживал, если она вызывалась иным способом, а не подобным мерзким развратом. Проделав эту гадость, он ушел, а бедная Люсиль начала мыться.

Со мной поступили вскоре после этого еще хуже. В наше заведение приехал старый советник при Большой Палате. Надо было не только смотреть, как он испражняется, но помогать ему, облегчая выход кала и пальцами открывая его задний проход; а потом, когда операция была окончена, тщательно вылизывать языком его испачканный калом зад.

«Подумаешь, какая тяжелая работа! – воскликнул Епископ. – Да разве наши четыре дамы, которых вы здесь видите и которые являются нашими женами, дочерьми или племянницами, не выполняют ее ежедневно? А на что еще, спрашиваю я вас, годится женский язык как не на то, чтобы вытирать наш зад? Лично я не вижу для него лучшего использования! Констанс, – обратился Епископ к красивой супруге Герцога, которая сидела на его диване. – Продемонстрируйте Дюкло вашу ловкость в этом занятии. Ну, ну, живее, вот мой зад, он очень грязный, его не вытирали утра, я сохранял это для вас. Покажите-ка ваш талант!» И несчастная красавица, уже привыкшая к бешеным вспышкам ярости при ослушании, покорно выполняет то, что от нее требуют. Бог мой, на что только не способны рабство и страх…

«И ты, шлюха, займись-ка делом, – говорит Кюрваль, подставляя свой покрытый нечистотами зад очаровательной Алине. Та молча подчиняется. – Продолжай свои истории, Дюкло!»

«Ты можешь возобновить свой рассказ, Дюкло! – объявил Епископ. – Мы только хотели тебе заметить, что твой господин не требовал ничего сверхъестественного и что язык женщины создан для того, чтобы лизать зад мужчины».

Любезная Дюкло расхохоталась и возобновила свое повествование:

«Вы мне позволите, господа, – сказала она, – прервать на мгновение рассказ о страстях, чтобы поведать об одном событии непосредственно с ними не связанном. Оно имеет отношение ко

мне лично, но так как вы приказали мне рассказывать об интересных случаях из моей собственной жизни, если они заслуживают внимания, нельзя умолчать и об этом Эпизоде.

Я уже давно работала в заведении мадам Фурнье, став одной из самых старых участниц ее сераля и заслужив самое большое ее доверие. Именно мне часто приходилось устраивать свидания и получать деньги. Хозяйка относилась ко мне как к родной дочери, помогала в делах, писала мне письма, когда я была в Англии, открыла для меня двери своего дома, когда мне потребовался приют. Много раз она давала мне деньги взаймы, даже не требуя возвращения долга. И вот пришел момент доказать ей свою благодарность и вознаградить за доверие ко мне. Вы можете судить, господа, как моя душа откликнулась на ее доброту.

Однажды мадам Фурнье тяжело заболела и позвала меня. «Дюкло, дитя мое, – сказала она, – я очень тебя люблю, ты это знаешь. Я хочу оказать тебе большое доверие. Я верю тебе, несмотря на твое легкомыслие, и знаю, что ты не способна обмануть подругу. Я состарилась, силы мои на исходе и что со мной будет завтра, я не знаю. У меня есть родственники, которые получат мое наследство. Но я хочу незаконно лишить их ста тысяч франков, которые имеются у меня в халате и находятся вот в этом маленьком сундучке. Возьми его, дитя мое. Я передаю его тебе с условием, что ты выполнишь то, о чем я тебя попрошу». – «О дорогая моя мама! – воскликнула я, протягивая к ней руки. – Эти предосторожности меня огорчают, они совершенно не нужны, но если они вам кажутся необходимыми, то я даю клятву, что в точности исполню ваше поручение!» – «Я верю тебе, дитя мое, и именно поэтому я выбрала тебя. Этот сундучок содержит сто тысяч франков в золоте. На склоне лет, думая о той жизни, которую я вела, о судьбах девушек, которых я бросила в пучину разврата и отторгла от Бога, я испытываю угрызения совести. Есть два средства сделать Бога менее суровым по отношению к себе: это милостыня и молитва. Две первые части из этой суммы, каждая по пятнадцать тысяч франков, должны быть переданы тобой капуцинам с улицы Сент-Оноре, чтобы эти добрые отцы постоянно молились за помин моей души. Другую часть суммы, едва я закрою глаза, ты передашь местному кюре, чтобы он раздал ее как милостыню беднякам моего квартала. Милостыня – великая вещь, дитя мое, ничто так не искупает в глазах Бога грехов, совершенных нами на земле, как милостыня. Бедняки – его дети, и он пестует всякого, кто им помогает. Только милостыней и молитвой можно заслужить его прощение. Это верный путь попасть на небо, дитя мое. Что же касается третьей части, а она составляет шестьдесят тысяч франков, то ее ты

переведешь после моей смерти на имя Петиньона, маленького сапожника на улице дю Булуар. Это мой сын, но он об этом и знает. Это внебрачный ребенок, плод незаконной связи. Умирая, я хочу дать этому несчастному сироте знак моей нежности. Оставшиеся десять тысяч, дорогая Дюкло, я прошу тебя принять как выражение моей привязанности к тебе и чтобы немного компенсировать тебе все хлопоты, связанные с остальными деньгами. Может быть эта сумма поможет тебе завести свое собственное дело и покончить с грязным ремеслом, которым мы занимались и которое не оставляет места ни мечтам, ни надеждам».

Получив возможность обладать такой огромной суммой денег, я тут же решила ни с кем не делиться и все забрать себе одной. Притворно рыдая, я бросилась на шею своей дорогой покровительницы, заверяя ее в своей верности и желании выполнить все поручения, чего бы мне это ни стоило. Сама же я при этом думая только о том, какое бы найти средство, чтобы помочь ей поскорее отправиться на тот свет, чтобы она в случае своего выздоровлении не переменила решения.

Такое средство нашлось уже на другой день: врач выписал ей лекарство от рвоты и, так как ухаживала за ней я, передал его мне, объяснив, что лекарство надо разделить на две части, ибо если дать сразу, это убьет больную. Вторую дозу надо было давать только в том случае, если первая не поможет. Я обещала врачу сделать все, как он велел, но едва он ушел, как тут же похоронила как душевную слабость все бесполезные клятвы о благодарности признательности и любовалась своим золотом, наслаждаясь самой мыслью, что оно принадлежит мне.

Недолго думая, я смешала в стакане с водой обе дозы и дала выпить моей дорогой подруге, которая, осторожно проглотив раствор, вскоре умерла, а мне только того и надо было. Не могу вам описать радость, которую я испытала от того, что мой план удался Каждая ее рвота вызывала во мне ликование и торжество. Я слушала ее, смотрела на нее – и была в состоянии опьянения. Она протягивала мне руки, посылая последнее «прости», а я еле сдерживала радость, в моей голове рождались тысячи планов, как распорядиться золотом, которым я уже обладала. Агония была долгой, но, наконец, мадам Фурнье испустила дух, а я оказалась владелицей целого клада».

* * *

«Дюкло, – сказал Герцог, – будь откровенной: ты колебалась Достигло ли тонкое и порочное чувство преступления твоего органа наслаждения?» – «Да, господин, я в этом уверена. В тот вечер я пять раз подряд испытывала оргазм.» – «Значит это правда! – закричал Герцог. – Это правда, что преступление уже само по себе обладает такой же притягательностью, что, независимо от сладострастия, может распалить страсть и бросить в такое же состояние исступления, что и похоть! Так что же было дальше?»

«А дальше, господин герцог, я торжественно похоронила мою хозяйку и унаследовала ее внебрачного ребенка, уклонившись от всяких молитв и тем более от выдачи милостыни, процедуры, которая меня всегда ужасала. Я убеждена, что если в мире есть несчастные, то это потому, что так угодно природе. Она так захотела – и пытаться помочь им, создать равновесие, – значит идти против законов природы, вопреки ей!»

«Вот как, Дюкло, а у тебя, оказывается, есть свои принципы! – восхитился Дюрсе. – Твоя позиция мне нравится. Действительно, всякая поддержка, оказанная несчастному – это преступление против порядка в природе. Неравенство людей доказывает, что так нравится природе, поскольку она сама создала такой порядок и поддерживает его как в материальном положении людей, так и в их физическом состоянии. Беднякам позволено улучшить свое положение с помощью воровства. Также как богатым позволено утвердить себя отказом от помощи беднякам. Вселенная не могла бы существовать, если бы все люди были равны и похожи. Их различие и рождает тот порядок, который всем управляет. И надо остерегаться его тревожить. Впрочем, воображая, что ты делаешь добро классу бедняков, ты на самом деле причиняешь зло другому классу, поскольку нищета – это питомник, где богатый ищет объекты для своего сладострастия или жестокости. Своей милостыней беднякам я лишаю свой класс возможности предаваться наслаждениям. Поэтому я рассматриваю милостыню не только как вещь неприятную уже саму по себе, но и считаю ее преступлением по отношению к природе, которая указав нам на наши различия, совсем не простит, чтобы мы их разрушали. Таким образом, я действую в соответствии с истинными законами природы. Я далек от того, чтобы помочь бедняку, утешить вдову или успокоить сироту, – я не только оставлю их в том состоянии,

в которое их поместила природа, но я даже помогу им углубиться в него, нисколько не волнуясь по поводу того, что с ним станет потом. Кстати, они сами могут изменить свое положение доступными им средствами».

«Какими? – заинтересовался Герцог. – Вы имеете в виду воровство или грабеж?»

«Ну конечно, – ответил финансист. – Так вот, увеличивая число преступлений, я причиняю некоторое зло одному классу, зато много добра – другому».

«Прекрасная точка зрения! – включился Кюрваль. – А между тем некоторые утверждают, что делать добро беднякам так сладостно…»

«Заблуждение! – возразил Дюрсе. – Эта радость не идет ни в какое сравнение с тем сладострастным наслаждением, которое испытываешь в момент преступления. Первая радость эфемерна, а вторая – реальна. Первая основывается на предрассудках, вторая – на разуме. Первая вызвана чувством гордыни, самым ложным из наших чувств, которое может на мгновение пощекотать наши амбиции; вторая же воспламеняет дух и будоражит страсти уже потому, что противостоит всем принятым нормам! Словом, я – приверженец первой, – заключил Дюрсе. – И не испытываю никакой симпатии ко второй!»

«Но надо ли все подчинять этой страсти?» – спросил Епископ

«Надо, мой друг, – сказал Дюрсе. – Только она одна должна руководить нами во всех наших поступках, повелевать нами».

«Но из такой системы взглядов могут родиться тысячи и тысячи преступлений», – заметил Епископ.

«Подумаешь! Что такое преступление рядом с тем наслаждением которое ты испытал! – сказал Дюрсе. – Преступление – одно из проявлений природы, тот способ, с помощью которого она убивает людей. Так почему вы хотите, чтобы я в этом смысле подчинился не ей, а добродетели? Природе нужны и преступление и добродетель. Но мы начали дискуссию, которая завела нас очень далеко. близится час ужина, а Дюкло еще не завершила свою сегодняшнюю миссию. Продолжайте, красавица, продолжайте! И верьте, что вы только что описали нам поступок и представила систему ценностей, благодаря которой навсегда заслужили уважение философов и всех присутствующих в этом зале».

«Моей первой мыслью, как только закопали хозяйку, было занять ее дом и поддерживать его на том же уровне. Я познакомила с этим планом моих приятельниц, и все они, и особенно горячо мною любимая Эжени, обещали мне отныне считать меня своей дорогой мамочкой. Правда, на эту роль я не

могла претендовать, поскольку была еще молода: мне было около тридцати лет. Но у меня были хорошие организаторские способности, позволяющие мне возглавить наш «монастырь». Вот так случилось, господа, что я начинаю следующий рассказ о моих приключениях уже и, скромной послушницей, но госпожой аббатессой, достаточно молодой и красивой для того, чтобы заниматься практикой, что случалось весьма часто. Я как раз собиралась вам об этом поведать.

Вся клиентура мадам Фурнье осталась при мне. А я к тому же узнала секрет, как привлечь новых клиентов чистотой моих комнат, красотой и поразительной покорностью моих девочек всем капризам развратников.

Первым клиентом, которого я заполучила, был старый казначей Франции, давний приятель мадам Фурнье. Я привела ему Люсиль, от которой он пришел в полный восторг. Его привычкой, нечистоплотной и крайне неприятной для девушки, было делать по-большому прямо на лицо своей возлюбленной, вымазать калом все ее лицо и тело, а после этого целовать. Люсиль только из дружбы ко мне согласилась выполнить все, что хотел старый сатир, и он разрядился ей в живот, целуя ее и размазывая по всему телу свои отвратительные испражнения.

Через некоторое время появился другой клиент, к нему вышла Эжени. Он навалил целую тонну дерьма, заставил голую девушку вываляться в нем и лизал ее тело во всех местах до тех пор, пока оно не стало таким же чистым, как в начале. Этот человек был адвокатом, очень богатым и очень известным. Не испытывая сладострастия с самыми утонченными женщинами высшего света, он нашел для себя способ достижения оргазма в такого рода разврате и всю жизнь с наслаждением ему предавался!

Маркиз де…, старый приятель мадам Фурнье, пришел вскоре после ее смерти выразить мне свою благосклонность. Он заверил, что будет приходить к нам как и прежде и, чтобы убедить меня в этом, пригласил Эжени. Страсть старого развратника состояла в том, что сначала он долго целовал девушку, глотал ее слюну, высасывая все до последней капли, потом в течение четверти часа целовал ее ягодицы, заставлял пукать и, наконец, просил сделать по-большому. Как только это было сделано, он набивал себе рот испражнениями и, заставив девушку лечь на него, целовал ее, покачивая и щекоча ее задний проход. Требовалось, чтобы девушка в конце концов съела весь тот кал, которым был набит его рот. Хотя он оплачивал эту услугу очень высоко, мало находилось девушек, кто на это соглашался. Вот почему со своими «ухаживаниями» маркиз обратился непосредственно ко

мне. Он желал получить удовольствие, а я не хотела терять богатого клиента.»

В тот момент Герцог, разгоряченный рассказом, сказал, что хотел бы до ужина испробовать на практике эту фантазию. И вот как он это сделал: он заставил приблизиться Софи, взял в рот ее кал, а потом заставил Зеламира съесть кал Софи. Эта церемония смогла бы стать источником сладострастия для какого-нибудь другого объекта, но только не для Зеламира. Недостаточно подготовленный к тому, чтобы почувствовать всю утонченность кушанья, он испытывал отвращение и отказывался есть. Герцог в бешенстве угрожал, что если он не съест немедленно, его убьют.

Идея, подсказанная Дюкло, показалась всем такой приятной, что каждый интерпретировал ее по-своему. Дюрсе, например, уверял, что кушанье должно быть разделено поровну, считая несправедливым, что мальчики съедают кал девочек, а девочки – нет; как следствие этого, он сделал по-большому в рот Зефира и приказал Огюстин съесть «мармелад», что эта красивая девушка и выполнила; при этом ее вытошнило с кровью.

Кюрваль тоже видоизменил эту фантазию, положив в рот кал своего дорогого Адониса, который по его указанию съела Мишетта, не проявив при этом того отвращения, которое выразила Огюстин.

Что касается Епископа, то он поступил, как его брат, заставив сделать по-большому деликатную Зельмир, а проглотить это «варенье» – Селадона. Были моменты отвращения, очень интересные для развратников, на глазах которых происходили бурные сцены, вызывающие у них истечение спермы. Епископ и Герцог разрядились, а два других или не смогли, или не хотели. Затем все пошли ужинать.

За ужином хвалили удивительные истории, рассказанные Дюкло.

«Она обладает даром понимать, – сказал Герцог, – это выручает ее во всех случаях; чувство благодарности – химера, личные привязанности никогда не должны ни останавливать, ни прерывать эффект преступления, потому что объект, который нам служил, не имеет никакого права на наше сердце. Его присутствие – унижение для сильной личности; нужно или его возненавидеть, или постараться от него избавиться.»

«Да, это так, – согласился Дюрсе. – И вы никогда не увидите, чтобы умный человек стремился проявить благодарность. Конечно, он постарается не стать врагом.»

«Тот, кто служит вам, работает совсем не для вашего удовольствия, – включился Епископ. – Своими благодеяниями он старается подняться над вами. Поэтому я задаю себе вопрос: что

заслуживает такой объект? Служа нам, он отнюдь не говорит: я вам служу потому, что хочу сделать добро. Он говорит только: я предоставляю себя для вашего удовольствия для того, чтобы властвовать над вами.»

«Ваши мысли доказывают, насколько абсурдна практика добра, – сказал Дюрсе. – Нас уверяют, что это делается для нас. Ну что ж, пусть те, кто слаб душой, позволяют себе эти маленькие удовольствия. Но только не мы. Если бы мы поступали иначе, какими глупцами мы были бы!..»

Приятная беседа разгорячила головы, к тому же было много выпито. После ужина устроили оргию, во время которой наши неутомимые герои разыгрывали спектакль; мол, они – родители – укладывают спать своих детей, а сами проводят остаток ночи выпивкой в обществе четырех старух и четырех рассказчиц. Поскольку среди этих двенадцати персонажей не было ни одного, кто бы не заслужил – и не один раз! – виселицу или колесо, я предоставляю читателю возможность самому додумать и представить все то, что там было сказано. От разговора перешли действиям. Особенно возбудился Герцог. Не знаю почему и каким образом, но объектом его вожделения стала Тереза. Что бы там ни происходило, оставим наших героев заканчивать вакханалию в кроватях своих супруг и посмотрим, что произошло да другой день.

Шестнадцатый день

Утром наши герои проснулись свежими как для исповеди, кроле Герцога, который начал понемногу выдыхаться. В этом обвинили Дюкло. Говорили, что рассказчица своим талантом сумела внушить ему вожделения, разделить которые с ним способна лишь она сама.

И правда, бывают ситуации, когда не имеют значения ни возраст, ни красота, ни добродетель, а все зависит от каприза или от особого такта, которым обладает нередко красота осени, побеждающая своими талантами более молодую весну, не обладающую этим опытом.

Здесь надо сказать, что в обществе появилось еще одно создание, которое очень быстро усвоило науку быть исключительно полезной и стало очень интересной для всех заинтересованных: это Юлия.

Она уже почувствовала вкус порока и наслаждения. Достаточно сообразительная, чтобы понять, что ей необходима протекция, умеющая скрывать свои чувства, Юлия стала подругой Дюкло, чтобы с ее помощью оставаться всегда в свете

благосклонного внимания своего отца, все которого в обществе она хорошо знала, (а жди и раз, как ей выпадал жребий с Герцогом, она объединялась Дюкло, используя ее услужливость и любезность так ловко, что герцог был всегда уверен, что разрядится наилучшим образом, если эти два создания проводят ночь рядом с ним. На самом деле он пресытился своей дочерью и без помощи Дюкло, которая помогала ей во всем; Юлия не достигла бы таких успехов в его глазах.

Ее собственным муж, Кюрваль, был о ней примерно того же мнения. Он успешно разряжался с лей, но его грязные поцелуи вызывали ее отвращение, можно даже сказать, что оно усиливалось пол огнем его грязных поцелуев. Дюрсе уважал ее мало, она заставила его разрядиться два раза. Ей оставался еще Епископ, который обожал ее развратный жаргон и который находил, что у нее самый красивый зад в мире. А он и впрямь не уступал Венериному. Таким образом, она замкнулась на этих героях, поскольку хотела нравиться всем и любой ценой – и ей нужна была поддержка.

В часовне в этот час появились только Эбе, Констанс и Ла Мартен. После того, как эти три объекта сделали свои дела, Дюрсе почувствовал желание сделать то же самое. Герцог, который с утра вертелся вокруг его зада, выбрал момент, чтобы удовлетворить свое желание. Они заперлись в часовне с одной Констанс, которую взяли для оказания услуг. Герцог себя удовлетворил, когда маленький финансист накакал ему прямо в рот. Они все не выхолили; Констанс сказала потом Епископу, что в течение получаса они занимались гадостями.

Я уже упоминал выше, что Герцог и Дюрсе были друзьями детства и с тех пор не прекращали вспоминать о прелестях школьной жизни. Что касается Констанс, то она мало чему способствовала в этом тет-а-тет: она вытирала им зады, сосала и приводила в действие их члены, не более того.

Затем все четверо друзей перешли в салон, где немного пофилософствовали и откуда их пригласили на обед. Обед был великолепным и обильным, как обычно. После нескольких поцелуем и неприличных приставаний, которые их освежили, герои снова перешли в салон, куда пришли Зефир, Гиацинт, Мишетта и Коломб, чтобы сервировать им кофе. Герцог похлопал по заднице Мишетту, а Кюрваль – Гиацинта. Дюрсе заставил Коломб сделать по-большому, а Епископ – Зефира положить ее кал в рот. Кюрваль, вспомнив об одной из историй, рассказанных Дюкло, пожелал накакать в задний проход Коломб. Старая Тереза, которая отвечала за сервировку кофе, заменила ее за столом, и Кюрваль преуспел в своих намерениях. Но так как его стул

соответствовал гигантскому количеству съеденной им пищи, то почти все вывалилось на пол; поэтому он только чисто символически завалил дерьмом этот маленький девственный задок, который был создан природой совсем не для подобных грязных удовольствий.

Наблюдая эту сцену, Епископ обрушился с ругательствами на Зефира, который не угодил ему. При этом он ругал и Кюрваля и вообще был зол на весь мир. Чтобы восстановить свои силы, он вынужден был проглотить целый стакан эликсира. Мишетта и Коломб уложили его спать на софу и остались при нем. Проснулся он полным сил, и, чтобы еще больше его взбодрить, Коломб немного пососала его член. Наконец, орудие было приведено в состояние боевой готовности. Все перешли в зал ассамблеи.

В этот вечер на диване рядом с Епископом сидела Юлия. Поскольку она ему очень нравилась, его бодрое состояние было весьма кстати. У Герцога сидела Алина, у Дюрсе – Констанс, у Председателя – его дочь. Все были готовы слушать, и прекрасная Дюкло, воссев на свой трон, начала так:

«Неправильно говорят, будто деньги, добытые путем преступления, не приносят счастья. Это заблуждение, уверяю вас в этом! Мой дом процветал. Никогда у мадам Фурнье не было столько клиентов. И однажды, господа, мне пришла в голову мысль, немного жестокая, сознаюсь в этом, но которая – осмелюсь похвалить себя, господа! – должна вам в некотором смысле понравиться. Мне показалось, что если кому-то не делаешь добра (а делать обязательна!), возникает некоторое сладостное желание причинять зло этому человеку. Мое коварное воображение ополчилось против уже упоминаемого Петиньона, сына моей благодетельницы, которому мне поручено было дать состояние, достаточно большое для бедного сапожника, – состояние, которое я уже начала растрачивать на свои безумства.

И вот мне представился случай. Этот несчастный женился на девушке из своей среды; единственным плодом этого бедного союза стала дочка, прекрасная, как день. Ей как раз исполнилось к тому времени двенадцать лет, и черты ее лица еще сохранили всю привлекательность детства. Родителя воспитали ее в бедности, но достойно и со всем старанием. Прекрасный случай, чтобы подстроить Петиньону ловушку! Я знала, что он не ходил по судам и ничего не знал о правах, которыми обладал. Как только мадам Фурнье рассказала мне о нем, я постаралась разузнать все о нем самом и о его окружении. Так я узнала о том, что он обладает настоящим сокровищем. В то же самое время Маркиз де Мезанж, известным развратник, о занятиях которого

Ла Дегранж, без сомнения, еще много вам расскажет, обратился ко мне с просьбой подобрать ему девственницу не старше тринадцати лет – цена за услугу были назначена очень высокая. Я не знала, что он собирался с ней делать – он не слыл слишком жестоким в этом вопросе. Глинным условием договора Маркиз ставил девственность; только после того, как она будет установлена экспертизой, он обещал передать мне обещанную сумму денег. Начиная с того момента, говорил Маркиз, ребенок будет полностью принадлежать ему, возможно ом уедет и никогда не вернется во Францию. Так как Маркиз был одним из моих постоянных клиентов, – и вы его скоро увидите на сцене, – я старалась изо всех сил удовлетворить просьбу. Дочка Петиньона показалась мне самым подходящим объектом.

Но как ее заполучить? К тому же условие об отъезде из Франции… Девочка всегда была дома. Учили ее тоже дома. У меня не было никакой надежды. Я не могла воспользоваться услугами одного похитителя, который орудовал по деревням; Маркиз же, между том, торопил меня. Оставалось одно средство, – и оно вполне соответствовало тайной злобе и сладострастию, с которыми я готовила это преступление.

Я решила ложно обвинить родителей и посадить их за решетку, чтобы девочка осталась одна на попечении друзей, – здесь мне было бы легче заманить ее в ловушку. Я наняла прокурора, очень ловкого, мастера на все руки. Он быстро состряпал дело, и не прошло восьми дней, как муж и жена оказались в тюрьме.

Моя ловкая посыльная сначала поместила девочку у бедных соседей, а потом малышка сама пришла ко мне. Ее красота превзошла все мои ожидания. Кожа была нежной и белой, формы округлы и прелестны. Трудно было найти более красивого ребенка!

Так как эта операция, включая все расходы, встала мне почти в двадцать луидоров и так как Маркиз был готов платить по договору, а после выплаты не хотел ни с кем иметь никаких переговорен, я сама определила ему сумму в сто луидоров, выиграв таким образом на этой истории чистыми шестьдесят луидоров; двадцать я отдала прокурору, и он так устроил, что отец и мать девочки долго не получали о ней вестей. В конце концов, они узнали об ее исчезновении – скрыть это было невозможно. Соседи, виновные в небрежности, извинялись как могли; что касается сапожника и его жены, то мой прокурор так устроил, что они уже не могли просить защиты, поскольку оба умерли в тюрьме примерно через одиннадцать лет после похищения девочки. На этим несчастье я выиграла дважды,

поскольку не только получила деньги за продажу ребенка, но и окончательно заимела в свою собственность шестьдесят тысяч франков, которые мне были передами хозяйкой для сапожника. Что касается похищенной девочки, то Маркиз сказал правду: я больше никогда ничего не слышала о ней… Может быть, Ла Дегранж может что-то рассказать о конце этой истории… Ну а теперь вернемся к текущим событиям нашей жизни. Итак, мой рассказ подсказал вам какие-то новые детали порока в том списке, который мы начали?»

* * *

«Черт возьми, я до безумия люблю твою осторожность, Дюкло! – воскликнул Кюрваль. – Здесь речь идет о продуманном злодействе, и я в восторге от того, так тщательно оно готовилось! Я обожаю этот процесс – от заигрывания в начале, до последнего (удара по жертве, с которой ты еще не ощипал перышки. Вот в чем (для меня заключена особая утонченность преступления!»

«Я бы предпочел сделать так, – сказал Дюрсе, – чтобы жертва почувствовала освобождение.»

«Господа, – вмешалась Дюкло. – Когда в мире нет кредита, который тебе щедро отпущен, приходится для своих проделок нанимать людей, находящихся в твоем подчинении. Осмотрительность часто бывает необходимой. Не всегда осмеливаешься делать то, что хочешь.»

«Это точно, это так! – подтвердил Герцог. – Она не могла сделать лучше того, что сделала!»

И любезное создание вновь пустилось в плавание: «Ужасно, господа, – сказала эта красивая женщина, – рассказывать вам о мерзостях, подобных тем, какие я вам недавно описывала. Но вы потребовали, чтобы я объединила все, что могло вызвать интерес, и ничего не утаила от вас. Еще три примера этой жестокой грязи – и мы перейдем к другим фантазиям.

Первый, о ком я расскажу, был старый управляющий поместьями. Ему было около шестидесяти шести. Он заставлял девушку ходить голой и, потрепав ее ягодицы, что делал скорее грубо, чем с нежностью, вынуждал ее делать по-большому прямо перед ним посреди комнаты. После этого он делал кучу рядом и руками соединял обе вместе; затем заставлял девушку ползти на четвереньках к этой куче и съедать ее, все время показывая при этом перемазанный калом зад. Он выпускал сперму, когда все было съедено. Мало какая из моих девушек, как вы понимаете, могла подчиниться такому свинству; ему же нужны были только молодые и свежие. Я их находила, потому что в Париже можно найти все, но и заставляла его хорошо за это платить.

Второй клиент из трех, о которых я собираюсь вам рассказать, требовал от девушки полного послушания. Так как этот развратник хотел иметь очень молодую девушку, мне приходилось нанимать для этого почти детей. Я подбирала девочек не старше четырнадцати лет. Старик велел девочке раздеваться донага. Потом повернуться к нему задом и пукнуть.

После этого он пять раз пускал струю мочи, заставляя девочку принимать ее рот и глотать по мере того, как моча попадала ей в горло. В течение всего этот времени, сидя верхом у нее на груди, он одной рукой держал спои член, а другой лепил ровный шарик из кала. Свои омовения он собирался повторить и в шестой раз, так как извержения спермы все не было. Девочка, которую тошнило, умоляла его о пощаде но он смеялся си в лицо и продолжал свое дело в шестой раз, пока не добился своего.

Старый банкир даст вам еще один пример этого свинства, вызывающего возбуждение, – кстати, о нем вы еще не раз услышите в дальнейшем. Банкиру нужна была красивая женщина сорока или сорока пяти лет с дряблой грудью. Как только он оказался с ней наедине, потребовал, чтобы она обнажилась до пояса и начал свирепо тискать ее груди: «Настоящее коровье вымя! – кричал он – Для чего такие сосцы могут служить, как не для вытирания моего зада?» Он их жал, плевал на них и растирал, связывал одну грудь с другой, вставал на них грязными ногами, приговаривая, что это не грудь, а позорище, и как только природа могла создать такое безобразие и так опозорить тело женщины.

После этой нелепой прелюдии он разделся догола. Но боже, мой, какое тело! Как вам описать, господа? Банкир весь был в язвах с ног до головы, их отвратительный запах проникал даже в соседнюю комнату, где находилась я. И тело он заставил сосать!»

«Сосать?» – заинтересовался Герцог.

«Да, господа – сказала Дюкло. – С ног до головы, не оставляя ни одного пятнышка размером с луидор, – ее язык должен был побывать везде. Женщина, которую я ему дала, не могла этого даже предположить и, когда увидела этот сплошной гнойник, в ужасе отступила. «Ах ты, бездельница! – заорал он. – Так я тебе не нравлюсь? А между тем, тебе придется все-таки меня всего обсосать. И твой язык будет лизать каждую клеточку моего тела! Так что не делай вид, что тебе противно. Другие это делали хорошо. Ну давай же, давай, не воображай…»

Он был прав, говоря, что деньги могут все. Эта женщина была в крайней нужде, а я пообещала ей два луидора Она все сделала как он ее просил, и старый подагрик сладострастно качался во время операции, с наслаждением чувствуя, как ее нежный язычок гуляет по всему его телу и облегчает язвы, которые его пожирали. Когда операция была закончена, она не стала финалом для несчастной. Он заставил ее вытянуться на полу, сел на нее верхом и накакал ей на грудь. Давя ее груди, он вытирал ими свой зад Но я все еще не видела, чтобы он разрядился. Потом я узнала, что ему требовалось повторять эту операцию много раз, чтобы выделить сперму. Дважды этот мужчина в одно и то же место не

приходил, я больше его никогда не видела – и ничуть об этом не сожалею.»

* * *

«Ну что ж, – сказал Герцог. – Я нахожу, что этот человек завершил свою операцию вполне разумно. Я не знал, что соски женщин могут быть использованы для вытирания зада.»

«Совершенно очевидно, – заявил Кюрваль, грубо тиская нежные и деликатные грудки Алины, – совершенно очевидно, что соски женщины – вещь препротивная. Они меня просто раздражают! Глядя на них, я даже испытываю отвращение, как перед чем-то отталкивающим… Только ее задний проход вызывает у меня живой интерес.»

Говоря так, он побежал в свой кабинет, увлекая за собой за груди Алину, а также Софи и Зельмир, двух девушек из своею сераля, и Фаншон. Мы точно не знаем, чем он занимался с ними, но вскоре из кабинета послышался женский крик, а несколько позже – его победные вопли по случаю удачной разрядки Он вернулся, Алина плакала и прижимала платок к груди. И так как все эти события не вызвали ни у кого никаких чувств, разве что смешок, – то Дюкло возобновила свои рассказ:

«Через несколько дней я сама обслуживала одного старого монаха, что потребовало от меня больших физических усилии и очень утомило; это и не было столь противно, как в последнем случае. Он подставил мне свой отвратительный зад, кожа на котором напоминала пергамент. Надо было тереть, месить, разминать этот зад, колотить по нему кулаками изо всех сил (ему нисколько не было больно); он только держал в руках свой член, который ему удалось разрядить в конце операции

Мое усердие гость, без сомнения, расхвалил в монастыре, потому что на следующий день он пришел не один, а с одним из своих приятелей, которому также надо было растирать зад. Этот был более порочен и более внимателен ко мне. Он покрыл поцелуями мои зад и вылизывал его не менее десяти-двенадцати раз, в то время как я, в интервалах, изо всех сил растирала и шлепала ею ягодицы. Когда кожа на них стала мягкой, его орудие любви поднялось. Я могу поклясться, никогда в жизни не видела такого великолепного орудия! Он вложил член мне в руки и просил одном рукой двигать его взад-вперед, а другой продолжать бить его по заду.»

«Или я ошибаюсь, – вмешался Епископ, – или мы перешли к пассивному самобичеванию.»

«Да, господа, – сказала Дюкло, – так как моя задача на сегодня выполнена, то я, с вашего позволения, перенесу на завтра рассказ о вкусах природы, которыми будем заниматься с вами несколько вечеров.»

Оставалось еще немного времени до ужина; Дюрсе сказал, что не отказался бы, если бы ему для аппетита поставили клизму. Все женщины затрепетали. Но поскольку он принял решение, его надо было осуществить. Тереза, которая ему прислуживала в этот день, заверила, что все сделает наилучшим образом, и доказала это делом. Как только маленький финансист почувствовал тяжесть внутри, он позвал Розетту. Ей совсем не хотелось, но пришлось покориться. Бедная малютка глотала жидкость дважды. К счастью прозвенел звонок на ужин, а то бы пришлось занятие продолжать.

После ужина перешли к другим удовольствиям. Во время оргии испражнялись прямо на пол, наложили много куч, в том числе – на сосцы женщин. Герцог перед всеми съел кал Дюкло, в то время как красавица обсасывала его тело. Руки развратника блуждали по ее телу. Хобот Герцога выбросил обильную сперму. Кюрваль повторил то же с Шамвиль. Потом все отправились спать.

Семнадцатый день

Ужасная антипатия Председателя по отношению к Констанс усиливалась с каждым днем. По установленному Дюрсе расписанию он провел с ней ночь. И на следующий день она должна были перейти к Дюрсе. Утром Председатель разразился жалобами в адрес Констанс: «Из-за ее состояния к ней нельзя применить обычные меры наказания, – жаловался он. – А то еще выкинет свой плод до срока! Но, черт возьми, надо все-таки найти средство наказать эту шлюху за все ее глупости!»

Сейчас мы увидим, до чего додумался этот извращенный развратник. И за что? Только за то, что вместо того, чтобы повернутся к нему задом, несчастная повернулась передом. Вот это-то «непослушание» ей и вменялось в вину! Но что было хуже всего, так это то, что она отрицала факты. Она утверждала, что Председатель клевещет на нее, что он ищет ее погибели и всякий раз, как она спит с ним, изобретает что-нибудь подобное.

Так как законы на этот счет были чисто формальными, а женщин здесь вообще не слушали, то совет четырех стал решать, как наказать эту женщину, сейчас или в будущем, чтобы при этом

не повредить плод. Решили, что за каждую провинность она должна будет съедать кусок кала.

Кюрваль потребовал, чтобы наказание было приведено в исполнение немедленно. Все это одобрили. В это время все находились на завтраке в аппартаментах девушек. Потребовали, чтобы виновную привели. Председатель сделал по-большому в центре комнаты, Констанс приказали встать на четвереньки и проглотить то, что сделал этот жестокий человек. Никакого сочувствия к бедной женщине – эти люди были словно выкованы из бронзы! Она упала на колени, умоляла простить ее, но ничто не могло их разжалобить. Они от души забавлялись, глядя на мучения молодой женщины, которая никак не могла преодолеть отвращения, но обязана была подчиниться. Наконец, содрогаясь, она проглотила кусочек – хорошо еще, что не надо было доедать до конца! Все четверо героев, присутствовавшие при этой встрече, потребовали, чтобы четыре девушки гладили и возбуждали их члены. Кюрваль, возбудившийся больше других, воскликнул, что Огюстин делает это превосходно. Чувствуя, что вот-вот кончит, он позвал Констанс, которая недавно закончила свой грустный завтрак: «Иди сюда, шлюха, – крикнул он ей. – Когда едят рыбу, ее поливают белым соусом. Вот твой соус, получай!» Бедняжке пришлось получить еще и это: Кюрваль спустил шлюз и разрядился прямо в рот несчастной супруге Герцога, а сам при этом съел свежий и деликатный кал маленькой Огюстин.

Потом инспекция пошла проверять горшки. Дюрсе изучал кал в горшке Огюстин. Девушка извинялась, что была не совсем здорова. «Нет, – сказал Дюрсе, ковыряя кал. – При несварении желудка другое качество стула, а ваш вполне здоровый.» Он достал ужасную тетрадь и сделал пометку под именем этого небесного создания, невзирая на ее слезы.

Все остальное было в порядке, но в комнате мальчиков Зеламир, который сделал по-большому перед оргией и которому не велели вытирать задний проход, вытер-таки его без разрешения. Это было тяжким преступлением. Зеламир был также занесен в список. Несмотря на это, Дюрсе поцеловал его в зад и пососал немного.

Потом пошли в часовню, где сидели на стульчаках два «работяги», Алина, Фанни, Тереза и Шамвиль. Герцог взял в рот кал Фанни и съел его, Епископ – одного из «работяг», Дюрсе – Шамвиль, а Председатель – Алины,

Сцена с Констанс разогрела головы, потому что уже давно никто не позволял себе таких дерзких выходок утром.

За обедом говорили о морали. Герцог сказал, что не понимает, почему законы во Франции так свирепствуют против

разврата: ведь разврат, занимая граждан, отвлекает их от крамолы и революций.

Епископ возразил, что законы направлены не против разврата как такового, а против его крайних выражений. Начался спор, и Герцог доказал, что в разврате не было ни одной крайности, опасной для правительства, а, следовательно, не только жестоко, но и абсурдно фрондировать против таких пустяков. Беседа оказала на всех должное воздействие. Герцог, наполовину пьяный, удалился в объятиях с Зефиром и целый час целовал взасос этого красивого мальчика, в то время как Геракл, воспользовавшись ситуацией, вонзил в задний проход Герцога свое огромное орудие. Тот и не заметил! Его приятели развлекались, кто как мог. Потом пришло время пить кофе. Так как было уже сделано немало глупостей, за кофе все прошло спокойно. И Дюкло, воссевшая на свой трон, поджидала компанию, чтобы продолжить свои рассказ:

«В моем доме произошла потеря, которую я не могла пережить во многих отношениях. Речь идет об Эжени; я любила ее больше всех; из-за ее поразительной услужливости она была мне необходима при всех операциях, приносивших деньги. И вот эту Эжени у меня выкрали самым странным способом. Один слуга, которому заплатили большую сумму денег, пришел к ней – отвезти за город на ужин, за который она получит семь или восемь луидоров. Меня не было дома, когда это произошло, а то бы я, конечно, не разрешила ей уехать с неизвестным человеком. Но он обратился к ней непосредственно, и она согласилась… Больше я ее никогда не видела…»

«И не увидишь, – вмешалась Ла Дегранж. – Партия, которую ей предложили, была последней в ее жизни. И я расскажу, когда придет мой час, как она была разыграна с этой красивой девушкой.»

«О да, это была редкая красавица! – вздохнула Дюкло. – Ей было двадцать лет. Лицо тонкое и удивительно приятное…»

«И к тому же самое красивое тело в Париже! – добавила Ла Дегранж. – Но все эти достоинства обернулись для нее бедой. Однако, продолжайте, не будем останавливаться на частностях.»

«Ее заменила Люсиль, – возобновила рассказ Дюкло, – и в моем сердце, и в моей постели, но не в работе с клиентами, так как для этого ей надо было обладать не только услужливостью, но и покорностью. Как бы то ни было, я ей доверила вскоре после этого настоятеля монастыря Бенедиктинов, который приходил ко мне время от времени и которым обычно занималась Эжени.

После того, как этот святой отец вылизал ей зад и долго взасос целовал в губы, надо было легонько постегать его розгами по члену – и он разрядится; ничего больше не требовалось, только

розги. Его высшим удовольствием было видеть, как девушка ударами розг выбивала из его члена капли спермы, которые вылетали к воздух.

На другой день я сама обслуживала клиента, которому потребовалось не менее ста ударов розг по заду. Перед этим он лизал мой задний проход и тер рукой свой член.

Третий клиент снова пришел ко мне через некоторое время. Этот любил церемонии: о его приходе я была уведомлена за восемь дней. Мне было поставлено условие, чтобы все это время я не мыла ни одной части своего тела и особенно – задний проход, не чистила зубы и не полоскала рот и чтобы в момент уведомления я положила в горшок с мочой и калом по крайней мере три связки розг. Спустя восемь дней он пришел. Это был старый таможенный чиновник, человек с большим достатком, вдовец без детей, который часто проводил время подобным образом. Первым делом он выяснил, точно ли я выполнила его инструкцию о воздержании от умывания. Я заверила его, что все было выполнено в точном соответствии с его желанием. Чтобы в этом убедиться, он начал с поцелуя в губы, который, без сомнения, его удовлетворил; после этого член поднялся наверх. (Если бы при этом поцелуе он почувствовал, что я пользовалась зубной пастой, то не начал бы своей партии!)

Итак, он смотрит на розги в горшке, куда я их положила, потом требует, чтобы я разделась, и начинает нюхать каждую часть моего тела, особенно те места, которые запретил мне мыть. Так как я выполнила все точно, он нашел там тот аромат, которого жаждал: я увидела, как он воспламенился и воскликнул: «Да, да, как раз так, как я хочу!» Я начала обрабатывать ему зад. Кожа на нем была коричневого цвета и очень жесткая. После того, как я натерла этот натруженный зад, я достала из горшка розги и, не вытирая их, начала стегать со всей силой. Он даже не шевельнулся. Мои удары не могли сокрушить эту неприступную цитадель. После первой атаки я засунула три пальца в его задний проход и начала изо всех сил его раздирать. Но его кожа была бесчувственной: он даже не вздрогнул. После двух первых церемоний я легла на кровать животом вниз, он встал на колени, раздвинул мне ноги и языком начал лизать один за другим оба моих прохода, которые после принятых мною по его приказу мер не были слишком благоуханными. После того, как он насосался вдоволь, я вновь начала его стегать, потом он снова, стоя на коленях, лизал меня. И так продолжалось, по меньшей мере, пятнадцать раз. Наконец, освоив хорошо свою роль и внимательно следя за состоянием его пушки, я время от времени бросала на него взгляды, не трогая его. Во время очередного

лизания, когда он стоял на коленях, я выпустила ему под нос кусочек кала. Он отшатнулся, сказал, что я нахалка и – разрядился, сам взяв в руки свое оружие и испуская вопли, которые можно было слышать с улицы, несмотря на все принятые мною предосторожности. Мой кусочек кала упал на пол. Он только понюхал его, в рот не взял и ни разу не дотронулся. Он получил не менее двухсот ударов розгами и так привык к ним, что от всей процедуры на его коже остался лишь едва заметный след.»

* * *

«Вот, наконец, зад, который может поспорить с твоим, Председатель! – воскликнул Герцог.»

«Конечно, конечно, – пробормотал Кюрваль, зад которого в этот момент как раз растирала Алина. – Я одобряю поведение упомянутого господина, поскольку оно вполне соответствует моим вкусам и привычкам. Лично я приветствую отсутствие биде и вообще всякого мытья. Мне хотелось бы, чтобы срок воздержания от омовений был еще увеличен – по крайней мере, до трех месяцев!»

«Ну, Председатель, ты преувеличиваешь! – заметил Герцог.»

«Вовсе нет, – возразил Кюрваль. – Спросите у Алины, она вам скажет. Я так привык к этому состоянию, что вообще не замечаю, мылся я или нет. Но что я знаю наверняка, так это то, что сейчас хотел бы иметь самую грязную шлюху, чтобы ее перемазанный дерьмом зад стал моей уборной. А ну-ка, Тереза, разве ты не самая грязная женщина на свете? – Сунь-ка мне под нос свою пахнущую за версту задницу и выдави кусочек годна!»

Тереза подошла, подставила Председателю свой отвратительный, поблекший зад и выдавила ему желанный кусочек кала. Алина держала в руках его хобот – и Председатель разрядился.

* * *

А Дюкло возобновила рассказ:

«Один старик, который принимал каждый раз новую девицу для операции, которую я вам сейчас опишу, попросил меня через свою приятельницу прийти к нему. Мне рассказали о церемонии, к которой привык этот развратник. Я пришла к нему, он бросил на меня опытный, цепкий взгляд, свойственный порочным людям, которые с первого взгляда могут оценить, что за объект им предлагают.

«Мне сказали, что у вас красивый зад, – сообщил он мне. – А так как *я* вот уже шестьдесят лет питаю слабость к красивым задницам, я хочу увидеть, соответствует ли он вашей репутации. Поднимите подол!»

Эта энергичная фраза была приказом. И я не только показала товар лицом, но приблизилась как только могла к носу этого профессионала. Сначала я стояла прямо. Потом начала медленно наклоняться и продемонстрировала ему предмет его культа во всем великолепии, совершенно уверенная, что он ему понравится. При каждом моем движении я чувствовала, как руки старика изучающе гуляют по поверхности моего зада. «Проход широкий, – одобрил он. – Вы могли бы стать шикарной содом меткой на всю оставшуюся жизнь!»

«Увы, господин, – сказала я ему, – мы живем в век, когда мужчины так капризны; для того чтобы им понравиться, приходится быть способной на все.»

В этот момент я почувствовала, как его рот приклеился к моему заднему проходу, а язык начал глубоко вылизывать его. Потом он подвел меня к своей кровати и показал фаянсовое ведро, в котором намокали четыре десятка розг. Над ними висели несколько многохвостных плеток, подвешенных на позолоченные крючки. «Вооружитесь тем и другим, – приказал развратник. – Вот мой зад. Как вы видите, он сухой, худой и очень жесткий. Потрогайте.» Я это все выполнила, он продолжал: «Этот старый зад, привыкший к розгам и совершенно бесчувственный, может вывести из его обычного состояния только что-то чрезвычайное. Сейчас я лягу на кровать животом вниз, ноги – на полу. С помощью этих двух инструментов стегайте меня попеременно – то розгами, то плеткой. Это будет длиться долго, но у вас будет точный ориентир близкой развязки: как только вы увидите, что с этим задом происходит что-то необычное, сразу же будьте готовы сами повторить то же. Мы поменяемся местами: я встану на колени перед вашим прекрасным задом, вы же сделаете то, что буду делать я, и тогда я испущу сперму. Но только не спешите потому что, предупреждаю вас сто раз, это будет долгий процесс.»

Итак, я начала; мы поменялись местами, как он велел. Но бог мой, какая флегматичность! Сорок минут я хлестала в поте лица то розгами, то плеткой, – результата никакого! Мой развратник лежал, не шевелясь, будто умер. Можно было предположить, что он тайно упивается сладострастием операции, которую я над ним производила. Но его зад не подавал никакого знака. Пробило два часа, а я заступила в одиннадцать! Вдруг я заметила, что он приподнял поясницу и раздвинул ноги. Я продолжала пороть его розгами с некоторыми интервалами. Из его заднего прохода показался кусочек кала, я продолжаю стегать, и под моими ударами кал разлетается по полу. «Ну-ну, смелее, – говорю я ему. – Уже скоро.» Тогда наш старик встает с перекошенным лицом; его член, тугой и непокорный, почти прилип к животу.

«Теперь делайте, как я, – говорит он. – Повторяйте за мной. Мне нужен ваш кал, чтобы кончить.» Я ложусь на его место, он становится на колени, и я кладу ему в рот круглый комочек, похожий на яйцо, который хранила для него три дня. Он принимает, член его дергается, он откидывается назад, визжа от восторга, но не проглотив и продержав во рту не больше секунды кусок кала, который я ему положила. Помимо вас, господа, которые сами могут послужить моделями в этом плане, я никогда в жизни не видела таких судорог. Он едва не потерял сознание в момент истечения спермы! Операция стоила два луидора.

Когда я вернулась домой, я застала Люсиль с другим стариком, который сразу, без всяких прикосновений, заставил ее стегать себя с поясницы до ног розгами, намоченными в уксусе. Перед окончанием операции он заставил ее сосать его член. Девушка встала перед ним на колени и, как только он дал сигнал и начал тереться своим членом о ее груди, взяла его дряблый хобот в рот, куда старый грешник и разрядился.»

* * *

На этом Дюкло закончила свой рассказ; время ужина еще не пришло, в ожидании его друзья немного пошутили.

«Вот прямо для тебя два варианта разрядки на сегодняшний вечер, – сказал Герцог Кюрвалю. – Хотя ты не привык так себя расходовать в один день.»

«Есть и третий вариант», – ответил Кюрваль, гладя ягодицы Дюкло.

«Вот как!» – воскликнул Герцог.

«Но я ставлю условие, что мне все позволяется», – заявил Кюрваль.

«Ну нет, – возразил Герцог. – Ты хорошо знаешь, что есть вещи, которые мы договорились не делать раньше срока. Прежде, чем их начать, надо ввести в наш распорядок несколько обоснованных примеров этой страсти. Есть немало удовольствий, в которых мы пока отказываем себе – до определенного срока. Вот ты недавно вернулась с Алиной из кабинета, почему она там кричала и почему до сих прижимает платок к груди? Так что выбирай: или тайные удовольствия, или те, которые мы все позволяем себе публично. Если твой третий вариант будет в ранге позволенных вещей, то я держу пари на сто луидоров, что у тебя ничего не получится!»

Тогда Председатель потребовал, чтобы ему позволили удалиться в кабинет с теми объектами, которые ему нужны. Это условие приняли. Договорились, что роль судьи при этом будет играть Дюкло, которая и доложит совету, действительно ли произошло истечение семени.

«Хорошо, – согласился Председатель. – Я приступаю.»

Он начал с того, что получил пятьсот ударов розгами на глазах у всех – эту операцию выполняла Дюкло. После этого он увел с собой свою дорогую и преданную подругу Констанс; его просили не делать с ней ничего, что могло бы причинить вред ее беременности. К группе он присоединил свою дочь Аделаиду, Огюстнн, Зельмир, Селадона, Зефира, Терезу, Фаншон, Шамвиль, Ла Дегранж и Дюкло с тремя «работягами.»

«Ничего себе! – сказал Герцог. – Мы не договаривались, что ты заберешь столько объектов!»

Но Епископ и Дюрсе взяли сторону Председателя, заявив, что число не имеет значения. Председатель заперся со своей командой. Через полчаса Констанс и Зельмир вернулись в слезах, за ними шел Председатель с остальной группой, возглавляемой Дюкло, которая удостоверила его мужскую доблесть и объявила, что он заслуживает венца из мирта.

Читатель простит меня за то, что я не раскрываю подробностей того, что происходило в кабинете, поскольку обстоятельства пока не позволяют мне этого. Но Председатель выиграл пари – и это было самое важное!

«Вот сто луидоров, – сказал он, получив деньги. – Они мне помогут оплатить тот самый штраф, к которому меня скоро приговорят.»

Вот еще одна загадка, которую мы просим у читателя разрешения не объяснять. Читатель может только обратить внимание на то, что этот развратник заранее предвидел последствия своих поступков и знал о наказании, которого заслуживает; правда, он не давал себе труда избежать преступления.

То, что произошло в оставшиеся до конца дня часы, не представляет никакого интереса. И мы переносим читателя в следующий день.

Восемнадцатый день

Дюкло, красивая, нарядная, еще более блистательная, чем накануне, так начала свой рассказ в восемнадцатый вечер:

«Я только что приобрела пышное создание по имени Жюстина. Ей было двадцать пять лет. Ростом – как пожарная

каланча, крупного сложения; впрочем, черты лица красивые, хорошие кожа и здоровье, цветущее тело. Мой дом в большом количестве посещали престарелые развратники, получавшие удовольствие от бичеваний, и я решила, что такая сильная девушка окажется мне существенной поддержкой. Уже на следующий день после ее прибытия, чтобы испытать ее таланты в бичевании, которые мы расхвалили, я пригласила ее к комиссару квартала, которого надо было стегать от груди до колен и с середины спины до щиколоток с такой силой, чтобы выступила кровь. В конце операции развратник поднял подол нашей красавицы и облил ей ягодицы.

Жюстин стойко выдержала это испытание, и старик сказал потом, что я обладаю настоящим сокровищем: до сих пор его никто так не стегал, как эта краля!

Чтобы еще раз испытать ее, я позже несколько раз приглашала ее к старику-инвалиду, которому потребовалось не менее тысячи ударов розгами по всем частям тела; когда он был весь в крови, надо было, чтобы девушка написала себе в руку и брызгала мочой на самые израненные места его тела. Когда церемония была закончена, потребовалось все повторить сначала. Наконец, он разрядился; девушка осторожно собрала в руки его сперму и растерла этот бальзам по его телу.

Вновь – успех и самая высокая похвала в адрес моей новенькой. Однако с третьим клиентом – чемпионом – я уже не могла ее использовать. Этот странный человек хотел, чтобы его стегала не женщина, а мужчина, причем переодетый в женское платье. И каким оружием надо было стегать! Не думайте, что это были обычные розги. Это был пучок ивовых прутьев, который буквально варварски, в кровь, изодрал его ягодицы. По существу дела, эта операция очень уж напоминала содомию. Но это был старый клиент мадам Фурнье, человек, преданный нашему дому, который к тому же мог оказать услуги в будущем. Поэтому я не стала делать из этого истории, а ловко переодела в женское платье юношу восемнадцати лет, который иногда заходил к нам для поручений. Я показала ему орудие труда. Церемония была презабавная (вы понимаете, что я не могла отказать себе в удовольствии понаблюдать за ней!). Сначала клиент пристально рассматривал свою так называемую девицу и, судя по всему, остался ею очень доволен. Он начал с пяти или шести поцелуев в губы, которые отдавали ересью за километр. После этого он показал свои ягодицы и, по-прежнему делая вид, что принимает юношу за девушку, просил с силой мять и растирать их. Юноша, которого я хорошо подготовила, сделал все, как тот велел. «Теперь начинайте меня стегать», – сказал развратник.

Юноша крепкой рукой наносит ему пятьдесят ударов. Тут наш герой вскакивает, бросается на бьющую его «девицу», задирает см подол, одной рукой проверяет ее пушку, а другой жадно хватает за ягодицы. При этом он уже не знает, каким храмом завладеть раньше. В конце концов он выбирает задний проход и страстно приклеивается к нему своим ртом. Боже правый, да заслуживал ли этот зад такой страсти! Никогда еще зад женщины не вылизывался с такой страстью, как зад этого юноши. Три или четыре раза язык старика вообще исчезал в его заднем проходе. «О мое дорогое дитя, – шептал он. – Продолжай же свою операцию.» Юноша возобновляет порку; он был возбужден и вторую атаку провел с большей силой. Зад старика уже был весь в крови. Внезапно хобот его встает, и развратник вонзает его в молодой объект. Затем он снова поднимает подол, и на этот раз его интересует орудие объекта. Он его гладит, трет, встряхивает и вскоре вставляет в своп рот. После этих предварительных ласк он в третий раз просит выпороть его. Этот последний этап доводит его до безумия. Он швыряет своего Адониса в кровать, ложится на него, тормошит его пушечку и свою тоже, страстно целует красивого мальчика в губы и, воспламенив его своими ласками, доставляет ему дивное наслаждение как раз в тот момент, когда получает его сам: они оба разрядились одновременно! Совершенно очарованный этой сценой, наш развратник пытался рассеять мои сомнения и заставить меня пообещать ему в будущем еще много раз подобные наслаждения – с этим мальчиком или с другим. Я же предпочитала переделать его и потому заверила, что у меня есть очаровательные девушки, которые наилучшим образом обработают его розгами. Но он не пожелал даже взглянуть на них.»

* * *

«Я его понимаю! – сказал Епископ. – Когда имеешь вкус к мужчинам, человека уже нельзя переделать.»

«Монсиньор, вы затронули тему, по которой можно было бы защитить диссертацию!..» – заметил Председатель.

«…Которая сделает вывод в пользу моего утверждения, – сказал Епископ, – потому что всем понятно, что мальчик всегда лучше, чем девочка!»

«Без всякого сомнения, – включился Кюрваль. – Но надо вам

сказать, тем не менее, что есть несколько объективных доводов в пользу женщин. Существует особый род удовольствий, например, те, о которых вам расскажут Ла Мартен и Ла Дегранж, где девушка стоит выше юноши.»

«Отрицаю это, – заявил Епископ. – И даже, приняв во внимание то, что вы имеете в виду, я все-таки утверждаю, что юноша стоит больше. Даже если посмотреть с точки зрения причиненного зла: преступление будет выглядеть величественнее, если оно будет совершено по отношению к существу абсолютно в вашем вкусе. Начиная с этого мгновения сладострастие удваивается!»

«Да, – сказал Кюрваль, – ничто не может сравниться с этим чувством владычества над миром, с этим деспотизмом, этой империей наслаждения, которую рождает задний проход, когда ты ощущаешь свою власть над слабым…»

«Если жертва принадлежит вам, – заметил Епископ, – то в таком случае это владычество лучше ощущаешь с женщиной, чем с мужчиной, поскольку женщина, в силу привычек и предрассудков, лучше подчиняется вашим капризам, чем представитель сильного пола. Но откиньте на мгновение эти предрассудки общественного мнения – и вас великолепно устроит мужчина! А идея господства над слабым приведет вас к идее преступления – и здесь ваше сладострастие удвоится.»

«Я думаю, как Епископ, – сказал Дюрсе. – Правильно организованное владычество предусматривает партнера-женщину. Но я считаю, что задний проход мужчины во много раз приятнее женского!»

«Господа, – сказал Герцог, – я хотел бы, чтобы вы продолжили дискуссию за ужином. Не будем использовать для наших софизмов часы, предусмотренные для погружения в мир фантазий.»

«Он прав, – согласился Кюрваль. – Продолжайте, Дюкло.»

И любезная вдохновительница порочных удовольствий возобновила прерванный рассказ:

«Один старый секретарь суда при парламенте, – начала она, – нанес мне утренний визит, и так как он привык еще во времена мадам Фурнье иметь дело только со мной, он не хотел менять своих привычек. Речь шла о том, чтобы, держа его орудие в руках, легонько пошлепывать его, постепенно усиливая удары, пока член не встанет и не будет готов к эякуляции. Я хорошо усвоила привычки этого господина, и его пушка вставала у меня на двадцатом шлепке.»

* * *

«Ах, на двадцатом! – воскликнул Епископ. – Черт возьми, мне бы не потребовалось так много! Я способен кончить и после одного…»

«Видишь ли, – заметил Герцог, – у каждого организма свои особенности. Поэтому не надо ни расхваливать себя, ни удивляться на других. Продолжайте, Дюкло. Расскажите еще одну историю, и мы закончим на сегодня.»

* * *

«История, которую вы услышите сегодня, была мне рассказана одной из моих приятельниц. Она жила два года с одним мужчиной, который не мог разрядиться, пока не получит двадцать щелчком по носу, пока она не отдерет его за уши так, что они начнут кровоточить и пока не искусает его орудие любви и ягодицы. Возбужденный жестокими предварительными действиями, он разряжался в полное свое удовольствие, при этом ругаясь последними словами и почти всегда – в лицо своей возлюбленной, которая вынуждена была проделывать с ним все эти странные вещи.»

* * *

Из всего, рассказанного в этот вечер Дюкло, больше всего головы наших друзей разогрела порка, и все они имитировали только ее. Герцог просил стегать его до крови Геракла, Дюрсе – «Струю-В-Небо», Епископ – Антиноя, Кюрваль – «Рваный Зад.» Епископ разрядился во время оргии, съев кал Зела мира, которого он в этот день заставил прислуживать себе. Потом все пошли спать.

Девятнадцатый день

Начиная с утра, после нескольких проверок на качество кала объектов сладострастия, комиссия решила, что надо попробовать один из способов, о котором говорила Дюкло, а именно: о сокращении рациона хлеба и супа для всех, кроме четырех героев.

Отныне хлеб и суп из меню исключались, зато удваивалась порция из кур и разной дичи. Через неделю комиссия заметила существенное изменение в качестве испражнений: кал стал более бархатистым, сочным и несравненно более деликатным. Решили, что совет д'Окура, данный Дюкло, был советом настоящего специалиста.

Обсуждался вопрос о дыхании объектов.

«Ладно, не имеет значения, – сказал Кюрваль. – При получении удовольствия лично мне безразлично, свежий или несвежий рот у юноши или девушки. Уверяю вас, что тот, кто предпочитает вонючий рот, действует так в силу своей развращенности. Но покажите мне рот, у которого вообще нет запаха – да он не вызывает никакого желания его целовать! Всегда надо, чтобы в этих удовольствиях была некоторая соль, некоторая пикантность. А эти пикантность как раз и заключена в капельке грязи. Эта капелька и составляет привлекательность! Когда любовник целует взасос, именно эта грязь ему и приятна. Пусть это не запах гниения или трупа, пожалуйста, но только, ради Бога, не молочный запах ребенка, – вот уж от этого вы меня избавьте! Что касается режима, которому мы будем следовать в еде, то он должен возбуждать жажду без порчи объекта. Это то, что нам надо!»

Утренние визиты не дали ничего нового: обычная проверка. Никто не просил утром разрешения пойти в туалет. Все сели обедать. За столом Дюрсе потребовал, чтобы Аделаида, которая обслуживала, пукнула в его бокал с шампанским. И так как она этого не сделала, этот варвар тут же открыл свою ужасную книгу. С самого начала недели он искал повод поймать ее на какой-нибудь оплошности. Потом перешли пить кофе. Там обслуживали Купидон, Житон, Мишетта и Софи. Герцог схватил Софи за ягодицы и, заставив ее написать в руку, потребовал, чтобы она брызгала мочой ему в лицо. Епископ сделал то же с Житоном, Кюрваль – с Мишеттой. Что касается Дюрсе, то он заставил Купидона написать, а потом выпить это. Никто не разрядился. И все сели слушать Дюкло.

* * *

«Один клиент, – начала эта любезная девица, – попросил нас о весьма странной церемонии. Речь шла о том, чтобы привязать его к ступеньке двойной лестницы. К третьей ступеньке привязывались его ноги, а тело и поднятые руки – к верхней ступеньке. При этом он был голым. Надо было его бичевать рукоятками уже использованных розг. Его оружие нельзя было трогать, сам до себя он не дотрагивался. Через некоторое время его инструмент любви набирал чудовищную силу. Видно было, как вначале он болтается между ступеньками, как язык колокола, и потом стремительно взлетал. Его отвязали, он заплатил – и был таков.

На следующий день он прислал к нам одного из своих друзей, которому нужно было покалывать золотой иглой ягодицы, бедра и половой член. Он смог разрядиться только когда весь был в крови. Занималась им я сама, и он просил меня колоть все сильнее. Я всаживала иглу ему в кожу уже почти до самой головки, когда его член брызнул в моей руке. Тут он бросился ко мне, впился в мои рот и долго сосал его.

Третий, также знакомый двух первых, приказал мне бичевать его чертополохом по всем частям тела. Он смотрел на себя в зеркало, и только когда он увидел себя в окровавленном виде, его хобот встал. От меня больше ничего не потребовалось.

Эти крайности меня немало забавляли; служа им, я испытывала тайное сладострастие. Подобные занятия просто очаровывали. Однажды у нас появился некий датчанин, которому дали мой адрес и аттестовали мой дом, как место всевозможных удовольствий (однако, увы, не тех, которые он желал). Он имел неосторожность явиться ко мне с изумрудом ценой в десять тысяч франков и другими украшениями на сумму не менее пятисот луидоров. Добыча была слишком хороша, чтобы упустить ее. Вместе с Люсиль мы обобрали его до последнего су. Он хотел жаловаться на нас, но так как я подкупила полицию, а в это время, имея золото, можно было делать все, что хочешь, – нашему джентльмену посоветовали лучше помалкивать. Все его вещички достались мне – ну, кое-что, конечно, пришлось уступить, чтобы все было тихо. Так получалось в моей жизни: воровство всегда приносило мне только удачу и оборачивалось ростом моего благосостояния.

Однажды нас посетил старый вельможа, уставший от почестей в королевском дворце, которому захотелось сыграть новую роль в обществе шлюх. Для своего дебюта он выбрал меня. Я должна была давать ему уроки, а за каждую допущенную ошибку он сам придумал расплату: то вставал передо мной на

колени, то просил пороть его кожаной плеткой. Я обязана была следить, когда он воспламенится. Тогда я должна была брать в руки его пушку, гладить и встряхивать его, слегка журя и называя его «мой маленький шалунишка», «проказник», другими детскими ласкательными словами, которые заставляли его со сладострастием разряжаться. Пять раз в неделю повторялась в моем доме эта церемония, но всегда с новой девушкой, которая должна была знать условия игры, – за это я получала двадцать пять луидоров в месяц. В Париже я знала множество женщин, так что мне было не трудно выполнять то, что он просил. Десять лет приходил ко мне этот очаровательный ученик, который за это время усвоил многие уроки ада.

Годы шли, и я старела. Мое лицо оставалось молодым, но я стала замечать, что мужчины хотят иметь дело со мной чаще всего из каприза. Я все еще сама принимала гостей. «Ну и пусть постарела! – говорила я себе. – Есть клиенты, которые приходят только ко мне и не хотят иметь дело с другими.» Среди них был аббат, возрастом около шестидесяти лет (я всегда принимала стариков, и любая женщина, желающая разбогатеть в нашем ремесле, только последует моему совету). Святой отец приходит и, как только мы оказываемся вдвоем, просит меня показать ему ягодицы. «Вот самый красивый зад на свете, – говорит он мне. – Но к несчастью, он не даст мне то, что я съем. Держите, – сказал он, кладя мои руки на свой зад. – Вот кто мне поможет. А теперь, прошу вас, заставьте меня сделать по-большому.» Я приношу мраморный ночной горшок и ставлю себе на колени. Аббат садится на него, я растираю его задний проход, приоткрываю его и всячески побуждаю к действию. Наконец, огромный кусок кала заполняет горшок, я его передаю развратнику, он кидается к нему – и пожирает содержимое. Он разряжается через пятнадцать минут после жесточайшей порки по тем самым ягодицам, которые выбросили перед этим такое красивое яйцо. Все было съедено. Он так хорошо сделал свое дело, что эякуляция произошла при проглатывании последнего куска. Все время, пока я его стегала, я должна была воспламенять его, приговаривая: «Ах ты, мой маленький шалунишка, ну и сластена же ты, и как это ты все это уплел, ну и бесстыдник же ты…» Благодаря описанным выше действиям и этим словам, он смог разрядиться с максимальным наслаждением.»

* * *

После ужина Кюрваль захотел разыграть спектакль в духе описанного Дюкло. Он позвал Фаншон, она помогла ему сделать по-большому; он все проглотил, пока старая колдунья его стегала.

Эта сцена разогрела головы, со всех сторон слышались разговоры об испражнениях, и тогда Кюрваль, который все еще не разрядился, смешал свой кал с калом Терезы. Епископ сделал то же с Дюкло, Герцог – с Мари, а Дюрсе – с Луизон. Это было просто невероятно – проводить время со старыми шлюхами, когда рядом было столько прелестных молодых объектов любви. Как известно, порок рождается от пресыщения, и среди греха рождается преступление. Разрядился один Епископ. Потом все если за стол.

Возбудившись нечистотами, во время оргии наши друзья развлекались только с четырьмя старухами и четырьмя рассказчицами – остальных отправили спать. Было столько сказано и столько сделано, что наши развратники уснули в объятиях опьянения и истощения.

Двадцатый день

Накануне произошло кое-что очень забавное. Герцог, абсолютно пьяный, вместо того, чтобы пойти к себе в комнату, свалился в кропать Софи. Малышка говорила ему о том, что это против правил, но он и не думал отступать, утверждая, что он в своей кровати с Алиной, которая должна была стать его женой на эту ночь. Те вольности, которые он мог себе позволить с Алиной, пока еще были запрещены с Софи. Поэтому, когда он захотел поставить Софи в позу, нужную ему для получения удовольствия, и бедная девочка, с которой еще не происходило ничего подобного, почувствовала, как огромная головка члена Герцога разрывает ее узкий задний проход и хочет туда углубиться, – она начала кричать изо всех сил и, вырвавшись, голой, спасаясь от Герцога, бегала по комнате. Герцог бегал за ней, чертыхаясь и все еще принимая ее за Алину. «Плутовка, – кричал он, – разве я тебя в первый раз?» – думая, что он, наконец-то, ее настиг, Герцог упал в кровать Зельмир и начал ее целовать, уверенный, что Алина образумилась. Но здесь все повторилось, как с Софи. Герцог хотел достигнуть желаемого, а Зельмир, как только поняла его намерения, начала кричать и спасаться от него бегством. Тем не менее, Софи, которая спаслась первой, понимая, что надо навести порядок, искала, кто бы им помог и первая ее мысль была о Дюкло. Но та сама напилась во время оргии, лежала бездыханная посреди кровати Герцога и не могла дать никакого внятного совета. В отчаянии, не зная, кто еще может прийти им на помощь

в таких обстоятельствах и слыша, к тому же, как все ее подруги кричат о помощи, Софи решилась постучать к Дюрсе, у которого в эту ночь была его дочь Констанс. Она рассказала о происшествии Констанс и та, несмотря на протесты пьяного Дюрсе, который уверял ее, что вот-вот кончит, осмелилась подняться. Она взяла свечу и прошла в комнату девушек. Их она застала мечущимися по комнате в ночных рубашках и убегающими от Герцога, который ловил одну за другой, все еще уверенный, что имеет дело с одной Алиной, которую он называл «ведьмой.» Констанс выразила ему свое удивление и попросила позволить отвести в его комнату, где он нашел послушную Алину, готовую выполнить все его требования; Герцог, только о том и помышлявший, сделал с красивой девушкой что хотел, – и тут же уснул. На другой день все долго смеялись, обсуждая ночное приключение Герцога. Герцог уверял, что если, к несчастью, он и попал на девственницу, то с него в этом случае не надо брать штраф, так как он был пьян. Но его убедили, что он заблуждается, и ему пришлось-таки очень дорого заплатить. Завтракали в гареме, как всегда. Но все девушки были перепуганы насмерть. Никаких нарушений не было ни здесь, ни у мальчиков. За обедом и за кофе все прошло как обычно. И наши друзья разместились в зале ассамблеи, где Дюкло, которая уже совершенно пришла в себя после бурной ночи, позабавила собравшихся пятью следующими рассказами: «В этой истории опять участвую я сама, – сказала она. – Однажды ко мне пришел врач. Его целью было осмотреть мои ягодицы. И так как он нашел их великолепными, он целый час их целовал. Потом он поведал мне о своих маленьких слабостях. Я, впрочем, их знала. Сначала я должна была сделать по-большому. Я наполнила фарфоровый белый горшок, которым обычно пользовалась в подобных операциях. Получив мой кал, он его тут же проглотил. Как только он сделал это, я вооружаюсь хлыстом из бычьих жил (таков был инструмент, которым надо было щекотать его зад) и начинаю его стегать, ругаясь. Он, не слушая меня, разряжается и тут же поспешно исчезает, оставив на столе луидор. Вскоре я передала еще одного посетителя в руки Люсиль, которая без особого труда помогла ему разрядиться. Ему важно было, чтобы кусок кала, который ему дали, принадлежал старухе и чтобы та сделала его перед ним. Я дала ему кал семидесятилетней старухи, имевшей язву и рожистое воспаление, у которой уже пятнадцать лет был всего один зуб. «Очень хорошо, чудесно, – сказал он. – Мне как раз это и надо.» Заперевшись с Люсиль и старухиным калом, он потребовал, чтобы ловкая и любезная девушка вдохновляла его съесть это недостойное блюдо. Он его нюхал, рассматривал, трогал, но не больше того. Тогда Люсиль,

решив применить более сильное средство, положила в камин лопату и сказала, что сейчас поджарит ему зад, если он не решится. Он побледнел, попытался попробовать, но испытал отвращение. Тогда Люсиль спустила ему штаны, обнажив его отвратительный бледный зад, и слегка его прижгла. Старик завыл и разразился потоком проклятий. Люсиль повторила операцию. Он кусал губы от боли. Кончилось тем, что Люсиль все-таки прижгла ему зад. Когда она сделала это в третий раз, он наконец разрядился. Я редко видела в момент извержения спермы такое невменяемое состояние! Он кричал, как бешеный, катался по полу, можно было подумать, что у него приступ эпилепсии. Очарованный нашими хорошими манерами, он обещал постоянно к нам приходить при условии: я буду давать ему всегда одну и ту же девушку, но кал должен быть от разных старух. «Чем более отвратительными будут старухи, – говорил он, – тем больше я буду платить. Вы не можете себе представить, как это меня возбуждает!» Один из его друзей, которого он мне прислал, в этой извращенности пошел еще дальше. Ему требовался кал от самых грязных и отвратительных грузчиков. У нас в доме жил восьмидесятилетний слуга. Так вот его кал необыкновенно понравился нашему клиенту. Он проглотил его еще теплым, в то время как Огюстин ему прижигала зад. Его кожа дымилась, на теле остались ожоги. Еще один клиент просил колоть ему шилом живот, бедра, ягодицы и половой член. Далее церемония была похожа на предыдущую: для возбуждения ему тоже требовалось проглотить кал, который к клала в горшок, но он не интересовался, кому этот кал принадлежал. Невозможно даже вообразить себе, господа, где мужчины иногда черпают сладострастие в огне своего воображения! Я знала одного, который требовал, чтобы я била его тростью по заднице, пока он проглатывал кал, который при нем доставали из отхожего места. И его сперма ни выделялась в мой рот до тех пор, пока он не проглатывал это отвратительное блюдо!»

* * *

«Все относительно, – сказал Кюрваль, гладя ягодицы Ла Дегранж. – Я убежден, что можно идти еще дальше.» – «Еще дальше? – удивился Герцог, который в это время поглаживал голый зад Аделаиды, бывшей в этот день его женой. – И что ты собираешься делать, черт возьми?» – «Я нахожу, что не все еще

сделано в этих ситуациях, – сказал Кюрваль.» – «Я тоже так думаю, – сказал Дюрсе, который ласкал зад Антиноя. – Но я чувствую, как моя голова пухнет от всего этого свинства.» – «Держу пари, я знаю, что хочет сказать Дюрсе, – вмешался Епископ.» – «И какого черта? – закричал Герцог.»

Тогда Епископ поднялся и что-то сказал Дюрсе, который утвердительно кивнул. Епископ что-то шепнул Кюрвалю, и тот сказал: «Да, ну конечно, да.» А Герцог воскликнул: «А, черт, я бы никогда ее не нашел.»

Так как господа не объяснились яснее, нам нет возможности узнать, о чем шла речь. Есть немало вещей, которые пока скрыты от тебя, читатель, под дымкой вуали – из осторожности и еще по причине некоторых обстоятельств. В свое время ты все узнаешь и будешь вознагражден сполна. В жизни существует много ужасных тайн и нераскрытых преступлений, совершенных людьми в огне их воображения. Раскрыть эти тайны, приоткрыть коррупцию нравов, – значило ли бы это спасти человечество, принести ему счастье и благополучие? Только Бог, который видит нас насквозь, до глубины наших сердец, могучий Бог, который создал небо и землю и который должен нас судить однажды, он знает, захотим ли мы, чтобы он нас упрекал в этих преступлениях? Ну, а наши герои тем временем закончили несколько сцен. Кюрваль, например, заставил какать Ла Дегранж, другие проделывали то же с другими объектамн. Потом все пошли ужинать. Во время оргии Дюкло, услышавшая разговор наших господ о новом режиме питания, целью которого было сделать кал более обильным и деликатным, сказала, что она удивлена, что такие крупные специалисты в этом деле не знают настоящего секрета, как сделать кал более обильным и деликатным. Когда ее забросали вопросами по этому поводу, она поведала, что у объектов надо вызвать легкое несварение желудка, что будет достигнуто, если заставить их есть в непривычные для них часы.

Эксперимент был произведен немедленно. Разбудили Фанни, которая в этот вечер не была занята и легла спать сразу после ужина, и заставили ее съесть сразу четыре толстых бутерброда. Уже на следующее утро она положила в горшок красивые и толстые колбаски, каких им еще никогда не удавалось получать! Новую систему все одобрили с тем условием, однако, что объекты не будут совсем получать хлеба, по поводу чего Дюкло сказала, что это еще улучшит эффект открытого ею секрета.

Остаток вечера прошел без происшествий. Легли спать в предвкушении блестящей свадьбы Коломб и Зеламира, которая должна была состояться на следующий день и стать праздником третьей недели.

Двадцать первый день

С утра занимались подготовкой свадебной церемонии, используя прежний опыт. Я, правда, не знаю, было это сделано нарочно или нет, но молодая супруга оказалась виновной уже утром: Дюрсе уверял, что обнаружил ее кал в ночном горшке; Коломб защищалась, говоря, что это сделала не она, а старуха, специально, чтобы ее наказали; старухи и раньше неоднократно так поступали, когда хотели их наказать. Но ее никто не стал слушать, и так как молодой муж тоже был в списке виновных, то господа забавлялись в предвкушении наказания, которое они придумают для обоих.

Тем не менее, молодых торжественно повели после мессы в большой салон, где должна была состояться церемония бракосочетания. Молодые были ровесниками. Девушку голой подвели к мужу, позволив ему делать с ней все, что он хочет. И он поступил с ней в соответствии с теми дурными примерами, которые видел ежедневно. Как стрела, юноша прыгнул на девушку, но так как он слишком напрягся, он не разрядился, хотя было видно, что еще немного и он бы нанизал ее на свой член. Но каким бы малым ни было отверстие в ее заднем проходе, наши господа очень внимательно следили за тем, чтобы ничто не повредило нежные цветы, срывать которые они желали только сами. Вот почему Епископ, остановив энтузиазм молодого мужа, вставил свой член в красивый юный зад Коломб, который Зеламир уже собирался пронзить. Какая разница для молодого человека! Разве можно было сравнить широкий зад старого Епископа с молодым узким задом маленькой девственницы тринадцати лет!

Но в поступках этих господ разум не играл никакой роли. Вслед за Епископом Коломб овладел Кюрваль, который гладил ее бедра, целовал ей глаза, рот, ноздри, все лицо. Вы понимаете, что ему в это время оказывали услуги, потому что он разрядился; Кюрваль был не тем человеком, который бы зря потерял свою сперму ради пустяков.

Сели обедать. Оба супруга были приняты в качестве почетных гостей за обедом и за кофе. В кофейне в этот день прислуживали лучшие из лучших, самая элита: это были Огюстин, Зельмир, Адонис и Зефир. Кюрваль, который опять хотел разрядиться, пожелал иметь для этого кал, и Огюстин положила перед ним самую красивую какашку, какую только можно было сделать.

Герцог заставил сосать свой член Зельмир, Дюрсе – Коломб, а Епископ – Адониса. Этот последний написал в рот Дюрсе по cat

просьбе.

Потом все перешли в зал ассамблеи, где прекрасная Дюкло, которую перед началом рассказа попрекали показать ее роскошный зад, продемонстрировала его ассамблее и продолжила свое повествование:

«Я хочу рассказать вам, господа, – сказала эта красивая девица, – еще об одной черте моего характера, которая появилась в тех событиях, о которых сегодня пойдет речь. Мать моей Люсиль оказалась в чудовищной нищете. Очаровательная Люсиль, не получавшая о ней известий с момента своего побега из дома, узнали о ее бедственном положении совершенно случайно. Через своих знакомых я получила сведения, что один клиент ищет молоденькую девочку для похищения – в духе той истории, о которой меня просил Маркиз де Мезанж, – чтобы о ней потом не было ни слуху, ни духу. Так вот, одна сводня, когда я лежала в постели, сообщила мне, что подобрала подходящую девочку пятнадцати лет, девственницу, изумительно красивую и как две капли воды похожую на мадемуазель Люсиль; девочка живет в такой нищете, что ее надо несколько дней приводить в порядок, прежде чем продать. Потом она описала старую женщину, у которой нашли девочку, и состояние немыслимой бедности, в которой та находится.

По этому описанию и некоторым деталям внешности и возраста, а также по всему, что касалось описания девочки, Люси ль поняла, что это были ее мать и сестра. Она вспомнила, что в момент ее побега из дома, сестра была малышкой. Люсиль попросила у меня разрешения пойти выяснить, точно ли это ее родные. Но мой дьявольский ум подсказал мне одну идею; мысль так разожгла меня, что я велела сводне выйти из комнаты и, словно не в силах больше сдерживать охватившую страсть, стала умолять Люсиль ласкать меня. Затем, остановившись в самом разгаре любовной экзальтации, я шепнула: «Скажи, зачем ты хочешь пойти к этой женщине? Что ты хочешь там узнать?» – «Ну, я хочу пойти к ней, чтобы ее… утешить, если смогу, – ответила Люсиль, у которой еще не было такого жесткого сердца, как у меня. – И потом я хочу узнать, правда ли это моя мать.» – «Глупости! – резко сказала я, отталкивая ее. – Иди, иди поддавайся своим глупым деревенским привычкам! И упустишь редчайший в твоей жизни случай воспламенить свои чувства гневом, что потом дало бы тебе возможность на десять лет вперед разряжаться при одной только мысли об этом!»

Люсиль смотрела на меня с удивлением. И я поняла, что пора объяснить ей некоторые тонкости психологии, о которых она и понятия не имела. Я поведала ей, насколько порочны связи,

соединяющие нас с теми, кто дал нам жизнь. Я доказала ей, что мать, носившая ее в своем чреве, не заслуживает никакой признательности, а только ненависть, поскольку ради своего сладострастия она выбросила свой плод в мир и обрекла на страдания ребенка, явившегося итогом ее грубого совокупления. Я добавила множество доводов и примеров, чтобы подкрепить мою систему, что помогло окончательно вытравить из Люсиль пережитки детства. «Какое тебе дело до того, – продолжала я, – счастлива или несчастна эта женщина и в каком она состоянии теперь? Ты должна избавиться от этих связей, всю абсурдность которых я тебе показала. Тебе совсем не надо связывать себя с ними! Сделай так, как я тебе советую, отринь ее от себя, – и ты почувствуешь не только полное равнодушие к ним двоим, но и ощутишь сладострастие, которое будет расти. Вскоре в твоей душе останется только ненависть, вызванная чувством отмщения. И ты совершишь то, что глупцы называют злом. Ты познаешь власть преступления над чувствами. Я хочу, чтобы ты в своих поступках испытала сладость мщения и сладострастие от совершенного зла.» То ли мое красноречие сыграло свою роль, то ли ее душа уже была развращена коррупцией и похотью, но только ее поведение и намерения совершенно изменились. Она мгновенно усвоила мои порочные принципы, и я увидела, как ее красивые щечки окрасило пламя разврата, что всегда бывает, когда рухнет неодолимая преграда. «Так что я должна делать?» – спросила она. «Сначала вволю позабавиться, а потом получить кучу денег! – ответила я. – Что касается удовольствия, которое ты обязательно получишь, то ты должна строго следовать моим принципам. Это же касается и денег. Я буду помогать тебе, и мы извлечем максимальную прибыль из двух партий: партии твоей матери и твоей сестры. Обе они сулят огромные деньги!» Люсиль со мной соглашается, я ее ласкаю, чтобы еще больше возбудить идеей преступления; мы начинаем обсуждать детали нашего предприятия.

А теперь, господа, я расскажу вам о первой части нашего плана: здесь мне потребуется немного отвлечься от нити моего повествования, чтобы затем подвести вас ко второй части.

В большом свете часто бывал один очень богатый человек, пользовавшийся неограниченным кредитом и обладавший поистине удивительной системой взглядов. Я знала, что он носил титул графа. Думаю, вы не будете возражать, господа, если я в своем дальнейшем рассказе буду именовать его графом, опустив имя. Итак, граф был молод (ему было не больше тридцати пяти лет), в расцвете всех желаний и страстей. Ни законов, ни веры, ни религии для него не существовало. А к чему он имел особую

ненависть, как вы, господа, так это к чувству милосердия. Он говорил, что не может понять, зачем надо нарушать порядок в природе, создавшей разные социальные классы. И потому абсурдно пытаться передать деньги беднякам, когда их можно истратить на свои удовольствия. Он и действовал в соответствии с этими убеждениями, находя радость в отказе не только подать монету несчастному, но и старался при этом усилить его страдания. Одним из его излюбленных удовольствий было разыскивать приюты бедняков, где несчастные едят хлеб, облитый слезами. Он возбуждался не только при виде этих слез и страданий, но… старался любыми средствами усилить эти слезы и страдания, отняв у бедняков последнее, что они имели. Этот вкус не был просто его фантазией, это была бешеная страсть! Именно такие сцены, говорил он, особенно распаляют его. Как он мне сказал однажды, это совсем не было результатом развращения, нет, он таким был с детства. ему были совершенно чужды чувства жалости и сострадания. А жалобы жертв еще больше распаляли его сладострастие.

Теперь, когда вы знаете о нем главное, я могу вам сказать, что граф обладал тремя различными страстями: об одной из них я расскажу здесь, о второй вам в свое время поведает Ла Мартен (в ее рассказе он тоже будет фигурировать под титулом «граф») и о самой ужасной – Ла Дегранж, которая, без сомнения, раскроет финал этой истории. Но сейчас поговорим о той части, которая касается меня.

Едва я сообщила графу об убежище несчастных, которое открыла, как он весь загорелся в предвкушении удовольствия. Однако дела, касающиеся приумножения его доходов, задержали его на две недели. Он просил меня любой ценой похитить девочку и привезти ее по адресу, который дал. Не буду скрывать от вас, господа, что это был адрес Ла Дегранж, – но это уже касается третьей, тайной части нашей истории.

Наконец, день встречи наступил. До этого мы нашли мать Люсиль, чтобы подготовить появление ее старшей дочери и похищение младшей. Люсиль, хорошо обработанная мною, пришла к матери только для того чтобы, оскорбить ее, обвинив в том, что именно она была причиной падения дочери, и добавить к тому множество обидных слов, которые разрывали сердце бедной женщины и отравили радость встречи с дочерью. Я же, со своей стороны, постаралась объяснить матери, что, потеряв одну дочь, она должна спасти другую, и предлагала свои услуги.

Но номер не прошел. Несчастная мать плакала и говорила, что ни за что на свете не расстанется со своей младшей дочерью, последней своей радостью, которая ей, старой и больной, была

единственной опорой в жизни, и что это для нее равносильно смерти. Тут я, признаюсь вам, господа, почувствовала какое-то движение в глубине своего сердца, которое дало мне знать, что мое сладострастие начинает увеличиваться от утонченности ужаса, который я собиралась привнести в это преступление. Я сообщила матери, что через несколько дней ее старшая дочь придет к ней вместе с богатым господином, который может оказать ей важные услуги. Сказав это, я удалилась с Люсиль, предварительно как следует рассмотрев малышку. О, девочка стоила труда! Ей было пятнадцать лет. Хороший рост, прекрасная кожа и очень красивые черты лица. Через три дня она ко мне пришла, и я тщательно осмотрела ее тело, убедившись в том, что оно великолепно, без изъяна, свежее и даже пухленькое, несмотря на плохую еду. Я отправила ее к мадам Ла Дегранж, с которой впервые тогда вступила в коммерческие отношения.

Наш граф, наконец, приезжает, уладив свои дела. Люсиль приводит его к своей матери. Здесь начинается сцена, которую я должна вам описать. Старую женщину они застали в постели; дров нет, хотя на улице зима. Около кровати стоит деревянный кувшин, в котором осталось еще немного молока. Граф сразу в него написал, едва они вошли. Чтобы быть хозяином положения и чтобы ничего ему в этом не помешало, граф поставил на лестнице двух дюжих мужчин, чьей обязанностью было никого не пропускать н жилище.

«Ну, старая плутовка, – сказал граф, – принимай гостей. Мы пришли сюда с твоей дочерью. Вот она, перед тобой, эта красивая шлюха. Мы пришли, чтобы утешить тебя в твоих страданиях, но сначала, старая колдунья, опиши их нам.» Он садится и начинаем гладить бедра Люсиль. «Ну, смелее, расскажи нам обо всем подробно.» «Зачем? – говорит старая женщина. – Ведь вы пришли с этой мерзавкой только для того, чтобы унизить меня, а не для того, чтобы облегчить мои страдания.» – «С мерзавкой? – кричит граф. – Ты осмеливаешься оскорблять свою дочь? А ну, вон из постели, – и он стаскивает старуху с кровати. – И проси на коленях у нее прощения за такие слова!» Сопротивление было бесполезно.

«А вы, Люсиль, снимите штаны и подставьте свой зад. Пусть она его целует в наказание; я буду наблюдать, как она это делает, чтобы восстановить примирение между вами.» Наглая Люсиль трет своим задом по лицу бедной матери, усиливая глупую выходку графа. Наконец он разрешает старухе опять лечь в постель и возобновляет разговор. «Говорю вам, что если вы опишите мне свои страдания, то я смогу их облегчить.» Нищие люди обычно верят тому, что им говорят, и любят жаловаться. И

старая женщина начинает рассказывать о своих горестях, особенно горько сетуя по поводу похищения своей младшей дочери. Она обвинила Люсиль в том, что та знала, где находится ее сестра, поскольку дама, с которой она приходила к ней незадолго до этого, предлагала ей позаботиться о девочке, и она догадывалась – и не без оснований! – что эта дама ее похитила. Граф внимательно слушал, задавая вопросы, расспрашивал о деталях и при этом время от времени целовал и ласкал красивый зад Люсиль, с которого сбросил все юбки. Ответы старухи щекотали его порочное сладострастие, разжигая его. Когда старуха сказала, что пропажа ее дочери, которая своей работой доставала средства для пропитания, приведете в могилу, поскольку у них не осталось ничего и эти четыре дня без нее она жила только благодаря молоку, которое было в кувшине и которое он только что испортил, граф воскликнул: «Вот как!» – и направил свой член прямо на старую женщину, продолжая сжимать ягодицы Люсиль. «Так знай же, старая шлюха, что ты подохнешь с голоду. Невелика потеря! Он облил ее спермой: «Никто о тебе не пожалеет, старая карга, а я меньше всех.»

Но это было еще не все. Не таков был граф, чтобы просто так разрядиться. Люсиль была отведена своя роль: она следила за тем, чтобы старуха видела все маневры графа. А тот, рыская по всем углам жилища, обнаружил стаканчик: в нем хранились последние гроши, которыми обладала несчастная; граф положил содержимое себе в карман. Это удвоение нанесенного ущерба вызвало у него набухание орудия. Он опять вытащил старуху из кровати, сорвал с нее одежду и приказал Люсиль возбуждать его пушку, чтобы разрядиться на бледном теле старухи. Надо было еще что-то придумать – и развратник пронзил своим членом эту старую плои., удвоив при этом ругательства и говоря несчастной, что она скоро получит сведения о своей малышке и что он рассчитывает, что она побывает в его руках. Этот половой акт граф совершал с огромным наслаждением, воспламеняя свои ощущения предвкушением несчастья, которое обрушится скоро на всю эту семью. После этот он ушел.

Чтобы больше не возвращаться к этой истории, послушайте, господа, до какой степени дошло мое коварство. Граф, поняв, что может полностью на меня рассчитывать, посвятил меня в план второй сцены, которую он приготовил для старухи и ее маленькой дочки. Он сказал мне, что я должна внезапно ее привести и таким образом он может соединить всю семью. Я должна буду уступить ему и Люсиль, чье прекрасное тело очень его взволновало, и он не скрывал от меня, что рассчитывал в своей операции не только на тех двоих, но и на Люсиль. Я любила

Люсиль, но деньги я любила больше. Он назвал мне бешеную сумму за эти три создания – и я согласилась на все. Через три дня Люсиль. ее младшая сестра и их мать встретились. О том, как это произошло, вам расскажет мадам Ла Дегранж. Что касается меня, то я возобновлю прерванную нить моего рассказа анекдотом, которым намереваюсь закончить сегодняшний вечер, так как он – один из самых красноречивых.

* * *

«Минутку! – сказал Дюрсе. – Такие рассказы я не воспринимаю хладнокровно. Они имеют надо мной большую власть. Я сдерживаю свой щекотун с середины вашего рассказа и должен разрядиться.» Он бросился в свой кабинет в обществе Мишетты, Зеламира, Купидона, Фанни, Терезы и Аделаиды. Через несколько минут раздался крик, и Аделаида вернулась вся в слезах, говоря, что она очень несчастна из-за того, что так разгорячили голову ее мужа рассказами, подобными этому, и лучше будет, если расплачиваться за это будет та, что их рассказала.

Герцог и Епископ также не теряли времени даром, но то, что они делали и каким образом, обстоятельства пока вынуждают нас скрывать. Мы просим читателя простить нас за это, задергиваем занавес и переходим к четвертому из рассказов Дюкло, которым она закончила свой двадцать первый вечер:

«Через несколько дней после исчезновения Люсиль я принимала одного развратника. Предупрежденная о его приходе за несколько дней, я оставила в горшке, вставленном в туалетный стульчик, большое количество кала и просила своих девушек туда добавить еще. Наш господин приезжает, одетый в костюм савояра. Дело было утром. Он подметает мою комнату, завладевает горшком из туалетного стульчика, поднимает его и начинает опустошать содержимое (операция, которая замечу в скобках, заняла немало времени). Патом показывает мне, с какой тщательностью он его вылизал и просит заплатить ему за работу. Предупрежденная о ритуале, я накидываюсь на него с метлой: «Какое еще тебе вознаграждение, проходимец! – кричу я. – Вот тебе вознаграждение!» И он получает не менее двенадцати ударов метлой. Он хочет убежать, я за ним – и развратник разряжается прямо на лестнице, крича при этом во все горло, что его искалечили, что его убивают и что он попал к настоящей

разбойнице, а не к порядочной женщине, как думал.

Другой хотел, чтобы я осторожно вставила ему в мочеиспускательный канал палочку, которую он носил с собой в чехле. Надо было встряхнуть палочку, чтобы из нее выскочили все три ее составные части, а другой рукой при этом качать его пушку с открытой головкой. В момент половой разгрузки палка вынималась.

Один аббат, которого я увидела через шесть месяцев после этого, хотел, чтобы я капала горячим воском свечи на его член и яйца. Он разряжался от этого ощущения – к нему не надо было даже прикасаться. Но его орудие никогда не испытывало эрекции. Чтобы разрядиться, аббату надо было, чтобы все его тело покрылось воском настолько плотно, что тело и лицо уже совсем теряли человеческий облик.

Друг последнего заставлял втыкать ему в зад золотые буланки. Когда на нем уже не осп звалось ни одного свободного места, он садился, чтобы лучше почувствовать уколы. К нему приближал» зад с широко раздвинутыми ягодицами, и он в него разряжался, прямо в задний проход.»

* * *

«Дюрсе, – сказал Герцог, – я бы очень хотел увидеть твои прекрасный зад, покрытый булавками. Убежден, что это было бы очень интересное зрелище!»

«Господин Герцог, – сказал финансист, – вы знаете, что вот «же сорок лет я имею честь и славу подражать вам во всем. Так будьте же добры дать пример, и я немедленно ему последую.»

«Черт меня возьми, если история с Люсиль не заставит меня разрядиться!» – воскликнул Кюрваль. – Я сдерживался, как мог, во время рассказа, но больше не могу. Судите сами. – И указал на свой хобот, который прилип к животу. – Вы видите, что я вас не обманываю. Мне прямо не терпится узнать конец истории с этими тремя женщинами. Сдастся мне, что все они окажутся в одной могиле!»

«Тише, тише! – сказал Герцог. – Не будем торопить события. Поскольку вы возбудились, господин Председатель, вам хочется, чтобы вам рассказали о колесовании. Вы мне напоминаете тех государственных господ в мантии, у которых их щекотун встает всякий раз, когда они выносят смертный приговор!»

«Оставим в стороне государство и мантии, – сказал

Кюрваль. – Я очарован рассказом Дюкло и нахожу ее обворожительной. А история с графом повергла меня в экстаз, указав мне дорожку, по которой бы я охотно повез свой экипаж.»

«Осторожно на повороте, Председатель! – сказал Епископ. – А то как бы нам всем вместе не угодить в петлю!»

«Ну, вам это не грозит, но я не скрываю от вас, что охотно приговорил бы к смертной казни всех трех девиц, а заодно и герцогиню, которая разлеглась на диване и спит, как корова, воображая, что на нее нет управы!»

«О, – сказала Констанс, – но только не с вами я буду обсуждать мое состояние. Все знают, как вы ненавидите беременных женщин.»

«Еще бы! Это правда», – согласился Кюрваль и направился к ней, чтобы совершить какое-нибудь кощунство над ее прекрасным телом, но вмешалась Дюкло.

«Идите, идите, господин Председатель. Поскольку зло причинила своим рассказом я, я его и поправлю.»

Они удалились в будуар, за ними последовали Огюстин, Эбе, Купидон и Тереза. Через несколько минут раздался победный крик Председателя, и, несмотря на все усилия Дюкло, малютка Эбе вернулась в слезах. Было нечто большее, чем слезы, но мы пока не осмеливаемся об этом говорить; обстоятельства не позволяют нам. Немного терпения, читатель, и скоро мы не будем ничего от тебя скрывать.

Кюрваль, вернувшийся со спекшимися губами, говорил сквозь зубы, что все законы созданы для того, чтобы помешать человеку разрядиться в удовольствие.

Сели за стол. После ужина заперлись, чтобы определить пака занис для провинившихся. Их было немного: Софи, Коломб, Аде лайда и Зеламир. Дюрсе, чья голова с начала вечера воспламенилась против Аделаиды, не пощадил ее. Софи, которая всех удивила слезами во время рассказа Дюкло о графе, была наказана за старый проступок и новый. Молодоженов дня, Зеламира и Коломб, наказывали Герцог и Кюрваль с жестокостью, граничащей с варварством.

Возбудившись наказанием виновных, Герцог и Кюрваль сказа ли, что не хотят идти спать и, потребовав ликеры, провели всю ночь в пьянке с четырьмя рассказчицами и Юлией, чей вкус к распутству увеличивался с каждым днем; это сделало ее чрезвычайно любезным созданием, достойным оказаться в одной компании с нашими героями.

Всех семерых мертвецки пьяными утром обнаружил Дюрсе. Он увидел Юлию, спящую между отцом и мужем в позе, весьма далекой от добродетели. Рядом с ними лежала пьяная Дюкло.

Другая группа представляла собой нагромождение тел напротив камина, который горел всю ночь.

Двадцать второй день

Из-за ночной вакханалии в этот день мало что успели сделать, были забыты половина церемоний, пообедали кое-как и только за кофе начали узнавать друг друга. Обслуживали Розетта, Софи, Зеламир и Житон. Кюрваль, чтобы взбодриться, заставил покакать Житона. Герцог съел кал Розетты. Епископ заставил сосать свой хобот Софи, а Дюрсе – Зеламира. Но никто не разрядился.

Перешли в салон. Красавица Дюкло, больная после ночной пьянки, зевала на ходу: ее рассказы были столь краткими, и она намешала туда так мало эпизодов, что мы берем на себя смелость кратко пересказать их читателю. Историй было пять.

Первая была о клиенте, который заставлял вводить в свой зал оловянный шприц, наполненный горячей водой, и просил делать ему глубокое впрыскивание в момент эякуляции, которую он производил сам без посторонней помощи.

У второго была та же мания, но для ее исполнения требовалось гораздо больше инструментов. Начинали с маленького, потом размер их увеличивался и заканчивали инструментом самого огромного размера. Без этого он разрядиться не мог.

Третий был существом более загадочным. Он начинал сразу с большого инструмента. Затем делал по-большому и съедал свой кал. Его стегали, снова вставляли в зад инструмент и вынимали его. На этот раз какала приглашенная для этого девица, она же его потом стегала, пока он съедал ее кал. Когда инструмент вставляли н третий раз, его шекотун поднимался, и он разряжался, доедая кал девицы.

Дюкло рассказывала про четвертого, – он просил связывать себя шпагатом. Дабы разрядка была более приятной, он приказывал привязывать и свой член; в этом состоянии он выпускал сперму в зад девицы.

В пятой истории речь шла о посетителе, который приказывал крепко привязывать веревкой головку своего жезла. Другой конец веревки голая девица, стоя в отдалении, привязывала к своим бедрам и тянула за него, показывая пациенту свои ягодицы. При этом он разряжался.

Выполнив свою миссию, рассказчица попросила разрешения передохнуть. Такая возможность ей была предоставлена. Немного пошутили, потом сели за стол; все еще ощущался дискомфорт в

состоянии двух главных актеров. Во время оргии все соблюдали умеренность, насколько это возможно с подобными персонажами. Потом все спокойно отправились спать.

Двадцать третий день

«Разве можно так выть и орать при разрядке, как ты это делаешь? – сказал Герцог Кюрвалю, увидев его утром двадцать третьего дня. – Какого черта ты так кричишь? Никогда не встречал такой бешеной разрядки!»

«Черт возьми, и это ты меня упрекаешь, ты, который сам при этом так кричишь, что слышно за километр! – ответил Председатель. – А крики эти происходят от чрезмерной чувствительности организма. Предметы нашей страсти дают встряску электрическим флюидам, которые струятся в наших нервах. Ток, полученный животными инстинктами, составляющими эти флюиды, такого высокого накала, что вся машина приходит в состояние тряски; ты уже не способен сдержать крик при могучих встрясках удовольствия, которые не уступают самым сильным эмоциям горя.»

«Отлично сказано! Но кто же был тот деликатный объект, который привел в такую вибрацию твои животные инстинкты?»

«Адонис – я сосал его член, рот и задний проход, в то время как Антиной с помощью вашей дорогой дочери Юлии работали каждый в своем жанре, чтобы вывести из моего организма выпитый ликер. Все это, вместе взятое, и вызвало крик, разбудивший ваши уши.»

«Я вижу, вы в полном порядке», – отмстил Герцог.

«Если вы последуете за мной и окажете честь осмотреть меня, то увидите, что я чувствую себя, по крайней мере, так же хорошо, как вы.»

Так они разговаривали до тех пор, пока Дюрсе не пришел сообщить, что завтрак подан. Они прошли в квартиру девушек, где увидели восемь очаровательных голеньких султанш, которые разносили чашки с кофе. Тогда Герцог спросил у Дюрсе, директора этого месяца, почему утром им приготовили кофе с водой?

«Кофе будет подано с молоком, когда вы этого пожелаете, – ответил финансист. – Вы желаете?» – «Да», – ответил Герцог.» – «Огюстин, – сказал Дюрсе, – передайте молоко господину Герцогу.»

Девушка возносит над чашкой Герцога свой хорошенький задок и выпускает из заднего отверстия в чашку Герцога три или четыре ложки молока. Много смеялись по поводу этой шутки

Дюрсе, и каждый просил молока. Все задки были приготовлены, как у Огюстин. Это был приятный сюрприз директора месяца, который он приготовил для своих друзей. Фанни налила молоко в чашку Епископа, Зельмира – Кюрвалю, а Мишетта – финансисту. Выпили по второй чашке, и четыре султанши повторили церемонию с молоком. Все нашли затею очень приятной. Она разгорячила головы Епископ захотел что-то другое, помимо молочка; прелестная Софи удовлетворила его требование. Все девушки имели желание пойти в туалет; им рекомендовали сдерживать себя в упражнении с молоком.

Пошли к мальчикам. Кюрваль заставил пописать Зеламира, Герцог – Житона. В туалете в часовне находились в этот час только два второстепенных мужлана, Констанс и Розетта. Розетта была одной из тех, у кого прежде были недомогания с желудком. Во время завтрака она не могла сдерживаться и выбросила кусочек кала редкой красоты. Все похвалили Дюкло за ее совет, который теперь с успехом использовали ежедневно.

Шутка за завтраком оживила беседу за обедом и заставила мечтать в том же жанре о вещах, о которых мы, может быть, еще поговорим позднее. Перешли в кофейню, где прислуживали четыре объекта одного возраста: Зельмир, Огюстин, Зефир и Адонис, всем им было по четырнадцать лет. Герцог схватил Огюстин за бедра, щекоча ей задний проход. Кюрваль то же сделал с Зельмирой, Епископ – с Зефиром, а финансист разрядился Адонису в рот. Огюстин сказала о том, что ждала, что ей разрешат сделать ре-большому, да не сможет: она была одной из тех, над кем испытывали старый метод по расстройству пищеварения. Кюрваль в то же мгновение протянул свой клюв, и очаровательная девушка положила большой кусок кала, который Председатель съел в три приема, выдав после этого огромную струю спермы.

«Ну вот, – сказал он Герцогу, – вы теперь видите, что эксцессы ночи не имеют связи с удовольствиями дня. А вы отстаете, господин Герцог!»

«За мной дело не станет», – ответил тот, кому Зельмир в это время спешно оказывала ту же услугу, что Огюстин – Кюрвалю. В то же мгновение Герцог издал крик, проглотил кал и разрядился, как бешеный.

«Ну, хватит, – сказал Епископ. – Пусть хотя бы двое из нас сохранят силы для рассказа.»

Дюрсе согласился с ним. И все разместились в салоне, где пригожая Дюкло возобновила в следующих словах свою яркую и сладострастную историю:

«Не знаю, право, господа, как это возможно, – начала

красавица, – но в мире есть люди, у которых разврат настолько отяготил сердце и притупил все чувства и понятия чести и разума, что их интересует и забавляет лишь то, что связано с. разрушением или унижением других. Можно сказать, что их удовольствие находится только в сфере бесчестья, что радость существует для них лишь там, где есть разврат и позор. В том, что я вам сегодня расскажу, господа, доказательства моего утверждения; и не ссылайтесь на главенство физических инстинктов! Я знаю, конечно, что они существуют, но будьте уверены, что инстинкт побеждает лишь в том случае, если готовит моральное чувство.

Ко мне часто приходил один господин, имени которого я не знала – знала лишь, что он человек с состоянием. Ему было совершенно безразлично, какую женщину я ему предлагаю, красивую или уродливую, старую или молодую, ему важно было лишь, чтобы она хорошо играла свою роль. А эта роль заключалась в следующем: он приходил обычно утром, входил как бы случайно в комнату, где находилась женщина в кровати; платье ее было поднято до середины живота и она лежала в такой позе, как будто бы ее ласкает мужчина. Как только женщина видит, что клиент вошел, она, как бы застигнутая врасплох, вскакивает с постели и кричит: Да как ты посмел сюда войти, грязный развратник? Кто тебе дал право меня беспокоить?» Он извиняется, она его не слушает, обшивает на него ряд грубых оскорблений, колотит его кулаками, бьет ногой в зад. Он же не спасается от ударов, а даже старается подставить под них свой зад, хотя делает при этом вид, что хочет убежать. Она усиливает атаку, он просит пощады. Когда он чувствовал себя достаточно возбужденным, он доставал из штанин свою пушку, которая была до этого тщательно застегнута на все пуговицы, легонько ударял три-четыре раза по ней кулаком и разряжался, спасаясь от атаки, под градом оскорблений и ударов.

Второй гость, более крепкий или более привычный к такого рода упражнениям, привлекал к операции грузчика или носильщика, который якобы считал деньги. Клиент входил, крадучись, как бы случайно, а грузчик кричал, что он вор и хочет украсть его деньги. С этого момента на клиента сыпались удары и ругательства с той лишь разницей, что этот господин, держа штаны спущенными, хотел получать все удары по голому заду. Требовалось также, чтобы у грузчика на ногах были башмаки с железными подковами, вымазанными грязью. В момент разрядки клиент не исчезал украдкой. Он лежал навзничь на полу, сотрясаясь от конвульсий. Ударов грузчика он совсем не боялся, а в последний момент перед разрядкой выкрикивал грязные

ругательства, кричал, что умираем от наслаждения. Чем уродливее и грязнее был грузчик, которого я привлекала, чем он был грубее, чем тяжелее были его башмаки, тем большее вожделение испытывал клиент. Все эти прихоти я должна была с большой тщательностью учитывать.

Третий желал очутиться в помещении, когда два мужчины, специально для этого нанятые, затевали там драку. Его втягивали, он просил пощады, бросался на колени, но его не слушали. Один из двух мужчин набрасывался на него, избивая тростью и подталкивая к комнате, приготовленной, заранее, куда он и спасался. Там его принимала девица, утешала и ласкала, как ласкают обиженного ребенка. Потом она поднимала свои юбки, показывала зад и развратник разряжался.

Четвертый требовал подобных же церемоний, но как только удары тростью сыпались ему на спину, он начинал тереть свой хобот на глазах у всех. Как только он достаточно возбуждался и тот стоял, открывали окно и выбрасывали его на заранее приготовленное сено. Он разряжался, когда был в полете! Больше его не видели: он исчезал через дверь, ключ от которой имел при себе.

Пятый клиент был якобы застигнут в постели с девицей в момент, когда целовал ей зад. Мужчина, нанятый мною на роль оскорбленного любовника, кричал, что тот не имеет права ласкать его любовницу, вынимал шпагу и приказывал ему защищаться. Миш клиент просил прощения, бросался на колени, целовал землю, ноги своего соперника, уверяя, что тот может забрать свою любовницу обратно, что не хочет сражаться из-за женщин. «Любовник», все более распаляясь, кричал, что изрубит его на куски. Чем свирепее он становился, тем больше унижался клиент. Наконец, «любовник» говорил: «Я тебя прощаю. Но за это ты должен поцеловать мне зад.» – «О, я зацелую его даже измазанным в дерьме» – кричал в восторге пациент. Целуя подставленный ему зад, он разряжался, рыдая от наслаждения.»

* * *

«Все эти случаи похожи, – сказал Дюрсе, заикаясь (потому что маленький развратник разрядился во время рассказа об этих мерзостях!). – Нет ничего проще, чем любить уродливое и находить удовольствие в унижении. Тот, кто обожает безнравственные веши, находит удовольствие в том, что они

существуют, и разряжается, когда ему говорят о нем, кто он есть. мерзость – наслаждение некоторых душ.»

«Как загадочен человек!» – сказал Герцог.

«Да, друг мой», – согласился Кюрваль.

Позвали к ужину. За десертом Кюрваль заявил, что хочет девственницу и согласен за это оплатить двадцать штрафов. Сказав так, он поволок в свой будуар Зельмир, но трое друзей бросились ему наперерез, крича, что он нарушает договор. Кто-то послал за Юлией, которая очень нравилась Кюрвалю, она привела с собой Шамвиль и «Рваный-Зад.»

Чтобы избежать новых атак Кюрваля, в комнаты девушек и юношей положили спать старух-надсмотрщиц. Но в этом уже не было необходимости. Юлия, которая провела с ним ночь, выпустила его утром в общество в высшей степени довольным.

Двадцать четвертый день

Чем шире картина разврата и бесчестья разворачивалась перед глазами Аделаиды, тем с большим трудом она ее переносила и тем мучительнее взывала к Богу, умоляя спасти ее и утешить во всех ее несчастьях. Она отдавала себе отчет в том, что она – жертва. Никто лучше ее не понимал, что им всем угрожает и к чему приведут в конце концов жестокие рассказы, которые становились все более ужасными и зловещими. Ей хотелось разделить свои опасения со своей дорогой Софи, но она больше не решалась пробираться к ней ночью.

При первой возможности она летела к ней, чтобы обменяться хотя бы несколькими словами. Вот и в тот день, который мы описываем, она встала рано утром до того, как проснулся Епископ, с которым она спала по графику, и прокралась в комнату девушек, чтобы увидеть Софи.

Дюрсе, который по причине своих обязанностей в этот месяц вставал так же рано, как и все остальные, нашел ее там и заявил ей, что не сможет воздержаться от того, чтобы не рассказать обо всем, и что общество решит так, как ему будет угодно. Аделаида заплакала (это было все ее оружие) и уступила; единственная милость, о которой она осмелилась попросить своего мужа, это по стараться, чтобы Софи, которая не могла быть виновной, не была наказана, так как это она сама явилась к ней, а не та пришла и ее комнату. Дюрсе сказал, что он расскажет все, как было, ничего не скрывая; никто не разжалобится слабее, чем наказывающий, весьма заинтересованный в наказании! Это был как раз тот случай; не было ничего приятнее, чем наказывать Софи; с какой стати пощадил бы ее Дюрсе? Все собрались, и финансист дал

отчет. Это был повторный проступок; Председатель вспомнил, что когда он был во дворце, его изобретательные собратья утверждали: так как повторное преступление доказывает, что природа действует н человеке сильнее, чем воспитание и нравственные начала, и что, совершая повторное преступление, человек сам признается в том, что он, так сказать, не владеет самим собой, то его надлежит на казать вдвойне; желая рассуждать так же последовательно, с таком же рассудительностью, что и его старые товарищи, он заявил, что нужно наказать и Софи и ее подружку по всей строгости предписаний. Но поскольку эти предписания требовали в таком случае смертной казни, и поскольку у всех было желание позабавиться еще некоторое время с этими девушками, прежде чем доводить дело до приговора, они удовольствовались тем, что привели их, поставили на колени, зачитали им соответствующую статью устава и дали почувствовать, какой опасности те подверглись, отважившись на подобное правонарушение. Сделав это, на них наложили тройное наказание против того, какое вынесли в прошлую субботу; их заставили поклясться, что больше этого не повториться, им пообещали, что если это случится вновь, против них будет применена максимальная строгость, и еще их записали в роковую книгу. После посещения Дюрсе туда были внесены еще три имени: две девочки и один мальчик. Это был результат нового опыта маленьких желудочных расстройств; они были весьма успешными, но иногда случалось так, что бедные дети, которые не могли больше сдерживаться, попадали каждый раз в число наказываемых. Такая же история происходила с Фанни и Эбе – среди султанш и с Гиацинтом – среди мальчиков: то, что находили в горшке, было в огромном количестве. Дюрсе это долгое время забавляло. Никогда еще так часто не просили утренних разрешений, и все ругали Дюкло за то, что она выдала этот секрет. Несмотря на множество просимых разрешений, их предоставили только Констанс и Геркулесу, двум второстепенным мужланам, Огюстин, Зельмире и матушке Ла Дегранж. На мгновение все развлеклись, затем если за стол.

«Ты видишь, – сказал Дюрсе Кюрвалю, – как ты был неправ, когда позволил своей дочери получить религиозное образование, теперь невозможно заставить ее отказаться от этих глупостей: я тебе об этом говорил в свое время.» – «Ей богу, – сказал Кюрваль, – я думал, что знать их – лишний повод ненавидеть и что с возрастом она убедится в глупости этих бесчестных догм.» – «То, о чем ты говоришь, хорошо для людей рассудительных, – сказал Епископ, – но не следует этим обольщаться, когда имеешь дело с ребенком.» «Мы будем вынуждены обратиться к

насильственным средствам, – сказал Герцог, хорошо знавший, что Аделаида его слушает.» – «За этим дело не станет, – сказал Дюрсе. – Даю заранее ей слово, что если у нее нет другого адвоката, кроме меня, она будет плохо защищена.» – «О! Я это знаю, месье, – сказала Аделаида, плача, – всем известны ваши чувства ко мне.» – «Чувства? – переспросил Дюрсе. – Для начала предупреждаю вас, моя любезная супруга, что я никогда их не испытывал ни к одной женщине и, разумеется, также мало к вам, моей жене, как и к любой другой. Я ненавижу религию так же, как все, кто ее практикует, и предупреждаю нас, что от равнодушия, которое я испытываю по отношению к вам, я очень скоро перейду к нетерпимому отвращению, если вы продолжите чтить подлые и омерзительные химеры, бывшие всегда предметом моего презрения. Нужно совсем потерять разум, чтобы допустить какого-то Бога, и быть совершенным идиотом, чтобы ему поклоняться. Заявляю вам, одним словом, перед вашим отцом и этими господами, что нет такой крайности, к которой я не прибегну по отношению к вам, если я застану вас еще раз за подобной ошибкой. Нужно было сделать вас монашкой, если вы так желали почитать вашего ничтожного Бога; там бы вы его просили, сколько вздумается.»

«Ах! – жалобно вздохнула Аделаида, – монашенкой, великий Боже, монашенкой, да будет угодно небу, чтобы я ей стала!»

И Дюрсе, который находился в этот момент напротив ее, выведенный из терпения ее ответом, бросил в нее серебряную тарелку, которая убила бы ее, если бы попала ей в голову, потому что удар был так силен, что тарелка погнулась об стену. «Вы наглое создание, – сказал Кюрваль своей дочери, которая, чтобы увернутым от тарелки, бросилась между своим отцом и Антиноем, – вы заслужили, чтобы я ударил вас сто раз ногой в живот. – И отбросил ее далеко от себя ударом кулака. – Идите на коленях просим, прощения у вашего мужа, – сказал он ей, – или мы сейчас же подвергнем вас самому жестокому из наказаний.

Она в слезах кинулась к ногам Дюрсе, но тот, сильно возбужденный и за тысячу луидоров не желающий опустить такой случай, потребовал, чтобы было немедленно совершено великое и примерное наказание, которое, однако, не повредило бы субботнему; и еще он просил, чтобы на этот раз не было последствий, чтобы дети были освобождены от кофе и чтобы все предприятие происходило в то время, когда вошло в обыкновение забавляться за приготовлением пить кофе. Все с этим согласились; Аделаида и две старухи, Луизон и Фаншон, самые злые из четырех и внушающие наибольший страх женщинам, перешли в кофейную комнату, где обстоятельства обязывают нас

опустить занавес над тем, что там произошло. Что достоверно известно, это то, что наши четыре героя разгрузились, и что Аделаиде было позволено идти спать. Оставляем читателю сделать свои выводы и удовольствоваться, если ему будет угодно, тем, что мы немедленно перенесем его к рассказам Дюкло. После того, как все поместились возле своих супруг, за исключением Герцога, который в этот вечер должен был получить Аделаиду и заменил ее Огюстин, Дюкло возобновила свою историю:

«Однажды, – сказала наша рассказчица, – когда я уверяла одну из моих подруг, что я, без сомнения, видела по части бичеваний все, что только можно было увидеть самого сильного (поскольку я сама секла и я видела, как секут людей колючими ветками и бычьими жилами), она мне сказала: «О, черт побери! Чтобы убедить тебя в том, что тебе еще очень далеко до того, чтобы сказать, будто ты видела все, что есть самого сильного в этом роле, – я хочу прислать тебе завтра одного из моих клиентов.»

Предупрежденная ею утром о часе визита и обряде, который следовало соблюсти по отношению к этому старому скупщику, которого звали, как я помню, господин де Гранкур, я приготовила все, что было нужно и стала ждать. Он приходит. После того, как нас запирают, я говорю ему: «месье, я в отчаянии от той новости, которую должна вам сообщить; но вы пленник и не можете выйти отсюда. Я в отчаянии от того, что Парламент остановил свой выбор на мне, чтобы арестовать вас, но он так решил, и его приказ у меня в кармане. Лицо, которое вас послало ко мне, подставило вам ловушку, так как знало, о ком шла речь; хотя оно, разумеется, могло бы избавить вас от этой сцены. Итак, вы знаете суть дела; нельзя безнаказанно предаваться черным и ужасным преступлениям, которые вы совершили, и почту за удачу, если вы отделаетесь так дешево.»

Он выслушал мою речь с величайшим вниманием; едва она была закончена, с плачем бросился к моим ногам, умоляя пощадить его. «Я хорошо знаю, – сказал он, – что я забыл о своем долге. Я сильно оскорбил Бога и Правосудие; но так как именно вам, сударыня, поручено наказать меня, я настойчиво прошу вас пощадить меня.» – «Месье, – говорю я, – я исполню свой долг. Раздевайтесь и будьте послушным, это все, что я могу вам сказать.»

Гранкур повиновался, и через минуту он был голым, как ладонь. Но великий Боже! Что за тело представил он на мое обозрение! Я могу сравнить его только с узорчатой тафтой. Не было ни одного места на этом теле, покрытом пятнами, которое не носило бы рваного следа. Одновременно я поставила на огонь

железный шомпол, снабженный острыми шипами, присланный мне утром вместе с указаниями. Это смертоносное оружие сделалось красным почти в тот же момент, как Гранкур разделся. Я принимаюсь за него и начинаю хлестать прутом, сначала тихо, потом немного сильнее, а потом со сменой рук и безразлично – от затылка и до пяток; в одно мгновение он у меня покрывается кровью. «Вы злодей, – говорила я ему, нанося удары, – негодяй, совершивший все возможные преступления. Для вас нет ничего святого, а совсем недавно, говорят, вы отравили свою мать.» – «Это правда, мадам, – говорил он, мастурбируя, – я чудовище, я преступник; нет такой гнусности, которой я или ни сделал бы уже, или ни был бы готов сделать. Пустое, ваши удары бесполезны; я никогда не исправлюсь, в преступлении для меня слишком много сладострастия; убей вы меня, я бы совершил его снова. Преступление – это моя стихия, это моя жизнь, я в нем прожил всю жизнь и в нем хочу умереть.»

Оживляясь этими словами, я удваивала свои ругательства и свои удары. Между тем, «дьявол» срывается с его языка; это был сигнал; по этому слову я удваиваю силу ударов и стараюсь бить его по самым чувствительным местам. Он вскакивает, прыгает, ускользает от меня и бросается, извергая семя, в чан с теплой водой, приготовленной специально, чтобы отмыть его от этой кровавой операции. О! К этому времени я уступила своей подруге честь видеть больше меня то, что касалось этого предмета; я думаю, вы могли честно сказать, что только нас двое в Париже видели такое: Гранкур никогда не изменялся и уже более двадцати лет приходил каждые три дня к этой женщине для исполнения подобной прихоти.

Через некоторое время эта же подруга послала меня к другому развратнику, желание которого, я думаю, покажется вам, по крайней мере, таким же странным. Сцена происходила в маленькое домике в Руле. Меня ввели в достаточно темную комнату, где вижу человека, лежащего в кровати, и стоящий посреди комнаты гроб. «Вы видите, – говорит мне наш распутник, – человека и смертном одре, который не захотел закрыть глаза без того, чтобы не почтить еще раз предмет моего культа. Я боготворю зады и хочу умереть, целуя зад. Как только я закрою глаза, вы поместите меня в этот гроб, предварительно завернув в саван, и заколотите гвоздями. Я рассчитываю умереть таким образом в разгар удовольствия, чтобы мне служил в смертный час самый предмет моей прихоти. Итак, – продолжал он слабым и прерывающимся голосом – поспешите, потому что настали мои последние минуты.» Я приближаюсь, поворачиваюсь, показываю ему свои ягодицы. «Ах! Прекрасная задница! – говорит

он, – как же я рад, что уношу в могилу мысль о такой великолепной заднице!» И он ее ощупывал, приоткрывал, целовал, как любой земной человек, который чувствует себя как нельзя лучше.

«Ах! – сказал он через минуту, оставляя свой труд и переворачиваясь на другой бок, – я хорошо знал, что недолго буду наслаждаться этим удовольствием! Я испускаю дух, не забудьте том, о чем я вас попросил.» Говоря это, он испускает глубокий вздох, вытягивается и так хорошо играет свою роль, что, черт бы меня побрал, если бы я ни сочла его мертвым. Я не потеряла головы: любопытствуя увидеть конец этой забавной церемонии, я завертываю его в саван. Он больше не шевелился; либо у него был секрет, чтобы казаться таким, либо мое воображение било так сильно поражено, но он был жесткий и холодный, как железный брус; один только его хобот подавал некоторые признаки жизни он был тверд, прижат к животу, и капли семени, казалось, сами собой выделялись из него. Как только он был завернут в простыню, я укладываю его в гроб. Оцепенение сделало его тяжелее быка. Лишь только он оказался там, я принимаюсь читать заупокойную молитву и, наконец, заколачиваю его. Наступил критический момент: едва лишь он услышал удары молотка, как закричал, словно помешанный: «Ах! Разрази меня гром, я извергаю! Спасайся, блудница, спасайся, потому что если я тебя поймаю, ты погибла!»

Меня охватывает страх, я бросаюсь на лестницу, где встречаю проворного лакея, знавшего про безумства своего хозяина, который дал мне два луидора и вбежал в комнату пациента, чтобы освободить из того состояния, в которое я его поместила.

«Вот так забавный вкус! – сказал Дюрсе. – Ну хорошо! Кюрваль, ты сообразил, что к чему?» – «Разумеется, – говорит Кюрваль, – этот тип был человеком, который хотел свыкнуться с идеей смерти и не видел лучшего способа для этого, кроме как связать ее с либертианской идеей. Совершенно очевидно, что этот человек умрет с задницей в руках.» – «В чем нельзя сомневаться, – говорит Шамвиль, так в том, что это отъявленный негодяй; я его знаю, и у меня будет случай показать вам, как он обходится с самыми святыми тайнами религии.» – «Должно быть, – говорит Герцог, – этот человек, который надо всем смеется и который хочет приучиться думать и действовать так же в свои последние минуты.» – «Что до меня, – добавил Епископ, – я нахожу что-то очень привлекательное в этой страсти и, не буду от вас скрывать, от этого возбудился. Продолжай, Дюкло, продолжай, потому как я чувствую, что готов сделать какую-нибудь глупость, а я не хочу их сегодня делать.»

«Хорошо, – сказала милая девушка, – вот вам один менее сложный случай: речь идет о человеке, который преследовал меня более пяти лет подряд ради единственного удовольствия, чтобы ему зашивали дырку в заду. Он ложился плашмя на кровать, а я садилась между его ног и, вооруженная иглой и в локоть длиной грубой вощеной ниткой, аккуратно зашивала ему весь анус по окружности: кожа в этом месте была у этого человека такой жесткой и так хорошо подходившей для работы иглой, что во время моей операции оттуда не вышло ни одной капли крики. З это время он сам мастурбировал и разгружался с последним стежком. Рассеяв его опьянение, я быстро распускала срою работу, и на этом все было кончено.

Другой заставлял растирать себя винным спиртом во всех местах своего тела, куда природа поместила волосы; затем я поджигала этот спиртовой ликер, который выжигал в один миг все волосы. И он извергал семя, видя себя в огне, в то время как я показывала ему свой живот, лобок и остальное, потому как у него был Дурной вкус – никогда не смотреть ничего, кроме переда.

Ну, а кто из вас, господа, знал Микура, председателя большой палаты, а в то время помощника адвоката?» – «Я, – ответил Кюрваль.» – «Хорошо, господа! – сказала Дюкло, – а знаете ли вы, какова была и, насколько я знаю, есть по сегодня, его страсть?» «Нет! Он слывет или хочет слыть богомолом; я был бы чрезвычайно рад узнать это.» – «Ну хорошо, – ответила Дюкло, – он хотел чтобы его считали ослом…» – «Ах! Разрази меня гром, – сказал Герцог Кюрвалю. – Мой друг, да ведь это общегосударственный вкус. Я готов держать пари, что когда этот человек готовится к тому, что он сейчас будет судить…» – «Ладно, дальше? – прервал Герцог.» – «Дальше, монсеньор, нужно было одеть ему на шею веревку и прогуливать его час в таком виде по комнате, он ревел, вы на него садились верхом, и как только оказывались, на нем, хлестали его по всему телу хлыстом, как бы для того, чтобы ускорить его ход; он удваивал его и одновременно мастурбировал. Как только он извергал семя, он испускал громкие крики, брыкался и бросал девчонку вверх тормашками.» – «Ну, для нее, – сказал Герцог, – это было скорее развлечение, чем разврат. А скажи мне, прошу тебя, Дюкло, этот человек говорил тебе, не было ли у него какого-нибудь товарища с таким же вкусом?» – «Да, – сказала любезная Дюкло, спускаясь со своего возвышения, потому что ее труд был исполнен, – да, монсеньор; он сказал, что у него их было много, но что он не хотел всем давать на себя садиться.»

Слушание закончилось, друзья пожелали совершить какую-нибудь глупость до ужина; Герцог прижал к себе Огюстин. «Я не

удивляюсь, – говорил он, поглаживая ее по клитору и заставляя хватать кулачком его член, – я не удивляюсь, что иногда Кюрвалем овладевают соблазны нарушить договор и сорвать какую-нибудь девственность, ибо я чувствую, что в эту минуту сам от всего сердца послал бы к черту девственность Огюстин.» – «Которую? – спросил Кюрваль.» – «Черт возьми, обе, – сказал Герцог, – но нужно быть благоразумными: ожидая таким образом наших удовольствий, мы сделаем их еще более сладостными. Ну же, девочка, – продолжил он, – покажите мне ваши ягодицы; это, может быть, изменит природу моих мыслей…Черт побери! Какая красивая задница у этой маленькой блудницы! Кюрваль, что ты мне советуешь с ней сделать? – «Уксусный соус, – сказал Кюрваль.» – «Да будет угодно Богу! – сказал Герцог. – Но терпение… Ты увидишь, что все придет со временем.» – «Мой дорогой друг, – сказал прелат прерывающимся голосом, – вы ведете речи, которые пахнут семенем. – Эх! Как раз то, что я очень желаю потерять.» – «Эге! Кто же вам мешает? – спросил Епископ.» – «О! Таких вещей много, – ответил Герцог. – Во-первых, нет дерьма, а я бы его хотел; и потом мне хочется чрезвычайно многого.» – «И чего. например?» – спросил Дюрсе, которому Адонис опорожнялся в рот.» – «Чего? – переспросил Герцог. – Маленькой гнусности, которой я должен предаться.»

После того как они прошли в дальний будуар вместе с Огюстин, Зеламиром, Купидоном, Дюкло, Ла Дегранж и Геркулесом, через минуту стали слышны крики и проклятия, которые доказывали, что Герцог сумел наконец успокоить и свою голову, и свои яйца. Нам совсем неизвестно, что он сделал с Огюстин; но несмотря на его любовь к ней, по возвращении ее увидели плачущей, и один из ее пальцев был завязан. Прискорбно, что мы пока не можем объяснить все это, но достоверно известно, что господа, украдкой и прежде, чем это было разрешено, предавались запретным вещам и тем формально нарушали договоры, ими же установленные; но когда все общество совершает одни и те же ошибки, оно их себе прощает весьма обыкновенно. Герцог вернулся и с удовольствием увидел, что Дюрсе и Епископ не тратили даром времени: Кюрваль в руках «Разорванного Зада» изящно делал то, что можно делать со всеми сладострастными предметами, которые он мог собрать вокруг себя. Подали кушанье. Оргии провели, как обычно, и пошли спать. Как ни была разбита Аделаида, Герцог должен был ее иметь этой ночью и так как он, по своему обыкновению, вернулся с оргий немного пьяным, решили, что он ее не пощадит. Ночь прошла, как все предыдущие, то есть в жару бреда и разврата; светлая Аврора явилась, как говорят поэты, открыть двери дворца

Аполлона, и этот бог, сам достаточно развратный, взобрался на лазурную колесницу только для того, чтобы осветить новые сладострастия.

Двадцать пятый день

Тем временем еще одна интрига рождалась в неприступных стенах замка Силин! У нее не было таких опасных последствий, как у интриги Аделаиды и Софи. Это новое сообщничество плелось между Алиной и Зельмир; сходство характеров этих двух девушек связало их: нежные и чувствительные, с разницей в возрасте самое большее в два с половиной года; много ребячества, много простодушия, одним словом, почти одни и те же добродетели у обеих и одни и те же пороки, потому что Зельмир, мягкая и нежная, была беспечной и ленивой, как Алина. Короче говоря, они так поладили, что утром двадцать пятого дня их нашли в одной кровати, и вот как это произошло: Зельмир, будучи предназначенной Кюрвалю, ложилась, как мы знаем, в его комнате; в ту же ночь Алина была постельной женщиной Кюрваля; но Кюрваль, вернувшийся мертвецки пьяным после оргий, захотел лечь только со «Струей-в-Небо» и, воспользовавшись этим, две маленькие голубки, оставленные и соединенные случаем, забрались, боясь холода, в одну кровать; там, можно было смело утверждать, их маленькие пальчики чесали совсем другие места, нежели локти. Кюрваль, открыл утром глаза и видя двоих птичек в одном гнезде, спросил у них, что они там делали, и приказал прийти немедленно обеим в его кровать. Там он обнюхал их клиторы и совершенно ясно признал, что они обе были еще в семени. Случай был серьезный: судьи решили, что наши девицы были жертвами бесстыдства, но требовали, чтобы было соблюдено приличие. Чего только ни потребуй распутство в своих вечных непоследовательностях! Словом, если девушки выражали желание иногда позволить себе быть нечистыми между собой, то нужно было совершать это по приказу месье и у них на глазах. Обсуждение было вынесено на совет; обеим нарушительницам, которые не осмеливались отказаться от своих слов, было приказано показать, как они все это проделали. Они это сделали, сильно покраснев, плача и прося прощения за проступок. Было бы неинтересно наказывать эту маленькую и красивую парочку в следующую субботу, хотя, разумеется, никому не пришло в голову пощадить их. Девушки были немедленно записаны Дюрсе в роковую книгу, которая, между тем, наполнялась. Покончив с этим делом, друзья завершили завтрак, и Дюрсе возобновил свои визиты. Роковые

расстройства желудка породили еще одну преступницу: это была маленькая Мишетта; она говорила, что больше не может терпеть, что ее слишком сильно накормили накануне и она приводила тысячу маленьких извинений, которые не помешали ей быть записанной. Кюрваль в сильном возбуждении схватил комнатный горшок и проглотил все, что было внутри. Бросив затем на нее гневный взгляд, он сказал: «Ну нет же, черт возьми, маленькая плутовка! Ну уж нет, черт бы меня побрал, вы будете наказаны, и к тому же моей рукой. Непозволительно так срать; вы должны были нас предупредить, по крайней мере, вы отлично знаете, что нет такого часа, когда мы не были бы готовы получить говно.»

При этом он сильно нажимал на ее ягодицы, пока давал наступлении. Мальчики остались нетронутыми; не было предоставлено ни одного разрешения на испражнение, и все сели за стол. Во время обеда порассуждали о поступке Алины: думали, что она святая недотрога, и вдруг получили доказательства ее темперамента.

«Ну! Что же вы скажете, мой друг, – спросил Дюрсе у Епископа, – можно ли доверять невинному виду девочек?»

Пришли к согласию, что нет ничего особенно обманчивого, что все девицы неискренни и всегда пользуются уловками, чтобы блудить с большой ловкостью. Эти речи перевели русло разговора на женщин, и Епископ, у которого они вызывали отвращение, тут же прошелся по ним с ненавистью, которую женщины ему внушали; он низвел их до состояния самых подлых животных и доказал, что их существование настолько бесполезно в мире, что можно было бы стереть их с поверхности земли, ни в чем не повредив замыслам природы, которая, сумев некогда найти способ воспроизводить человечество без них, найдет его еще раз, когда останутся одни мужчины.

Перешли к кофе; он подавался Огюстин, Мишеттой, Гиацинтом и Нарциссом. Епископ, одним из самых больших удовольствий которого было сосать пушечки маленьких мальчиков, забавлялся несколько минут игрой с Гиацинтом, когда вдруг закричал, с трудом раскрывая наполненный рот: «Ах! Черт возьми, друзья мои, нот так девственность! Этот маленький негодник извергает первый раз, я в этом уверен.»

И действительно, никто еще не видел, чтобы Гиацинт занимался такими вещами; его считали слишком юным, чтобы у него получилось; но ему было полных четырнадцать лет, это возраст, когда природа имеет обыкновение одаривать своими милостями, и не было ничего более обыкновенного, чем победа, которую одержал Епископ. Тем временем все захотели удостовериться н этом факте, и так как каждый хотел быть

свидетелем события, все уселись полукругом вокруг мальчика. Огюстин, самая знаменитая качальщица в серале, получила приказ мастурбировать ребенка на виду у всего собрания, а молодой человек получил разрешение щупать ее и ласкать в той части тела, в какой пожелает; никакое зрелище не могло быть более сладострастным, чем вид молодой пятнадцатилетней девушки, прекрасной, как день, отдающейся ласкам юного мальчика четырнадцати лет и побуждающей его к извержению семени путем самого прелестного рукоприкладства. Гиацинт, может быть, по велению природы, но более вероятно, с помощью примеров, которые у него были перед глазами, трогал, щупал и целовал только прекрасные маленькие ягодицы качальщицы, и через минуту его красивые щеки окрасились, он два или три раза вздохнул, и *ст* хорошенькая пушка выбросила на три фута от него пять или шесть струек маленького фонтана семени, нежного и белого как сметана, которые упали на ляжку Дюрсе, сидевшего ближе всего к нему; тот заставлял Нарцисса качать себе, следя за операцией. Уверившись, как следует, в факте извержения, обласкали и перецеловали ребенка со всех сторон; каждый хотел получить маленькую порцию юной спермы, и так как показалось, что в его возрасте для начала шесть извержений не будет слишком много, к двум, которые он только что сделал, наши развратники заставили его присоединить каждый по одной, которые он им пролил в рот. Герцог, разгоревшийся от такого зрелища, овладел Огюстин.

Было поздно, они были вынуждены отменить послеобеденный отдых и перейти в залу для историй, где их ждала Дюкло. Едка только все устроились, она продолжила рассказ о своих приключениях следующими словами:

«Я уже имела честь говорить вам, господа, что трудно охватить, все пытки, которые человек изобретает против самого себя, чтобы снова найти – в унижении или болях – искры наслаждения, которые возраст или пресыщенность отняли у него. Поверите ли, один из таких людей, человек шестидесяти лет, удивительно равнодушный ко всем наслаждениям похоти, возбуждал их в своих чувствах, только заставляя обжигать себе свечой все части тела – главным образом те, которые природа предназначила для этих наслаждений. Ему с силой гасили свечу о ягодицы, о член, об яйца и в особенности в дыре зада; в это самое время он целовал чью-либо задницу, и когда в пятнадцатый или двадцатый раз болезненная операция возобновлялась, извергал семя, сося анус, который ему подавала его прижигательница.

Я видела еще одного человека, который вынуждал меня пользоваться лошадиным скребком и скоблить его им по всему

телу так, как поступили бы с животным, которого я только что назвала. Как только его тело было в крови, я натирала его винным спиртом, и вторая боль заставляла его обильно извергнуть семя мне в глотку: таково было поле брани, которое он хотел оросить своим семенем. Я становилась на колени перед ним, упирала его орудие в мои сосцы, и он непринужденно проливал туда едкий излишек своих яичек.

Третий заставлял меня вырывать, волосок за волоском, всю шерсть из своего зада. Во время операции он поедал совсем еще теплое дерьмо, которое я ему только что сделала. Затем, когда условное «черт» сообщало мне о приближении кризиса, нужно было, дабы ускорить процесс, бросать в каждую половину зада ножницы, от которых у него начинала идти кровь. Вся задница у него была, в результате, покрыта ранами; и я с трудом могла найти хоть одно нетронутое место, чтобы нанести свежие; в этот момент его нос погружался в дерьмо, он вымазывал в нем свое лицо, и потоки спермы венчали его экстаз.

Четвертый клал мне хобот в рот и приказывал, чтобы я его кусала изо всех сил. В это время я раздирала ему обе половины задницы железным гребнем с очень острыми зубьями, затем, в тот момент, когда я чувствовала, что его оружие готово расплавиться, о чем мне сообщала очень слабая и легкая эрекция, необыкновенно сильно раздвигала ему ягодицы и приближала дырку его зада к пламени свечи, помещенной с этой целью на полу. И только после того, как он ощущал жжение этой свечи в своем анусе, совершалось извержение; я удваивала укусы, и мой рот скоро оказывался полным.»

«Минутку, – сказал Епископ, – сегодня *я* в который раз слышу, как говорят о разгрузке, сделанной в рот; это расположило мои чувства к удовольствиям такого же рода.»

Говоря это, он привлек к себе «Струю-в-Небо», который стоял на страже возле него в этот вечер, и принялся сосать ему хобот со всей похотливостью голодного малого. Семя вышло, он заглотил его и вскоре возобновил ту же операцию над Зефиром. Он был возбужден, и это состояние не приносило ничего хорошего женщинам, если те попадали ему под руку. К несчастью, в таком положении оказалась Алина, его племянница.

«Что ты здесь делаешь, потаскушка, – спросил он у нее, – когда я хочу мужчин?»

Алина хотела увернуться, но он схватил ее за волосы и увлек в свой кабинет вместе с Зельмир и Эбе, двумя девочками из ее сераля: «Вы увидите, – сказал он своим друзьям, – как я сейчас научу этих бездельниц не путаться под ногами, когда мне хочется члена.»

Фаншон по его приказу последовала за тремя девственницами, и через мгновение все ясно услышали, как кричит Алина, и рев разгрузки монсеньора соединился с жалобными звуками его дорогой племянницы. Они вернулись… Алина плакала, держась руками за задницу. «Покажи-ка мне это! – сказал ей Герцог. – Я безумно люблю смотреть на следы жестокости моего брата.»

Алина показала пострадавшее место, и Герцог вскричал: «Ах! Черт, это прелестно! Я думаю, что сделаю сейчас то же самое.»

Но после того, как Кюрваль заметил ему, что уже поздно и что у него есть особый план развлечения, который требовал и его головы, и его семени, все попросили Дюкло продолжать пятый рассказ, которым должен был завершиться вечер.

«В числе необыкновенных людей, – сказала наша прекрасная Девушка, – мания которых заключалась в том, чтобы позорить и унижать себя, был некий председатель Казначейства, которого звали Фуколе. Невозможно представить себе, до какой степени этот человек доводил эту страсть; нужно было совершать над ним образчики всех известных казней. Я вешала его, но веревка вовремя обрывалась, и он падал на матрацы; спустя минуту растягивала его на кресте Святого Андрея и делала вид, что отрезаю ему члены при помощи картонного меча; я ставила ему клеймо на плечо почти горячим железом, которое оставляло, впрочем, легкий отпечаток; я хлестала его по спине, как это делает палач. Все это нужно было перемежать ругательствами и горькими упреками в различных преступлениях, за которые он в одной рубашке и с восковой свечкой в руке униженно испрашивал прощения у Бога и у Правосудия. Наконец, представление заканчивалось на моей заднице, где этот развратник терял свое семя, когда его голова была в последней стадии накала.»

«Ну, хорошо! Теперь-то ты дашь мне спокойно разгрузиться, когда Дюкло закончила? – спросил Герцог у Кюрваля.» – «Нет, нет, – сказал Председатель, – побереги семя; я говорю тебе, что мне оно нужно для оргий.» – «О! Я к твоим услугам, – сказал Герцог, – ты принимаешь меня за изношенного человека и воображаешь, что то малое семя, которое я сейчас потеряю, заставит меня сдаться перед гнусностями, которые тебе взбредут в голову через четыре часа? Не бойся, я буду всегда готов; но моему брату было угодно дать мне здесь маленький урок жестокости, который я весьма охотно повторил бы с Аделаидой, твоей дорогой и любезной дочерью.»

И, толкая ее в кабинет вместе с Терезой, Коломб и Фанни, женщинами из ее катрена, он совершил то же, что Епископ сделал раньше со своей племянницей. Все услышали ужасный крик юной

жертвы и вой прелюбодея. Кюрваль захотел решить, кто из двоих братьев вел себя изящнее; он заставил приблизиться к себе двух женщин и, осмотрев обе задницы, решил, что Герцог оставил более заметные следы пребывания.

Все если за стол и, начинив при помощи какого-то снадобья газами внутренности всех подданных, мужчин и женщин, после ужина сыграли в «пукни-в-рот.» Друзья – все четверо – лежали на спине на диванах, с поднятой головой, и каждый по очереди подходил пукать им в рот; Дюкло было поручено подсчитывать очки, и так как к услугам господ было тридцать шесть пукальщиков и пукальщиц, каждый получил до ста пятидесяти пуков. Именно для этой-то церемонии Кюрваль и хотел, чтобы Герцог поберег себя, но это было совершенно излишне: он был слишком развращен, чтобы новая забава утрудила его, и это не помешало ему во второй раз извергнуть семя на мягкие ветры Фаншон. Для Кюрваля это были пуки Антиноя, которые стоили ему семени, тог-па как Дюрсе потерял свое, ободренный пуками Ла Мартен, а Епископ – свое, возбужденный пуками Ла Дегранж.

Двадцать шестой день

Поскольку ничто для наших друзей не было более сладостно, чем наказания, и ничто не обещало им столько удовольствий, они придумывали все, чтобы заставить подданных впасть в ошибки, которые доставили бы им сладострастие от последующего наказания. Для этой цели, собравшись нынешним утром, они добавили в устав различные статьи, нарушение которых должно было при необходимости повлечь за собой наказания. Сначала категорически было запрещено супругам, молодым мальчикам и девочкам пукать куда-нибудь, кроме как в рот друзей; как только их охватит это желание, нужно было немедленно пойти, найти какой-нибудь рот и отправить в него все, что они имели; позорное наказание было наложено на нарушителей. Так же было запрещено пользование ночными умывальниками и подтирками зада: всем было приказано без какого-либо исключения никогда не мыться и никогда и нигде не подтирать своего зада после стула; если чей-то зад будет найден чистым, нужно будет, чтобы подданный доказал, что его вычистил один из друзей и назвал его имя. Пользуясь этим названный друг имел возможность легко отрицать факт, когда он того захочет, что обеспечило ему сразу два удовольствия: вытереть чей-нибудь зад языком и наказать подданного, который только что доставил это удовольствие… Мы еще увидим примеры, это подтверждающие.

Затем была введена новая церемония: с самого утра, во время

кофе, как только друзья входили в спальню мальчиков, каждый из подданных должен был, один за другим подойти ко всем четверым друзьям и сказать громким и внятным голосом: «Мне насрать на Бога! Не желаете ли моей задницы? Есть дерьмо!»

Те, кто не произносил богохульство и предложение громким голосом, должны были быть немедленно записаны в роковую книгу. Легко представить себе, как трудно было набожной Аделаиде и ее юной ученице Софи произносить такие гнусности; именно это бесконечно развлекало друзей. Установив все это, они поощрили доносы, этот варварский способ умножать притеснения, принятый у тиранов; он был принят с распростертыми объятиями. Было решено, что всякий подданный, который принесет жалобу на другого, заработает уничтожение половины наказания за первую допущенную им ошибку; это совершенно ни к чему не обязывало, потому что подданный, который приходил обвинять другого, никогда не знал, какое он заслужил наказание, половину которого, как его уверяли, он отработал; пользуясь этим, было очень легко оставить ему наказание и уверить его, что он – в выигрыше. Было обнародовано, что доносу будут верить без доказательств и что достаточно быть обвиненным неважно кем, чтобы быть немедленно записанным. Кроме того увеличили власть старух, и по их малейшей жалобе, справедливой или нет, подвластный немедленно осуждался. Одним словом, над маленьким сообществом были установлены все притеснения и несправедливости, какие только можно себе представить. Сделав это, друзья посетили уборные. Коломб оказалась виновной; она оправдывалась тем, что ее заставили съесть накануне между сдой какое-то снадобье, чтобы она не могла воспротивиться; она чувствовала себя очень несчастной, так как вот уже четвертую неделю подряд ее наказывали. Дело обстояло именно так, и следовало обвинить только ее зад, который был самый свежий, самый стройный и самый милый, который только можно было встретить. Дюрсе лично осмотрел ее зад, и после того, как у нее действительно был найден большой прилипший кусок дерьма. Ее уверили, что с ней обойдутся с меньшей строгостью. Кюрваль, который возбудился, овладел ею и полностью вытер ей анус; он заставил принести себе испражнения, которые съел, заставляя ее качать себе член и перемежая еду энергичными поцелуями в рот с требованиями проглатывать, в свою очередь, остатки, которые он ей возвращал от ее собственного изделия. Они навестили Огюстин и Софи, которым было велено после испражнений, сделанных накануне, оставаться в самом грязном состоянии. Софи была в порядке, хотя она спала у Епископа, как требовало

ее положение, но Огюстин была необыкновенно чиста. Уверенная в себе, она гордо вышла вперед и сказала то, что всем было известно: мол, она спала, следуя своему обыкновению, у господина Герцога и перед тем, как заснуть, он заставил ее прийти к нему в постель, где обсосал ей дыру в заду, пока она ему восстанавливала член своим ртом. Спрошенный Герцог сказал, что он не помнит об этом (хотя это было ложно), что он заснул с хоботом в заду у Дюкло, так что можно было призвать ее в свидетельницы; послали за Дюкло, которая, хорошо видя, о чем шла речь, подтвердила рассказанное Герцогом, и сказала, что Огюстин была позвана только на одну минуту в кровать к монсеньору, который и насрал ей в рот. Огюстин настаивала на своем и оспорила Дюкло, но ей велел молчать, и она была записана, хотя была совершенно невиновна. Потом зашли к мальчикам, где Купидон был пойман с поличным: *О* н отложил в свой ночной горшок самый прекрасный кал. Герцог накинулся на него и проглотил все сразу, пока молодой человек сосал ему орудие любви. Были отменены вообще разрешения испражняться, и все перешли в столовую. Прекрасная Констанс, которую иногда освобождали от прислуживания по причине ее положения, почувствовав себя хорошо в этот день, появилась голая, и ее живот, который начинал понемногу раздуваться, вскружил голову Кюрвалю; он начал сжимать довольно грубо в руках ягодицы и грудь этого бедного создания, поэтому ей было позволено больше не появляться в этот день во время рассказов. Кюрваль снова принялся говорить гадости про несушек и заверил, что будь его воля, он бы установил закон острова Формозы, где беременные женщины менее тридцати лет толклись в ступке вместе со своим плодом; когда бы заставили следовать этому закону во Франции, в ней стало бы в два раза больше народу.

Перешли к кофе. Он подавался Софи, Фанни, Зеламиром и Адонисом, но очень необычным образом: они давали его проглатывать своим ртом. Софи прислуживала Герцогу, Фанни – Кюрвалю, Зеламир – Епископу, а Адонис – Дюрсе. Они набирали полный рот кофе, полоскали им внутреннюю полость и в таком виде выливали в глотку того, кому прислуживали. Кюрваль, который вышел из-за стола очень разгоряченный, снова возбудился от этой церемонии и по окончании ее овладел Фанни и извергнул ей в рот семя, приказывая глотать под страхом самых серьезных наказаний, что несчастный ребенок и сделал, не моргнув глазом. Герцог и два его друга заставили детей пукать и срать им в рот. Отдохнув после обеда, все пришли слушать Дюкло, которая принялась за продолжение своих рассказов:

«Я быстро пробегусь, – сказала эта любезная девушка, – по

Двум последним приключениям, которые мне остается вам рассказать, о странных людях, находящих свое сладострастие только в боли, которую они заставляют себя испытывать; потом мы поменяем тему, если вы найдете это угодным. Первый, пока я его возбуждала, был совсем голый, он хотел, чтобы через дыру, проделанную в потолке, на нас лили все время, которое должно было продолжаться это занятие, потоки почти кипящей воды. Напрасно я объясняла ему, что не имея той же страсти, я окажусь, как и он, ее жертвой; он уверил меня в том, что я не почувствую никакого неудобства и что эти обливания полезны для здоровья. Я ему побрила и позволила так сделать; так как это происходило у него дома, я не знала о степени нагретости воды – она была почти кипящей. Вы не можете себе представить удовольствие, которое он испытал. Что до меня, то, продолжая обслуживать его, я кричали признаюсь вам, как ошпаренный кот; моя кожа потом облупилась, и я обещала себе больше никогда не возвращаться к этому человеку.»

«Ах! Черт возьми, – сказал Герцог, – меня берет желание ошпарить таким образом прекрасную Алину.» – «Монсиньор, – смиренно ответила та, – я не поросенок.»

После того, как наивная откровенность ее детского ответа заставила всех засмеяться, друзья спросили у Дюкло, каким был второй пример, который она хотела привести.

«Он совсем не был таким же тягостным для меня, – сказала Дюкло, – требовалось лишь защитить руку хорошей перчаткой, затем взять этой перчаткой гравий со сковороды, стоявшей на жаровне, и натереть моего клиента им от затылка до самых пяток. Его тело было таким привычным к этому упражнению, что, казалось, это была дубленая шкура. Когда мы дошли до орудия, нужно было взять его и качать в пригоршне горячего песка; он очень быстро возбуждался; другой рукой я клала под его яички красную от жара лопатку, нарочно приготовленную для этой цели. Это натирание и этот жар, который пожирал его тестикулы и, может быть, немного прикосновений к моим ягодицам, которые я должна была всегда держать на самом виду, заставляло его спускать; он делал это, тщательно заботясь о том, чтобы его сперма текла на красную лопатку, с наслаждением наблюдая за тем, как она сгорает.» – «Кюрваль, – сказал Герцог, – этот человек, мне кажется, любил человечество не более, чем ты.» – «Мне тоже так кажется, – сказал Кюрваль, – не скрою, что мне понравилась мысль сжигать свое семя.» – «О! Я отлично вижу, сколько наслаждения она тебе доставляет, – сказал Герцог, – ты бы его сжег с тем же удовольствием, не правда ли?»

– «Клянусь честью, я этого сильно боюсь, – сказал Кюрваль,

совершая нечто с Аделаидой, от чего она в ответ громко закричала.» – «С чего это ты? – спросил Кюрваль у своей дочери. – Так орать… Разве ты не видишь, что Герцог говорит мне о том, как сжигать распускающееся семя; и что есть ты, скажи, пожалуйста, как не капля семени, распустившегося при выходе из моих яичек? Ну же, продолжайте, Дюкло, – добавил Кюрваль, – потому что я чувствую, что слезы этой непотребной девки побудят меня извергнуть еще раз, а я этого не хочу.»

«Теперь мы, – сказала Дюкло, – остановимся на подробностях, которые понравятся вам, может быть больше. Вы знаете, что я Париже есть обычай выставлять мертвецов у дверей домов. Был на свете один человек, который платил мне двенадцать франком за каждое посещение такого покойника. Все его сладострастие состояло в том, чтобы приблизиться к гробу как можно ближе, к самому краю; я должна была качать ему таким образом, чтобы его семя извергалось в гроб. И так мы обходили три или четыре места за вечер, в зависимости от того, сколько мне удавалось обнаружить; мы совершали со всеми операцию, он трогал мне задницу, я ему качала. Это был мужчина около тридцати лет, я поддерживала с ним связь более десяти лет; за это время, я уверена, заставила его залить спермой более, чем две тысячи гробов.»

«Говорил ли он что-нибудь во время своей операции? – спросил Герцог. – Обращался ли он с какими-то словами к вам или к мертвецу?» – «Он осыпал бранью умершего, – ответила Дюкло, – он говорил ему: «Постой, мошенник! Постой, плут! Постой, злодей! Забери мое семя с собой в преисподнюю!» – «Вот уж странная мания, – сказал Кюрваль.» – «Мой друг, – сказал Герцог, – будь уверен, что этот человек был одним из наших и что он на »этом, разумеется, не останавливался.» – «Вы правы, монсиньор, – сказала Ла Мартен, – и у меня будет случай представить вам еще раз этот персонаж.»

Дюкло, пользуясь тишиной, продолжала так:

«Другой гость, фантазии которого шли дальше, хотел, чтобы я имела лазутчиков в деревне, чтобы предупреждать его каждый раз, когда хоронили на каком-нибудь кладбище молодую девушку, умершую без опасной болезни (это было условие, которое он требовал соблюдать). Как только я находила усопшую, он платил очень дорого за находку, и мы отправлялись вечером на кладбище, к яме, указанной лазутчиком, земля которой была свежеперекопанная; мы оба быстро раскапывали труп; как только он мог до него дотронуться, я начинала качать член, пока он ощупывал труп со всех сторон, в особенности, ягодицы. Иногда, возбуждаясь во второй раз, он срал и заставлял меня срать на

труп, по-прежнему ощупывая те части тела, которые мог достать.»

«О! В этом деле я знаю толк, признаюсь, мне приходилось заниматься подобным несколько раз в моей жизни. Правда, я добавлял к тому несколько эпизодов, о которых еще не время рассказывать… Как бы там ни было, она меня возбуждает; раздвиньте ваши ляжки, Аделаида… «Диван прогнулся под тяжестью тел, и господин Председатель совершил инцест. «Председатель, – спросил Герцог, – держу пари, тебе казалось, будто она мертва?» – «Да, по правде говоря, – сказал Кюрваль, – так как я бы без этого не кончил.»

Дюкло, видя, что никто не берет больше слова, так закончила свой рассказ:

«Для того, чтобы не оставлять вас, господа, в таком унылом настроении, я закрою свой вечер рассказом о страсти герцога де Бофор. Этот молодой сеньор, которого я забавляла пять или шесть, раз и который для той же цели часто навещал одну из моих подруг, требовал, чтобы женщина, вооруженная годмише, голая качала самой себе перед ним: и спереди, и сзади, три часа подряд без перерыва. Перед вами ставились часы, чтобы вы не сбились; если вы прекращаете это занятие до полного истечения третьего часа, вам ничего не заплатят. Он же – перед вами и наблюдает за вами, поворачивает то в одну, то в другую сторону и требует от вас, чтобы вы лишились чувств от наслаждения; если вам в действительности случится потерять сознание посреди удовольствия, очень вероятно, что вы ускорите и его финал. В противном случае, ровно в то самое время, когда часы пробьют третий час, он подойдет к вам и извергнет вам в лицо.»

«Клянусь моей верой, – сказал Епископ, – я не знаю, почему, Дюкло, ты не предпочла оставить нас в предшествующих историях. В них было что-то привлекательное, что нас весьма возбуждало, а эта слащавая пресненькая страсть, которой ты заканчиваешь вечер, ничего не оставляет у нас в голове.» – «Она поступила правильно, – сказала Жюли, которая сидела рядом с Дюрсе. – Что касается меня, то я ей за это благодарна, это позволит всем лечь спать более спокойными, когда не будет в голове гадких мыслей, которые рождают рассказы мадам Дюкло.» – «А! Это не спасет вас, прекрасная Жюли! – сказал Дюрсе. – Не стоит забывать о прошлом, но и настоящим не нужно пренебрегать. Поэтому соблаговолите следовать за мной.» И Дюрсе бросился в свой кабинет, прихватив заодно и Софи. Кому из них пришлось тяжелее, неизвестно, но Софи издала ужасный крик и вернулась красная, как петушиный гребень.

«О! Что касается этой, – сказал Герцог, – у тебя не было нужды принимать ее за мертвую, так как своей бледностью она

походит на смерть!» – «Она кричала от страха, – сказал Дюрсе, – спроси у нес, что я ей сделал и прикажи сказать это тебе совсем тихо.» Софи приблизилась к Герцогу, чтобы ему это сказать. «Ах! – сказал тот разочарованно. – В том не было ничего сверхъестественного.»

Позвонили на ужин, друзья прервали все разговоры, чтобы пойти воспользоваться наслаждениями стола. Оргии были отслужены с достаточным спокойствием, и все легли добродетельно, так что не было даже никаких признаков опьянения, что было чрезвычайной редкостью.

Двадцать седьмой день

С самого утра начались доносы, разрешенные с предыдущего дня, и султанши, заметив, что не хватало только Розетты для того, чтобы они были все восьмером наказаны, не преминули пойти и обвинить се. Они заверили, что она пропукала всю ночь, и так как ее поступок был для остальных девушек оскорбителен, она восстановила против себя весь сераль и была немедленно записана в книгу. Все остальное прошло чудесно и, за исключением Софи и Зельмир, которые слегка запинались, друзья были встречены новым приветствием: «Черт возьми, говенный боже! Не хотите ли моей жопы? Там есть говно.» И действительно, оно было повсюду, так как старухи забрали всякий горшок, всякую салфетку и воду. Мясная диета без хлеба начинала воспламенять эти маленькие рты, которые совсем не полоскались; в этот день было замечено, что у детей было большое различие в дыханиях. «Ах, зараза! – воскликнул Кюрваль, облизывая Огюстин. – Теперь, по крайней мере, Она чего-то стоит! Возбуждается, когда целуешь ее!» Все единодушно согласились, что стало несравненно лучше. Так как до кофе не произошло ничего интересного, мы и перенесем читателя сразу к нему. Его подавали Софи, Зельмир, Житон и Нарцисс. Герцог сказал, что совершенно уверен, что Софи должна была извергнуть и что абсолютно необходимо было в этом убедиться. Он попросил Дюрсе наблюдать и, положив ее на диван, стал ее осквернять по краям влагалища, в клиторе, в заднем проходе – сначала пальцами, затем языком. Природа восторжествовала: не прошло и четверти часа, как эта прекрасная девушка смутилась, стала красной, вздохнула; Дюрсе указал на все эти изменения Кюрвалю и Епископу, которые не могли поверить, что она вот-вот извергнет; что касается Герцога, то этот молодой маленький дурачок намок со всех сторон: маленькая плутовка намочила ему все губы своим семенем. Герцог не мог устоять перед

похотливостью своего опыта; он встал и, склонившись над девочкой, ввел пальцами сперму вовнутрь влагалища так далеко, как мог. Кюрваль с головой, разгоряченной этим зрелищем, схватил Софи и потребовал кое-что еще кроме семени; девочка предложила ему свой красивый зад; Председатель приставил к нему рот… Умный читатель без труда угадал, что тот получил. В это время Зельмир, взяв в рот, забавляла Епископа, а он качал ей задний проход. Одновременно Кюрваль, заставлял качать себе Нарцисса, задницу которого он с жадностью целовал. Тем не менее, только Герцог сумел потерять свое семя: Дюкло объявила на этот вечер еще более милые рассказы, чем предыдущие, и все хотели поберечь себя для того, чтобы их услышать. Время настало; вот как стала изъясняться эта интересная девица:

«Один человек, ни окружения, ни существования которого я никогда не знала и которого я смогу, вследствие этого, обрисовать очень несовершенно, упросил меня по записке явиться к нему в девять часов вечера на улицу Бланш-дю-Рампар. Он уведомлял меня, что не имел дурных намерений и что, хотя он не знаком со мной, у меня не будет повода жаловаться на него. Письмо сопровождалось двумя луидорами; несмотря на свою обыкновенную осторожность, которая, конечно, должна была заставить меня воспротивиться этому приглашению, так как я не знала того, кто меня заставлял нанести визит, я, тем не менее, решилась, совершенно доверившись не знаю уж какому предчувствию, которое, казалось, очень тихо подсказывало, что мне нечего бояться. Я являюсь, и после того как слуга предупредил меня, чтобы я полностью разделась и что только в таком виде он сможет ввести меня в покои своего господина, исполняю приказание; как только он видит меня в желаемом виде, он берет меня за руку и, проведя через две или три комнаты, наконец, стучит в какую-то дверь. Она открывается, я вхожу, слуга удаляется; дверь закрывается, однако между печью и тем местом, куда я была введена, не было ни малейшей разницы: ни свет, ни воздух не проникали в это помещение ни с одной стороны. Едва я вошла, какой-то голый человек подошел ко мне и схватил меня, не произнося ни единого слова; я не теряю присутствия духа, убежденная, что все это клонится к потере небольшого количества семени, которое требовалось пролить для того, чтобы оправдать этот ночной обряд: я подношу руку к низу его живота с целью заставить чудовище побыстрее потерять свой яд, делавший его таким злым. Я нахожу хобот очень толстым, ужасно твердым и чрезвычайно упрямым и шаловливым; через мгновение мои пальцы отводятся; кажется, он не желает, чтобы я прикасалась к нему; меня сажают на табурет. Неизвестный

помещается напротив меня и, схватив мои сосцы один за другим, сжимает и сдавливает их с такой силой, что я ему грубо говорю: «Вы мне делаете больно!» Тогда он перестает, поднимает меня, укладывает плашмя на высокий диван и, усевшись между моих ног сзади, начинает делать с моими ягодицами то, что только что делал с моей грудью: их щупают и сдавливают с неистовством, с беспримерным бешенством, раздвигают, снова сжимают, их валяют, целуют, покусывая, сосут отверстие в моем заду, и так как эти сжимания, много раз возобновляемые, представляют меньшую опасность с этой стороны, чем с другой, я не противлюсь ничему, давая ему делать с собой все, что он хочет, и пытаясь угадать, какой могла быть цель этой тайны, если вещи оказались такими простыми; вдруг я слышу, как мой человек испускает ужасные крики: «Спасайся, пропащая дрянь! Спасайся, – кричит он мне, – спасайся, беспутная девка! Я кончаю и не отвечаю за твою жизнь.» Вы охотно верите, что моим первым движением было вовремя дать деру; слабый луч предстал передо мной: это был луч света, впускаемый дверью, через которую я вошла; я бросаюсь туда, нахожу слугу, который меня встретил, бросаюсь в его объятия, он возвращает мне мое платье, даст мне два луидора, и я удираю, очень довольная, что так дешево отделалась.»

«Вам следовало поздравить себя, – сказала Ла Мартен, – так как это было лишь жалкое подобие его обыкновенной страсти. Я покажу вам того человека, господа, – продолжала она, – в более опасном обличье.» – «Не в таком роковом, как то, в котором представлю его я господам, – добавила Ла Дегранж, – и я присоединяюсь к мадам Ла Мартен, чтобы заверить вас, что вам чрезвычайно повезло, что вы легко отделались; этот человек имел и другие страсти, гораздо более странные.» – «Хорошо, подождем, чтобы об этом судить, узнав всю его историю, – сказал Герцог. – Поспеши, Дюкло, рассказать нам какую-нибудь другую для того, чтобы убрать из памяти этого отъявленного негодяя.»

«Тот человек, которого я увидела затем, господа, – продолжала Дюкло, – хотел женщину, у которой была бы очень красивая грудь; так как это одно из моих достоинств, то после того, как я ему ее представила на обозрение, он предпочел меня всем моим Девочкам. Но какое употребление для моей груди и для моего лица намеревался сделать этот замечательный развратник? Он укладывает меня, совершенно голую, на софу, помещается верхом на грудь, устанавливает свой хобот между моих сосцов, приказывает мне сжимать его как можно сильнее и по прошествии недолгого времени мерзавец орошает их семенем, выбрасывая подряд более Двадцати очень густых плевков мне в

лицо.»

«Простите, – сказала, ворча, Аделаида Герцогу, который только что плюнул ей в нос, – я не вижу, какая необходимость заставляет вас подражать этой мерзости! Вы прекратите? – спросила она, вытираясь.» – «Когда мне будет угодно, дитя мое, – отвечал ей Герцог. – Запомните один раз на всю жизнь, что вы здесь лишь для того, чтобы, повиноваться и позволять с собой делать все. Итак, продолжай, Дюкло; я, быть может, сделал бы хуже; но так как обожаю этого прелестного ребенка, – сказал он с издевкой, – то совершенно не хочу его оскорблять.»

«Не знаю, господа, – сказала Дюкло, – слышали ли вы о страсти командора Святого Эльма. У него был игорный дом, где все, кто приходил рисковать деньгами, жестоко обчищались; но что было совершенно необыкновенно, так это то, что командор возбуждался от того, что обжуливал гостей: после каждого обчищения карманов он извергал в штаны; одна женщина, которую я отлично знала и которую он долго содержал, сказала мне, что иногда это дело распаляло его до такой степени, что он был вынужден искать вместе с ней некоторого освежения жару, которым был поглощен. На этом он не останавливался: для него притягательную силу имела любого вида кража; с ним нельзя было чувствовать себя в безопасности. Сидел ли он за вашим столом, он крал там приборы; в вашем кабинете – ваши драгоценности; возле вашего кармана – вашу табакерку или ваш платок. От всего этого у него стоял, и он даже кончал, как только что-либо брал.

Он был в этом отношении, конечно, менее удивительным, чем председатель Парламента, с которым *я* сошлась, придя к госпоже Фурнье, и отношения с которым сохраняла, поскольку он хотел иметь дело только со мной. У председателя была маленькая квартира на Гревской площади, снятая на год; старая служанка занимала ее одна в качестве консьержки; единственной обязанностью этой женщины было держать эту квартиру в порядке и уведомлять председателя, как только на площади начинались приготовления к казни. Председатель немедленно велел мне быть готовой, заезжал за мной переодетый; на извозчике мы отправлялись на нашу квартирку. Окно этой комнаты было расположено таким образом, что находилось прямо над эшафотом; председатель и я помещались у окна за решетчатым ставнем; на одну из перекладин он устраивал превосходную зрительную трубу; в ожидании казни этот помощник Фемиды забавлялся со мной на кровати, целуя мои ягодицы – что, к слову сказать, ему необыкновенно нравилось. Наконец, гул на площади сообщал нам о прибытии жертвы; наш

герой в мантии занимал свое место у окна; я садилась возле него с предписанием мять руками и легко качать его орудие, соизмеряя своп встряхивания с экзекуцией, которую он собирался наблюдать, – так, чтобы сперма вырвалась именно в ту минуту, когда осужденный отдаст душу Богу. Преступник поднимался на эшафот, председатель созерцал; чем ближе осужденный был к смерти, тем яростнее и неудержимее был хобот негодяя в моих руках. Наконец, казнь свершалась; в *это* мгновение он кричал: «Ах! Черт возьми, – говорил он, – дважды конченый Бог! Как бы я хотел быть его палачом и насколько бы лучше я ударил!» Впрочем, его наслаждения зависели от рода казни: повешенный производил в нем простое ощущение, колесованный человек вызывал у него бред, приводил в исступление; но если же человека сжигали или четвертовали, он падал от наслаждения без чувств. Мужчина казнился или женщина – ему было все равно: «Только, – говорил он, – толстая женщина имеет на меня большое воздействие, но, к несчастью, казней таких не происходит.» – «Но, господин, – говорила я ему, – вы, по своей должности, способствуете смерти этой несчастной жертвы.» – «Разумеется, – отвечал он, – именно это забавляет меня больше всего: за те тридцать лет, что я в суде, я ни разу не подал своего голоса против смертной казни.» – «Не считаете ли вы, – спросила я, – что вам следовало упрекнуть себя в смерти этих людей как их убийцу?» – «Ну же! – сказал он мне, – нужно ли обращать внимание на такие мелочи?» – «Но, – молвила я, – однако это и есть то, что в мире называют гнусным делом.» – «О! – сказал он мне, – нужно уметь решаться на гнусные дела, от которых хобот стоит, и делать это по очень простой причине: всякая вещь, представляющаяся вам ужасной, более не будет являться для вас таковой, как только заставит вас кончить; таким образом она остается ужасной исключительно в глазах других; кто докажет мне, что мнение других, почти всегда ложное, не является также ложным и в данном случае? Не существует, – продолжал он, – ничего в сущности доброго и ничего в корне злого; все оценивается лишь отношением к нашим нравам, к нашим мнениям и к нашим предрассудкам. Установив это положение, возможно, что какая-нибудь вещь, совершенно безразличная сама по себе, тем не менее, выглядит недостойной в ваших глазах и очень сладостной в моих; и так как она мне нравится, как следует определить ее место? Не будет ли сумасшествием лишать себя ее только потому, что вы ее порицаете? Полноте, полноте, моя дорогая Дюкло, жизнь человека – такая незначительная вещь, что ей Можно пренебречь, поскольку это доставляет удовольствие. Пренебрегаем же мы жизнью кошки или собаки; пусть слабый

защищается, он, за очень редким исключением, имеет то же оружие, что и мы. И поскольку ты так совестлива и щепетильна, – добавил мой герой, – что ты, в таком случае, скажешь о причуде одного из моих друзей?» Думаю вам покажется уместным, господа, чтобы эта причуда, о которой он мне рассказал, составила пятин рассказ моего вечера.

Так вот, председатель рассказал мне о своем друге, который хотел иметь дело только с женщинами, которые будут казнены. Чем больше время, когда их могут ему представить, соседствует с тем, когда они умрут, тем больше он платит; встреча должна была состояться только после того, как им объявили приговор. Имея доступ, по своей должности, к женщинам такого рода, он не упускал из них ни одной; за свидание наедине он платил до ста луидором. Он не наслаждался ими, он требовал от них показать ему спои ягодицы и посрать, утверждая, что ничто не сравнится со вкусом дерьма женщины, с которой только что сделали подобное превращение. Нет ничего на свете, чего бы он ни придумал, чтобы устроить себе такие свидания; к тому же, как вы понимаете, он не хотел, чтобы его узнали. Несколько раз он сходил за исповедника, иногда – за друга семьи… «Когда он заканчивал операцию, представь себе, что он оставлял на финал, моя дорогая Дюкло? – спрашивал у меня председатель, – то же самое, что и я, моя дорогая подруга: он оставлял свое семя для развязки и выбрасывал его, видя, как женщины прелестно издыхают.» – «Ах! Это настоящий злодей!» – говорю ему я.» – «Злодей? – прервал он… – Все это пустые слова, мое дитя! Нет ничего злодейского в том, от чего стоит; единственное преступление в мире – это отказать себе в чем-нибудь из этого рода.»

«Поэтому он ни в чем себе не отказывал, – сказала Ла Мартен, – И Ла Дегранж, и я получим, я надеюсь, случай побеседовать с обществом о нескольких похотливых и преступных анекдотах того же персонажа.» – «Ах! Тем лучше, – сказал Кюрваль, – это человек, которого я уже заочно люблю. Вот как следует относится к удовольствиям. Философия вашего знакомого мне бесконечно нравится. Невероятно, до какой степени человек, ограниченный во всех своих развлечениях, во всех своих способностях, стремится сузить рамки своего существования своими недостойными предрассудками. Невозможно даже себе представить, например, насколько тот, кто возвел убийство в преступление, ограничил все эти сладострастия; он лишил себя сотни удовольствий, более сладостных, чем другие, осмеливаясь принять ненавистную химеру предрассудка. Какого дьявола может сделать природа на

одного, десять, пятьсот человек больше или меньше в мире? Победители, герои, тираны (устанавливают ли они этот абсурдный закон!) не осмеливаются делать другим то, чего мы не хотим, чтобы было сделано нам?

По правде говоря, друзья мои, я не скрываю этого от вас, но содрогаюсь, когда слышу, как глупцы осмеливаются мне говорить об этом законе природы…

Боже правый! Жадная до убийств и преступлений природа запечатлевает единственный закон в глубине наших сердец: удовлетворять себя, неважно за счет кого. Но терпение! Я, может быть буду иметь скоро лучший случай вдоволь побеседовать об этих предметах; я изучил их основательно и надеюсь, сообщив вам о них, убедить вас, как убежден сам, что единственный способ услужить природе состоит в том, чтобы следовать ее желаниям, какого рода они ни были бы, потому что для поддержания ее законов порок так же необходим, как и добродетель. Она умеет советовать нам по очереди то, что в этот момент необходимо для ее намерений. Да, друзья мои, я побеседую в другой день обо всем этом; теперь нужно, чтобы я потерял семя, потому что этот дьявольский человек с казнями на Гревской площади мне совершенно раздул яйца.»

Пройдя в дальний будуар вместе с Ла Дегранж, Фаншон, своими добрыми подругами (потому что они были такими же преступницами, как и он), они увели за собой Алину, Софи, Эбе, Антиноя и Зефира. Я не знаю, что развратник придумал в окружении этих семерых человек, но действие длилось долго; слышался его крик: «Ну же, повернитесь же! Я не этого от вас прошу!» и другие слова, которые он говорил в досаде и которые перемежались с ругательствами, которым, как было известно, он был сильно подвержен в минуты распутства; наконец, женщины появились, очень красные, растрепанные и с видом жестоко поколоченных – во всех смыслах. В это время Герцог и его два друга не теряли времени даром, но Епископ был единственным, кто мог кончить таким необыкновенным образом, о котором нам еще пока не позволено сказать. Все сели за стол; Кюрваль немного пофилософствовал. Твердый в своих принципах, он был таким же нечестивым, безбожником и преступником после потери семени, как и в пылу темперамента. Никогда семя не должно ни диктовать, ни руководить принципами; это принципам следует управлять его потерей. Стоит ли у вас или нет, философия, независимая от страстей, всегда должна оставаться собою. Оргии состояли в выяснении истины, о которой они ранее не думали и которая теперь была для них интересной: У кого из этих девочек и мальчиков самая красивая задница? Вследствие этого, они

поставили восемь мальчиков в один ряд, прямо, но в то же время немного наклоненных вперед: таков настоящий способ хорошо рассмотреть зад и вынести о нем суждение.

Осмотр был длинным и строгим; оспаривались мнения, которыми они обменивались, пятнадцать раз подряд производился осмотр; Си всеобщего согласия яблоко было присуждено Зефиру: все единодушно сошлись во мнении, что невозможно найти внешности более совершенной и лучше скроенной. Затем перешли к девочкам, которые приняли те же позы; решение принималось также очень долго: было почти невозможно выбрать между Огюстин, Зельмир и Софи. Огюстин, более высокая, лучше сложенная, чем две других, несомненно одержала бы верх у живописцев; но развратники хотят больше грации и изящества, чем верности образцу, больше дородности, чем правильности. Она имела слишком большую худобу и хрупкость; две другие представляли такой свежий цвет тела, были такими пухленькими, с такими белыми и круглыми ягодицами, с такой сладострастно очерченной линией бедер, что взяли верх над Огюстин. Как решить спор между двумя? Десять раз мнения оказывались поделенными поровну. Наконец взяла верх Зельмир; герои соединили двоих очаровательных детей, поцеловали их, поласкали, прощупали, погладили. Зельмир было приказано качать Зефиру, который, чудесно кончив, дал самое большое удовольствие из всех, которые можно наблюдать; в свою очередь он приласкал девочку, которая лишилась чувств у него на руках; эти сцены невыразимого вожделения и бесстыдства заставили потерять семя Герцога и его брата, но слабо взволновали Кюрваля и Дюрсе, которые сошлись на том, что им необходимы сцены менее слащавые, дабы взволновать старые изнуренные души, и что все эти глупости хороши лишь для молодых людей. Наконец все пошли спать, и Кюрваль, в лоне каких-то новых гнусностей, получил вознаграждение за те нежные пасторали, свидетелем которых его сделали.

Двадцать восьмой день

Это был день свадьбы; наступила очередь Купидона и Розетты быть соединенными узами брака; по одной роковой случайности оба в этот вечер находились в роли наказываемых. Так как никто не оказался в это утро виноватым, эта часть дня была употреблена на церемонию бракосочетания; едва она была совершена, молол их соединили в гостиной, чтобы посмотреть, что они будут делать вместе. Поскольку мистерии Венеры совершались на глазах у этих детей часто, хотя еще ни один из

них не участвовал в них, у них было достаточное представление того, что следовало исполнить с некоторыми предметами.

Купидон, у которого стоял весьма туго, поместил, недолго думая, свой маленький клинышек между бедрами Розетты, которая давала это делать с собой со все простодушием, полным невинности; мальчик так хорошо взялся за дело, что должен был, вероятно, добиться успеха, когда Епископ заставил его отдать себе то, что ребенок, я думаю, с большим удовольствием отдал бы своей маленькой жене. Не переставая просверливать широкий зад Епископа, он смотрел на нее глазами, которые показывали его сожаление; но она сама была вскоре занята тем, что Герцог кинул ей в бедра. Кюрваль с вожделением стал щупать зад маленького кидалыцика Епископу; так как эта красивая маленькая попка находилась, согласно порядку, в желаемом состоянии, он ее облизал и слегка возбудился. Дюрсе делал то же самое маленькой дочери, которую Герцог держал спереди. Однако никто не извергнул, и все если за стол; два молодых супруга, которые были допущены, подавали кофе вместе с Огюстин и Зеламиром. Сладострастная Огюстин, вся смущенная оттого, что не получила накануне приз за красоту, как бы назло оставила царить в своей прическе беспорядок, который делал ее в тысячу раз интереснее. Кюрваль пришел от этого в большое волнение и сказал, осматривая ее ягодицы: «Не могу понять, как это маленькая плутовка не выиграла вчера пальмы; черт меня побери, если есть на свете зад красивее этого!» В то же время он приоткрыл его и спросил Огюстин, была бы она готова его удовлетворить. «О! Да, – сказала девочка, – и с избытком, потому как я более не могу сдерживать нужду.» Кюрваль ложится на диван и, преклонив колени перед прекрасной задницей, в одно мгновение проглатывает кал. «Святый Боже! – воскликнул он, повернувшись к своим друзьям и показывая им свой член, приклеившийся к животу, – вот и я в состоянии, когда можно предпринять чудовищные вещи.» – «Что же? – спросил у него Герцог, который любил говорить ему неприятности, когда тот находился в таком состоянии.» – «Что? – отвечал Кюрваль – Любую гнусность, какую мне предложат, лишь бы она могла разъять природу и расшатать вселенную.» – «Пойдем, пойдем, – сказал Дюрсе, который видел, как тот бросает бешеные взгляды на Огюстин, – пойдем, послушаем Дюкло, я убежден, что если тебе сейчас отпустить поводья, то эта бедная цыпочка скверно проведет время.» – «О, да! – сказал с жаром Кюрваль. – Очень скверно, за это я могу твердо отвечать.» – «Кюрваль, – сказал Герцог, у которого неистово стоял, после того как он заставил наложить Розетту, – пусть нам оставят сераль, а через два часа мы за него

отчитаемся.» Епископ и Дюрсе взяли их за руки; именно в таком виде (то есть спустив штаны и с поднятыми членами) развратники предстали перед собранием, уже расположившемся в исторической гостиной и готовым слушать новые рассказы Дюкло, которая предвидя по состоянию двух господ, что будет вскоре прервана как всегда начала повествование такими словами:

«Один придворный, человек около тридцати пяти лет, пришел ко мне просить одну из самых хорошеньких девочек, которую только можно было найти. Он не предупредил меня о своей страсти, и для того, чтобы его удовлетворить, я дала ему молодую работницу из магазина мод, которая никогда не принимала участия в увеселениях и которая была, бесспорно, одним из самых прекрасных созданий, которое можно было найти. Я свожу их и, любопытствуя узнать, что произойдет, весьма быстро располагаюсь у моей дырки. «Где это чертовка мадам Дюкло? – так он начал говорить. – Подобрала такую гадкую девку, как вы? Наверное, и грязи!.. Вы приставали к каким-нибудь караульным солдатам, когда за вами пришли.»

Юное существо, стыдясь и не будучи ни о чем предупрежденной, не знала, как себя держать.

«Ну же! Раздевайтесь скорее, – продолжал волокита, – как вы неуклюжи!.. Я за всю мою жизнь не видел шлюхи более уродливой и более глупой… Ну же! Давайте же, мы сегодня кончим?.. А? Стало быть это тело, которое мне так хвалили? Какие груди… Их можно было бы принять за вымя старой коровы!» И он грубо пощупал.» – «А этот живот! Какой он сморщенный!.. Вы, наверное, произвели двадцать детей?» – «Ни одного, месье, уверяю вас,» – «О да, ни одного: вот так они все говорят, эти девки; их послушать, так они навеки девственницы… Ну же, повернитесь! Мерзкий зад… Какие вялые и отвратительные ягодицы… Это, вероятно, при помощи пинков вам соорудили такую задницу!» Заметьте, пожалуйста, господа, что это была самая красивая задница, которую можно было увидеть!

В это время юная девочка стала дрожать; я различала биение ее маленького сердца и видела, как красивые глаза покрывались какой-то тенью. Чем больше она казалась растерянной, тем больше проклятый негодяй ее унижал. Невозможно вам сказать все глупости, которые он к ней обращал; такое не осмелишься сказать самой подлой и самой бесчестной девке! Наконец ее стошнило, полились слезы; в это время развратник, который мастурбиронал себя изо всех сил, выдал ей букет самых сильных из своих литаний. Невозможно передать вам мерзости, которые

он ей сказал: *о* коже, росте, чертах лица, о смрадном запахе, который, как он уверял, она испускала, о ее умении себя держать, о ее уме; одним словом, он делал все, чтобы привести в отчаяние ее гордость; Он кончил перед ней, изрыгая такие ужасные вещи, которые не осмелился произнести и носильщик. За этой сценой последовало нечто очень забавное, послужившее проповедью для этой юной девушки; она поклялась, что не подвергнется более никогда в жизни подобному приключению, и как я узнала, провела остаток своих дней в монастыре. Я сказала об этом молодому человеку; его это чрезвычайно позабавило и он попросил меня в будущем устроить новое обращение…

Другой клиент, – продолжала Дюкло, – приказывал мне искать ему девушек, крайне чувствительных, тех, которым плохой поворот событий мог причинить боль. Найти такую стоило мне большого труда: его было трудно обмануть. Наш гость был знатоком с тех времен, как он стал играть в эту игру; с первого взгляда он видел, был ли наотмашь удар, который он наносил. Поэтому я никогда его не обманывала и всегда предоставляла ему юных девушек, находившихся в том расположении духа, какое он

желал. Однажды я показала ему девушку, которая ждала из Дижона известий об одном молодом человеке; она его боготворила и звала Валькур. Я их знакомлю. «Откуда вы, сударыня? – спрашивает у нее наш развратник.» – «Из Дижона, сударь.» – «Из Дижона? Ах! Черт возьми, вот письмо, которое я только что оттуда получил; в нем мне сообщили известие, которое меня опечалило.» – «Что же случилось? – спрашивает с интересом юная девушка. – Я знаю весь город и эта новость, может быть, мне интересна.» – «О, нет, – говорит наш гость, – она касается только меня; это известие о смерти одного молодого человека, к которому я проявлял самый живой интерес. Он только что женился на девушке, которую мой брат, живущий в Дижоне, доставил ему и в которую он был очень влюблен; на следующий день после свадьбы он внезапно умер.» – «Его имя, месье, прошу вас?» – «Его звали Валькур; он был из Парижа, жил на такой-то улице, в таком-то доме… Ох, вы, конечно, не знаете.»

А в это время молодая девушка падает навзничь и теряет сознание. «Ах, черт! – говорит наш развратник в восторге, расстегивая штаны и качая себе над ней. – Ах! Правый Боже! Такую-то я и хотел! Ну же, ягодицы, ягодицы, мне нужны только ягодицы, чтобы кончить.» И, перевернув ее и задрав платье неподвижно лежащей девушке, он дает по ее заднице семь или восемь залпом семени и исчезает, не заботясь ни о последствиях того, что он сказал, ни о том, что станет с несчастной.

«Она подохла? – спросил Кюрваль, которого уже ломало в пояснице.» – «Нет, – сказала Дюкло, – но с ней после этого случилась болезнь, которая продлилась больше шести недель.» – «О! Славное дело, – сказал Герцог. – Но было бы лучше, если бы ваш человек выбрал время ее месячных, чтобы сообщить ей это известие.» – «Да, – сказал Кюрваль, – скажите лучше, Герцог, у вас стоит? Я вас отлично знаю: вы хотели бы, чтобы она умерла на месте.» – «И хорошо, в добрый час! – сказал Герцог. – Раз вы хотите, чтобы было так, я с этим согласен; что касается меня, то я не буду себя укорять смертью какой-то девчонки.» – «Дюрсе, – сказал Епископ, – если ты не пошлешь кончить этих бездельников, сегодня вечером будет возня.» – «Черт побери, – сказал Кюрваль Епископу, – вы боитесь за свое стадо! Двумя или тремя больше или меньше, что от этого случится? Пойдемте, Герцог, в будуар и возьмем компанию, потому что эти господа не хотят, чтобы их сегодня вечером соблазняли.»

Сказано – сделано; два наших развратника велели следовать за собой Зельмир, Огюстин, Софи, Коломб, Купидону, Нарциссу, Зеламиру и Адонису в сопровождении «Бриз-Кюль», «Банд-О-Съель», Терезы, Фаншон, Констанс и Юлии. Через минуту стали

слышны два или три женских крика и рев наших злодеев, которые вместе отрыгали свое семя. Огюстин вернулась, держа платок у носа, из которого шла кровь, а Аделаида с платком у груди. Что касается Юлии, всегда достаточно развратной и ловкой, чтобы вывернуться из переделок, она смеялась, как помешанная и говорила, что без нее они бы никогда не кончили.

Труппа вернулась; у Зеламира и Адониса ягодицы еще были полны семени. После этого герои заверили своих друзей в том, что вели себя со всевозможным приличием и стыдливостью, с тем, чтобы не заслужить ни одного упрека, и что теперь, совершенно спокойные, они в состоянии слушать. Дюкло было велено продолжать, что она и сделала:

«Мне досадно, – сказала эта красивая девушка, – что господин Кюрваль так поспешил облегчить свои нужды, потому что у меня были две истории о беременных женщинах; рассказ о них мог доставить ему удовольствие. Я знаю его пристрастие к такого рода женщинам и убеждена, что если бы у него осталось хоть какое-нибудь желание, то эти две сказки его бы развлекли.»

«Рассказывай, рассказывай, не прерывайся, – сказал Кюрваль, – разве ты не знаешь, что семя никогда не влияло на мои чувства; мгновение, когда я больше всего люблю зло – это мгновение, когда я его делаю!»

«Ну, хорошо, – сказала Дюкло, – я знала одного человека страстью которого было видеть, как рожает женщина. Он качал себе, видя ее мучения, и извергал семя на голову ребенку, как только его замечал.

Второй помещал женщину на седьмом месяце на отдельное возвышение – более пятнадцати футов в высоту. Она должна *была* там держать равновесие и не терять головы, потому что если бы, к несчастью, у нее закружилась голова, она и ее плод разбились бы. Развратник, о котором я вам говорю, очень мало обеспокоенный положением несчастной, которой он за мучения платил, держал ее там до тех пор, пока не кончал; он качал себе перед ней, крича: «Ах! Прекрасная статуя! Прекрасное украшение! Прекрасная императрица!»

«Ты бы потряс это возвышение, не правда ли, Кюрваль? – спросил Герцог.» – «О! Вовсе нет, вы ошибаетесь; я слишком хорошо знаю о том уважении, которое мы должны оказывать природе и ее творениям. Самое интересное из всего на земле – есть размножение нашего рода! Разве это не чудо, которое мы должны обожать? Что до меня, я никогда не вижу беременную женщину без того, чтобы не растрогаться: представь себе, эта женщина, как печка, даст распуститься капле соплей в глубине своего влагалища! Есть ли что-нибудь такое же прекрасное, такое

же нежное? Констанс, подойдите, прошу вас, подойдите, чтобы я поцеловал у вас тот алтарь, где хранится глубокая тайна.»

Поскольку девушка находилась в своей нише, не нужно было далеко идти, чтобы найти храм, который он хотел обслужить. Однако следом все услышали крик Констанс, который ничуть не был похож на следствие богослужения или приношения даров. Дюкло воспользовалась тишиной и закончила свои рассказы следующей сказкой:

«Я познакомилась, – сказала эта милая девушка, – с человеком, страсть которого состояла в том, чтобы слышать, как дети издают громкие крики. Ему нужна была мать, у которой был бы ребенок трех или четырех лет; он требовал, чтобы мать била ребенка перед ним; когда маленькое создание начинало плакать, нужно было, чтобы мать завладела хоботом негодяя и качала его перед лицом ребенка, в нос которого он и извергал семя, едва видел, что тот в слезах.»

«Держу пари, – сказал Епископ Кюрвалю, – этот человек любил размножение не больше, чем ты.» – «Я думаю, – сказал Кюрваль, – это должен был быть, следуя правилу одной остроумной дамы, великий злодей; согласно ему, всякий человек, который не любит ни животных, ни детей, ни беременных женщин, является чудовищем, которое следует колесовать. Ну вот, мое дело совсем решено в суде этой старой кумушки, – добавил Кюрваль, – так как я не люблю ни одну из этих трех вещей.»

Было поздно; перерыв занял значительную часть вечера, все если за стол. За ужином решались следующие вопросы: для чего у человека чувствительность и полезна ли она или нет для его счастья? Кюрваль доказал, что чувствительность опасна и что это самое первое чувство, которое нужно притуплять в детях, приучая их с раннего возраста к жестоким зрелищам. После того, как каждый высказался по этому вопросу, все вернулись к мнению Кюрваля.

После ужина Герцог и Кюрваль послали спать женщин и мальчиков, чтобы устроить оргии в мужской компании. Все согласились с этим планом; они заперлись с восемью кидальщиками и провели всю ночь, отдаваясь им и употребляя напитки. В два часа, на рассвете, они отправились спать, и следующие дни принесли с собой события и рассказы, которые читатель отыщет в книге, если возьмет на себя труд прочесть то, о чем говорится далее.

Часть вторая

Сто пятьдесят второразрядных или «двойных» страстей, составляющие тридцать один день декабря, наполненный повествованием мадам Шамвиль, к которым прилагается точный дневник скандальных происшествий в замке в течение этого месяца.

План

Первое декабря. Мадам Шамвиль приступает к рассказам и рассказывает следующие сто пятьдесят историй (цифры предшествуют рассказам.)

1. Он хочет лишать невинности спереди непременно девочек от трех до семи лет. Это он лишил невинности мадам Шамвиль и возрасте пяти лет.

2. Он приказывает связать девочку, привязав ей руки к ногам, и лишает ее невинности, наседая на нее по-собачьи.

3. Он хочет изнасиловать девочку двенадцати-тринадцати лет и лишает ее невинности, приставляя ей к груди пистолет.

4. Он хочет возбудить хобот мужчины на щелке девственности; сперма служит ему смазкой; затем он имеет спереди девственницу, которую ему держат.

5. Он хочет лишать невинности трех девочек подряд: одну – в колыбели, другую пяти лет и третью – семи.

Второе. 6. Он хочет лишать невинности лишь тех, кому от девяти до тринадцати. Хобот его огромен; четыре женщины должны держать девственницу. Это тот самый мужчина, который был с Л а Мартен и трахает в задницу только тех, кому три года – это тот самый, из ада.

7. Он приказывает слуге лишать невинности у него на глазах девочку десяти-двенадцати лет; во время этой операции он касается только их задниц: теребит то ягодицы девственницы, то – зад слуги; он кончает на задницу слуги.

8. Он хочет лишить невинности девицу, которая на следующий день должна идти под венец.

9. Он хочет после бракосочетания лишить невинности молодую супругу – между мессой и часом отхода ко сну.

10. Он хочет, чтобы его слуга, очень ловкий человек, женился, где только можно, на девицах и приводил их к нему. Хозяин сперва имеет их, а он потом переправляет к сводням.

Третье. 11. Он хочет лишить невинности непременно двух сестер.

12. Он женится на девице, лишает ее невинности, но

обманывает ее, и, как только дело сделано, отдает сводням.

13. Он насилует девственницу сразу после того, как другой мужчина лишил ее невинности у него на глазах; он хочет, чтобы все ее влагалище было залито спермой.

14. Он лишает девушку невинности при помощи годмише и кончает в только что проделанное им отверстие, не погружаясь в него.

15. Он хочет девственниц непременно знатного происхождения и платит им золотом. Им окажется Герцог, который признается в том, что за тридцать лет он таким образом лишил невинности более полутора тысяч девиц.

Четвертое. 16. Он принуждает одного монаха переспать со своей сестрой у него на глазах, а затем сам спит с ней; перед этим актом он заставляет их обоих опорожнять желудки.

17. Он принуждает одного отца переспать со своей дочерью после того, как сам он лишил ее невинности.

18. Он ведет свою девятилетнюю дочь в бордель и там лишает ее невинности; при этом ее держит сводня. У него было двенадцать дочерей, и он их всех таким образом лишил невинности.

19. Он хочет лишать невинности девиц непременно от тринадцати до сорока.

20. Он хочет лишать невинности непременно монашек и тратит огромные деньги, чтобы заполучить их; он их получает.

Все это происходит четвертого вечером; в тот же вечер во время оргий Герцог лишает невинности Фанни, которую держат четыре старухи, а прислуживает Дюкло. Он трахает ее два раза подряд; она теряет сознание; во второй раз он берет ее лежащей без чувств.

Пятое. После этих повествований, чтобы отмстить завершение пятой недели, женят Гиацинта и Фанни; свадьба совершается в присутствии всех.

21. Он хочет, чтобы мать держала при соитии свою дочь; сначала он трахает мать, а потом лишает невинности девочку, которую та держит. Это тот самый герой, что 20 февраля имел дело с Ла Дегранж.

22. Ему нравится только адюльтер; требуется находить благоразумных женщин с хорошей семейной репутацией, которых он отвращает от мужей.

23. Он хочет, чтобы муж сам привел к нему свою жену и держал ее, пока он ее насилует. (Наши друзья немедленно последуют этому примеру).

24. Он укладывает на кровать замужнюю женщину, трахает ее спереди, тем временем дочь этой женщины, находясь перед ним

сверху, подставляет ему для поцелуев свою щелку; мгновение спустя он погружает свой хобот в щель дочери, целуя при этом отверстие в заднице матери. Когда он целовал щель дочери, он заставлял ее писать, когда он целует зад матери, он заставляет ее опорожняться.

25. У него есть четыре законных дочери; он хочет иметь их всех четырех; всем четырем он делает детей, чтобы иметь удовольствие в один прекрасный день лишить невинности этих детей, которых он сделал своей дочери и которых их мужья считают своими.

Герцог рассказывает по этому поводу историю, но она не составляет отдельного пункта, поскольку ее нельзя воспроизвести, а значит, это не представляет отдельной страсти; итак он рассказывает о том, что знал одного человека, который изнасиловал троих детей, которых имел от своей матери; от них у него была дочь, которую он выдал замуж за своего сына; таким образом, трахая ее, он имел одновременно свою сестру, дочь и невестку, и еще принуждал своего сына трахать свою сестру и мачеху. Кюрваль по этому поводу рассказывает еще одну историю о брате и сестре, которые разработали план взаимно отдавать друг другу своих детей. У этой сестры были мальчик и девочка, у брата – тоже, они перемешивались таким образом, что они то спали со своими племянниками, то – со своими детьми; временами совокуплялись двоюродные братья и сестры или родимо брат и сестра, в то время, как их родители, то есть брат и сестра, тоже трахались друг с другом.

В этот вечер Фанни предоставляет свою щелку всему собранию, но поскольку Епископ и Дюрсе не трахают спереди, то ее имеют только Кюрваль и Герцог. С этого момента она носит шарфом небольшую ленту, а после потери невинности с обеих сторон будет очень широкую розовую ленту.

Шестое. 26. Он заставляет возбуждать себе член одновременно с тем, как возбуждают клитор женщины, и хочет кончить в то же время, что и эта девица, но кончает на ягодицы того человека, который возбуждает девицу.

27. Он целует отверстие в заднице у одной, в то время как ню-рая девица возбуждает его сзади, а третья – возбуждает ему хобот; они меняются местами, чтобы каждая подставляла ему для поцелуя отверстие в заду, возбуждала бы ему член и ягодицы. Надо выпускать ветры.

28. Он лижет влагалище у одной женщины, тем временем сует. рот второй, а третья лижет ему зад; также он меняет их местами; щель должна получит разрядку, и он глотает эту слизь.

29. Он сосет засранную задницу, заставляет возбуждать свой

грязный зад языком; сам возбуждает себе хобот на грязной заднице; затем три девицы меняются местами.

30. Он заставляет двух девиц возбуждаться у него на глазах, по очереди трахает возбудительниц в зад, по-собачьи, а они тем временем продолжают забавляться между собой.

В этот день обнаруживается, что Зефир и Купидон мастурбируют друг с другом, но они пока еще не имели друг друга в зад; они наказаны. Фанни уже много раз трахают спереди во время оргий.

Седьмое. 31. Он хочет, чтобы взрослая девица развратила маленькую девочку, чтобы она возбуждала бы ее, пока он будет ее трахать, либо уже лишенную невинности, либо еще нет.

32. Он хочет четырех женщин: он имеет двух – спереди и двух – в рот, следя за тем, чтобы вкладывать хобот в рот одной из них сразу же вслед за тем, как его вытаскивают из щели другой. Тем временем пятая девица распаляет его, возбуждая ему зад при помощи годмише.

33. Он хочет иметь двенадцать женщин: шесть молодых и шесть 1 старых; если возможно, шесть матерей и шесть дочерей. Он щекочет им щелки, зады и рты; когда он занимается щелками, он требует мочи, а когда он занимается задом, он хочет пуков.

34. Он использует восемь женщин, чтобы они возбуждали его, стоя в различных позах. Надо описать это.

35. Хочет видеть, как трос мужчин и трос девиц совокупляются в различных позах.

Восьмое. 36. Он образует двенадцать групп – по две девицы в каждой; они расставлены так, что показывают лишь свой попки, все остальное скрыто от глаз. Он возбуждает себе член, глядя на все эти ягодицы.

37. Он заставляет обычно возбуждаться шесть пар одновременно в зале с зеркалами. Каждая пара состоит из двух девиц, возбуждающих друг друга в различных развратных позах. Он стоит посреди зала, смотрит на пары и на их отражения в зеркалах и кончает, возбужденный старухой. Он целует ягодицы этих пар.

38. Он заставляет напоить допьяна и избить у себя на глазах четырех проституток и хочет, чтобы они, напившись очень сильно, блевали ему в рот; для этого он берет самых старых и страшных.

39. Он заставляет девицу опорожняться ему в рот, не съедая при этом дерьмо; тем временем вторая девица сосет ему хобот и возбуждает ему зад; он опорожняется в руку той девице, которая его «обрабатывает»; девицы меняются местами.

40. Он заставляет мужчину опорожняться ему в рот и ест кал;

тем временем маленький мальчик возбуждает ему хобот, потом мужчина возбуждает его, и он заставляет маленького мальчика какать.

В этот вечер во время оргий Кюрваль лишает невинности Мишетту по старой традиции: ее держат четыре старухи, а прислуживает им Дюкло. Мы больше не будем это повторять.

Девятое. 41. Он трахает одну девицу в рот, перед этим опорожнив желудок ей в рот; вторая девица находится над первой; голова первой зажата у нее между ляжек; на лицо второй какает третья, а он, трахая таким образом свое дерьмо во рту у первой, собирается съесть дерьмо, произведенное, в свою очередь, третьей на лицо второй; потом они меняются местами так, чтобы каждая из них последовательно выполняла три роли.

42. За день он обходит тридцать женщин, заставляет их всех опорожняться себе в рот, съедает какашки трех-четырех самых красивых. Он возобновляет эту партию пять раз в неделю; н результате он встречается с семью тысячами восемьюстами девицами в год. Когда с ним встречается Шамвиль, ему уже семьдесят, и к этому времени он уже пятьдесят лет, как этим занимается.

43. Он встречается с двенадцатью девицами каждое утро и глотает двенадцать кучек дерьма; встреча происходит одновременно со всеми.

44. Он ложится в ванну, а тридцать женщин приходят наполнять ее, писая туда и какая; он кончает, плавая во всех извержениях.

45. Он опорожняется перед четырьмя женщинами, требуя, чтобы они смотрели на него, помогая ему это делать; затем он хочет, чтобы они разделили выделения между собой и съели; каждая из них накладывает кучку, он смешивает их и проглатывает все четыре; однако ему нужно, чтобы все они были старухами не моложе шестидесяти.

В это вечер щелка Мишетт предоставлена всему собранию; с этого момента она носит маленький шарфик.

Десятое. 46. Он заставляет какать девицу А и другую – С: потом принуждает Б есть кучу дерьма А, а А – есть кучу дерьма Б; затем они какают вместе, и он съедает их кучки.

47. Он требует к себе мать и трех дочерей, ест дерьмо дочерей на ягодицах матери, а дерьмо матери – на ягодицах у одной из дочерей.

48. Он заставляет одну девицу наделать в рот матери, подтирает себе задницу грудями матери, а затем ест дерьмо изо рта этой матери и после этого заставляет мать опорожниться в рот ее дочери, откуда он также затем съедает дерьмо (лучше

поставить здесь сына с матерью, чтобы изменить сцену по сравнению с предыдущей).

49. Он хочет, чтобы отец съел дерьмо своего сына; сам же он ест дерьмо этого отца.

50. Он хочет, чтобы брат опорожнился во влагалище своей сестры, а он поедает это дерьмо; потом сестра должна наделать в рот брату, оттуда он опять же ест дерьмо.

Одиннадцатое. 51. Она предупреждает, что будет говорить о богохульствах и рассказывает о человеке, который хочет, чтобы проститутка, возбуждая его, извергала ужасные богохульства; он, в свою очередь, произносит страшнейшие проклятия. Тем временем он забавляется тем, что целует зад, только это и делает.

52. Он хочет, чтобы девица приходила возбуждать ему член каждый вечер в церкви, особенно в то время, когда совершается причастие. Он располагается как можно ближе к алтарю и тем временем теребит ей зад.

53. Он ходит на исповедь исключительно для того, чтобы напрягать хобот своему исповеднику; он говорит ему непристойности и мастурбирует в исповедальне, одновременно исповедуясь.

54. Он хочет, чтобы девица пошла на исповедь, поджидает момент, когда она выходит оттуда, чтобы оттрахать ее в рот.

55. Он имеет проститутку во время мессы, произносимой в принадлежащей ему часовне и кончает в момент кульминации молитвы. В этот вечер Герцог лишает невинности Софи спереди, он сильно при этом матерится.

Двенадцатое. 56. Он подкупает одного исповедника, чтобы тот уступил ему свое место во время исповеди юных послушниц; таким образом он выслушивает их исповедь и, используя их, даст им самые дурные советы, какие только можно.

57. Он хочет, чтобы его дочь пошла на исповедь к одному монаху, которого он подкупил: его размещают так, чтобы он мог все слышать; но этот монах требует, чтобы кающаяся во время исповеди задрала юбки, и ее задница помещается так, чтобы отец мог ее видеть; таким образом, он слушает исповедь свой дочери и одновременно видит ее зад.

58. Заставляет служить мессу перед голыми проститутками; гладя на это, он возбуждает себе хобот на ягодицах одной девицы.

59. Он заставляет свою жену пойти на исповедь к одному подкупленному монаху, который соблазняет его жену и трахает ее на глазах у спрятавшегося мужа. Если жена отказывается, то он выходит из своего укрытия и помогает исповеднику.

В этот день все отмстили праздник завершения шестой недели свадьбой Селадона и Софи, которая проходит публично, и

том же вечером влагалище Софи предоставляется всем; она подвязывает шарф. Именно из-за этого события рассказывается только о четырех страстях.

Тринадцатое. 60. Трахает проституток на алтаре в тот момент, когда должны начать служить мессу; они садятся голыми задницами на священный камень.

61. Он приказывает усадить нагую девицу верхом на большое распятие; он имеет ее спереди по-собачьи. Таким образом, что голова Христа возбуждает клитор этой проститутки.

62. Он пердит и заставляет пердеть в большую церковную чашу; он писает в нее и заставляет писать в нес; он опорожняется в нее и заставляет опорожняться в нее; наконец, он кончает в нее.

63. Он заставляет мальчика какать на дискос и съедает кал; тем временем ребенок сосет его.

64. Он заставляет двух девиц наделать на распятие; сам же какает на него после них; ему возбуждают член на трех кучках дерьма, которое покрывает лик божества.

Четырнадцатое. 65. Он разбивает распятие, изображение Девы и Святого Отца, опорожняется на обломки и все сжигает. Тот же самый человек имеет пристрастие водить проститутку на проповедь и заставляет ее возбуждать ему жезл во время чтения Слова Божьего.

66. Он идет к причастию и, вернувшись, заставляет четырех проституток опорожняться ему в рот.

67. Он отправляет ее к причастию и по возвращении трахает ее в рот.

68. Он прерывает священника во время проповеди, произносимой у него дома, чтобы возбудить себе хобот в святой чаше; приказывает девице помочь священнику кончить в чашу и принуждает того проглотить все это.

70. Он прерывает его, когда освящена просфора, и принуждает священника изнасиловать проститутку просфорой.

В этот день обнаруживается, что Огюстин и Зельмира мастурбируют вместе; обе сурово наказаны..

Пятнадцатое. 71. Он заставляет девицу выпускать газы на просфору и проделывает на нее это сам, а затем проглатывает просфору, трахая проститутку.

72. Тот же самый человек, который заставлял заколачивать себя в гробу (о чем говорила Дюкло), принуждает проститутку наделать на просфору, также опорожняется на нее и бросает ее в отхожее место.

73. Возбуждается от клитора проститутки, заставляет ее кончать на свой хобот, потом засовывает его ей в щель и трахает ее, кончая, в свою очередь, на нес.

74. Он рассекает просфору ножом и заставляет засунуть эти куски себе в зад.

75. Он заставляет возбудить себе жезл на просфоре, кончает на нее, а затем, когда вся сперма излилась, хладнокровно заставляет собаку съесть все это.

Тем же вечером Епископ освещает просфору, а Кюрваль при помощи нее лишает невинности Эбе; он засовывает ее в щель и кончает на нее сверху… Освящается еще несколько просфор, н все «султанши», уже лишенные невинности, трахаются просфорами.

Шестнадцатое. Шамвиль объявляет, что богохульство, которое недавно составляло суть ее рассказов, будет теперь лишь вспомогательным моментом; главным объектом станет то, что называется в борделе «мелкими церемониями» в виде двойных страстей. Она просит не забывать: все, что будет связано с этим является вспомогательным; разница между ее рассказами и рассказами Дюкло о том же предмете будет состоять в том, что Дюкло говорила об одном мужчине с одной женщиной; она же будет сводить нескольких женщин с одним мужчиной.

76. Он приказывает одной девице хлестать его плеткой во время мессы, вторую трахает в рот и кончает при вознесении хвалы Господу.

77. Он приказывает двум женщинам легонько хлестать его по заду многохвостной плеткой; каждая из них наносит по десять ударов и возбуждает ему заднее отверстие между каждой серией ударов.

78. Он приказывает четырем различным девицам хлестать его; тем временем они выпускают газы ему в рот; они меняются местами, чтобы каждая по очереди и хлестала, и пердела.

79. Он приказывает своей жене хлестать его, а сам тем временем насилует свою дочь; затем дочь лупит его, а он трахает жену. Это тот самый человек, о котором говорила Дюкло: проституировал свою дочь и жену в борделе.

80. Он приказывает двум девицам одновременно хлестать его; одна бьет спереди, другая – сзади, когда он чувствует себя в полной готовности, то имеет одну из них; тем временем другая лупит его; потом – вторую, а первая приступает к лупцеванию.

В тот же вечер щель Эбе представляется всем, и она подвязывает маленький шнурок, большой она сможет носить только тогда, когда будет лишена невинности с двух сторон.

Семнадцатое. 81. Он приказывает хлестать себя, целуя при этом зад мальчика и одновременно трахая девочку в рот; затем он трахает мальчика в рот, целуя при этом ягодицы девочки и получая постоянно удары плеткой от другой девицы; затем он заставляет мальчика хлестать его, трахает в рот ту проститутку,

которая хлестала его, и заставляет ту, которой он целовал зад, продолжать себя стегать.

82. Он заставляет старуху хлестать его, трахает старика в рот, заставляет наделать ему в рот дочь этих стариков; затем меняет их местами, чтобы каждый исполнил все три роли.

83. Он заставляет хлестать себя, мастурбируя и кончая на распятие, прислоненное к ягодицам одной девицы.

84. Он заставляет хлестать себя, трахая просфорой стоящую на четвереньках проститутку.

85. Он просматривает весь бордель; получает удары хлыстом от всех проституток, целуя отверстие в заду сводницы, которая выпускает газы и наделывает ему в рот.

Восемнадцатое. 86. Он приказывает кучерам и кузнечным подмастерьям хлестать его, проходя перед ним по двое; тот, кто не лупит его, выпускает газы ему в рот. Так перед ним утром проходит десять-шестнадцать человек.

87. Он приказывает трем девицам держать его; четвертая растирает его, стоя на четвереньках у него на спине; все четверо меняются местами и по очереди взбираются на него.

88. Он выходит нагой к шести девицам; просит прощения, бросается на колени. Каждая девица назначает наказания; он получает по сто ударов кнутом за каждое отвергнутое наказание; его лупит именно та девица, чье наказание отвергнуто. Ну а все эти наказания очень грязные: одна захочет наделать в рот; другая заставит его слизывать плевки с пола; та заставит лизать себе кровоточащее месячными влагалище, эта – вылизывать у себя между пальцами ног, третья – слизывать сопли и т.д.

89. Проходит пятнадцать девиц по три; одна хлещет его, другая сосет его, третья опорожняется; потом та, которая опорожнялась, лупит его; та, которая сосала, опорожняется; а та, которая встала, сосет. Таким образом он заставляет пройти всех пятнадцать; он ничего не видит, ничего не слышит, он опьянен. Всем заправляет сводница. Он повторяет эту игру шесть раз за неделю. (Она восхитительна в исполнении, и я рекомендую ее вам. Необходимо, чтобы это происходило быстро, каждая девица должна нанести двадцать пять ударов хлыстом, и именно в промежутках между этими двадцатью пятью ударами первая сосет, а третья опорожняется. Если каждая девица нанесет по пять-десять ударов, то будет получено семьсот пятьдесят ударов, что не слишком много).

90. Двадцать пять проституток размягчают ему зад, хлопая по нему и теребя его; его оставляют в покое лишь тогда, когда задница становится совершенно бесчувственной.

Этим вечером секут розгами Герцога, тем временем он

лишает невинности спереди Зельмир.

Девятнадцатое. 91. Он заставляет шесть девиц устроить суд над ним, у каждого – своя роль. Его приговаривают к повешению. Его действительно вешают, но веревка обрывается; это тот момент, когда он получает разрядку. (Свяжите это с одной из историй Дюкло, которая похожа на эту).

92. Он заставляет шесть старух встать полукругом; три молодые девицы растирают его перед этим полукругом дуэний, которые одновременно плюют ему в лицо.

93. Одна девица возбуждает его отверстие в заду ручкой хлыста, вторая хлещет его по ляжкам и по хоботу спереди; таким образом он кончает на груди той, что хлещет его спереди.

94. Две женщины колотят его бичом; тем временем третья, стоя перед ним на коленях, заставляет его кончить ей на грудь.

В этот вечер она рассказывает только четыре истории из-за свадьбы Зельмир и Адониса, которая торжественно завершает седьмую неделю и совершается перед всеми, принимая во внимание, что Зельмир накануне была лишена невинности спереди.

Двадцатое. 95. Он дерется с шестью женщинами, делая вид, что хочет увернуться от хлыста; он хочет вырвать у них из рук Рукоятки хлыстов; но они сильнее; они хлещут его голого, несмотря на его сопротивление.

96. Он проходит сквозь строй, между радами по двенадцать девиц в каждом; они хлещут его по всему телу; он получает разрядку после девяти проходов.

97. Он приказывает хлестать себя по подошвам ног, по хоботу ляжкам, лежа на канапе; три женщины садятся верхом на него тем временем и опорожняются ему в рот.

98. Три девицы поочередно хлещут его: одна – многохвостной плеткой, другая – бичом, третья – рукоятью кнута, четвертая которой слуга развратника возбуждает отверстие в заду, стоя на коленях перед ним, секст ему хобот; сам же он возбуждает жезл слуги, который заставляет разрядиться на ягодицы своей сосальщицы.

99. Он находится спереди шести девиц: одна его колет, другая – щиплет, третья – обжигает, четвертая – кусает, пятая царапает, шестая – сечет розгами: все это по всему телу без разбора, среди всего этого он кончает.

В этот вечер щель Зельмир, лишенной невинности накануне, предоставлена всем собравшимся, то есть, как всегда, исключительно Кюрвалю и Герцогу, потому что только они – двое из четверки – признают соитие спереди. Как только Кюрваль поимел Зельмир, его ненависть к Констанс и Аделаиде

удваивается, он хочет, чтобы Констанс обслуживала Зельмир.

Двадцать первое. 100. Он заставляет своего слугу возбуждать ему член; тем временем перед ним на возвышении находится нагая девица; требуется, чтобы она не шевелилась и не теряла равновесия в течение того времени, пока ему возбуждают хобот.

101. Он заставляет сводницу возбуждать ему член, теребя тем временем ее ягодицы: девица держит в руке крохотный огарок свечи, который она не должна бросать до тех пор , пока этот развратник не кончит; он же тщательно следит за тем, чтобы кончить лишь тогда, когда она обожжется.

102. Он укладывает шесть девиц на свой обеденный стол, у каждой в заду по огарку свечи; тем временем он неторопливо ужинает.

103. Он приказывает держать девицу, стоящую на коленях мл острых осколках камней, в течение его ужина, и если она хотя бы раз пошевелится во время трапезы, ей не платят. Над ней горят две перевернутые свечи, горячий воск которых стекает у нее по спине и по грудям. Стоит ей пошевелиться, как она будет отправлена восвояси без платы.

104. Он принуждает ее оставаться в течение четырех дней в очень узкой железной клетке; она не может сесть, ни лечь, он кормит ее сквозь прутья. (Это тот самый герой, о котором Ла Дегранж будет говорить на балете дураков.)

В этот вечер Кюрваль лишает невинности Коломб спереди.

Двадцать второе. 105. Он заставляет девицу танцевать нагой при помощи кошки, которая падая сверху щиплет, кусает и царапает ее; надо, чтобы она подпрыгнула; от этого происходит разрядка этого человека.

106. Он натирает женщину каким-то зельем, которое вызывает такой сильный зуд, что та сама расчесывает себя до крови; он смотрит, как она это делает, возбуждая себе хобот.

107. Он останавливает отваром месячные у женщины, рискуя, таким образом, вызвать у нее сильные боли.

108. Он даст ей сильно действующее средство, которое вызывает у нее ужасные рези; смотрит, как она опорожняется и страдает каждый день.

109. Он натирает девицу медом, потом привязывает ее нагую к столбу и напускает на нее рой больших мух.

В тот же вечер щель Коломб отдана всем собравшимся.

Двадцать третье. 110. Он помещает девицу на стержень, который крутится с необычайной скоростью; она привязана нагой и крутится до разрядки.

111. Он подвешивает девицу вниз головой до разрядки.

112. Заставляет проглотить большую дозу рвотного, убеждая

ее, что она отравлена, и возбуждает себе хобот, глядя на то, как ее рвет.

113. Он сжимает горло до тех пор, пока она вся с ног до головы не посинеет.

114. Он крепко мнет зад девять дней подряд по три часа ежедневно.

Двадцать четвертое. 115. Он заставляет девицу подняться на стремянку на высоту двадцатой ступени. В этот момент подпорка ломается и девица падает, но на подготовленные заранее тюфяки. Он подходит и кончает на ее теле в момент ее падения; иногда он имеет ее в момент падения.

116. Он отвешивает оплеухи и кончает; сидит в кресле, девица стоит на коленях перед ним.

117. Он бьет ее линейкой по рукам.

118. Сильные шлепки по ягодицам до тех пор, пока вся задница не будет горсть.

П9. Он надувает ее при помощи меха через заднее отверстие.

120. Он ставит ей клизму с кипятком и забавляется, глядя, как она извивается; кончает ей на зад.

В это вечер Алина получает шлепки по заду от четверых друзей до тех пор, пока он не становится пунцовым; старуха держит ее у себя на плечах. Несколько шлепков достается также и Огюстин.

Двадцать пятое. 121. Он ищет очень набожных девиц, бьет их распятием и четками, потом ставит их в виде изваяния Пресвятой Девы на алтарь в неудобной позе; они не имеют право двигаться; необходимо, чтобы они находились там все время в течение очень долгой мессы; в момент кульминации они должны извергнуть из себя кал на просфору.

122. Заставляет девицу бегать нагой ледяной зимней ночью по саду; в саду с промежутками натянуты веревки, чтобы она падала.

123. Он бросает се, как бы неосторожно, как только она разденется догола, в чан с кипящей водой и не дает ей выйти оттуда до тех пор, пока не кончит ей на тело.

124. Он заставляет ее стоять голой на столбе посреди сада н самый разгар зимы до тех пор, пока она не скажет пять раз *«pater»* и пять раз *«ave»* или до тех пор, пока он не прольет сперму, которую вызывает другая девица, находящаяся напротив этого зрелища.

125. Он приказывает намазать клеем очко в специально подготовленной уборной; отсылает ее туда опорожнятся, как только она садится, под задницу подставляют горелку, она убегает, и у нее сдирается кожа, оставаясь прилепленной к очку.

В этот вечер богохульством подвергаются Аделаида и Софи, две наиболее набожные девицы; Герцог лишает невинности Огюстин, в которую он давно влюблен; он кончает три раза подряд ей в щель. С этого вечера он предлагает заставлять ее бегать голой по двору в лютый мороз. Он очень настойчиво предлагает: но никто не хочет, потому что она очень красива; ее хотят сохранить; да, впрочем, она еще не лишена невинности сзади. Он предлагает собранию двести луидоров, чтобы этим же вечером отправить ее вниз, в подвал; все отказываются. Он хочет, чтобы, по крайней мере, ей нашлепали по заднице: она получает по двадцать пять шлепков от каждого из друзей. Но Герцог выдаст «свой» со всего размаху и в процессе кончает четвертый раз. Он спит с ней; трижды в течение ночи трахает спереди.

Двадцать шестое. 126. Он приказывает напоить девицу; она ложится спать; как только она засыпает, поднимают вверх ее кровать. Она посреди ночи наклоняется, чтобы взять ночной горшок. Не находя его, падает, поскольку кровать поднята; она скатывается с нее кувырком, падает на подготовленные тюфяки; этот человек ждет ее там и насилует, как только она упадет.

127. Он заставляет ее бегать голой по саду, преследуя с кнутом, которым ей, впрочем, угрожает, она должна бегать до тех пор, пока не свалится от усталости; именно в этот момент он кидается и трахает ее.

128. Он хлещет девицу, нанося ей по десять ударов сериями – (и так до ста!) многохвостной плеткой из черного шелка; при каждой серии ударов целует ягодицы.

129. Он бьет розгами, смоченными в винном спирте, и кончает на ягодицы девицы только в тот момент, когда видит на них ее кровь.

Шамвиль рассказывает в этот день только о четырех страстях, потому что празднуется завершение восьмой недоли. Оно ознаменованию свадьбой Зефира и Огюстин; оба новобрачных принадлежат Герцогу и спят в его комнате; перед торжественной церемонией Герцог хочет, чтобы Кюрваль отхлестал мальчика, пока он будет хлестать девочку. Каждый из супругов получает по сто ударов кнутом, но Герцог, более чем когда-либо настроенный против Огюстин, поскольку она заставила его кончать несколько раз, хлещет ее до крови. (В этот вечер надо будет объяснить, что означают наказания, как они исполняются и сколько ударов кнутом получают во время них. Вы можете составить таблицу прегрешений, написав рядом число ударов.)

Двадцать седьмое. 130. Он хочет хлестать кнутом только маленьких девочек от пяти до семи лет и постоянно ищет предлог, чтобы это было больше похоже на наказание.

131. Одна женщина приходит исповедоваться ему; он – священник; она говорит о своих грехах и в качестве наказания он наносит ей пятьсот ударов розгами.

132. Он обходит четырех женщин и наносит каждой по шестьсот ударов розгами.

133. Он приказывает двум слугам, по очереди сменяющим друг друга, проделать то же самое у него на глазах; они обходят двадцать женщин, нанося по шестьсот ударов каждой; он же возбуждает себе хобот, глядя на их действия.

134. Он хочет мальчиков от четырнадцати до шестнадцати лет, а потом заставляет их кончать себе в рот. Каждому он наносит по сто ударов, встречаясь одновременно с двумя.

В этот вечер щель Огюстин предоставлена всем; Кюрваль насилует ее спереди два раза подряд и хочет, как и Герцог, затем высечь ее. Оба они озлоблены против этой прелестной девушки; они предлагают собранию четыреста луидоров, чтобы стать с этого времени ее полноправными хозяевами; им в этом отказывают.

Двадцать восьмое. 135. Он приказывает привести в комнату нагую девицу; двое мужчин наваливаются на нее и секут – каждый по ягодице – до крови; девица связана. Когда с этим покончено, он возбуждает пушки мужчинам на окровавленной заднице проститутки, там же возбуждает хобот себе.

136. Она за ноги и за руки привязана к стене. Перед ней – прикрепленная к стене острая стальная пластина, установленная на уровне ее живота. Если она хочет избежать удара, она должна резко податься вперед: тогда она обрежется; если она хочет уберечься от этого устройства, она должна подставлять себя под удары.

137. Он сечет девицу подряд девять дней, начиная со ста ударов в первый день, постоянно удваивая число впредь до девятого дня включительно.

138. Он приказывает поставить проститутку на четвереньки, взбирается верхом на нее; повернувшись лицом к ягодицам, крепко сжимает ее между ляжек. Затем скребет ее по ягодицам и по щели изнутри используя для этого многохвостную плетку.

139. Он требует беременную женщину; заставляет ее наклониться назад на цилиндре, который подложен ей под поясницу. Ее голова с распущенными волосами за пределами цилиндра лежит на стуле и закреплена на нем; ноги раздвинуты как можно шире, а огромный живот очень сильно натянут; щель раскрывается со всей силой. Именно туда и на живот он направляет свои удары и, увидев кровь, переходит по другую сторону от цилиндра и кончает ей на лицо.

N.B. В моих черновиках отмечены «удочерения» только после лишения невинности, и, следовательно, они говорят о том, что Герцог в этот момент «удочеряет» Огюстин. Проверьте, не является ли лживым, не было ли «удочерения» четырех «султанш» осуществлено с самого начала и не было ли сказано, что с этого момента они спят в комнатах тех, кто их «удочерил.»

В этот вечер Герцог отвергает Констанс, которая попадает в сильную немилость; однако о ней заботятся из-за ее беременности, по поводу которой у них свои планы. Огюстин считается женой Герцога и исполняет теперь обязанности супруги на софе и в уборной. Констанс теперь находится только в компании старух.

Двадцать девятое. 140. Он хочет только девочек пятнадцати лет и сечет их до крови прутьями и крапивой. Ему трудно угодить в выборе задниц.

141. Он сечет только плетью из бычьей жилы до тех пор, пока ягодицы окончательно не онемеют; встречается с четырьмя женщинами подряд.

142. Он сечет только многохвостной плеткой с железными наконечниками и кончает лишь тогда, когда отовсюду ручьями течет кровь.

143. Тот самый человек, о котором Ла Дегранж будет говорить двадцатого февраля, хочет беременных женщин; он бьет их кучерским кнутом, сдирая большие куски кожи с ягодиц и отпуская вреда от времени несколько хлестких ударов по животу.

В этот вечер секут Розетту, и Кюрваль лишает ее невинности спереди. Открывается интрига Эркюля и Юлии: она заставила его трахать себя. Когда ее ругают за это, она отвечает очень распутно; ее сильно секут; потом (поскольку ее любят, как и Эркюля, который всегда хорошо вел себя) их прощают; все этим забавляются.

Тридцатое. 144. Он ставит свечу на определенной высоте; девица держит на среднем пальце правой руки привязанный огарок восковой свечи, который очень короток; если она не поторопится – обожжется. Необходимо, чтобы этим огарком она зажгла свечу, стоящую на вышеуказанной высоте; поскольку свеча поставлена очень высоко, девица должна подпрыгнуть, чтобы достать до нес, а развратник, вооружившись плетью с длинным узким кожаным ремнем, бьет ее наотмашь, чтобы заставить прыгнуть как можно выше и зажечь свечу поскорее. Если ей это удастся, то все кончается хорошо; если нет, то он будет сечь ее наотмашь.

145. Он сечет попеременно свою жену и дочь и отправляет их проституировать в бордель; причем там их секли у него на глазах

(но это не тот человек, о котором уже шла речь).

146. Он сечет розгами от макушки до пят; девица связана, он сечет ей до крови всю задницу.

147. Он сечет только по грудям и хочет, чтобы у нее были очень большие груди; платит вдвойне, когда женщины толстые.

В этот вечер щель Розетты предоставлена всем; Кюрваль и Герцог, хорошенько изнасиловав, секут ее по влагалищу, позволяя делать это также друзьям. Она стоит на четвереньках; удары направляют внутрь при помощи многохвостной плетки.

Тридцать первое. 148. Он сечет розгами только по лицу; ему нужны красивые лица. Это тот, о котором Ла Дегранж будет говорить седьмого февраля.

149. Он без разбору сечет розгами все части тела; ничего не щадит, включая лицо, щель и грудь.

150. Наносит хлыстом из бычей жилы двести ударов вдоль всей спины юношам от шестнадцати до двадцати лет.

151. Он находится в комнате; четыре девицы возбуждают его и секут. Хорошенько разгорячившись, он кидается на пятую девицу, которая сидит в комнате напротив, нагая, и атакует ее хлыстом из бычьей жилы, нанося удары с размаху без разбора по всему телу, чтобы это было сделано поскорее и чтобы «пациентка» меньше страдала, его выпускают только тогда, когда он близок к разрядке. (Проверьте, почему у него возникает еще одна дополнительная разрядка.)

Все аплодируют Шамвиль, ей оказывают такие же почести, как и Дюкло, и в этот вечер обе ужинают вместе с друзьями. В этот вечер во время оргий Алелаиду, Алину, Огюстин и Зельмир приговаривают к сечению розгами по всему телу, исключая грудь; поскольку все хотят ими наслаждаться еще по меньшей мере два месяца, о них очень хорошо заботятся.

Часть третья

Сто пятьдесят третьеразрядных или преступных страстей, составляющих тридцать один день января, наполненный повествованием Ла Мартен, к которым прилагается дневник скандальных событий в замке в течение этого месяца.

План

Первое января. 1. Ему нравится, чтобы его трахали в зад; никто не знает, где искать для него достаточно толстые елдаки. Впрочем, Ла Мартен, как она говорит, не настаивает на этой страсти: слишком простой вкус, к тому же хорошо известный ее слушателям.

2. Он хочет лишать невинности только маленьких девочек от трех до семи лет через зад. Это тот самый человек, что получил себе девственницу следующим образом: ей четыре года; она заболевает. Ее мать просит помощи у этого человека; но тот был черств! Кстати, об этом герое рассказывала Дюкло 29 ноября прошлого года; он же – герой истории, рассказанной Шамвиль 2 декабря – человек из ада. У него чудовищный хобот. Он очень богат. Ежедневно он лишает невинности двух маленьких девочек; одну – спереди – по утрам, как об этом рассказывала Шамвиль 2 декабря, и одну – сзади – по вечерам; все это происходит независимо от других страстей. Четыре женщины держали Ла Мартен, когда он имел ее сзади. Его разрядка длится шесть минут, во время нее он ревет.

3. Мать Ла Мартен продает девственность ее младшего брата одному человеку, который трахает сзади только мальчиков и который хочет, чтобы им непременно было семь лет.

4. Ей тринадцать лет, а ее брату – пятнадцать; они ходят к одному человеку, который принуждает брата иметь свою сестру, а сам трахает по очереди сзади то мальчика, то девочку в то время, когда они заняты друг другом.

Ла Мартен расхваливает свою задницу; ей велят показать ее; она показывает ее со своего возвышения. Человек, о котором она только что рассказывала, граф, который уже встречался в рассказе Дюкло 21 ноября и в рассказе Ла Дегранж 27 февраля.

5. Он трахает сзади брата и сестру: это тот самый человек, о котором Ла Дегранж будет говорить 24 февраля.

В тот же вечер Герцог лишает невинности Эбе сзади; ей только двенадцать лет. Цепь нескончаемых мучений; ее держат четыре старухи, а его обслуживают Дюкло и Шамвиль; поскольку

на следующий день – праздник, в тот вечер задница Эбе представляется всем, и четверо друзей наслаждаются ей. Девочку уносят без чувств после семи сношений.

Пусть Ла Мартен не смеет говорить, что ей перешли дорог у; это неправда.

Второе. 6. Он заставляет четырех девиц выпускать газы ему в рот, трахая при этом в зад пятую; потом он меняет их местами. Все выпускают газы и все получают в зад; он же кончает только в пятую задницу.

7. Он забавляется с тремя мальчиками; трахает их сзади и заставляет опорожняться, меняя местами; сам же возбуждает хобот тому, который пребывает в бездействии.

8. Он имеет сзади сестру, заставляя ее брата наложить ему в рот; потом меняет их местами; во время того другого удовольствия его самого имеют в зад.

9. Он трахает сзади только пятнадцатилетних девочек – после того, как предварительно наотмашь их отхлестывает.

10. Целый час он теребит и щиплет ягодицы и отверстие в заднице, потом трахает сзади; его тем временем секут наотмашь.

В этот день торжественно отмечается завершение девятой недели. Эркюль женится на Эбе и трахает ее спереди. Кюрваль и Герцог, поочередно сменяя друг друга, имеют сзади и мужа, и жену.

Третье. 11. Он работает сзади только во время мессы и кончает при вознесении хвалы Господу.

12. Он трахает зад, при этом непременно пиная ногами распятие и заставляя девицу также его пинать.

13. Человек, который развлекался с Эжени в истории одиннадцатого дня, рассказанной Дюкло, заставляет опорожнятся, подтирает грязный зад; у него огромный хобот; он трахает зад, пристроив просфору на конце своего орудия.

14. Он имеет сзади мальчика просфорой и заставляет ей трахать себя в зад. Под затылком на шее мальчика лежит еще одна просфора, на которую накладывает третий мальчик. Таким образом он кончает, не меняя их местами и извергая при этом ужасные богохульства.

15. Он имеет сзади священника, произносящего проповедь, и когда тот освятил дары, герой на мгновение отстраняется; священник засовывает себе в зад просфору, и его снова трахают.

В этот вечер Кюрваль при помощи просфоры лишает сзади повинности юного и прелестного Зеламира. Антиной трахает Председателя при помощи другой просфоры; Председатель языком впихивает третью просфору в заднее отверстие Фаншон.

Четвертое. 16. Ему нравится трахать в зад лишь очень старых

женщин; тем временем его секут.

17. Имеет сзади только стариков: тем временем его трахают его самого.

18. Имеет постоянную любовную связь со своим сыном.

19. Хочет трахать в зад только монстров или негров, или уродов.

20. Чтобы объединить кровосмешение, супружескую измену, содомию и богохульство, насилует сзади свою замужнюю дочь при помощи просфоры.

В это вечер задница Зельмира предоставлена всем четырем друзьям.

Пятое. 21. Он приказывает двум мужчинам насиловать себя и сечь поочередно, а сам тем временем имеет в зад мальчика; старик же отправляет ему в рот кучу дерьма, которое он ест.

22. Его насилуют двое мужчин по очереди: один – в рот, другой – в задницу; это длится три часа; он глотает сперму того, который насилует его в рот.

23. Он приказывает десятерым мужчинам иметь его столько раз, сколько он сможет выдержать; выдерживает восемьдесят сеансов за день, при этом не кончая.

24. Он развращает свою жену, дочь и сестру, насилуя их в зад; при этом смотрит, как все происходит.

25. Он использует восемь мужчин: один – имеет его в рот, другой – в зад, третий – под правый пах, четвертый – под левый; двумя руками он возбуждает хоботы еще двух; седьмой находится у него между ляжками, восьмой возбуждает себе елдак у него на лице. В этот вечер Герцог лишает невинности Мишетту сзади и причиняет ей ужасную боль.

Шестое. 26. Он приказывает насиловать сзади старика у себя на глазах, несколько раз вытаскивают хобот из задницы старика, вкладывают его в рот самому наблюдателю; затем сосет старика, щекочет ему зад, имеет его сзади; тем временем тот, кто только что насиловал старика, в свою очередь трахает нашего героя, а экономка развратника его сечет.

27. Он сильно сжимает горло пятнадцатилетней девушке, насилуя ее сзади для того, чтобы сузить ей анус; его же тем временем секут бичом.

28. Он приказывает засунуть себе в зад крупные шарики из ртути. Шарики постоянно поднимаются и опускаются; он сосет хоботы, глотая сперму, заставляет опорожняться девиц, глотает их дерьмо. В течение двух часов пребывает в экстазе.

29. Он хочет, чтобы отец насиловал его в зад, пока он забавляется с сыном и дочерью этого человека.

В этот вечер зад Мишетты представлен всем. Дюрсе забирает

Ла Мартен, чтобы спать с ней в своей комнате по примеру Герцога (у которого есть Дюкло) и Кюрваля (у которого есть Фаншон); эта девица берет над ним такую же распутную власть, как Дюкло – над Герцогом.

Седьмое. 30. Он трахает индюка, голова которого просунута между ляжек девицы, лежащей на животе; таким образом, кажется, что он имеет девицу сзади. Тем временем его самого трахают в зад; в момент разрядки девица отсекает индюку голову.

31. Он имеет козу, наседая на нее сзади; тем временем его самого секут. Он делает ребенка этой козе: затем, в свою очередь, трахает и его в зад (хотя это чудовище).

32. Он насилует в зад козлов.

33. Он хочет видеть, как кончает женщина, возбужденная псом; затем убивает пса выстрелом из пистолета на животе у этой женщины (не раня, впрочем, женщину).

34. Он трахает сзади лебедя, положив ему просфору в отверстие; затем душит животное в момент получения разрядки.

В этот же вечер Епископ в первый раз трахает в зад Купидона *Восьмое.* 35. Он приказывает поместить себя в корзину, которая открывается только в одном месте; он подставляет к этому мест> свое заднее отверстие, натертое слизью кобылы; корзина в виде кобылы покрыта шкурой животного. Здоровый конь, специально выдрессированный для этого, трахает его в зад; тем временем > себя в корзине он трахает красивую белую собачку.

36. Он трахает корову, которая от него рожает; затем он насилует это чудовище.

37. В специально устроенной корзине он приказывает поместить женщину, которая принимает елдак быка; сам же забавляется этим зрелищем.

38. У него есть прирученная змея, которая вползает ему в анус и щекочет его: он тем временем насилует сидящую в корзине кошку, которая, будучи зажатой со всех сторон, не может причинить зла.

39. Он трахает ослицу, подставляя тем временем свой зад ослу со специально приготовленными устройствами, которые будут подробно описаны.

В этот вечер зад Купидона представлен всем. *Девятое.* 40. Он трахает козу в ноздри; та тем временем лижет ему языком яйца; одновременно его растирают и лижут задницу.

41. Он *насилует* в зад барана; собака тем временем лижет ему заднее отверстие.

42. Он имеет в зад собаку, которой отрубают голову в то время, как он кончает.

43. Он принуждает проститутку у себя на глазах возбуждать

елдак ослу; его самого насилуют во время этого зрелища.

44. Он насилует обезьяну в зад; животное, закрытое в корзине, тем временем мучают, чтобы усилить сокращения его ануса.

В этот вечер торжественно отмечают завершение десятой недели свадьбой «Разорванного-Зада» и Мишетты, в которой все принимают участие и которая причиняет Мишетте сильную боль.

Десятое. Ла Мартен объявляет, что изменит направление страсти; теперь хлыст, который был главным в рассказанных выше историях Шамвиль, будет служить лишь вспомогательным средством.

46. Необходимо найти девиц, виновных в каких-нибудь проступках. Он пугает их, говоря, что они будут арестованы, но, мол, он готов взять вину на себя, если они согласятся на жестокое избиение плетьми; девицы, пребывающие в страхе, позволяют хлестать себя до крови.

47. Он приказывает найти женщину, у которой красивые волосы, под предлогом, что хочет их получше разглядеть; затем предательски остригает их и кончает, видя, как она рыдает в своем несчастье.

47. С великими церемониями она выступает в темную комнату, никого не видя и только слыша разговор, касающийся ее; разговор вы передадите подробно, поскольку он заставляет ее умереть от страха. Наконец, она получает шквал пощечин и ударов кулаками, неведомо откуда на нее обрушивающийся; она слышит крики от наступившего оргазма; ее отпускают.

48. Она входит в склеп под землей, который освещен несколькими лампами, и видит там нечто ужасное. Как только она обвыклась, все гаснет, и раздаются ужасные крики, звон цепей; она теряет сознание. Если нет, то новые эпизоды усиливают причину страха. Как только она теряет сознание, один мужчина падает на нее и насилует в зад; затем он оставляет ее, и на помощь приходят слуги. Ему нужны молоденькие и неискушенные девицы.

49. Она входит в похожее на предыдущее место, которое вы сделаете немного отличным в деталях. Ее заколачивают голой в гробу, мужчина кончает под звук забиваемых гвоздей.

В этот вечер Зельмир на время рассказов специально удалили из комнаты. Ее отправляют в склеп, о котором шла речь выше.

Четверо друзей находятся там голые – во всеоружии; девушка теряет сознание, и Кюрваль лишает ее сзади невинности. Председатель сохранил по отношению к этой девочке те же чувства любви, смешанные с похотливой яростью, которые Герцог испытывает к Огюстин.

Одиннадцатое. 50. Герцог де Флорвиль (о котором говорила во второй истории 29 ноября Дюкло и герой пятой истории 26 февраля, которую расскажет Ла Дегранж) хочет, чтобы на постель, покрытую черным атласом, положили красивый труп девицы, которую только что убили; он ощупывает ее всю руками и насилует в зад.

51. Другой человек требует достать два трупа: один – девочки, другой – мальчика; он имеет в зад труп мальчика, целуя ягодицы девочки и засовывая свой язык ей в анус.

52. Он принимает девицу в кабинете, наполненном трупами, очень хорошо выполненными из воска; он велит девице выбирать, каким образом быть убитой; ее превратят в труп, раны на котором понравятся ей больше всего.

53. Он привязывает ее к настоящему трупу, рот в рот, и в это ч положении сечет ее по всей спине и заднице до крови.

В этот вечер задница Зельмир предоставлена всем; впрочем до этого над девушкой устраивают суд: ей говорят, что убьют этой же ночью. Она верит сказанному, но вместо убийства, после того как ее хорошенько поимели в зад, довольствуются тем, что каждый наносит ей по сто ударов розгами, а Кюрваль уводит спать с собой и еще раз имеет сзади.

Двенадцатое. 54. Он хочет девицу, у которой была бы менструация. Она подходит к нему: он находится около особого рода резервуара с ледяной водой размером двенадцать на двенадцать футов и глубиной восемь футов; резервуар замаскирован так, что девица его не видит. Как только она оказывается рядом с этим человеком, он толкает ее в воду; этот миг падения становится моментом разрядки у этого человека; ее тотчас же вытаскивают оттуда; поскольку у нее месячные, то редко кто не подхватывает жесточайшие болезни.

55. Он опускает нагую девицу в глубокий колодец и угрожает, что засыплет ее камнями; затем бросает туда несколько комьев земли, чтобы напугать ее, и кончает в колодец проститутке на голову.

56. Он приказывает привести к себе беременную женщину, запугивает ее угрозами и злыми словами; затем сечет ее, снова и снова терзает, чтобы вызвать у нее выкидыш здесь же или по возвращению домой. Если она разродится у него, он платит ей вдвойне.

57. Он запирает ее в темном карцере среди кошек, крыс и мышей и убеждает, что ее заперли навсегда; каждый день он приходит возбуждать себе хобот у ее двери, издеваясь над несчастной.

58. Он запихивает ей в зад бенгальские огни; рассыпающиеся

искры, падая, обжигают ей ягодицы.

В этот вечер Кюрваль заставляет перед всеми собравшимися признать Зельмир своей женой и женится на ней. Епископ сочетает их браком; он отвергает Юлию, та попадает в самую большую немилость, но ее все же поддерживает ее распутство; к этому же ей немного покровительствует Епископ до тех пор, пока полностью не выскажется за нее, как мы это увидим далее.

В этот вечер более, чем когда-либо, заметна вздорная ненависть, которую Дюрсе питает к Аделаиде; он мучает ее, оскорбляет, та приходит в отчаяние; Председатель, ее отец, не оказывает ей никакой поддержки.

Тринадцатое. 59. Он привязывает девицу к кресту Святого Андрея, подвешенному в воздухе, и наотмашь сечет ее вдоль спины. После этого отвязывает и бросает ее в окно; она падает на подготовленные тюфяки; он кончает, слыша, как она падает. Чтобы оправдать это, опишите подробно сцену, которую он ей устраивает.

60. Он заставляет ее проглотить зелье, от которого у нее возникает видение комнаты, наполненной ужасными предметами. Ей видится пруд, вода которого подступает к ней; она встает на стул, чтобы спастись. Ей говорят, что у нее нет другого выхода, как броситься в воду и плыть; она бросается «в воду», но плюхается животом на подушку и зачастую причиняет себе сильную боль. Это миг разрядки у нашего распутника, которому раньше удовольствие доставляло целовать в зад.

61. Он держит ее подвешенной на веревке, перекинутой через блок на верху башни; под рукой у него веревка, помещенная в окне над блоком; он возбуждает себе член, дергает за веревку и угрожает, что отрежет ее при разрядке. Тем временем его секут; раньше он заставляет проститутку опорожняться.

62. Она подвешена за руки и за ноги на четырех тонких веревках. Таким образом, под ней, находящейся в самой жестокой позе, открывают люк, за которым открывается пылающая жаровня: если веревки оборвутся, она упадет вниз. Веревки раскачиваются; распутник, кончая, перерезает одну из них. Иногда он располагает Девушку в таком же положении, но кладет ей на поясницу груз и сильно подтягивает четыре веревки, так, что у нее, так сказать, лопается желудок и разрываются почки. В таком положении она остается до его разрядки.

63. Он связывает ее на табурете; в одном футе над ее головой находится подвешенный на волоске остро наточенный кинжал; если волосок оборвется, возбуждает себе хобот и наслаждается судорогами, которые страх вызывает из его жертвы. Через час он освобождает ее и окровавливает ей ягодицы кончиком кинжала,

чтобы показать, как тот сильно колется; кончает он на окровавленный зад.

В этот вечер Епископ лишает сзади невинности Коломб и сечет ее до крови после своей разрядки, потому что он не может вынести того, что девица заставила его кончить.

Четырнадцатое. 64. Он имеет сзади юную послушницу; кончая, дважды стреляет из пистолета над ее ушами, отчего у той обгорают волосы.

65. Он усаживает ее в кресло на рессорах; под ее весом рессоры, связанные с железными кольцами, к которым она привязана, прогибаются; другие рессоры, сжимаясь, позволяют ей увидеть двадцать кинжалов, направленных на ее тело. Этот человек возбуждает себе хобот, говоря ей, что при малейшем движении кресла, она окажется пронзенной; кончая, он изливает свою сперму на нее.

66. Ее бросают с помощью рычага в кабинет, обтянутый черным, где находятся скамейка для молитвы, гроб и головы мертвецов. Она видит шесть привидений, вооруженных дубинами, шпагами, пистолетами, саблями, кинжалами и копьями; каждый из них готов ее пронзить. Она колеблется. Ее охватывает страх; входит наш герой, хватает ее и хлещет наотмашь по всему телу, потом кончает, насилуя в зад. Если в момент его появления она пребывает без чувств, что зачастую и происходит, он приводит ее в чувство ударами розг.

67. Он входит в комнату в башне; посреди комнаты она видит большой костер; на столе – ад и кинжал. Ей дают выбрать между тремя видами смерти. Обычно она выбирает яд: это опий, от которого она впадает в глубокий сон; во время сна распутник насилует ее в зад. Это тот самый человек, о котором говорила Дюкло 27 числа и о котором будет говорить Ла Дегранж 6 февраля.

68. Тот самый человек, о котором Ла Дегранж будет говорить 16 февраля, предпринимает все ухищрения, чтобы отрубить голову девице; когда удар вот-вот должен быть нанесен, веревку быстро дергают, и удар обрушивается на плаху; лезвие вонзается в дерево на три дюйма. Если веревку не дернуть вовремя, тело девицы попадет под топор, и ей быть мертвой. Он кончает, нанося этот удар. Перед казнью он насилует ее в зад, положив голову женщины на плаху.

В этот вечер задница Коломб представлена всем; ей угрожают казнью – отсечением головы.

Пятнадцатое. 69. Проститутку по всем правилам вешают; ноги ее опираются на табурет, к которому привязана веревка; он находится напротив, устроившись в кресло для наблюдения;

дочери этой женщины приказано возбуждать ему член. Кончая, он дергает веревку; девица, теряя опору, оказывается подвешенной; приходят слуги, отвязывают девицу и при помощи кровопускания приводят ее в чувство; но эта помощь оказывается без его ведома. Он будет спать с дочерью, третируя ее всю ночь и говоря, что повесил ее мать; он не хочет знать, что она спаслась от этого. (Скажите, что Ла Дегранж будет об этом говорить.)

70. Он таскает девицу за уши; прогуливает ее, таким образом, нагишом по комнате; во время «прогулки» он кончает.

71. Он сильно щиплет все тело девицы, исключая грудь, ел этого она вся черная.

72. Он щиплет ее за грудь, теребит ее, месит, как тесто, до тех пор, пока та не теряет чувствительность.

73. Он кончиком иглы выводит у нее на грудях цифры и буквы; игла смочена ядом, грудь распухает, и девица испытывает сильные страдания.

74. Он втыкает одну-две тысячи маленьких булавок ей в груди и кончает, когда ими покрыта вся грудь.

В этот день неожиданно застают Юлию (как всегда, самую распутную) за тем, что она мастурбирует вместе с Шамвиль. Епископ с этого момента покровительствует ей еще больше и берет в свою комнату, подобно тому как Герцог имеет Дюкло, Дюрсе – Ла Мартен, а Кюрваль – Фаншон. Юлия признается, что с тех пор, как ее изгнали и приговорили спать в хлеву, Шамвиль увела ее к себе в комнату и спала с ней.

Шестнадцатое. 75. Он втыкает булавки в тело девицы, включая груди; кончает, когда она ими вся покрыта. (Скажите, что Ла Дегранж будет говорить об этом; это будет та история, которую она объясняет, четвертая – 27 февраля.)

76. Он накачивает ее напитками, потом зашивает ей отверстие спереди и сзади; в таком положении она находится до тех пор, пока не увидит, что она лишилась чувств от малой или большей нужды, удовлетворить которую может тогда, когда разорвутся нитки.

77. Они вчетвером находятся в комнате и лупят девицу ногами и кулаками до тех пор, пока она не потеряет сознание. Все вчетвером возбуждают друг другу хоботы и кончают, пока та лежит на полу.

78. Ее лишают воздуха, затем ей дают его в пневматическом устройстве.

Чтобы отпраздновать завершение одиннадцатой недели, торжественно отмечают свадьбу Коломб и Антиноя, в которой принимают участие все. Герцог, который ужасно трахает Огюстин спереди, в эту ночь охвачен похотливой яростью; он приказывает

Дюкло держать ее, наносит ей триста ударов хлыстом от спины до икр и трахает сзади Дюкло, целуя исхлестанные ягодицы Огюстин. Затем он совершает безумства ради Огюстин; хочет, чтобы она ужинала рядом с ним и ела у него изо рта, совершает еще тысяч распутных непоследовательностей, которые рисуют характер этих развратников.

Семнадцатое. 79. Он привязывает девицу, лежащую на животе, к столу и ест у нее на ягодицах обжигающий омлет, с силой накалывая на очень острою вилку кусочки.

80. Он держит ее голову над жаровней до тех пор, пока она не потеряет сознание; затем насилует ее в зад.

81. Он понемногу подпаливает серными спичками ей кожу у лона и на ягодицах.

82. Он гасит в большом количестве свечи в ее щелке, заднице и о ее груди.

83. Он сжигает ей спичкой ресницы, что не позволяет ей ни на минуту ночью сомкнуть глаза, чтобы заснуть.

В этот вечер Герцог лишает невинности Житона, который испытывает от этого боль, потому что Герцог огромен, насилует очень грубо, а Житону всего двенадцать лет.

Восемнадцатое. 84. Он принуждает ее, приставив пистолет к груди, жевать и глотать пылающий уголь; затем впрыскивает ей в щель азотную кислоту.

85. Он заставляет ее совершенно нагой водить хоровод вокруг четырех колонн; единственная тропинка, по которой можно обойти босиком эти колонны, усыпана острыми гвоздями, осколками стекла; на каждой стоит по человеку с розгами в руках, которые лупят ее спереди или сзади, в зависимости от того, какой стороной она обращена. Она вынуждена сделать несколько кругов, в зависимости от того, молода она или стара, хороша собой или не очень (самых красивых всегда оскорбляют как можно сильнее.)

86. Он сильно бьет ее по носу кулаком; даже когда начинает идти кровь, он продолжает бить; он кончает и смешивает свою сперму с ее кровью.

87. Он щиплет ее за мягкие места, особенно за ягодицы, лобок и груди раскаленными железными щипцами. (Скажите, что Ла Дегранж будет говорить об этом.)

88. Он накладывает ей на тело кучки пушечного пороха, особенно – на самые чувствительные места; затем поджигает их.

В этот вечер зад Житона предоставляется всем; его секут после церемонии, выполненной Кюрвалем, Герцогом и Епископом, поимевшими его.

Девятнадцатое. 89. Он засовывает во влагалище цилиндр с

порохом; поджигает его и кончает, видя пламя. Перед этим он целует ее зад.

90. Он смачивает ее с ног до головы винным спиртом, поджигает и забавляется до разрядки, наблюдая за несчастной девицей, охваченной огнем. Операция предпринимается два-три раза.

91. Он ставит ей клизму с кипящим маслом.

92. Он засовывает ей в анус горячее железо, а затем – ив щелку, хорошенько перед этим отхлестав.

93. Он хочет пинать ногами беременную женщину до тех пор, пока у нее не случится выкидыш. Перед этим сечет ее.

В этот же вечер Кюрваль лишает невинности Софи сзади; перед этим она исхлестана в кровь, получая по сто ударов от каждого из друзей. Едва кончив ей в зад, Кюрваль предлагает обществу пятьсот луидоров, чтобы отправить в склеп и изрядно позабавиться; в этом ему отказывают. Он снова трахает ее в зад и при второй разрядке дает пинок, от которого та валится на тюфяки, лежащие в пятнадцати футах. С этого же вечера он будет мстить за себя Зельмире и сечь ее.

Двадцатое. 94. Он делает вид, что ласкает ничего не подозревающую девицу, которая возбуждает ему хобот; в момент разрядки он хватает ее за голову и сильно ударяет о стену. Удар является таким неожиданным и ужасным, что девица падает без чувств.

95. Собираются четыре распутника; они судят девицу: приговор – сто ударов палкой, наносимых по двадцать пять ударов каждым из друзей и распределяемых так: первый со спины до поясницы; второй – от поясницы до икр; третий – от шеи до пупка, включая лоно; и четвертый – от низа живота до стоп.

96. Он колет ей оба глаза булавкой, а также оба соска и клитор.

97. Он капает ей горячим сургучом на ягодицы, во влагалище и на грудь.

98. Он пускает ей кровь на руке и останавливает ее лишь тогда, когда она теряет сознание.

Кюрваль предлагает пустить кровь Констанс по причине ее беременности: это выполняется до ее обморока; кровь ей пускает Дюрсе. В этот вечер зад Софи предоставляется всем; Герцог предлагает пустить ей кровь, утверждая, что это причинит вред, во-первых; а во-вторых, из крови можно приготовить на завтрак кровяной колбасы. Предложение принимается, кровь пускает Кюрваль; Дюкло, тем временем, возбуждает ему пушку, он хочет сделать надрез в тот момент, когда у него изольется сперма; ждать приходится довольно долго, но все удается! Несмотря на

это, Софи понравилась Епископу; он берет ее в качестве жены и отвергает Алину, которая впадает в немилость.

Двадцать первое. 99. Он пускает ей кровь на двух руках сразу; требует, чтобы она стояла, пока течет кровь; время от времени он останавливает кровотечение, чтобы высечь ее; затем снова открывает раны; все это продолжается до ее обморока. Кончает он лишь тогда, когда она падает; перед этим он заставляет ее опорожниться.

100. Он пускает ей кровь на руках, ногах и шейной вене; возбуждает себе член, видя, как бьют пять кровавых фонтанов.

101. Он слегка надрезает ей кожу на мягких местах, особенно на ягодицах, совершенно не касаясь грудей.

102. Он сильно надрезает ей кожу, особенно у лона и около заднего отверстия, там, где оно переходит в ягодицы; затем прижигает раны раскаленным железом.

103. Его, стоящего на четвереньках привязывают, как дикого зверя; он покрыт тигровой шкурой. В этом положении его возбуждают, дразнят, секут, бьют, возбуждают зад. Напротив него находится девушка, очень жирная, нагая, чьи ноги прикреплены к полу, а шея – к потолку так, что она не может двигаться. Как только распутник хорошо разгорячится, его отвязывают, он бросается, как дикий зверь на девицу, кусает ее тело (в основном, клитор и соски, которые обычно уносит в своих зубах). Он рычит и кричи′ как зверь, и, рыча, кончает. Необходимо, чтобы девица надела та кучу, которую он съест.

В этот же вечер Епископ лишает невинности Нарцисса; он предоставлен всем, чтобы не нарушать праздника 23-го. Герцог, перед тем как изнасиловать его в зад, заставляет его наделать себе в рот и вернуть туда сперму его (Герцога) предшественников.

Вытрахав мальчика в зад, он его сечет.

Двадцать второе. 104. Он вырывает зубы и царапает десны иголками, иногда обжигая их.

105. Он ломает ей палец на руке, а иногда – несколько.

106. Он сильно разбивает ей стопу ударом молота.

107. Он делает ей вывих кисти.

108. Он наносит ей удар молотком по передним зубам, при этом кончает. Предварительно долго сосет ее рот.

В этот вечер Герцог лишает Розетту невинности через зад; в тот момент, когда елдак входит в задницу, Кюрваль вырывает у девочки зуб, чтобы она разом ощутила две ужасные боли. В этот же вечер она предоставлена всем, чтобы не нарушать праздник следующего дня. Когда Кюрваль кончил ей в зад (а он приступил к ней самым последним), он дает девочке наотмашь такую затрещину, что она падает навзничь.

Двадцать третье. Из-за праздника историй насчитывается всего четыре.

109. Он делает ей вывих стопы.

110. Он ломает ей руку, насилуя в зад.

111. Он ломает ей кость на ноге ударом железного прута, а потом имеет сзади.

112. Он привязывает ее к стремянке, особым образом закрепляя руки и ноги. К стремянке прикреплена веревка; когда тянут за веревку, лестница падает. Она разбивает себе то одну часть тела, то другую.

В этот день была устроена свадьба «Струи-В-Небо» и Розетты, чтобы торжественно отметить завершение двенадцатой недели. В этот вечер пускают кровь Розетте после того, как она была изнасилована, и Алине, которую приказали трахнуть Эркюлю; кровь обеим пускают так, чтобы она стекала на ляжки и хоботы наших распутников, которые возбуждают себе члены, наблюдая это зрелище, и кончают, когда обе девушки теряют сознание.

Двадцать четвертое. 113. Он отрезает ей ухо. (Обратите внимание на то, чтобы везде рассказать подробно о том, что люди делают перед этим.)

114. Он рассекает ей губу и ноздри.

115. Он протыкает ей язык каленым железом после того, как пососал ее и искусал.

116. Он вырывает ей несколько ногтей на пальцах рук и ног.

117. Он отсекает ей кончик одного пальца.

Поскольку рассказчица, которой задавали вопросы, сказала, что подобное увечье, немедленно перевязанное, не влечет за собой никаких последствий, Дюрсе в тот же вечер отсекает кончик мизинца у Аделаиды; против нее его похотливые издевательства становятся день ото дня все сильнее. Он кончает от этого с неслыханным восторгом. В тот же вечер Кюрваль лишает сзади невинности Огюстин, хотя она и является «женой» Герцога. Мука, которую испытывает девушка; иступленный гнев Кюрваля на нее после акта; он сговаривался с Герцогом, чтобы отправить ее в этот же вечер в склеп; они говорят Дюрсе, что если им это позволить, они взамен позволят Дюрсе отправить туда же и Аделаиду; но Епископ читает им нотацию и добивается того, что они решают подождать в интересах собственного же удовольствия. Кюрваль и Герцог довольствуются тем, что попеременно сильно секут Огюстин.

Двадцать пятое. 118. Он вливает пятнадцать-двадцать капель кипящего расплавленного свинца ей в рот и обжигает десны азотной кислотой.

119. Он отрезает кончик языка, приказав ей предварительно

этим самым языком облизать грязный зад; потом наносит ей увечье и насилует ее в зад.

120. У него есть круглое железное приспособление, которое входит в плоть и режет; при вытаскивании его оно сдирает круглый кусок плоти такой толщины, на какую было спущено.

121. Он кастрирует мальчика десяти-пятнадцати лет.

122. Он щипцами зажимает и отрывает кончики грудей и разрезает их ножницами.

В этот же вечер зад Огюстин предоставлен всем. Кюрваль, насилуя ее в зад, возжелал целовать Констанс; кончая, он откусывает у нее кусочек груди зубами; поскольку девушку тут же перевязывают, то ее заверяют, что это не причинит никакого вреда ее плоду. Кюрваль говорит своим собратьям, которые подсмеиваются над его неистовством против этого создания, что не может совладать с чувством иступленного гнева, которое она ему внушает. Когда Герцог, в свою очередь, насилует сзади Огюстин, и ярость, которую он испытывает к этой красивой девочке, кипит как нельзя сильно: если бы за ними не уследили, он мог бы поранить ей либо грудь, либо шею, которую сжимал ей изо всех сил, когда кончал. Он просит у собрания еще побыть хозяином над ней, но ему отвечают, что надо подождать рассказов Ла Дегранж. Его брат просит его потерпеть до тех пор, пока он сам не подаст ему пример с Алиной; ведь то, что он хочет сделать, может нарушит: распорядок приготовлений. Однако тот не может больше сдерживаться: ему необходимо помучить эту красивую девочку; ему позволяют легонько поранить ей руку: он наносит ей рану на предплечье левой руки, высасывает из нее кровь, кончает; эту рану забинтовывают так, что на четвертый день ничего не заметно.

Двадцать шестое. 123. Он разбивает бутыль белого стекла о лицо связанной и беззащитной девицы; перед этим он долго сосал рот и язык.

124. Он привязывает ее за две ноги; одну руку привязывает ей за спиной, а в другую дает небольшую палку, чтобы защищаться; затем нападает на нее, размахивая шпагой, наносит ей несколько ран и кончает на них.

125. Он помещает ее на кресте Святого Андрея, делает вид, что разрывает ее, нападает на три ее невывихнутых конечности и разбивает ей либо руку, либо ногу.

126. Он заставляет ее встать к нему боком и стреляет из пистолета в упор; выстрел задевает ей груди; он же стремится выстрелом оторвать у нее один из сосков.

127. Он ставит ее на четвереньки в двадцати шагах от себя и стреляет из ружья по ягодицам.

В этот же вечер Епископ лишает сзади невинности Фанни.

Двадцать седьмое. 128 Тот самый человек, о котором Ла Дегранж будет говорить 24 февраля, вызывает выкидыш у беременной женщины, лупя ее кнутом по животу, он хочет увидеть, как она будет «нестись» перед ним.

129. Он кастрирует под самый 'корень» юношу шестнадцати-семнадцати лет. Перед этим насилует его в зад и сечет.

130. Он требует девственницу; бритвой отрезает ей клитор, потом лишает ее невинности при помощи горячего железного цилиндра, который загоняет во влагалище ударами молотка,

131. Он вызывает выкидыш на восьмом месяце посредством отвара, который заставляет женщину вскорости родить мертвого ребенка. В другой раз он вызывает роды через заднее отверстие, но ребенок появляется без признаков жизни, и мать рискует жизнью.

132. Он отрубает руку.

В этот же вечер зад Фанни предоставлен всем. Дюрсе спасает девушку от мучений, которые ей уготовлены; он берет ее себе в «женщины», совершает бракосочетание с помощью Епископа и отвергает Аделаиду; той причинили мучения, предназначенные Фанни: сломали палец. Герцог насилует ее в зад; тем временем Дюрсе ломает ей палец.

Двадцать восьмое. 133. Он обрубает две кисти и прижигает каленым железом.

134. Он отрезает язык по самый корень и прижигает каленым железом.

135. Он отрезает ногу; или приказывает ее отрезать, пока насилует в зад.

136. Он вырывает зубы и вставляет вместо них раскаленный гвоздь, который забивает молотком; он проделывает это, едва поимев женщину в рот.

137. Он вырывает глаз.

В этот же вечер наотмашь секут Юлию, ей колют иголкой все пальцы. Эта операция производится в тот момент, когда Епископ насилует ее сзади, хотя он неравнодушен к ней.

Двадцать девятое. 138. Он выжигает ей оба глаза, капая на них сургучом.

139. Он отсекает по самый корень ей грудь и прижигает каленым железом. Ла Дегранж напомнит в этом месте, что этот человек отрезал ей грудь, которой у нее недостает; и еще она уверена в том, что он ее съел, поджарив на решетке.

140. Он отрезает ей ягодицы, перед этим изнасиловав в зад и отхлестав. Говорят, он их ест.

141. Он отрезает по самый корень оба уха.

142. Он отрезает все конечности, двадцать пальцев, клитор, соски, кончик языка.

В этот вечер Алина, после того как четверо друзей ее сильно высекли, а Епископ напоследок изнасиловал в зад, приговорена к тому, что у нее на ногах и на руках будет отрезано по одному пальцу каждым из друзей.

Тридцатое. 143. Он отрывает у нее несколько кусков плоти приказывает их поджарить и принуждает ее есть их вместе с ним. Это тот же самый человек, что 8 и 17 февраля появляется у Ла Дегранж.

144. Он отрезает руки и ноги у мальчика, имеет в зад этот обрубок, хорошо кормит его и оставляет жить в таком виде; поскольку конечности отрублены не слишком близко от тела, мальчик живет долго. Этот же человек насилует его в зад таким образом больше года.

145. Он крепко привязывает за руку девочку и оставляет ее надолго без пищи; рядом с ней оставляет большой нож; перед ней ставится великолепная пища: если она хочет насытиться, то должна отрезать себе руку, иначе умрет. Перед этим он имеет ее в зад. Он наблюдает за ней из окна.

146. Он привязывает дочь и мать; чтобы одна из них выжила и позволила жить другой, надо отрубить себе руку. Он забавляется наблюдая за спором, какая из двух пожертвует собой ради другой

Она рассказывает только четыре истории, чтобы торжественно отметить в этот вечер праздник завершения тринадцатой недели, во время которой Герцог женит переодетого в девочку Эркюля (в качестве мужа) и одетого мужчиной Зефира (в качестве жены)

Этот хулиган, который, как известно, имеет самую прелестную попку среди восьми мальчиков, прекрасен, как Амур. Церемония освящается Епископом и происходит перед всем собранием. Мальчик сразу лишен невинности; Герцог находит в этом большое наслаждение и прикладывает к этому много сил; он доводит операцию до крови. Эркюль постоянно насилует его во время этого акта.

Тридцать первое. 147. Он выкалывает ей оба глаза и оставляет запертой в комнате, говоря, что перед ней стоит пища и она может до нее добраться. Для этого она должна пройти по железной пластине, которую не видит; пластину постоянно держат раскаленной. Он забавляется, глядя в окно на то, как она это проделывает: обожжется ли она или предпочтет умереть от голода? Перед этим ее сильно высекли.

148. Он мучает ее с помощью веревки: руки и ноги у нее

связаны; ее очень высоко поднимают за веревки; затем заставляют падать с большой высоты; каждое падение вызывает ушибы и разбивает все тело.

149. Он наносит ей глубокие раны, в которые льют кипящую смолу и расплавленный свинец.

150. Он привязывает ее, нагую и беспомощную, в тот час, когда она родила; ее дитя он привязывает напротив; ребенок кричит; она не может помочь ему. Надо, чтобы она видела, как он умирает. После этого наотмашь сечет мать по влагалищу, направляя свои удары вовнутрь. Обычно, он и является отцом этого ребенка.

151. Он накачивает ее водой, затем зашивает ей щель, зад и рот; в таком положении оставляет ее до тех пор, пока вода не прорвет протоки или она сама не погибнет. (Проверьте, почему оказалась одна лишняя история; если одну надо убрать, то пусть ей будет эта последняя, которая, я думаю, была уже исполнена.)

В этот вечер зад Зефира предоставлен всем, а Аделаида приговорена к жестокой порке, после которой ее будут жечь горячим железом; вблизи внутренней части влагалища, подмышками, немного подпалят под каждой грудью. Она героически выносит это, взывая к Богу, что еще больше раздражает ее палачей.

Четвертая часть

Сто пятьдесят смертельных или четвероклассных страстей, составляющие двадцать восемь дней февраля, наполненных повествованиями Ла Дегранж, к которым прилагается точный дневник скандальных событий в замке в течение того месяца.

План

С самого начала установите, что в этом месяце все меняется, четыре супруги отвергнуты, но Юлия снискала себе милость Епископа, который взял ее к себе в качестве служанки; Алина Аделаида и Констанс оказываются без приюта, за исключением, пожалуй, последней, которую Дюкло было позволено пристроить у себя: заботились о ее «приплоде.» Что касается Аделаиды и Алины, то обе они спали в хлеву со скотиной, предназначенной на убой. «Султанши» Огюстин, Зельмир, Фанни и Софи замени ли этих супруг во всем: в туалете, в обслуживании трапез, на канапе и в постелях господ по ночам. Так что в этот период комнаты господ ночью выглядят таким образом. Кроме самцов сменяющихся по очереди, у них находятся: у Герцога – Огюстин, Зефир и Дюкло вместе с мужланом; он спит между четырьмя, Мари – на канапе; Кюрваль спит также между Адонисом, Зельмир, мужланом и Фаншон; больше здесь никого нет; Дюрсе спит между Гиацинтом, Фанни, мужланом и Ла Мартен (проверьте), на канапе – Луизон; Епископ спит между Селадоном, Софи, мужланом и Юлией, а на канапе – Тереза. Это позволяет увидеть, что «молодожены» Зефир и Огюстин, Адонис и Зельмир, Гиацинт и Фанни, Селадон и Софи принадлежат – каждая пара – одному хозяину. В девичьем серале остаются лишь четыре девочки, в серале мальчиков – также четверо Шамвиль спит в девичьем серале, а Ла Дегранж – в серале мальчиков, Алина – в хлеву, как уже было сказано, а Констанс – в комнате Дюкло – одна (поскольку Дюкло все ночи спит с Герцогом). Обед подают четыре «султанши», представляющие четырех супруг, а ужин – четыре остальных «султанши»; одна и та же кадриль всегда подает кофе; но во время рассказов кадрили состоят теперь только из мальчика и девочки. Во время каждого рассказа Алина и Аделаида привязаны к колоннам в салоне рассказов, о котором уже говорилось, так что их ягодицы обращены в сторону канапе; около них находится небольшой стол, на котором лежат розги; таким образом, они готовы принять в любую минуту на себя удары. Констанс позволено сидеть в ряду рассказчиц. Каждая

старуха стоит у своей пары, а Юлия бродит нагишом от одного канапе к другому, исполняя приказания. Все остальное остается по-прежнему: по одному мужлану на каждом канапе. В такой ситуации Ла Дегранж начинает свои рассказы. Особым распоряжением друзья постановили, что в течение этого месяца Алина, Аделаида, Огюстин и Зельмир будут подвергнуты самым грубым насилиям и в предписанный день либо уничтожены руками героев, либо принесены в жертву одного из друзей, чтобы другие не обижались; что касается Констанс, то она послужит для торжественного завершения последней недели; об этом в свое время и в своем месте. Когда Герцог и Кюрваль в результате этих планов снова станут вдовцами и захотят взять еще супругу для исполнения обязанностей, они смогут это сделать, выбрав ее среди четырех оставшихся «султанш.» Колонны останутся без «украшений»; возле них больше не будет двух женщин, которые их «украшали.» Ла Дегранж начинает рассказы и, предупредив, что речь теперь пойдет только лишь об убийствах, обещает позаботиться (как ей посоветовали), чтобы передать все до мельчайших подробностей, и уделять особенное внимание пристрастиям, которые предшествовали страстям разнузданных убийц, чтобы все могли судить об отношениях и взаимосвязях и видеть, какой из видов простого распутства, подправленный разумом без морали и принципов, может привести к убийству и к какому именно типу убийства. Затем она начинает.

Первое февраля. 1. Ему нравилось забавляться с нищенкой, которая до этого три дня не ела; второй его страстью было оставить женщину умирать от голода в карцере, не оказывая ей ни малейшей помощи; он следит за ней и возбуждает себе хобот, разглядывая ее; кончает он только в день ее смерти.

2. Он долго держит ее там же, каждый день уменьшая порцию еды; он заставляет опорожняться и ест дерьмо с тарелки.

3. Ему нравилось сосать ее рот и глотать слюну; вторая его страсть – замуровывать женщину в карцере, оставив ей запасы еды на две недели, на тридцатый день он входит туда и возбуждает себе хобот над трупом.

4. Он заставляет писать; во-вторых, он понемногу умертвляет ее, не давая пить и заставляя много есть.

5. Он сек и умерщвлял женщину, не давая ей спать.

В этот же вечер Мишетту подвешивают за ноги, предварительно плотно накормив, до тех пор, пока она не извергнет всю блевотину на Кюрваля, который возбуждает себе елдак, находясь под ней, и глотает блевотину.

Второе. 6. Он заставлял наделать себе в рот и ел дерьмо по мере поступления. Во-вторых, он любил кормить ее одним только

хлебным мякишем и вином. От этого она умирала через месяц.

7. Ему нравилось иметь ее спереди; он заражает эту женщину венерической болезнью путем впрыскивания – такой дурной разновидностью, что она умирает в муках, спустя немного времени.

8. Он заставлял блевать ему в рот; во-вторых, заражает ее через питье злостной лихорадкой, от которой она очень быстро умирает.

9. Он заставлял опорожняться; во-вторых, ставит клизму с кипящей водой или с азотной кислотой, содержащей яд.

10. Знаменитый бичеватель сажает женщину на круг, на котором она кружится без остановки, пока не умрет.

В этот вечер Розетте ставят клизму с кипятком сразу после того, как Герцог поимел ее в зад.

Третье. 11. Ему нравилось раздавать пощечины; во-вторых, он выворачивает ей шею назад так, что лицо оказывается на стороне ягодиц.

12. Ему нравилось скотство; во-вторых, ему нравится, чтобы на его глазах жеребец лишал невинности девочку, в результате чего она умирала.

13. Ему нравилось насиловать в зад; во-вторых, он по пояс закапывает ее в землю и кормит до тех пор, пока половина тела у нее не сгниет.

14. Ему нравилось возбуждать клитор; он приказывает одному из своих людей возбуждать клитор девице до тех пор, пока она не умрет.

15. Один бичеватель, совершенствуя свою страсть, до смерти сечет женщину.

В этот вечер Герцог хочет, чтобы очень чувствительный клитор Огюстин возбудили Дюкло и Шамвиль, которые принялись за дело и возбуждали ее до обморока.

Четвертое. 16. Ему нравилось сдавливать горло; во-вторых, он привязывает девицу за шею. Перед ней находится много еды; чтобы добраться до нее, она должна удавиться, иначе умрет с голоду.

17. Тот самый человек, который убил сестру Дюкло и пристрастие которого заключается в том, чтобы подолгу ощупывать плоть, – мнет грудь и ягодицы у одной с такой силой, что заставляет ее умереть от этого мучения.

18. Тот человек, о котором Ла Мартен говорила 20 января и которому нравилось пускать кровь женщинам, убивая их путем постоянного повторения кровопусканий.

19. Его страсть состояла в том, чтобы заставить женщину бегать нагишом до тех пор, пока она не упадет; он имеет и вторую

страсть: закрывать ее в жарко натопленной бане, где она умирает от удушья.

20. Тот, о котором говорила Дюкло (любитель, чтобы его пеленали и подавали дерьмо вместо каши), так крепко стягивает женщину пеленой, что умерщвляет ее.

В этот вечер, незадолго перед тем, как пройти в салон рассказов, все увидели Кюрваля, насилующего сзади одну из служанок с кухни. Он платит штраф; девица получает приказ присутствовать при оргиях, где Герцог и Епископ, в свою очередь, имеют ее в зад; она получает по двести ударов розгами от каждого. Это толстая савоярка двадцати пяти лет, достаточно свежая и с красивой задницей.

Пятое. 21. В качестве первой страсти ему нравится скотство; во-вторых, он зашивает девицу в еще свежую ослиную шкуру, оставив голову снаружи; он кормит ее и оставляет в шкуре до тех пор, пока шкура, сжавшись, не удушит ее.

22. Тот, о котором Мартен говорила 15 января: ему нравилось, играя, подвешивать девицу за ноги и оставлять ее до тех пор, пока приливающая к голове кровь не душила ее.

23. Тот, о котором Дюкло рассказывала 27 ноября: ему нравилось поить допьяна проститутку; затем он умерщвляет женщину, накачивая ее при помощи воронки водой.

24. Ему нравилось щупать груди; совершенствуя затею, он оправляет груди женщины в два железных горшка; затем создание с «бронированными» грудями помещают на две горелки и оставляют подыхать от этих мучений.

25. Ему нравилось смотреть, как плавает женщина; во-вторых, он бросает ее в воду и вытаскивает наполовину захлебнувшейся; затем подвешивает за ноги, ожидая пока выльется вода. Как только она приходит в себя, он снова бросает ее в воду, и так несколько раз, пока она не сдохнет.

В этот день, в тот же самый час, что и накануне, обнаруживают Герцога, который насилует сзади другую служанку; он платит штраф; служанка вызвана на оргии, где ее пользуют все: Дюрсе – в рот, остальные – в зад и даже спереди, поскольку она девственница; ее приговаривают к двумстам ударам розгами – от каждого героя. Это – восемнадцатилетняя девушка, высокая и хорошо сложенная, немного рыжеватая и с очень красивой задницей. В этот же, вечер Кюрваль считает, что очень важно для беременности еще раз пустить кровь Констанс; Герцог имеет ее в зад; Кюрваль пускает ей кровь, в то время как Огюстин возбуждает ему хобот на ягодицах Зельмир и его самого трахают.

Шестое. 26. Первой его страстью было пинком под зад толкать женщину в пылающий костер; впрочем, она выходила из

него достаточно быстро, немного помучившись. Он совершенствует страсть, заставляя девицу держаться навытяжку между двух огней, один из которых «поджаривал» ее спереди, а другой – сзади; ее оставляют в таком положении до тех пор, пока у нее не начнет плавится жир.

Ла Дегранж напоминают, что она должна говорить об убийствах, от которых смерть наступает мгновенно, почти не причиняя страданий.

27. Ему нравилось останавливать дыхание женщине, сжимая ей шею, либо долго держа руку на ее губах; он совершенствует затею, душа ее в четырех матрасах.

28. Тот, о котором говорила Ла Мартен и который предлагал выбирать из трех смертей (посмотрите 14 января), сжигает мозг выстрелом из пистолета (не оставляя выбора); он насилует ее в зад и, кончая, выстреливает.

29. Тот, о котором Шамвиль говорила 22 декабря (приказывал прыгать в одеялах с кошкой), сталкивает ее с высокой башни на острые камни и кончает, слыша звук падающего тела.

30. Тот, которому нравилось сжимать шею, при этом имея в зад, и о котором Мартен говорила 6 января, насилует сзади девицу, пропустив ей вокруг шеи шелковый шнурок; он кончает, удушив ее. (Пусть она скажет, что эта страсть является одной и самых утонченных среди тех, которые может доставить себе распутник.)

В этот день торжественно отмечают праздник завершения четырнадцатой недели, и Кюрваль женится (в качестве жены) на «Разорванном-Заде» (в качестве мужа), и как мужчина – ни Адонисе (в качестве жены;. Мальчик был лишен невинности ишь в этот день; тем временем «Разорванный-Зад» трахает Кюрваля. За ужином все напиваются допьяна; секут Зельмир и Огюстин – по пояснице, ягодицам ляжкам, животу, бугорку, по ляжкам – спереди; затем Кюрваль приказывает Адонису поиметь Зельмир, его новую супругу, а сам по очереди трахает их обоих в зад.

Седьмое. 31. Ему нравилось простейшим способом иметь усыпленную женщину; он совершенствует каверзу, умерщвляя ее сильной дозой опиума; затем трахает ее спереди во время смертельного сна.

32. Тот же самый человек, о котором она только что говорила (бросает женщину в воду), имеет также страсть топить ее с камнем на шее.

33. Ему нравилось давать пощечины; во-вторых, пока она спит, он заливает ей расплавленный свинец в ухо.

34. Ему нравилось сечь по лицу. Шамвиль говорила об этом

30 декабря. (Проверьте). Он убивает девицу сильным ударом молотка в висок.

35. Ему нравилось видеть, как до конца сгорает свеча в анусе женщины: он привязывает ее к проводнику и ее уничтожает разряд.

36. Один бичеватель. Он пристраивает ее раком на дуло пушки; ядро выстреливает в зад.

В этот день все обнаружили, что Епископ трахает в зад третью служанку. Он платит штраф; девица вызвана на оргии; Герцог и Кюрваль имеют ее сзади и спереди, поскольку она девственница; потом ей наносят восемьсот ударов кнутом: по двести – каждый. Это – девятнадцатилетняя швейцарка, белокожая, жирная, с очень красивым задом. Кухарки жалуются и говорят, что если будут мучить служанок, готовка остановится; их оставляют в покос до марта месяца. В этот же вечер у Розетты отрезают один палец и прижигают огнем. Во время этой операции она находится между Кюрвалем и Герцогом; один имеет в зад, другой – спереди. В этот же вечер задница Адониса представлена всем; таким образом, в этот вечер Герцог трахнул одну служанку и Розетту спереди, ту же самую служанку – в зад; Розетту и Адониса – также в зад. Он крайне устал.

Восьмое. 37. Ему нравилось сечь плеткой из бычьей жилы; это тот самый человек, о котором говорила Ла Мартен: он колесовал, касаясь трех членов и ломая один из них. Ему нравится колесовать женщину, но он душит ее на кресте.

38. Тот, о котором говорила Ла Мартен: он делал вид, что отрубает голову девице и затем вытягивал веревкой; он действительно отрубает голову, получая разрядку. Так он возбуждает себе хобот.

39. Тот, из 30 января (рассказ Ла Мартен), которому нравилось надрезать кожу, заставляет проходить через «каменный мешок.»

40. Ему нравилось сечь беременных женщин по животу, он совершенствует затею, воодружая на живот беременной женщине тяжелый груз, который раздавливает ее и плод.

41. Ему нравилось видеть голую шею девицы, сдавливать ее, слегка разминая руками: он вонзает в шею под затылком в определенное место булавку, отчего девица тотчас умирает.

42. Ему нравилось неторопливо обжигать свечой различные части тела. Он совершенствует это, бросая ее в раскаленную печь; огонь так силен, что она сгорает в один миг.

Дюрсе, у которого часто напрягается елдак и который во время рассказов дважды сек Аделаиду на столбе, предлагает положить ее поперек в огонь; она дрожит от этого предложения,

которое с легкостью может быть принято; по соглашению ей опаляют соски: Дюрсе. ее муж, – один, Кюрваль. ее отец, – другой, оба они получают разрядку при этой операции.

Девятое. 43. Ему нравилось колоть булавкой; во-вторых, он кончает, трижды вонзая ей в сердце кинжал.

44. Ему нравилось сжигать бенгальский огонь во влагалище; он привязывает тоненькую, хорошо сложенную девушку к большой сигнальной ракете; она взлетает в воздух и падает на землю вместе с ракетой.

45. Тот же самый человек наполняет женщину порохом во все отверстия и поджигает; все конечности одновременно отрываются взрывом и разлетаются в разные стороны.

46. Ему нравилось неожиданно подсыпать рвотное в пищу, которую ела девица; во-вторых, он заставляет ее вдыхать порошок, подсыпанный в табак или в букет, от которого она тут же падает замертво.

47. Ему нравилось сечь по лону и шее; он совершенствует затею: наносит сильный удар железным прутом по гортани.

48. Тот самый, о котором говорила Дюкло 27 ноября и Ла Мартен – 14 января. (Проверьте.) Она опорожняется на глазах у нашего распутника, он бранит, гоняется за ней в длинном зале, сильно избивая кнутом. Дверь, выходящая на маленькую лестницу, открывается; она думает там укрыться, бросается туда, но там нет одной ступеньки, и она кубарем скатывается в ванну с кипящей водой, которая тотчас же закрывается у нее над головой; она умирает, обварившись, утонув и задохнувшись. Его страстью является заставлять опорожняться женщину в то время, когда она это делает.

В этот вечер – в конце рассказа – хотя Кюрваль утром заставлял опорожняться Зельмир, Герцог требует от нее дерьма. Она не может; ее приговаривают к тому, что зад будет исколот золотой иглой до тех пор, пока кожа не окажется в крови; поскольку именно Герцог был уязвлен этим отказом, то он и совершает экзекуцию. Кюрваль требует дерьма от Зефира: тот говорит, что Герцог заставлял его это делать утром. Герцог отрицает; в свидетели призывают Дюкло, которая отрицает слова Зефира, хотя это – правда. Вследствие этого Кюрваль получает право наказать Зефира, хотя тот и является любовником Герцога, подобно тому, как последний только что наказал Зельмир, хотя та является женой Кюрваля. Зефир высечен Кюрвалем до крови и получает шесть щелчков по кончику носа; от этого у него течет кровь; что заставляет Герцога сильно хохотать.

Десятое. Ла Дегранж говорит, что она будет рассказывать об убийствах и о предательстве, где способ является главным, а

последствие (то есть смерть) всего лишь вспомогательным. Для этого, говорит она, надо сначала расставить по местам яды.

49. Один человек, страстью которого было насиловать в зад, и никуда иначе, отравляет всех женщин. У него их было двадцать две. Он имел их всегда в зад и никогда не лишал невинности.

50. Один странный тип приглашает друзей на пир и каждый раз, когда угощает, отравляет часть из них.

51. Человек из 26 ноября – у Дюкло, и из 10 января – у Ла Мартен, обладает странностями: под видом облегчения страданий бедняков дает им отравленную пищу.

52. Один странный тип использует зелье; будучи смешанным с землей, оно заставляет замертво падать тех, кто на него наступает; он пользуется этим довольно часто.

53. Один странный тип использует какой-то порошок, который заставляет умирать в страшных муках; они длятся две недели, и ни один врач не может определить болезнь. Самое большое удовольствие ему доставляет навещать отравленного, когда он пребывает в этом состоянии.

54 Один странный тип применяет к мужчинам и женщинам другой порошок: под действием его у вас отключаются все чувства, и вы становитесь, точно мертвый. Все уверены, что так оно и есть; вас хоронят, и вы в отчаянии умираете в своем гробу, где оказываетесь задолго до того, как приходите в сознание. Он старается находиться над тем местом, где вы похоронены, чтобы услышать какие-нибудь крики; если он слышит их, то бывает вне себя от удовольствия. Таким способом он умертвил часть своей семьи.

В этот вечер Юлию, шутя, заставляют принять порошок, который вызывает у нее ужасные рези; ей сообщают, что она отравлена: она этому верит и приходит в отчаяние. При виде ее конвульсий Герцог, стоя напротив, заставляет Огюстин возбуждать ему хобот. Ей трудно покрыть головку крайней плотью, это не нравится Герцогу; он собирался кончить, но ее неумение ему мешает. Он хочет отрезать палец этой неумехе и отрезает его на той руке, которая виновата; тем временем его дочь Юлия, которая считает себя отравленной, приходит в сознание. Она выздоравливает в этот же вечер.

Одиннадцатое. 55. Один странный тип часто ходил к знакомым или друзьям и никогда не упускал случая, чтобы отравить самое дорогое существо, которое было у друзей. Он пользовался порошком, который заставлял через два дня умирать в ужасных муках.

56. Один человек, страстью которого было сжимать руками горло, совершенствовал свою затею, отравляя детей на груди

кормилиц.

57. Ему нравилось заставлять возвращать молочные клизмы в рот; во-вторых, он ставил отравленные клизмы, от которых умирали из-за ужасных колик в животе.

58. Один странный тип, о котором у нее еще будет случай рассказать 13 и 26 февраля любил поджигать дома бедняков; он устраивал это так, чтобы сгорело как можно больше людей, особенно детей.

59. Другой странный тип любил умерщвлять женщин во время родов: приходил их навестить, имея при себе порошок, запах которого вызывает спазмы и конвульсии, отчего наступает смерть.

60. Тот, о котором Дюкло говорит в свой двадцать восьмой вечер, хочет увидеть, как рожает женщина; он убивает дитя при вы ходе из чрева матери – у нее на глазах, делая вид, что ласкает ребенка.

В этот вечер Алину сначала высекли до крови – по сто ударов от каждого друга, – затем от нее требуют дерьма; она дала его утром Кюрвалю, который это отрицает. Вследствие этого ей обжигают груди и ладони, капают горячий сургуч на ляжки, живот, наполняют им пупок, сжигают винным уксусом волосы на лобке. Герцог ищет ссоры с Зельмир, и Кюрваль отрезает ей два пальца – по одному на каждой руке. Огюстин секут по бугорку и заднице.

Двенадцатое. Друзья собираются утром и решают: поскольку четыре старухи стали бесполезными и могут быть легко заменены в своих обязанностях четырьмя рассказчицами, то надо позабавиться и убивать одну за другой, начиная с нынешнего вечера. Рассказчицам предлагают занять место старух; они соглашаются при условии, что их не станут приносить в жертву. Им это обещано.

61. Трое друзей: д'Окур, аббат и Депре, о которых Дюкло говорила 12 ноября, опять забавляются вместе: они требуют беременную женщину на восьмом-девятом месяце, вскрывают ей живот, вырывают оттуда младенца и сжигают его на глазах матери; взамен ей кладут в желудок пакет серы, смешанной с ртутью, который поджигают; затем они зашивают живот и оставляют ее умирать у них на глазах в неслыханных муках, заставляя возбуждать им хоботы девицу, которая находится вместе с ними. (Проверьте имя).

62. Ему нравилось находить себе девственниц; он совершенствует затею, делая детей нескольким женщинам; как только им исполнится пять-шесть лет, он лишает их невинности (будь то девочка или мальчик) и бросает их в раскаленную печь

тотчас после того, как изнасилует, в тот самый момент, когда получает разрядку.

63. Человек, о котором Дюкло говорила 27 ноября, Ла Мартен – 15 января и Шамвиль – 5 февраля и страстью которого было, шутя, вешать и наблюдать, как вешают, – итак, этот человек прячет деньги в сундуках своих слуг: затем он обвиняет их в том, что его обокрали. Он пытается их повесить, и если ему это удастся, получит от зрелища наслаждение; в противном случае , закрывает их в комнате и удушает. Кончает он во время этой операции.

64. Один большой любитель дерьма (тот, о котором Дюкло говорила 14 ноября) заказывает специальный стульчак; он приглашает сесть на него человека, которого хочет погубить; как только тот садится, стульчак проваливается, и человек кубарем летит в глубокую яму с дерьмом, где его оставляют умирать.

65. Человек, о котором говорила Ла Мартен и который забавлялся тем, что смотрел, как девица падает с высокой лестницы, совершенствует свою страсть (проверьте, какую): он приказывает поместить девицу на низкие козлы напротив глубокой лужи; рядом находится стена, которая дает ей возможность отступить, тем более надежную, что там есть лестница, прислоненная к этой стене. Необходимо броситься в лужу; она потому торопится это сделать, что за козлами, на которые она поставлена, медлен но разгорается огонь и понемногу охватывает ее. Если огонь достигнет ее, она сгорит; она не умеет плавать и если (чтобы избежать огня) бросится в воду, – утонет. Охваченная огнем, она все же решается броситься в воду и достичь лестницы, которая стоит у стены. Нередко она тонет; тогда этим все заканчивается. Если ей повезет и она достигнет лестницы, то одна ступень наверху разламывается у нее под ногами; она кубарем летит в дыру, прикрытую землей, которой раньше не видела и которая, не выдержав ее веса, направляет ее в пылающий костер, где она и погибает. Распутник, находящийся поблизости, наблюдает это возбуждая себе хобот.

66. Тот самый человек, о котором Дюкло говорила 29 ноябрь и который лишил невинности Ла Мартен в пять лет через зад, а также тот самый, рассказом о котором она обещает завершить «страсти ада», – итак, этот человек насилует сзади девицу шестнадцати-восемнадцати лет, самую красивую, какую смогли ему найти. Незадолго до того, как кончить, он опускает пружину: на голую и свободную от украшения шею девушки падает зубчатое стальное колесо, которое тщательно перепиливает ей шею; тем временем он получает разрядку, которая длится очень долго.

В это вечер обнаруживается связь между одним из низших мужланов и Огюстин. Он пока еще не имел ее, но, чтобы добиться этого, предлагал ей бежать; Огюстин признается, что была готова дать ему то, что он у нее просил, чтобы спастись и не подвергать свою жизнь опасности. Фаншон обнаруживает связь и докладывает о ней. Четверо друзей неожиданно набрасываются на мужлана, скручивают по рукам и ногам и спускают в карцер, где Герцог насилует его в зад без смазки; Кюрваль тем временем рубит ему шею, а двое других жгут каленым железом по всему телу. Эта сцена произошла сразу же после обеда, вместо кофе; все идут в гостиную, как обычно; за ужином решается вопрос, не стоит ли по причине раскрытия заговора помиловать Фаншон, которая в соответствии с решением, принятым утром, должна быть подвергнута оскорблениям этим же вечером. Епископ противится тому, чтобы ее избавили от наказания: мол, недостойно уступать чувству признательности; мы еще будем видеть, как он станет выступать за то, что может доставить обществу дополнительное сладострастие, противиться тому, что может лишить общество удовольствия. Вследствие этого, наказав Огюстин за участие в заговоре и заставив ее присутствовать при казни любовника. ее насилуют в зад и обещают тоже отрубить голову: наконец, вырвав у нее два зуба (операция, которую проводит Герцог) в то время как Кюрваль насилует ее в зад, и хорошенько отхлестав ее, заставляют появиться Фаншон: ее заставляют опорожниться; каждый друг наносит ей по сто ударов кнутом, а Герцог отсекает под самый корень левую грудь. Она громко протестует против несправедливости. – «Если бы действие было справедливым, – сказал Герцог, – оно бы не возбудило нас!» Затем ее перевязывают так, чтобы она еще могла послужить для новых мучений. Отмечается, что имеет место некое начало мятежа среди низших мужланов; принесение в жертву одного из них тушит мятеж. Старухи, как и Фаншон, лишены своих обязанностей и заменены рассказчицами и Юлией. Они дрожат и думают, как избежать своей участи?

Тринадцатое. 67. Один человек, который очень любил задницу, приглашает девицу, в которую, как он утверждает, он влюблен, на прогулку на воде; специально подготовленная лодка разламывается, и девица тонет. Иногда тот же человек берется за дело иначе: у него есть специальный балкон в высоком доме; девица выходит на него; балкон обваливается – девица разбивается насмерть.

68. Один человек, которому нравилось сечь, а затем иметь в зад, совершенствует страсть: увлекает девицу в подготовленную комнату; открывается люк, она падает в склеп, где находится

распутник; в момент ее падения он вонзает ей кинжал в груди, влагалище и в заднее отверстие; затем бросает ее, мертвую или еще живую, в другой склеп, вход в который закрывается камнем; она падает на гору других трупов и в ужасных мучениях испускает дух. Свои удары кинжалом он старается наносить лишь слегка, чтобы не убить жертву и чтобы она умерла лишь в последнем склепе. Он насилует ее в зад, сечет и кончает. Он предается этой страсти с необычайным хладнокровием.

69. Один скверный малый заставляет девицу сесть на необъезженную лошадь, которая тащит ее за собой и убивает в гибельной скачке.

70. Тот человек, о котором Ла Мартен говорила 18 января и первой страстью которого было жечь девицу с помощью фитиля с порохом, совершенствует затею: он заставляет девицу лечь на кровать; кровать проваливается в пылающую жаровню, из которой она может, впрочем, выйти. Он находится вблизи; по мере того, как она хочет выйти, он отталкивает ее назад сильными ударами вертела в живот.

71. Тот, о котором она говорила 11-го (ему нравилось поджигать дома бедняков), пытается заманить к себе какого-нибудь мужчину или женщину под предлогом милосердия; он насилует их сзади, потом отбивает им почки и оставляет умирать от голода в карцере.

72. Человек, которому нравилось выбрасывать женщину в окно на навозную кучу и о котором говорила Ла Мартен, делает то, что мы в дальнейшем увидим в качестве второй страсти. Он дает девице заснуть в комнате, которая ей хорошо знакома; окна в комнате расположены очень низко; девице дают опий; как только она крепко засыпает. ее переносят в комнату, совершенно, похожую на прежнюю, окно которой расположено очень высоко – под ними находятся острые камни. Затем к ней в комнату быстро входят, нагоняя на нее жутких страх; ей грозят, что сейчас убьют. Она, зная, что окно находится низко, открывает его и выбрасывается; она падает с высоты более чем в 30 футов на острые камни.

В этот вечер Епископ выходит замуж, представляя женщину, за Антиноя, выступающего в качестве мужчины; как мужчина он женится на Селадоне, выступающем в качестве девицы; в это день этого мальчика имеют в зад в первый раз. Церемония знаменует праздник завершения пятнадцатой недели. Прелат желает, чтобы в конце праздника была сильно оскорблена Алина, против которой взрывается его распутная ярость. Ее вешают и очень быстро снимают с веревки; все кончают, видя ее повешенной. Кровопускание, которое делает Дюрсе, помогает ей оправиться, и

на следующий день все проходит. Она рассказывает что испытала во время своего мучения. Епископ, для которого все в этот день представляется праздником, по самый корень отрезает сосок на груди у старухи Луизон: две остальные видят каким будет их жребий.

Четырнадцатое. 73. Один человек имевший вкус сечь девиц, совершенствует его: каждый день он вырывает кусочек плоти величиной с горошину из ее тела; ее совсем не перебинтовывают, и она умирает «на медленном огне.»

Ла Дегранж предупреждает, что она теперь будет говорить об очень мучительных убийствах; главным здесь будет крайняя жестокость; ей советуют быть подробной в деталях больше обычного.

74. Тот, кому нравилось пускать кровь, ежедневно выпускают по пол-унции крови; и так вплоть до смерти; этому человеку громко аплодируют.

75. Тот, которому нравилось колоть зад булавками, каждый день наносит удар кинжалом. Кровь останавливают, но раны не бинтуют; таким образом, девица медленно умирает.

75-бис. Один любитель сечь плетьми потихоньку отпиливает одну за другой все части тела.

76, Маркиз де Мезанж, о котором Дюкло говорила в связи с дочерью сапожника Петиньона (он купил ее у Дюкло) и первой страстью которого было заставлять в течение четырех часов себя сечь (при этом он не кончал); второй страстью его было поместить маленькую девочку в руку колосса; тот держал дитя за голову над большой жаровней на которой она очень медленно поджаривалась; девочки были девственницами.

77. Его первой страстью было понемногу обжигать плоть лона и ягодиц гаичкой; второй – втыкать все тело девицы фитилями, пропитанными серой; он зажигает один за другим и смотрит, как она умирает.

«Не существует никакой другой более мучительной смерти, – заметил Герцог, признавшись, что он предавался этой гнусности и получал от нее сильную разрядку. – Говорят, женщина живет шесть-восемь часов.

Этим вечером насилует в зад Селадона; Герцог и Кюрваль предаются с ним соитию. Кюрваль хочет, чтобы Констанс пустили кровь из-за ее беременности; в конце концов он сам делает это, кончая одновременно в зад Селадону; затем отрезает сосок у Терезы, имея в зад Зельмир; Герцог насилует сзади Терезу, пока производят операции с соском.

Пятнадцатое, 78. Ему нравилось сосать рот и глотать слюну; он совершенствует страсть, ежедневно в течение девяти дней

заставляет глотать небольшую дозу расплавленного свинца при помощи воронки; на девятый день она подыхает.

79. Ему нравилось выкручивать палец; во-вторых, он перебивает все члены, вырывает язык, выкалывает глаза и заставляет так жить, уменьшая с каждым днем количество пищи.

80. Осквернитель святынь, второй, о котором говорила Ла Мартен 3 января, привязывает веревками красивого мальчика к высокому кресту и оставляет его там одного на съедение воронам.

81. Один человек, который нюхал подмышки и трахал в них и о котором рассказывала Дюкло, подвешивает женщину, связанную со всех сторон, за подмышки; каждый день он колет ее в какую-нибудь часть тела, чтобы кровь привлекала мух; затем оставляет умирать

82. Один человек, питавший пристрастие к задницам, улучшает страсть погребая девицу в склепе с запасами еды на три дня, он перед тем ранит ее, делая ее смерть более мучительной. Он хочет, чтобы жертвы были девственными и насилует их в зад в течение восьми дней, прежде чем подвергнуть упомянутому мучению.

83. Ему нравилось насиловать в очень молодые рты и зады; он совершенствует страсть: вырывая сердце у живой девушки, проделывает в нем дыру; трахает эту горячую дыру, кладет сердце со своей спермой в нем на место; рану зашивают и девицу оставляют без помощи.

В этот вечер Кюрваль, всегда возбуждаемый видом прекрасной Констанс, говорит, что прекрасно можно рожать, если тебе будет сломан какой-либо член; после этого несчастной ломают правую руку. Дюрсе в тот же вечер отрезает сосок у Мари, которую предварительно высекли и заставили опорожняться.

Шестнадцатое. 84. Любитель сечь розгами совершенствует свою страсть: медленно разделывает кости, выкачивает оттуда костный мозг и заливает на его место свинец.

Тут Герцог кричит, что никогда в жизни больше не захочет насиловать в зад, если это не та самая мука, которую он предназначает Огюстин. Бедная девушка, которую в течение всего этого времени он имел в зад, испускает крики и изливает поток слез. Поскольку из-за этой сцены она заставила его пропустить разрядку, он, возбуждая себе член и кончая в одиночку, дает ей дюжину пощечин, звук которых гулко отдается в зале.

85. Один малый рубит на специально подготовленной машине девицу на мелкие куски, это – китайское мучение.

86. Ему нравилось лишать невинности девиц; а второй его страстью было накалывать щель девственницы на острый кол; она

сидит на нем, как будто верхом: он вонзается в нее; привязав по пушечному ядру к каждой ноге, он оставляет ее умирать «на медленном огне.»

87. Один человек, любитель сечь, трижды снимает слой за слоем кожу с девицы; четвертый слой кожи он обмазывает едким ядовитым веществом, отчего она умирает в ужасных муках.

88. Один человек, первой страстью которого было отрезать палец, а второй – вырывать кусок плоти раскаленными щипцами, отрезает этот кусок плоти ножницами, потом прижигает рану. В течение четырех-пяти дней он удаляет понемногу плоть со всего тела женщины, и она умирает в муках от этой жестокой операции.

В этот вечер наказывают Софи и Селадона, которых нашли забавляющимися вместе. Обоих высек Епископ, которому они принадлежат. Отрезают два пальца у Софи и столько же у Селадона, который, впрочем, выздоравливает. Они затем служат ничуть не меньше удовольствиям Епископа. Фаншон снова выставляют на сцену и, отхлестав плеткой из бычьей жилы, прижигают тело от подошв до ляжек спереди и сзади, лоб, каждую руку; затем у нее вырывают оставшиеся зубы. Герцог постоянно держит елдак у нее в заду, пока над ней производят операцию. (Скажите, что законом было предписано портить ягодицы лишь в день последнего мучения).

Семнадцатое. 89. Человек, о котором Ла Мартен рассказывала 5 февраля, отрезает соски и ягодицы у молодой девушки, ест их и накладывает на раны пластырь, который сжигает плоть с такой силой, что она от этого умирает. Он принуждает ее также есть свою собственную плоть, которую только что отрезал и приказал поджарить.

90. Один малый приказывает сварить маленькую девочку в котле.

91. Один малый приказывает зажарить девочку живьем на вертеле, незадолго до того изнасиловав ее в зад.

92. Один человек, первой страстью которого было заставлять насиловать перед ним в зад мальчиков и девочек очень толстыми орудиями, сажает задом на кол девицу и оставляет ее умирать, наблюдая за извивающимся телом.

93. Один малый привязывает женщину к колесу и, не причинив ей до этого никакой боли, оставляет умирать своей смертью.

В этот вечер Епископ, распалившись, хочет, чтобы Алину подвергли мучениям; его гнев достиг последней стадии. Когда она появляется голой, он заставляет ее опорожниться и насилует в зад; не кончив, он приходит в полную ярость от этого прекрасного зада; ей ставят клизму с кипятком, который он

заставляет ее излить таким же горячим на нос Терезы. Затем у Алины отрезают все оставшиеся пальцы на руках и на ногах, ей ломают обе руки (до этого ей прижигают их каленым железом). Ее секут и дают пощечины, потом распалившийся Епископ отрезает ей сосок и кончает. После этого переходят к Терезе, ей обжигают внутри влагалище, ноздри, язык, ноги и руки и наносят шестьсот ударов плетью из бычей жилы; выдирают оставшиеся зубы и выжигают через рот глотку. Огюстин, будучи свидетелем этого, принимается плакать; Герцог сечет ее по животу и лобку до крови.

Восемнадцатое. 94. Первой страстью его было надрезывать кожу, а второй – разрывать на куски, привязав к четырем молодым деревьям.

95. Один человек, который раньше любил сечь, подвешивает девицу к машине; машина опускает ее в большой огонь и тотчас же вытаскивает оттуда; это длится до тех пор, пока она не сгорит целиком.

96. Ему нравилось гасить свечи о ее плоть. Он обмазывает ее серой и заставляет служить факелом, следя за тем, чтобы дым ее не удушил.

97. Один малый вырывает внутренности у юноши и девушки, вкладывает внутренности юноши в тело девушки, а внутренности девушки – в тело юноши, потом зашивает раны, привязывает их спина к спине – к столбу, который поддерживает их и, встав между ними, смотрит, как они умирают.

98. Один человек, которому нравилось слегка обжигать, совершенствует страсть: он приказывает поджаривать на решетке, переворачивая с боку на бок.

В этот вечер Мишетту выставляют на растерзание. Сначала она высечена каждым из четырех героев, потом каждый вырывает у нее по зубу; ей отрезают четыре пальца (каждый – по одному); обжигают ляжки спереди и сзади, в четырех местах; Герцог теребит ей соски до тех пор, пока те не онемеют полностью, а сам тем временем насилует в зад Житона. Затем появляется Луизон. Ее заставляют наложить, затем наносят восемьсот ударов плетью из бычьей жилы, вырывают все зубы, прижигают язык, заднее отверстие, влагалище, сосок, который у нее остался, и ляжки в шести местах. Как только все легли спать, Епископ отправляется за своим братом-монахом. Они уводят с собой Ла Дегранж и Дюкло; все четверо спускают Алину в склеп; Епископ имеет ее в зад, Герцог тоже; ей объявляют о ее смерти; смерть проходит в крайних мучениях, которые длятся до рассвета. Снова поднявшись наверх, герои хвалят двух рассказчиц и советуют двум другим всегда использовать подобные мучения.

Девятнадцатое. 99. Один малый сажает женщину на кол с алмазной головкой, нацеленной на крестец; четыре ее конечности болтаются в воздухе, поддерживаемые лишь веревками; цель этого страдания – рассмешить; мучения ужасны.

100. Один человек, которому нравилось отрезать немного плоти от зада, совершенствует страсть: приказывает очень медленно распиливать девицу, положенную между двумя досками.

101. Один малый, двуполый, приказывает привести брата и сестру. Он говорит брату, что тот сейчас умрет в страшных мучениях, подготовку к которым ему показывает; но, однако, он спасет ему жизнь, если тот сначала поимеет свою сестру, а потом задушит ее у него на глазах. Юноша соглашается; пока он имеет свою сестру, распутник насилует в зад то его то сестру. Потом брат под страхом смерти, которой ему грозят, душит сестру; в тот момент, как он кончает это дело, открывается подготовленный люк, и они оба падают на глазах у развратника в ярко пылающий костер.

102. Один малый требует, чтобы отец поимел свою дочь у него на глазах. Он насилует в зад дочь, которую держит отец; затем говорит отцу, что его дочь должна непременно погибнуть, но у него есть выбор: убить ли ее, собственноручно задушив (что не принесет ей никаких страданий), или же, если он не хочет ее убивать, этот малый сам убьет, но это будет происходить на глазах отца, в ужасных муках. Отец предпочитает убить свою дочь сам, затянув шнурок на шее, нежели видеть ее страдания от ужасных мук; когда он готовится к этому, его связывают по рукам и ногам, с дочери у него на глазах сдирают кожу, потом ее катают по раскаленным шипам и бросают в огонь; отца душат, чтобы проучить за то (как говорит этот распутник), что он согласился собственноручно удушить дочь. Затем его бросают в тот же костер, что и дочь.

103. Один большой любитель задницы и кнута сводит вместе мать и дочь. Он говорит дочери, что сейчас убьет мать, если она не согласится на то, чтобы ей отрубили обе руки: крошка соглашается на это; ей отрубают руки. Затем девочку привязывают веревкой за шею, она стоит на табуретке; к табуретке привязана еще одна веревка, конец которой протянут в ту комнату, где находится ее мать. Матери велят потянуть за веревку: она тянет, не зная, что делает; ее ведут посмотреть на свое деяние, и в момент отчаяния сзади отрубают голову ударом сабли.

В тот же вечер Дюрсе, завидуя удовольствию, которое прошлой ночью получили два монаха, хочет, чтобы оскорбили

Аделаиду, которой, как он убежден, настает черед. В связи с этим Кюрваль. ее отец, и Дюрсе. ее муж, щиплют ей ляжки раскаленными щипцами; тем временем Герцог имеет ее в зад без смазки. Ей протыкают кончик языка, отрезают кончики ушей, вырывают четыре зуба, затем ее секут. В тот же вечер Епископ пускает кровь Софи на глазах у Аделаиды. ее дорогой подруги; он трахает ее в зад, пуская ей кровь, и все время оставаясь у нее в заду. Отрезают два пальца Нарциссу, тем временем Кюрваль насилует его в зад; потом приказывают явиться Мари, ей всовывают раскаленное железо в зад и во влагалище, прижигают каленым железом в шести местах на ляжках, клиторе, языке и оставшемся соске и вырывают оставшиеся зубы.

Двадцатое февраля. 104. Тот, из 5 декабря у Шамвиль, пристрастием которого было наблюдать, как мать совращает сына, чтобы затем трахать его в зад, улучшает страсть, объединяя мать и сына, Он сообщает матери, что сейчас ее убьет, но может и помиловать, если она убьет сына. Если она не убивает его, ребенку перерезают горло у нее на глазах; если же убивает. Ее привязывают к телу сына и оставляют медленно умирать на трупе.

105. Один великий охотник кровосмешения трахает в зад двух сестер; затем привязывает их к одной машине (каждую с кинжалом в руке); машину запускают, девушки сталкиваются и таким образом убивают друг друга.

106. Другой, повинный в кровосмешении, требует привести мать и четырех детей; он запирает их так, чтобы мог за ними наблюдать; им не дают никакой пищи, дабы видеть последствия голода: какого из своих детей мать съест первым.

107. Тот, из 29 декабря у Шамвиль, которому нравилось сечь беременных женщин, приказывает привести мать и дочь, обе должны быть беременны; каждую из них привязывает к железной пластине, одну над другой; пружина опускается, две пластины тесно сжимаются с такой силой, что женщины стираются в порошок вместе с плодами.

108. Один грубый человек забавляется следующим образом: «Есть только один человек в мире, – говорит он любовнику, – который препятствует вашему счастью с любовницей; я передаю его судьбу вам в руки.» Он ведет его в темную комнату, где кто-то спит на постели. Крайне возбужденный юноша бросается пронзить ножом этого человека. Как только он это делает, ему показывают, что убитая – его любовница; от отчаяния он убивает себя. Если он этого не делает, распутник убивает его выстрелами из ружья, не осмеливаясь входить в комнату, где находится разъяренный и вооруженный юноша. До этого он изнасиловал и

юношу, и девушку; этот удар он наносит после того, как насладился ими.

В этот вечер, чтобы отпраздновать шестнадцатую неделю, Дюрсе выходит замуж как женщина за «Струю-в-Небо» (в качестве мужа) и как мужчина женится на Гиацинте (в качестве жены); по случаю свадьбы он хочет помучить Фанни, одну из своих супруг. Ей обжигаю руки и ляжки в шести местах, вырывают два зуба, секут. Гиацинта, который любит ее и является по распутной прихоти, о которой говорилось прежде. ее мужем, принуждают опорожняться в рот Фанни, а ей велят это есть. Герцог вырывает зуб у Огюстин, сразу после этого имеет в рот. Снова появляется Фаншон; ей пускают кровь; пока кровь течет из руки, руку ломают, затем вырывают ногти на ногах и отрубают на руках пальцы.

Двадцать первое, 109. Она объявляет, что следующими будут рассказы о негодяях, которые убивают лишь мужчин. Он засовывает ствол ружья, заряженного крупной дробью в зад мальчику, которого только что поимел, и стреляет, получая таким образом разрядку.

110. Он заставляет юношу наблюдать, как у него на глазах калечат его любовницу; затем ему велят есть ее плоть, в основном, ягодицы5 соски и сердце. Он должен либо есть эти блюда, либо умереть с голоду. Как только он поел, ему на теле наносят несколько ран и оставляют умирать от потери крови; если же он не ест, он умирает с голоду.

111. Ему вырывают яички, и заставляют есть их, ничего об этом не говоря; потом заменяют эти тестикулы шариками из ртути и серы, которые причиняют ему такую ужасную боль, что он умирает. Во время этих болей его трахают в зад и усиливают его боль, обжигая повсюду серными фитилями, царапая и прижигая раны.

112. Он насаживает его задним отверстием на очень узкий кол и оставляет так умирать.

113. Он имеет в зад; в то время, как он предается извращению, он вынимает из черепа мозг и заменяет его расплавленным свинцом.

В этот вечер зад Гиацинта представлен всем и перед этой операцией сильно высечен. Представляют Нарцисса; ему отрезают оба яичка. Приказывает прийти Аделаиде; ей проводят спереди раскаленной лопаткой по ляжкам, прижигают клитор, протыкают язык, секут по груди, отрезают соски на груди, ломают две руки, вырывают волосы на лобке, шесть зубов и пук волос. Все кончают, за исключением Герцога, который, как сумасшедший возбуждая себе член, просит разрешения в одиночку поиздеваться над

Терезой. Ему это позволяют; он снимает ей все ногти при помощи перочинного ножа и постепенно обжигает пальцы свечей; потом ломает ей руку, но так и не получает разрядки; имеет спереди Огюстин и вырывает у нее зуб, отправляя свою сперму ей в щель.

Двадцать второе. 114. Он разрывает юношу, потом привязывает его к колесу, где оставляет умирать; тот кружится на нем так, что его ягодицы оказываются совсем близко от злодея, который его мучает; он ставит стол под колесо и обедает там все дни, пока его пациент не испустит дух.

115. Он сдирает кожу с юноши, обмазывает его медом и оставляет на съедение мухам.

116. Он отрезает ему член, соски, сажает на кол, к котором он пригвожден за ногу, поддерживаемый другим колом, к которому он пригвожден за руку; затем он оставляет его там умирав своей смертью.

117. Тот самый человек, который заставлял Дюкло обедать с его собаками, приказывает у него на глазах бросить мальчика н; съедение льву, дав ему легкий хлыст для защиты, что только распаляет ярость зверя. Он кончает, когда мальчик съеден.

118. Он подставляет мальчика под здорового, специально обученного жеребца, который трахает его в зад, затем убивает его Ребенок покрыт кобыльей шкурой, а его заднее отверстие натерто слизью кобылицы.

В тот же вечер Житон отдан на муки: Герцог, Кюрваль, Эркюль и «Разорванный-Зад» трахают его без смазки; его секут наотмашь, вырывают четыре зуба, отрубают четыре пальца (все время по четыре, потому что обряд совершает каждый; Дюрсе пальцами раздавливает ему яичко. Огюстин секут все четверо; ее прекрасный зад весь в крови; Герцог имеет ее сзади, а Кюрваль тем временем отрубает ей палец; потом Кюрваль трахает ее в зад, а Герцог прижигает ляжки каленым железом в шести местах; еще ей отрезают палец на руке в момент разрядки у Кюрваля; несмотря на все это, она затем идет спать с Герцогом. Ломают руки Мари, ей вырывают ногти на руках и прижигают. В эту же ночь Дюрсе и Кюрваль спускают Аделаиду в склеп с помощью Ла Дегранж к Дюкло. Кюрваль насилует ее в зад в последний раз; потом они умерщвляют ее в ужасных муках, которые вы опишете подробно.

Двадцать третье. 119. Он помещает мальчика в машину, которая растягивает его, разрывая суставы, то вверх, то вниз; он раздроблен на мелкие части; его вынимают, снова помещают в машину; и так несколько дней подряд – до смерти.

120. Он вызывает поллюции и изматывает мальчика при помощи красивой девочки; тот теряет силы, его совсем не кормят,

и он умирает в ужасных конвульсиях.

121. Над ним проводят операцию с камнем, трепаном, фистулой в глаз и фистулой в анус. Очень стараются не доводить до конца; потом его оставляют без помощи – до смерти.

122. Отрезав юноше по самый корень член и яички, он делает при помощи машины из раскаленного железа юноше влагалище и тотчас же прижигает отверстие; затем имеет его в это отверстие и собственноручно душит, кончая.

123. Он скребет его лошадиным скребком; когда появляется кровь, натирает его винным спиртом, который зажигает; потом скребет еще и снова натирает винным спиртом, который поджигает; так до самой смерти.

В этот вечер Нарцисс предоставлен для издевательства; ему обжигают ляжки и член, раздавливают оба яичка. Вновь принимаются за Огюстин по настоятельному требованию Герцога, который от нее в ярости; ей обжигают ляжки и подмышки, запихивают раскаленное железо во влагалище. Она теряет сознание; от этого Герцог приходит лишь в еще большую ярость: он отрезает ей соски, пьет ее кровь, ломает обе руки; вырывает волосы на лобке, все зубы, отрубает все пальцы на руках и прижигает железом. Он пока еще спит с ней и, как утверждает Дюкло, трахает ее спереди и сзади всю ночь, объявляя, что прикончит ее на следующий день. Появляется Луизон; ей ломают руку, обжигают язык, клитор, вырывают все ногти и обжигают кровоточащие кончики пальцев. В этом состоянии Кюрваль насилует ее в извращенной форме; в порыве он изо всей силы тянет и мнет сосок Зельмир, получая разрядку. Будучи недовольным этим эксцессом, снова принимается за нее и сечет.

Двадцать четвертое. 124. Тот же самый, что был четвертым 1 января у Ла Мартен, хочет поиметь в зад отца, находящегося среди своих детей; получая разрядку, он одной рукой закалывает кинжалом одного из детей, а другой – душит второго ребенка.

125. Один человек, первой страстью которого было сечь беременных женщин по животу, а второй – собирать вместе шестерку таких женщин на исходе восьмого месяца беременности. Он связывает их всех спиной к спине, оставляя снаружи живот; затем рассекает желудок у первой, у второй протыкает его ударом ножа, наносит сто ударов ногой в живот третьей, сто ударов палкой – по животу четвертой, обжигает живот пятой и трет теркой живот шестой, а потом обрушивает удары тесаком на живот той, которая все еще не умерла от его пыток.

Кюрваль прерывает рассказы несколькими яростными сценами: эта страсть его сильно разгорячила

126. Соблазнитель, о котором говорила Дюкло, требует двух женщин. Он призывает одну для спасения ее жизни отречься от Бога и от веры (но та была предупреждена, что если это сделает, то будет убита; не делая этого, она может ничего не бояться). Она сопротивляется, он обжигает ей мозг: «Вот уже одна есть для Бога!» Он приказывает прийти второй; потрясенная этим примером и зная, – ей тайком рассказали – что у нее нет другого способа спасти свою жизнь, как отречься, она делает все, что ей предлагают. Он обжигает ей мозг. «Вот теперь и другая для дьявола!» Злодей возобновляет эту мелкую игру каждую неделю.

127. Один очень большой негодяй любит давать балы; в зале есть подготовленный потолок, который в разгар обрушивается – почти все погибают. Если бы он постоянно жил в одном и том же городе, его бы разоблачили, но он очень часто меняет города; его разоблачают лишь на пятидесятый раз.

128. Тот самый, что был у Ла Мартен 27 января, пристрастием которого было вызывать выкидыш, ставит трех беременных женщин в жесткие позы так, что они образуют забавные группы. Он наблюдает за тем, как они в этом положении рожают; затем им привязывают к шеям их детей до тех пор, пока каждый ребенок не умрет или пока они не съедят его, так как он оставляет их без пищи.

128-бис. У того же самого была еще одна страсть: он заставлял двух женщин прямо перед собой рожать; завязывал им глаза, перемешивал детей так, что только он один мог их распознать по примете, потом приказывал женщинам узнать детей. Если они не ошибались, оставлял их в живых; если ошибались, то рассекал их пополам ударом сабли на теле того ребенка, которого они приняли за своего.

В тот же вечер Нарцисса выставляют на оргиях; заканчивают отрубать ему пальцы на руках; тем временем, пока Епископ имеет его в зад, а Дюрсе производит операцию, – ему вонзают раскаленную иглу в мочеиспускательный канал. Приказывают прийти Житону: его скручивают в клубок и играют им как в мяч; ему ломают одну ногу, а тем временем Герцог имеет в зад, не получая разрядки. Приходит Зельмир: ей обжигают клитор, язык, десны, вырывают четыре зуба, прижигают в шести местах ляжки спереди и сзади, отрезают оба кончика сосков, все пальцы на руках; Кюрваль трахает ее в зад в этом состоянии и не имеет разрядки. Приводят Фаншон, которой выкалывают один глаз. Ночью Герцог и Кюрваль в сопровождении Ла Дегранж и Дюкло спускают Огюстин в склеп. У нее был хорошо сохранившийся зад; его секут, потом каждый насилует ее в зад без разрядки; Герцог наносит ей пятьдесят восемь ран на ягодицы, в каждую из

которых заливает кипящее масло. Он вонзает раскаленное железо во влагалище и в задницу и трахает ее раны искусственным членом из акульей шкуры, который вновь разрывает, ожоги. Сделав это, ей обнажают кости и в разных местах их перепиливают; потом обнажают нервы в четырех местах, образуя крест, кончик каждого из этих нервов привязывают к вертушке и крутят, отчего самые нежные части ее тела растягиваются; это заставляет страдать от неслыханных мучений. Ей дают небольшую передышку, чтобы она еще сильней прочувствовала новую боль; потом вновь возобновляют эту операцию: на этот раз ей царапают нервы перочинным ножиком – по мере того, как они вытягиваются. Сделав это, проделывают дырку у нее в глотке, через которую вытягивают наружу язык; ей обжигают на медленном огне оставшийся сосок, потом во влагалище засовывают руку, держащую скальпель, которым разбивают перегородку, разделяющую анус и матку; снова засовывают руку, копаются в ее внутренностях и принуждают ее опорожняться через влагалище; затем через то же отверстие разрубают ей желудочный мешок. Потом возвращаются к лицу: отрезают уши, обжигают внутри носа, ослепляют, заливая в глаза кипящий сургуч, вскрывают череп, подвешивают за волосы, привязывая камни к ногам, чтобы она упала и чтобы череп оторвался. Когда она в конце концов упала, она еще дышала, и Герцог изнасиловал ее спереди; он кончил, но стал от этого лишь более разъяренным. Ее вскрыли, сожгли внутренности внутри живота и ввели руку со скальпелем, который колол в разных местах ей сердце. Вот на этом она испустила дух. Так погибло в пятнадцать лет и восемь месяцев одно из небесных созданий, которое когда либо произвела природа и т.д. Хвала ей.

Двадцать пятое. (С этого утра Герцог берет Колумб в качестве жены.)

129. Один большой любитель задов трахает в зад любовницу на глазах у ее любовника и, в свою очередь, любовника – на глазах у ее любовницы: потом он приколачивает любовника гвоздями к телу любовницы и оставляет их так умирать – одного на другом, рот в рот.

Таким будет мучение для Селадона и Софи, которые любят друг друга; здесь рассказчицу прерывают, чтобы заставить Селадона собственноручно вылить на ляжки Софи сургуч; он теряет сознание; Епископ трахает его в этом состоянии.

130. Тот самый, которого забавляло кидать девицу в воду и вытаскивать ее, имеет еще одну страсть: бросать семь-восемь девиц в пруд и смотреть, как они барахтаются. Он подставляет им раскаленный прут, они хватаются за него, но он их отталкивает;

чтобы они погибли наверняка, он отрезал у каждой перед плаванием какую-либо часть тела.

131. Его первым пристрастием было заставлять блевать; он совершенствует его, используя один секрет, посредством которого распространяет чуму в целой провинции; не счесть, сколько народу он смог погубить. Он также отравлял фонтаны и реки.

132. Один человек, которому нравилось сечь, приказывает посадить трех женщин в железную клетку, у каждой – по ребенку. Клетку снизу нагревают; по мере того как дно клетки раскаляется, они начинают подпрыгивать, берут детей на руки, в конце концов падают и умирают. (Где-то выше была отсылка к этому, посмотрите, где.)

133. Ему нравилось колоть шилом; он совершенствует страсть, закрывая беременную женщину в бочке, наполненной шипами; затем приказывает долго катать бочку по саду.

Констанс так убивалась над рассказами о мучениях беременных женщин, что Кюрваль получил массу удовольствия, наблюдая за ней. Она слишком хорошо видела свой жребий. Поскольку развязка близка, все считают, что могут начать над ней издеваться: ей обжигают в шести местах ляжки, льют сургуч на пупок, колют соски булавками. Появляется Житон; ему вонзают раскаленную иглу в член – то с одной, то с другой стороны, колют яички, вырывают четыре зуба. Потом приходить Зельмир, смерть которой тоже приближается. Ей всовывают во влагалище раскаленное железо, наносят шесть ран – в лоно и двенадцать – на ляжки: до этого ей сильно укалывают пупок; она получает по двадцать пощечин от каждого из друзей; у нее вырывают четыре зуба, колют глаза, секут и насилуют в зад. Насилуют ее в извращенной форме; Кюрваль. ее супруг, объявляет ей, что на следующий день она умрет; она радуется: наступит конец всех ее страданий. Появляется Розетта; у нее вырывают четыре зуба, метят каленым железом лопатки, делают надрезы на ляжках и икрах; потом ее насилуют в зад, сильно теребя соски. Появляется Тереза; ей выкалывают один глаз и наносят сто ударов плетью из бычьей жилы по спине.

Двадцать шестое. 134. Один негодяй устраивается у подножия башни; место вокруг него утыкано железными шипами. С верха башни к нему вниз гонят детей обоего пола, которых он до этого изнасиловал в зад; ему нравится видеть, как они накалываются на шипы, и быть забрызганным их кровью.

135. Человек, о котором говорилось 11 и 13 февраля и пристрастием которого было устраивать пожары, имел также страсть запирать шесть беременных женщин, привязав к ним горючие материалы; их поджигают; если они хотят спастись, то

он поджидает их на выходе с железным вертелом, бьет, отбрасывает назад в огонь. Когда они поджарятся наполовину, пол под ними проваливается и они падают в огромный чан с кипящим маслом, где, в конце концов, погибают.

136. Тот же самый человек, что был у Дюкло, который так невзвидит бедняков и купил мать Люсиль. ее сестру и ее самое, (о нем также упоминала Ла Дегранж – проверьте это), имеет в качестве другой страсти подводить бедную семью к штольне и смотреть, как они туда прыгают.

137. Один потворщик кровосмешения и большой любитель извращений, дабы объединить последнее с кровосмешением, убийством, изнасилованием, богохульством, супружеской изменой, заставляет своего сына поиметь его в зад с помещенной туда просвиркой, затем насилует свою замужнюю дочь и убивает племянницу.

138. Большой приверженец задниц душит мать, насилуя ее в зад; когда она умирает, он переворачивает ее и имеет спереди. Кончая, он ударом ножа в грудь убивает дочь на груди у матери, потом трахает мертвую дочь в зад; хорошенько убедившись, что они еще не совсем умерли и способны испытывать страдания, он бросает трупы в огонь и кончает, видя, как они горят. Это тот самый, о котором упоминала Дюкло 29 ноября и которому нравилось смотреть на девицу на постели, покрытой черным атласом; это также тот самый, о котором Ла Мартен рассказывала 11 января.

Нарцисс представлен для издевательств; ему отрубаю кисть. То же самое делают и с Житоном. Мишетту обжигают внутри влагалища; то же самое проделывают и с Розеттой; обеим обжигают живот и груди. Кюрваль, который, несмотря на приличия, не владеет собой, полностью отрубает грудь Розетте, трахая в зад Мишетту. Затем появляется Тереза, которой наносят по телу двести ударов плетью из бычьей жилы и выкалываю один глаз. Ночью Кюрваль заходит за Герцогом: в сопровождении Ла Дегранж и Дюкло они заставляют Зельмир спустится в склеп; в ход идут самые изощренные мучения, чтобы ее умертвить. Эти мучения сильнее тех, которые испытала Огюстин; эту операцию продолжают вплоть до следующего дня, включая время завтрака. Красивая девушка умирает в возрасте пятнадцати лет и двух месяцев: у нее была самая прекрасная задница в серале девушек. Со следующего дня Кюрваль, у которого больше не осталось жен, берет себе Эбе.

Двадцать седьмое. На следующий день отмечается праздник завершения семнадцатой и последней недели; этот праздник сопровождает окончание рассказов; Ла Дегранж рассказывает о

следующих страстях:

139. Один человек, о котором Ла Мартен говорила 12 января и который любил жечь бенгальский огонь в заднице, имеет вторую страсть – связывать двух беременных женщин и скидывать их в канаву, выложенную камнем.

140. Один любитель надрезывать кожу, заставляет двух беременных женщин драться в комнате (чтобы за ними можно было наблюдать без риска) и наносить удары кинжалом. Они дерутся голые; он угрожает нацеленным прямо на них ружьем, если они не хотят драться по доброй воле. Если они убивают друг друга, он считает цель достигнутой; если же нет, он спешит в комнату, где они находятся, со шпагой в руке, убивает одну и вспарывает живот другой, сжигая ее внутренности азотной кислотой или кусками раскаленного железа.

141. Один человек, которому нравилось сечь беременных женщин по животу, привязывает беременную девицу на колесо; внизу в кресле помещена мать этой девицы, не имеющая возможности двигаться; ее рот обращен вверх и раскрыт; она вынуждена принимать в рот всю дрянь, которая вытекает из трупа и ребенка, если дочь ее родит.

142. Тот, о котором Ла Мартен упоминала 16 января и которому нравилось колоть в зад, привязывает девицу на машину, утыканную железными шипами; он насилует ее таким образом, что каждым своим толчком прибивает ее к шипам; затем переворачивает ее и насилует в зад, чтобы она укололась и с другой стороны; следом за этим он толкает ее в спину и она протыкает железом груди. Проделав это, он кладет на нее вторую доску, также утыканную шипами, при помощи винтов эти две доски сжимаются. Она умирает, раздавленная и пронзенная со всех сторон. Сжатие происходит медленно; ей дают достаточно времени, чтобы умереть в муках.

143. Один любитель сечь кладет на стол беременную женщину; затем он приколачивает ее к этому столу, вонзая по раскаленному гвоздю в каждый глаз, еще один гвоздь – в рот, по одному – в каждую грудь; потом сжигает ей клитор и соски свечей и медленно отпиливает до половины ей колени, ломает кости на ногах и заканчивает, вонзая огромный раскаленный гвоздь в пупок; этот гвоздь приканчивает ее и ребенка. Для этого она должна быть накануне родов.

В этот вечер секут Юлию и Дюкло – для забавы, поскольку обе они входят в число сохраняемых. Несмотря на это, Юлии в двух местах обжигают ляжки и выщипывает волосы. Появляется Констанс, которая должна погибнуть на следующий день, но пока еще ничего не знает о своей участи. Ей обжигают груди, медленно

капают сургучом на живот, вырывают четыре зуба и иголкой колют белки глаз. У Нарцисса, который должен быть также уничтожен на следующий день, вырывают глаз и четыре зуба; у Розетты отрезают два соска и шесть кусков плоти: на руках и на ляжках; ей также отрезают все пальцы на руках и засовывают во влагалище и в зад раскаленное железо. Кюрваль и Герцог кончают – каждый по два раза. Приходит Луизон, которой наносят сто ударов плетью из бычьей жилы; ей также вырывают один глаз, который заставляют ее проглотить, что она и делает.

Двадцать восьмое. 144. Один негодяй приказывает найти двух добрых подруг, связывает их вместе, рот в рот; напротив них находится великолепная еда, но они не могут до нее добраться; он смотрит, как обе они пожирают друг друга, когда их начинает одолевать нестерпимый голод.

145. Один человек, которому нравилось сечь беременных женщин, запирает шесть человек в круглой клетке, образованной из железных кругов: в этой клетке все они находятся лицом к лицу. Понемногу круги сдавливаются, и они оказываются сжатыми и задушенными вместе со своими плодами; до этого он всем отрезал по одной ягодице и одной груди, которые приладил им, как воротник.

146. Один человек, которому также нравилось сечь беременных женщин, привязывает каждую из двух к жерди; при помощи машины жерди бросают их и скручивают в клубок одна с другой. От сильного удара они убивают друг друга, и он получает разрядку. Для опыта он старается брать мать и дочь или сестер.

147. Граф, о котором говорила Дюкло и о котором также упоминала Ла Дегранж 26-го, тот, который купил Люсиль. ее мать и младшую сестру; Ла Мартен рассказывала о нем как о четвертом 1 января, – он любит подвешивать трех женщин над тремя дырами: одна вешается за язык, в дыре под ней находится очень глубокий колодец; вторая подвешена за груди, в дыре под ней – пылающий костер, у третьей подрезана кожа на черепе, она подвешена за волосы, и дыра под ней утыкана острыми шипами. Когда эти женщины под тяжестью своего тела падают вниз, волосы на голове отрываются вместе с кожей черепа, груди разрываются, язык отрывается; они избавляются от одной муки лишь для того, чтобы испытать другую. Если ему удается, он берет трех беременных женщин или семью; именно для этого послужила ему Люсиль. ее сестра и мать.

148. *Последняя.* (Проверьте почему не хватает этих двух, все было там, на черновиках). Знатный господин, который предается этой последней страсти, которую мы назовем именем ада, был упомянут четыре раза: это последний из 29 ноября у Дюкло, у

Шамвиль он лишал невинности только девятилетних; Ла Дегранж о нем говорила тоже (проверить, где). Этот мужчина сорока лет, огромного роста и имеющий член, как у мула; его орудие имеет около девяти дюймов в окружности и фут в длину. Он очень богатый и очень знатный господин, суровый и жестокий. Для этой страсти у него есть дом на окраине Парижа в крайне уединенном месте. Покои, где он предается наслаждению, представляют собой большой салон, скромный, набитый подушками и матрасами; огромное окно является единственным проемом, который имеется в этой комнате; оно выходит в просторное подземелье, находящееся на двадцать футов ниже пола салона; под окном разложены матрасы, на которые летят девицы, по мере того как он бросает их в этот подвал (к описанию его мы скоро вернемся). Для этой игры ему необходимо пятнадцать девушек от пятнадцати до семнадцати лет, не старше и не моложе. Шесть сводниц используются в Париже и двенадцать – в провинции, чтобы отыскать для него все, что можно найти в этом возрасте наиболее прелестного; их собирают в «питомнике» по мере того, как находят, – в деревянном монастыре, где он хозяин; из монастыря их вытаскивают по пятнадцать человек для его страсти, которая исполняется регулярно каждые две недели. Накануне он сам рассматривает жертвы; малейший недостаток заставляет его отказываться от них; он хочет, чтобы они являли собой абсолютный образец красоты. Девицы приходят в сопровождении сводницы, их помещают в комнату по соседству с салоном наслаждений. Сначала их ему показывают обнаженными, он трогает их, осматривает, целует взасос, заставляет всех по очереди накладывать ему в рот, но не глотает. Проделав первую операцию с пугающей серьезностью, он отмечает каленым железом у каждой на плече порядковый номер, – в той последовательности, в какой хочет, чтобы они перед ним прошли. Затем он проходит в салон, на мгновение остается там один; никто не знает, на что он употребляет этот миг одиночества. Затем оп подает знак; ему бросают первую девушку, именно бросают; сводница кидает ее ему, он получает голую девицу прямо в руки. Следом он закрывает дверь, берет розги и начинает сечь ее по заду; затем насилует ее в извращенной форме своим огромным жезлом, но не кончает. Он приготавливает свой напряженный член, снова берет Рози, сечет девушку по спине, ляжкам спереди и сзади, снова кладет ее и лишает невинности спереди; затем наотмашь сечет розгами по груди, хватает за груди и мнет их руками что есть мочи. Проделав это, наносит шесть ран при помощи шила на мягких местах, из них по одной – на каждую онемевшую грудь. Затем открывает окно, которое

выходит на подземелье, ставит девицу спиной к себе – напротив окна и наносит удар ногой в зад, да такой сильный, что от него она вылетает в окно и падает на матрасы. Перед этим он повязывает девицам ленту на шею; лента означает мучение определенного рода, для которого, как ему кажется, девицы наиболее пригодны или которое будет наиболее сладострастным; здесь он обладает неслыханной сметливостью и знанием. Таким образом, все девицы проходят одна за другой и испытывают на себе одну и ту же процедуру; получается, что он тридцать раз за день лишает невинности – и все это, не излив ни одной капли спермы. Подземелье, в которое падают девушки, оснащено пятнадцатью различными приспособлениями для ужасных пыток; как только девица падает, палач «ее» цвета хватает жертву и ведет к орудию пытки; но все пытки начинаются лишь тогда, когда падает последняя, пятнадцатая девица. Как только она упала, наш человек, находясь в разъяренном состоянии (тридцать раз лишил невинности и не получил разрядки!) спускается почти голый, с членом, прилипшим к животу, в этот инфернальный притон. И все приходит в движение, все пытки начинают разом действовать.

Первая пытка – это колесо, на котором находится девушка; оно беспрерывно вертится, касаясь круга, усыпанного тончайшими бритвенными лезвиями, о которые несчастная жертва при каждом обороте круга царапается и режется во всех направлениях; но поскольку бритвы лишь слегка касаются ее, то она крутится непрерывно не менее двух часов, прежде чем умрет в муках.

2-я. Девушка лежит в двух дюймах от раскаленной пластины, которая медленно ее расплавляет.

3. Ее привязывают крестом к предмету из раскаленного железа, и каждый из членов ее тела выворачивается и разрывается.

4. Четыре конечности привязаны к четырем пружинам, которые потихоньку удаляются друг от друга и медленно растягивают их до тех пор, пока они не разорвутся, а тело не упадет в огонь.

5. Колокол из раскаленного железа без опоры служит жертве шапкой так, что мозг ее медленно расплавляется, а голова так же медленно поджаривается.

6. Она помещена связанной в чан с кипящим маслом.

7. Стоит прямо перед машиной, которая шесть раз в минуту мечет в ее тело острый шип – каждый раз в новое место; машина останавливается лишь тогда, когда жертва вся утыкана шипами.

8. Стоит ногами в сильном огне; на ее голову понемногу опускается свинцовый груз по мере того, как сиз сгорает.

9. Палач колет ее каждый миг каленым железом; она находится связанной перед ним; таким образом он понемногу ранит все тело.

19. Она прикована цепью к столбу – под стеклянным колпаком; двадцать голодных змей съедают ее живьем всю целиком.

11. Она подвешена за руку, два пушечных ядра привязаны к ногам; если она падает, то в сильный огонь.

12. Она насажена ртом на кол, ноги болтаются в воздухе; каждый миг поток пылающих фитилей обрушивается на тело.

13. Нервы вытянуты из тела и привязаны к веревкам, которые их растягивают; тем временем жертву колют острыми раскаленным железными шипами.

14. Жертва поочередно исщипана и высечена спереди и сзади многохвостной плеткой со стальными раскаленными наконечниками; время от времени ее царапают когтями из раскаленного железа.

15. Она отравлена какой-то дрянью, которая сжигает и разрывает ей внутренности; это вызывает у нее ужасные конвульсии, заставляет страшно выть; это мучение – одно из самых страшных.

Злодей прогуливается по своему подземелью и наблюдает с четверть часа за каждой пыткой, богохульствуя, как проклятый, и осыпая жертвы оскорблениями. Когда близится конец, и он больше не может терпеть, а его сперма, так долго пребывавшая «в плену», вот-вот готова пролиться, – он бросается в кресло, откуда можно наблюдать за всеми пытками. Двое из его демонов подходят к нему; показывают свой зад и трясут ему хобот; он изливает свою сперму, извергая при этом вопли, которые заглушают вопли пятнадцати его жертв. Тем девушкам, которые еще не умерли, дарована неожиданная милость, их тела погребают, и все дальнейшие действия сказаны с пятнадцатой жертвой.

На этом месте Ла Дегранж заканчивает свои рассказы; ее осыпают комплиментами, приветствуют и т.д. С утра этого дня имели место ужасные приготовления к задуманному празднику. Кюрваль, который ненавидит Констанс, с самого утра носил нерастраченную сперму; он объявляет ей свой приговор, насилуя ее. Кофе был подан пятью жертвами: Констанс, Нарциссом, Житоном, Мишеттой и Розеттой. Совершались ужасные вещи; во время рассказа, который мы только что прочитали, удалось составить кадриль. И как только Ла Дегранж завершила рассказ, было приказано явится сначала Фанни: ей отрезали на руках и на ногах оставшиеся пальцы и она была изнасилована в зад без

смазки Кюрвалем, Герцогом и четырьмя мужланами. Пришла Софи; ее любовника Селадона заставили выжечь ей внутри матки, затем отрезали все пальцы на руках и пустили кровь из четырех конечностей; ей разорвали правое ухо и вырвали левый глаз. Селадон не хотел помогать в пытках, но при малейшем проявлении неудовольствия его секли многохвостной плеткой с железными наконечниками. Затем все отужинали; пища была сладострастной, пили исключительно игристое шампанское и ликеры. Описанная пытка была произведена во время оргий. Во время десерта господ пришли предупредить, что все готово к новому предприятию; они спустились и нашли склеп исключительно украшенным; Констанс лежала на ложе своего рода мавзолея; четверо детей украшали четыре его угла. Попки их были очень свежими, и всем доставило много удовольствия их потребить. Наконец, приступили к пытке: Кюрваль собственноручно вскрыл живот Констанс, насилуя в зад Житона; он вырвал плод, уже довольно сформировавшийся и указывавший на принадлежность к мужскому полу; затем продолжили пытки над пятью жертвами; все пытки были жестоки и разнообразны.

1-го марта, видя, что снега еще не растаяли, было решено отправить на тот свет сразу всех, кто еще остался. Друзья создают новые «семьи» в своих комнатах и решают дать зеленую ленту каждому, кто должен быть увезен во Францию, если тот окажет помощь в оставшихся пытках. Решено подвергнуть мучениям трех служанок и спасти трех поварих по причине их кулинарных талантов. В связи с этим составляется список уже принесенных в жертву:

Среди жен: Алина, Аделаида, Констанс…… 3

Среди девушек сераля: Огюстин, Мишетта, Розетта и Зельмир…… 4

Среди парней: Житон и Нарцисс…… 2

Среди мужланов: один из низших…… 1

Итого: …… 10

Итак, устраиваются новые семьи.

Герцог берет к себе или под свое покровительство

Эркюля, Дюкло и одну повариху…… 4

Кюрваль берет:

«Разорванный-Зад», Шамвиль и одну повариху…… 4

Дюрсе берет:

«Струя-в-Небо», Ла Мартен и одну повариху…… 4

Епископ:

Антиноя, Ла Дегранж и Юлию…… 4

Итого: …… 16

Решено при посредничестве четырех друзей, четырех мужланов и четырех рассказчиц (не желая использовать поварих) приняться за оставшиеся приемы, (исключая трех служанок, до которых очередь дойдет в последние дни); покои наверху решено переделать в четыре тюрьмы; в самую суровую закованными в цепи будут посажены три низших мужлана; во вторую – Фанни, Коломб, Софи и Эбе, в третью – Селадон, Зеламир, Купидон, Зефир, Адонис и Гиацинт, в четвертую – четыре старухи; поскольку решено ежедневно отправлять на тот свет по одному человеку, то, когда настанет черед трех служанок, их посадят в тюрьму, оказавшуюся пустой. Каждой рассказчице поручают в ведение одну из тюрем. Господа решили забавляться с жертвами либо в тюрьме, либо в залах или комнатах. Таким образом, ежедневно должно было уничтожаться по одному человеку в следующем порядке:

1-го марта – Фаншон, 2-го – Луизон, 3-го – Тереза, 4-го – Мари, 5-го – Фанни, 6-го и 7-го – Софи и Селадон вместе, как любовники; они погибают, как уже было сказано, прибитые гвоздями друг к другу, 8-го – один из низших мужланов, 9-го – Эбе 10-го – один из низших мужланов, 11-го – Коломб, 12-го – последний из низших мужланов, 13-го – Зеламир, 14-го – Купидон, 15-го – Зефир, 16-го – Адонис, 17-го – Гиацинт. 18-го утром принимаются за трех служанок, которых заперли в тюрьме старух; их отправляют на тот свет 18-го, 19-го и 20-го.

Итого: …… 20

Это повторение позволяет увидеть использование всех действующих лиц, потому что их было сорок шесть:

Господа…… 4
Старухи…… 4
На кухне……. 6
Рассказчиц…… 4
Мужланов…… 8
Мальчиков…… 8
Супруг…… 4
Девочек…… 8
Итого: …… 46

Из этого числа тридцать было уничтожено, а шестнадцать вернулись в Париж. Общий счет:

Убитые до 1 марта на первых оргиях …… 10
С 1 марта …… 20
Возвращаются в Париж …… 16

Итого: 46

В отношении пыток последних двадцати персонажей и жизни, которую все ведут до отъезда: вы распишите это во всех подробностях на свой вкус. В начале вы скажите, что двенадцать оставшихся ели все вместе, пытки – на ваш выбор.

Не отступайте ни в чем от этого плана: здесь все скомбинировано с величайшей точностью.

Опишите подробно отъезд. И во все примешивайте мораль во время ужинов.

Когда вы будете переписывать начисто, имейте тетрадь, куда будете заносить имена всех основных персонажей и всех, кто играет значительную роль (например, того, кто представляется несколько раз как герой из ада); оставьте большие поля рядом с их именами и при переписывании заполняйте эти поля всем, что вам встретится связанного с ними. Это замечание очень важно; это единственный способ, с помощью которого вы можете ясно увидеть свое произведение и избежать повторений сказанного.

Значительно смягчите первую часть, там все слишком развивается; она может быть слишком слабой и слишком расплывчатой. Особенно не заставляйте четырех друзей ничего делать из того, о чем не было рассказано.

В первой части сообщите, что человек, который насилует в рот девочку, развращенную своим отцом, – это тот же самый, который работает грязным хоботом и о котором уже в ней говорилось.

Не забудьте поместить в декабрь сцену с девочками, прислуживающими за ужином, которые вспрыскивают ликеры в стаканы нашим друзьям из своих попок; вы это объявили, но совершенно не говорили об этом в плане.

Пытки в дополнение

При помощи трубки ей вводят в матку мышь; трубку вынимают, щель зашивают, и животное, будучи не в силах выбраться наружу, пожирает ее внутренности.

Ее заставляют проглотить змею, которая также будет пожирать ее.

Вообще, опишите Кюрваля и Герцога, двух яростных и беспощадных злодеев. Такими вы их приняли в первой части и в плаче; опишите Епископа, холодного, расчетливого, закоренелого злодея. Что касается Дюрсе, то он должен быть задирой, лживым, предательским и коварным. После этого заставьте их делать все, что присуще этим характерам.

Тщательно повторите имена и качества персонажей, о которых говорят рассказчицы, чтобы избежать повторения сказанного.

Пусть в тетради ваших персонажей один листок будет занимать план замка, комната за комнатой, а на полях, оставленных рядом, поместите, какого рода вещи вы заставляете героев делать в той или иной комнате.

Вся эта длинная лента бумаги была начата 22 октября

Вместо послесловия

Итак, грядет новый бум – бум маркиза де Сада. Россия, как всегда, отстала от Европы. Впрочем, и сама Европа не так уж давно признала за книгами маркиза право на существование. Мы обратились к известному исследователю творчества писателя, философу МИХАИЛУ РЫКЛИНУ с просьбой рассказать о феномене маркиза де Сада.

—Михаил, каково положение маркиза де Сада и его книг во французской литературе?

– Маркиз де Сад с большим трудом «включался» в литературу, был самой запретной фигурой во французской литературе. Еще сорок лет назад его книги можно было читать только в Национальной библиотеке. Первое издание писателя с указанием имени издателя Жан-Жака Повера вышло в 50-е годы нашего века. До этого, в основном, издания были анонимными, как бы пиратскими. /Особенно много их выходило в Бельгии/. И ведь творчеством писателя интересовались и пытались его осмысливать такие известные философы и писатели Франции, как Жорж Батай, Пьер Клоссовски, Ролан Барт, Морис Бланшо, Симона де Бовуар, Альбер Камю…

—Чем вы объясняете интерес этих утонченных людей к де Саду?

– Интерес объясняется тем, что собственная позиция Батая, Бланшо, Клоссовски формировалась во многом под его влиянием. В других случаях пружины интереса другие: Барт вводит через Сада понятие «чистой текстуальности», Бовуар – проблему ответственности литератора. Поэтому речь идет не просто об еще одной академической интерпретации текстов Сада, но прежде всего о прояснении все новых и новых ликов его письма, В каком-то смысле это близко затрагиваетXIXиXXвек. Не случаен запрет, наложенный на него, в этом деле случайностей не бывает! Сочинения де Сада содержали нечто, с чем общество не могло примириться, не могло в себя принять, не саморазрушаясь

– Из вашего рассказа вытекает, что Сад был любопытной фигурой…

– Фигура эта остается достаточно живой и поныне. Исторически было несколько тактик введения Сада в культуру. Немцы, например, впервые опубликовав «120 дней Содома» в 1900-м году, представляли Сада как ученого, гениального предвестника психиатрии, составившего уникальную периодическую систему человеческих извращений. Они не принимали его всерьез как писателя… Проблема Сада заключалась и заключается в том, что

используемое им письмо отрицает за обществом право на существование. Общество, само собой разумеется, не может допустить свободную циркуляцию текстов, которые оспаривают и осмеивают его основы (например, запрещение инцеста).

—Но сам Сад в «Философии в будуаре» довольно точно определил свою позицию: он был убежденным республиканцем!

– Сад сделал из опыта Французской революции ряд уникальных выводов. Например: ни одно преступление против человечества в режиме революции неможет быть осуждено, потому что при этом режиме преступление становится нормой. Это глубокий ход. Так что Сад был в какой-то мере идеологом революции, возглавлял секцию Пик в районе Венсеннской площади. Впрочем, между его политической деятельностью и литературным творчеством есть существенная разница, И не случайно он в итоге подвергся гонениям и со стороны французской революции! В самой этой революции столкнулись две концепции Сада и Робеспьера: одна настаивала на сугубо атеистическом характера режима, другая требовала гаранта, Робеспьер был, в конце концов, вынужден прийти к Высшему Существу. Сад же был ярым противником тотализации революции, в том числе, – теологической…

—Я знаю, что вы некоторое время жили во Франции. С кем вы там встречались? Как относятся сейчас к маркизу де Саду на Западе?

– Я провел во Франции больше года по приглашению Высшей школы социальных *наук и Дома наук о человеке. Сначала эта была научная работа, писал книгу, а затем я занимался преподаванием. Мне повезло, работал с такими известными философа ми, как Жак Деррида. Феликс Гватари, Жан-Люк Нанси, Жак Бодрийяр. Кроме Парижа читает лекции в Страсбурге, Германии…*

Были встречи и с известным биографом Сада, его издателемЖан-Жаком Повером. Онпо-прежнему руководит издательством, которое выпускает произведения маркиза. Сейчас выходит более полное собрание сочинений, в которое войдут ранее неизвестные произведения, находившиеся в собственности семьи писателя. Тот же Повер издал собственную биографию Сада, составившую три объемистых тома. Вообще, у меня создалось впечатление, что в 1990 году, когда отменилось двухсотпятидесятилетие со дня рождения Сада, в общественном сознании отношении к нему произошел перелом. Маркиза легализовали. 250 лет потребовалось для того чтобы наступило официальное признание Сада во Франции. Он был издан в Библиотеке «Плеяды» – самом престижном издании французской классики; книги этой серии выходят на папиросной бумаге, каждый

том обычно содержит до двух тысяч страниц. Творчество Сада, наконец, было объявлено национальным достоянием Франции.

– Это юбилейное признание или общественное сознание действительно «снизошло» до Сада?

– По некоторым пунктам Сад не принимается до сих пор. Тем не менее, существуют какие-то тексты писателя, которые достаточно освоены, их удобно интерпретировать, изучать. Существуют очень интересные семиотические интерпретации Сада. Классической считается интерпретация Ролана Барта, сблизившего его письмо с Фурье и Лойолой. От архаического восприятия Сада как провозвестника психиатрии, предтечи Ломброзо, мы постепенно, с трудом, переходим к восприятию его как литератора. Аналогия с психиатрией, конечно, натянута: Сад меньше всего хотел определить сексуальные извращения как болезнь, он не считал их даже извращениями. Он оценивал пороки абсолютно позитивно. А извращением стала сама социальная норма. В этом смысле он противоположен психиатрии.

– А не лукавство ли это со стороны маркиза? Ведь Сад весь замешан на парадоксах. Он считает нормой то, что другие называют отклонением от нормы и, может быть, таким образом пытается насадить новую, свою норму…

– Вопрос об искренности всегда сложен. В любом тексте существует множество смысловых, уровней, каждый из которых отличается той или иной степенью искренности. Беда в том, что между ними нет общего знаменателя. Де Сад считался с требованиями своего времени. Если взять предисловие к «Жюстине», читаем: «Я пишу это для того, чтобы оправдать добродетель». Читатель же понимает, что это насмешка, что у «благих намерений» маркиза есть обратная сторона. Кроме того, характерной особенностью Сада является то, что он не признавал своего авторства. Он отказался от «Жюстины» и «Жюльетты». А «120 дней Содома» вообще считались утраченными. Поскольку Сад начал писать в тюрьме, а ему довелось сидеть « Венсеннском замке, Бастилии и в Шарантоне, его рукописи после его перевода в Шарантон остались в Бастилии. Когда Бастилия пала, рукопись куда-то исчезла. Лет через сто она была перекуплена богатым немцем и опубликована в Германии. Сад всю жизнь считал, что его шедевр – «120 дней Содома» – утрачен навсегда и, по его собственному выражению, «плакал кровавыми слезами». Мне кажется, если бы он согласился подписать обязательство, что будет вести себя более умеренно…

—…Тогда бы это был уже не Сад…

– Его бы раньше выпустили из тюрьмы. Но вы правы, он был человеком чрезмерным во всем. Например, в тюрьме он стал

слишком много есть. Видимо, не имея возможности вести прежнюю жизнь либертена, философа-распутника, решил отдаться гастрономии. Когда же он, в конце концов, вышел из тюрьмы – по декрету Французской революции – он в шутку именовал себя «самым толстым человеком в Париже»…

– А что, по-вашему, главное у Сада как литератора? Что нового он внес в собственно литературу?

– Главное, конечно, это язык Сада. Именно он, письменный и всеобщий, служит в его романах оружием взаимопонимания разных полов и возрастов. Я бы назвал его прозрачным, в каком-то смысле это – язык-автомат, приносящий, кстати сказать, в жертву, множество традиционно эротических ценностей, например, голос, его индивидуальный тембр. На этом строилась карьера стольких актеров! А у Сада слух превращался в чисто информационный канал. Редуцируются у него обоняние, осязание и другие неконтролируемые свойства любого театрального языка, делающие его непоследовательным и притягательным одновременно. Именно из-за «неаффективности» языка Сада, действия и реплики его героев выстраиваются в два идеально параллельных ряда, не пересекающихся по сути ни в одной точке.

Зато глаз у Сада переразвит до пределов возможного, чтобы не сказать большего. Его литературный мир является идеально видимым, просматриваемым, освещенным. Отчасти, поэтому, он и невыносим: страдания его «гутаперчевых» персонажей ничем не ограничены, но то же самое можно сказать об их способности к наслаждению, безгранична и она.

– Получается, что это и театр, и не театр одновременно, театр литературы противостоит тому, что принято понимать под театром?

– Совершенно верно. Сад всю жизнь буквально бредил театром, был отличным актером, режиссером, «продюссером». Но сфера театрализации у него существенно шире театра. Театрализация превращает театр в предварительное действие: это, прежде всего, снятие театральных декораций, замена представления (и в философском, и режиссерском смысле) телесностью.

Театр тел слишком зрим, слишком визуален, чтобы его можно было просто созерцать, воспринимать как зрелище. Театр романов Сада – своеобразный сверхтеатр, где стирается линия между сценой и принципом реальности это – театр, но без разделения на публику и актеров, сцену и зал, театр, не удерживаемый в семиотических границах. Актерами этого нового театра и должны стать читатели Сада, а это – ох, как непросто!.

—Вы как специалист удовлетворены изданиями Сада в

России?

– Издание Сада само по себе, независимо от его качества – смелый шаг. Что касается уровня изданий на русском языке, то сразу бросается в глаза то, что они не снабжены критическим комментарием, переводы часто не очень точны. Нередко имя Сада используется только для того, чтобы повысить тираж книги, как это получилось с изданием РИА «ИСТ-ВЕСТ» и «Московского рабочего», на обложке которого красуется «Сад. Философия в будуаре», а в самой книге дана весьма пресная выжимка «Философии…» и роман «Тереза-философ», не являющийся текстом Сада…

– Да, это издание немало подпортило открытию книг Сада в России. Но читательское невнимание стало достойной «наградой» такого рода изданиям. Остается надеяться, что в будущем мы будем иметь дело с изданиями писателя на русском языке, достойными оригинала. Спасибо за беседу.

Александр ЩУПЛОВ